

ДЖ. Р УОРД

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА #1
ПО ВЕРСИИ "NEW YORK TIMES"

КОРОЛИ БУРБОНА

Annotation

Автор бестселлеров «Братство Черного кинжала» по мнению «New York Times» предлагает нашему вниманию первый роман новой серии с увлекательным действием известной семьи с Юга, обладающей богатством и привилегиями... подвергающей риску свою репутацию секретами, махинациями и скандалами.... В течение многих поколений семья Брэдфордов носила мантию королей бурбона, как главы всего мира. Их устойчивое положение дает им авторитет и привилегии, а также с трудом завоеванное разделение на классы в их обширном поместье — Истерли. Наверху стоит династия, которая судя по всему играет по своим правилам, ей сопутствует удача и хороший вкус. Внизу — сотрудники, которые работают не покладая рук, чтобы поддерживать безупречный фасад Брэдфордов, их пути никогда не пересекаются. Лиззи Кинг, главный ландшафтный дизайнер Истерли, пересекла эту границу, что почти разрушило ее жизнь. Влюбившись в Тулейна, блудного сына династии бурбонов, она ни на что не претендовала и ничего не хотела, и произошедшая между ними ужасная размолвка, только укрепила ее в правильности своих чувств. После двух лет, проведенных вне дома, Тулейн наконец возвращается в поместье, а с ним возвращается и его прошлое. Никто не останется незамеченным: не красивая и безжалостная жена Тулейна; не его старший брат, который ожесточен и его вражда не знает границ; и особенно не безжалостный глава рода Брэдфордов, человек у которого морали меньше, чем крошка хлеба, и обладающий многими, многими страшными тайнами. Напряжение в семье сказывается в профессиональной и частной жизни поместья Истерли, все жители втянуты в схватку и подвергаются неминуемым переменам и только ловкие смогут выжить. Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения, предназначена для 18+

Дж. Р. Уорд
Короли бурбона
Серия: короли бурбона — 1

Переводчик: Костина Светлана

Посвящается

*Моему любимому Джентльмену с Юга,
Джону Невеллу Блекмору III, без которого это бы никогда не
осуществилось,
как и множество других вещей.*

Вы радушно приглашены на A Derby Brunch
в честь празднования 139 годовщины
в отеле «Чарлмонт», Дерби
в субботу, 4 мая
в 10:00
Истерли
Подтвердить свое присутствие вы можете по email:
newarkharris@gmail.com

Отель «Чарлмонт», Кентукки

Туман висел над стоячими водами Огайо, словно дыхание Бога, и деревья на берегу реки у отеля «Чарлмонт» отбрасывали множество тени своей ярко-зеленой листвой, и требовалось шестое чувство, чтобы впитать эти яркие краски. Над деревьями простиралось тусклое, молочно-голубое небо, именно такое, какое можно увидеть на севере только в июле, и несмотря на то, что было семь тридцать утра, температура уже достигла семьдесят четыре градуса (по Фарингейту, 23.33 °С).

Это была первая неделя мая. Самые важные семь дней в календаре — распятие и воскресение Христа, День американской независимости и другие значимые праздники нового года.

Празднование 139 годовщины должно было проходить в субботу в Дерби, в отеле «Чарлмонт».

Это прежде всего означало, что весь штат Кентукки принимал участие в настоящей безумной гонки.

Пришел черед для Лиззи Кинг, которая итак уже была три недели на повышенном адреналине, но она знала из прошлого опыта, что ее напряжение будет только усиливаться и не спадет до тех пор, пока не осуществится субботнее важное мероприятие. Она как всегда ехала против движения, следующего в центр города, и испытывала при этом огромную радость, потому что путь ее занимал сорок минут в любую сторону, но естественно не в Нью-Йорк или Бостон, а ЛА вообще не рассматривался, хотя трафик был очень плотным, как в час пик, при ее нынешнем состоянии, это было сродни взрыву ядерной бомбы только у нее в голове. Но нет, на данный момент цель ее поездки составляла двадцать восемь минут до фермы Индианы, дальше — шесть минут до моста, переходя на сложную многоуровневую дорожную развязку, которая способна задержать ее на шесть-десять минут, но затем она сможет вырваться к дороге, которая ведет вдоль реки.

Иногда ей казалось, что все машины, едущие вместе с ней в одном направлении, являются ее же сослуживцами, работающими в Истерли.

Ах, да, Истерли.

Родовое Поместье Брэдфордов, или РПБ, как отмечалось в приходивших посылках или поставках, возвышалось на самом большом холме, на котором стоял отель «Чарлмонт», окруженный фактически муниципальной инфраструктурой, и состояло из двадцати тысяч квадратных футов, включая главный дом с тремя английскими садами, двумя бассейнами, и видом округа Вашингтон на все триста шестьдесят градусов. В поместье также входили двенадцать коттеджей, сдаваемых в аренду, десять флигелей, полностью функционирующих, на более ста акров земли, двадцать конюшен, который были преобразованы для бизнеса и девять полей для гольфа.

И все это освещалось огнями.

В случае, если вам необходимо поработать над подсечкой мяча до часа ночи.

Насколько она слышала, огромный участок был предоставлен семье в конце 1778 года, когда первый Брэдфорд пришел на Юг из Пенсильвании вместе с полковником Джорджем Роджерсом Кларком (*Джордж Роджерс Кларк — американский военачальник, герой войны за независимость США. Кларк также известен как основатель поселения, позднее*

развившегося в город Луисвилл.), привнеся сюда в эти края свои амбиции и мастерство сотворения бурбона в зарождающуюся федерацию. Если быстро пролистать почти двести пятьдесят лет, то можно увидеть особняк, принадлежащей федерации, размером с небольшой город на этом холме, который обслуживали около семидесяти двух работников, временных и работающие полный рабочий день.

Именно отсюда и пришли феодальные правила и жесткая кастовая система, установившаяся в этом поместье, которое напоминало аббатство Даунтон («Аббатство Даунтон», или «Даунтон» (англ. Downton Abbey) — британский телесериал от создателей «Госфорд-парка», поставленный по оригинальному сценарию Джулиана Феллоуза компанией «Carnival Films»). Фильм воссоздаёт атмосферу Англии начала XX века, как характерами персонажей, так и антуражем в кадре, затрагивает такие моменты, как технический прогресс (появление в быту электричества, телефонов, автомобилей), эмансипацию женщин, первую мировую войну, эпидемию испанского гриппа и многое другое.).

Или, возможно, распорядок дня вдовствующей графини Грэнтэм, которой был не на много прогрессивным (Аббатство Даунтон — прим. пер.).

Сравнение с Вильгельмом Завоевателем, скорее всего, более уместно.

Или, например, (и это исключительно гипотеза, в виде жизненного фильма) садовница влюбляется в одного из драгоценных сыновей семьи? Несмотря на то, что она является одним из двух главных ландшафтных дизайнеров, имеет общенациональную известность, степень магистра в области ландшафтного дизайна от Корнелла? (Корнелльский университет, сокр. Корнелл, один из крупнейших и известнейших университетов США, входит в элитную Лигу плюща.)

Это просто даже не рассматривалось.

«Сабрина, но без хэппи-энда, дорогуша», — пробормотала она себе под нос.

С проклятием Лиззи включила радио в надежде заставить свои бесконечные мысли умолкнуть. Хотя в этом она далеко не продвинулась. Ее Toyota Yaris была оснащена акустической системой, как в домике Барби — маленькие круглые колонки на дверях, которые должны были взрываться музыкой, но были в основном для показа (а сегодня, национальное радио через них что-то бубнило, поскольку звук преграждался горой подставок для коктейлей...)

Звук машины скорой помощи, следующей за ней стал более настойчивым, легко подталкивая ее вперед и смешиваясь с речитативом новостей Би-би-си, она съехала вбок, пропуская ее. После того, как завывающие мигалки проехали мимо, она вернулась на дорогу и поехала по закругленному виражу, соединяющем в себе реку и дорогу... впереди виднелся большой белый особняк Блэдфордов, уходящий высоко в небо и восходящее солнце было вынуждено огибать это величественное, симметричное строение.

Она выросла в Платтсбурге, Нью-Йорке, где был яблоневый сад.

Какого черта, она думала почти два года назад, когда позволила Лейну Болдвейну, младшему сыну, войти в свою жизнь?

И почему она до сих пор, спустя столько времени, удивляется некоторым деталям?

Хотя совершенно очевидно, что она была не первой женщиной, поддавшаяся его чарам и соблазненная им...

Лиззи нахмурилась и наклонилась вперед к рулю.

Машина скорой помощи, которую она пропустила вперед, явно ехала впереди,

поднимаясь на холм, красные и белые отблески от ее мигалки отсвечивали в аллее из кленов.

— О, Боже, — выдохнула она.

С мольбой понадеясь, что скорая едет не к тому, о ком она подумала.

Ну ладно, ее удача не могла уж совсем отвернуться от нее.

И на самом деле грустно, что это было первое, что пришло ей на ум, вместо того, чтобы побеспокоиться о том, кто возможно получил травму/болен/или впал незабытье.

Проехав правее мимо закрытых, украшенных монограммой, кованых ворот, она через триста ярдов свернула.

Как работник, она была обязана пользоваться служебным въездом на своем транспортном средстве, поскольку не принимались никакие оправдания и не делалось никаких исключений.

Не дай Бог ее машину с рекомендованной ценой от производителя около ста тысяч долларов, кто-нибудь увидит перед домом...

Ой, она становилась стервозной, решила она. И после Дерби, она собиралась уйти в отпуск, перед тем, как ее коллеги окончательно решат, что у нее наступила менопауза на два десятилетия раньше, даже слишком рано от такой работы.

Тарахтящая под капотом Yaris, как швейная машинка, набирала обороты, пока она маневрировала по дороге вокруг основания холма. Кукурузное поле первым попало на глаза, навоз уже был выложен и распределен, подготовив почву к посеву. Потом шли ухоженные сады, сначала многолетники и однолетники, бутоны ранних крупных пионов, как мячи софтбола, цвета не темнее румян у наивной девушки на щеках. Дальше, следовали оранжереи орхидей и рассад, за ними шли хозяйственные постройки фермы и все возможного оборудования, а затем линия двух— и трехкомнатных коттеджей, пятидесятих годов.

Их количество и стиль напоминали набор сахара и муки в жестяных банках, стоявших на пластиковом прилавке.

Въехав на парковку для обслуживающего персонала, она вышла из машины, оставив переносной холодильник, шляпку и сумку с солнцезащитным кремом внутри.

Она быстрым шагом направилась в главное здание садового и ландшафтного дизайна, войдя в помещение, пропахшее бензином и маслом, дальше через открытый слева дверной проем. Офис Гари МакАдамса, главы землекопов, был в стороне, огороженный матовыми стеклянными панелями, но достаточно прозрачными, чтобы она смогла разглядеть, что там горел свет и какая-то фигура вышагивала внутри.

Она даже не удосужилась постучать. Толкнула хлипкую дверь, проигнорировав полуголых девиц на календаре «Pirelli».

— Гари...

Шестидесяти двухлетний мужчина держал руку, словно медвежьей лапу, на телефоне его загорелое лицо с кожей, как у дерева кора, было мрачным, она никогда его таким не видела. Он смотрел на свой заваленный стол, и она поняла за кем приехала скорая, еще до того, как он назвал имя.

Лиззи приложила руки к щекам и прислонилась к косяку.

Ей было так жаль эту семью, разумеется, было невозможно не испытывать личных чувств к трагедии, но, с другой стороны, хотелось пойти и проблеваться где-нибудь.

Мужчина, которого она больше никогда не хотела видеть... собирался вернуться домой.

Время пошло. Она даже могла с таким же успехом включить секундомер.

Нью-Йорк, Нью-Йорк

— Давай. Я знаю, что ты хочешь.

Джонатан Тулейн Болдвейн взглянул вниз и осмотрел кучу покерных фишек, подпирающих его бедро.

— Раскошеливайтесь, парни!

— Я говорю тебе, — и пара частично, полностью поддельных грудей возникла над веером карт в его руках. — Привееееет.

«Время простимулировать интерес к кому-то или что-нибудь в этом духе», — подумал Лейн. Очень жаль, что двухкомнатные апартаменты на среднем этаже, в тихом центре города были полностью холостяцкой берлогой и не предназначены для ничего-что-ни-не-было-бы-функциональным. И ради чего, пристально глядя в потерянные лица четырех ублюдков, с которыми он начал играть восемь часов назад. Ни один из них не оказался достойным игроком, чтобы ответить на высокую ставку.

Разгадав их треп, и несмотря на то, что пришлось уклониться от стратегии, что в конечном итоге не принесло никакой ценности, теперь даже не стоит напрягать глаза, которые стали слишком чувствительными в семь тридцать утра.

— Привееееет.

— Сдавайся, дорогая, он не заинтересован, — пробормотал кто-то.

— Все заинтересованы во мне.

— Но не он, — Джефф Штерн, хозяин и сосед, кинул тысяча долларовые фишки. — Не так ли, Лейн?

— Ты что, гей? Он что, гей?

Лейн передвинул королеву червей рядом с червовым королем, поставил валет рядом с дамой. Хотел толкнуть сиськи вниз и заставить их поработать ртом.

— Двое из вас еще не внесли.

— Я выхожу, Болдвейн. Слишком дорого для меня.

— Я в игре... если кто-нибудь одолжит мне штуку.

Джефф посмотрел через зеленый, заваленный фишками, стол и улыбнулся.

— Снова ты и я, Болдвейн.

— С нетерпением жду, когда заберу твои деньги, — Лейн соединил и спрятал карты. — Твоя ставка...

Женщина наклонилась к нему снова.

— Мне нравится твой южный акцент.

Джефф прищурился за своими черепаховыми очками.

— Ты должна оставить его, детка.

— Я не дурочка, — произнесла она невнятно. — Я точно знаю, кто ты и сколько денег у тебя имеется. Я пью твой бурбон...

Лейн сидел спиной и обратился к идиоту, который привел с собой «болтливый аксессуар».

— Билли? Серьезно.

— Да, да, — парень, который хотел занять штуку, встал. — Солнце встает, уже пора. Пойдем.

— Я хочу остаться...

— Нет, мы закончили, — Билли взял бимбо с раздутым чувством собственного достоинства за руку и эскортировал ее к двери. — Я отвезу тебя домой, и нет, он не тот, кем ты его считаешь. Пока, придурки.

— Да, это он... я видела его в журналах...

Пока дверь не закрылась, другой парень, которого тоже обобрали до нитки поднялся на ноги.

— Я тоже пойду. Напомните мне никогда не играть с тобой в паре.

— Я ничего подобного делать не собираюсь, — возразил Джефф, подняв ладонь. —

Передай от меня привет жене.

— Ты можешь сам ей передать, когда мы увидимся в субботу.

— Опять?

— Каждую пятницу, и если тебе это не нравится, почему же ты продолжаешь появляться у меня в доме?

— Из-за еды. Это же так просто.

— Похоже тебе необходимо подаяние.

И теперь они остались одни, с покерными фишками стоимостью больше чем двести пятьдесят тысяч долларов, двумя колодами карт, пепельницей, наполненной выкуренными сигарами и без услуг бимбо.

— Твоя ставка, — сказал Лейн.

— Я думаю, что он хочет жениться на ней, — пробормотал Джефф, бросив фишки в центр стола. — В Билли это есть. Вот двадцать штук.

— Тогда ему следует сначала проверить голову, — Лейн ответил на ставку своего давнего студенческого друга, а затем удвоил ее. — Он жалок. Они оба жалко смотрятся.

Джефф опустил карты на стол.

— Позволь мне кое-что спросить.

— Только не слишком жестко, я пьян.

— Ты любишь их?

— Фишки для покера? — начал звонить сотовый телефон. — Да, люблю. Так что, если ты не против, может ты тоже поднимешь...

— Нет, женщин.

Лейн посмотрел ему в глаза.

— Прости?

Его давний друг положил локти на зеленое сукно стола и наклонился вперед. Галстук куда-то испарился еще в начале игры, и его ранее накрахмаленная пепельно-белая рубашка была теперь помятой и спереди расстегнута на несколько пуговиц. Его глаза, несмотря ни на что, смотрели печально остро и сосредоточено.

— Ты слышал меня. Послушай, знаю, это не мое дело, но ты появляешься здесь уже как давно? Почти два года. Ты спишь на моем диване, ты не работаешь... учитывая, из какой ты семьи, я понимаю. Но у тебя нет женщин, нет...

— Перестань думать так, Джефф.

— Я серьезно.

— Итак ставка.

Сотовый телефон затих, но его приятель продолжал:

— Университет Вирджинии был тысячу лет назад. Много уже изменилось.

— Видимо нет, если я все еще на диване...

— Что случилось с тобой, парень.

— Я умер, ожидая твоей ставки или сбрось карты.

Джефф пробормотал что-то, взял стопку красных и синих фишек и швырнул их в центр стола.

— Двадцать тысяч.

— Это уже больше походит на игру, — сотовый телефон начал звонить опять. — Я принимаю и набавлю еще пятьдесят, если ты заткнешься.

— Ты уверен, что хочешь это сделать?

— Заставить тебя замолчать? Ага.

— Играть в агрессивный покер с инвестиционным банкиром, вроде меня. Клише существуют не просто так... я жадный и очень хорош в математике. В отличие от твоего рода.

— Моего рода.

— Такие люди, как ты Брэдфорд не знают, как делаются деньги... тебя учили их тратить. Теперь, в отличие от большинства дилетантов, у вашей семьи есть реальный поток дохода... хотя именно это, вас и удерживает, чтобы изучать что-то еще. Так что не уверен, что этот доход будет приумножаться в дальнейшем.

Лейн наконец-то вспомнил, почему он навсегда покинул отель «Чарлмонт».

— Я узнал многое, поверь мне.

— Твои слова звучат с горечью.

— Ты меня утомляешь. Я должен наслаждаться этим?

— Почему ты никогда не едешь домой на Рождество? День благодарения? Пасху?

Лейн свернул карты и положил рубашкой кверху на сукно.

— Я больше не верю в Санта Клауса или Пасхального кролика, черт побери, и я переоценил вкус индейки. Какие у тебя проблемы?

Неправильный вопрос. Особенно после ночи игры в покер с выпивкой. Особенно для такого парня, как Штерн, который категорически неспособен быть какой угодно задницей, поскольку совершенно искренен к нему.

— Мне очень не нравится, что ты так одинок.

— Ты должно быть шутишь...

— Я один из твоих старых друзей, верно? Если я не скажу все на чистоту, кто тебе скажет? И не выделывайся передо мной... ты выбрал нью-йоркского еврея, а не одного из тысячи своих южных прожаренных задниц, которые ходили с нами в этот нелепый университет, ты выбрал своего вечного соседа по кампусу. Так что пошел ты.

— Мы будем играть или мы открываемся?

Проницательные глаза Джеффа сузились.

— Ответь мне на один вопрос.

— Да, я серьезно подумываю, почему бы мне прямо сейчас не отправиться и не переночевать с «Танкеткой» или Ченовет. *(автор наверное имеет ввиду Эш Боуи (Ash Bowie), которая создала Wedge Sneakers (кроссовки на танкетке). Кристин Ченовет — американская актриса, певица, автор песен и писательница, известная по выступлениям в музыкальном театре, кино и телевидении).*

— Ха. Ты не смог бы продержаться с этими двумя больше одного дня. Ну если бы ты был в нетрезвом состоянии, в котором на самом деле находишься постоянно последние три с половиной месяца. И это еще один вопрос, который возникает у меня.

— Ставки. Сейчас. Ради любви к Богу.

— Почему...

Сотовый телефон зазвонил третий раз, Лейн поднялся на ноги и прошел через всю комнату. На стойке бара рядом с его бумажником, светился экран мобильного... он даже не удосужился посмотреть, кто ему звонил.

Он решил ответить на звонок, только лишь потому, что готов был совершить убийство.

Мужской голос с южным акцентом на другом конце провода произнес всего три слова: «Ваша мать умирает».

Как только он осознал смысл сказанного, все вокруг закачалось, стены стали сдвигаться, пол накренился, потолок казалось готов был упасть на голову. Мысли закружились с такой скоростью, нападая на него, алкоголь в его организме ничего не мог поделать, чтобы заглушить как-то их натиск.

«Нет, — подумал он. — Только не сейчас. Не этим утром».

Хотя будет ли когда-нибудь для этого подходящее время?

«Никогда» было единственное приемлемое и подходящее время для этого.

Словно издалека, он услышал, как сам сказал:

— Я буду к полудню.

И затем повесил трубку.

— Лейн? — Джефф поднялся на ноги. — Ох, дерьмо, ты не пропустишь меня. Мне необходимо быть на 11-Уолл-Стрит в час и нужно в душ.

Лейн, как бы со стороны наблюдал, как его рука потянулась к бумажнику. Он положил телефон в карман брюк и направился к двери.

— Лейн! Куда ты несешься?

— Не жди меня, — сказал он, открывая входную дверь.

— Когда ты вернешься? Эй, Лейн... что за черт?

Его давний, дорогой друг продолжал что-то говорить, Лейн уже вышел за дверь, позволив ей закрыться автоматически. В дальнем конце холла, он с размаха стукнул по стальной двери и стал бегом спускаться по бетонной лестнице. Его шаги эхом отдавались в пространстве, он резко развернулся, перебегая на следующий пролет, потом набрал знакомый номер телефона.

Как только сняли трубку, он произнес:

— Лейн Болдвейн. Мне нужен самолет в Тетерборо сейчас... до отеля «Чарлмонт».

Возникла пауза буквально на несколько секунд, затем личный ассистент его отца ответил:

— Мистер Болдвейн, самолет в вашем распоряжении. Я поговорил непосредственно с пилотом, сообщив ему план полета, как мы и сказали. Как только доберетесь до аэропорта, перейдите к...

— Я знаю, где наш терминал, — он вошел в мраморный холл, кивнул швейцару и направился к вращающимся дверям. — Спасибо.

«Все в темпе», — сказал он себе, повесил трубку и поймал такси. Если повезет, он вернется на Манхэттен к раздражающему Джеффу до наступления темноты, ну, в полночь самое позднее.

Десять часов. Пятнадцать, максимум.

Он должен был увидеть маму, именно так поступали парни с Юга.

Три часа, двадцать две минуты и несколько секунд спустя Лейн всматривался в овальный иллюминатор одного из новехоньких реактивных самолетов бизнес-класса Embraer Lineage 1000E компании «Брэдфорд Бурбон». Внизу перед ним простирался город с отелем «Чарлмонт», представляющий из себя макет Лего, разделенный на секции богатых и бедных, коммерции и сельского хозяйства, подсобных хозяйств и шоссе четко прочерчивали эти два направления. На пару секунд он попытался представить этот ландшафт, каким он был, когда его семья впервые приехала в этот район в 1778 году.

Лес. Река. Коренные американцы. Дикая природа.

Его предки пришли из Пенсильвании через горный проход Камберленд двести пятьдесят лет назад... а сейчас, он находился на высоте десять тысяч футов в воздухе кружа над городом вместе с пятьюдесятью другими богатыми парнями на их частых самолетах.

Единственное, он оказался здесь не для того, чтобы делать ставки на лошадей, выпить или найти секс.

— Могу я обновить ваш «Номер 15», прежде чем мы приземлимся, мистер Болдвейн? Боюсь, что присутствует некая очередь. Нам придется побыть некоторое время в воздухе.

— Спасибо, — он допил из хрустального стакана, кубики льда сползли по краю стекла, задев его верхнюю губу. — Вы вовремя, лучше и быть не может.

Ладно, возможно, он еще немного выпьет.

— Рада была помочь.

Женщина в униформе ушла, оглянувшись через плечо, проверяя, не провожает ли он ее взглядом, ее большие голубые глаза вспыхнули под накладными ресницами.

Его сексуальная жизнь уже давно зависела от доброты таких незнакомок. Особенно блондинок — с ногами, бедрами, грудью, как эта.

Но не более того.

— Мистер Болдвейн, — сказал капитан в динамик. — Как только выяснилось, что вы летите этим рейсом, они готовы разрешить нам осуществить посадку прямо сейчас.

— Как мило с их стороны, — пробормотал Лейн, стюардесса возвращалась к нему.

Она вновь открыла бутылку, всем своим видом давая понять, что готова обслужить его по полной программе, опустившись к его ширинке и предоставить ему полное удовольствие. Затем она наклонилась, чтобы наполнить бокал, как бы поощряя его, и его взгляд заметил ее нижнее белье Ла Перла в вырезе блузки.

Такой напрасный труд.

— Достаточно, — остановил он ее рукой. — Спасибо.

— Могу я что-нибудь еще для вас сделать?

— Нет, спасибо.

Наступила пауза, видно она не привыкла, чтобы ей отказывали, и всем своим видом показывая, что осталось мало времени.

Через секунду она вскинула подбородок вверх.

— Очень хорошо, сэр.

Это был ее своеобразный способ, сказать ему, чтобы катился к черту: ее хвост, стянутый на затылке, покачивался в такт, пока она обиженно проделывала свой путь назад, также раскачивая бедрами, обтянутыми юбкой, она напоминала кошку со своим хвостом, которая

охотилась на свою цель.

Лэйн приподнял стакан и покрутил № 15. Он никогда особенно не был вовлечен в семейный бизнес, находившийся полностью в ведении его старшего брата Эдварда. По крайней мере, так считалось. Но даже в качестве аутсайдера компании, Лэйн знал прозвище бестселлера компании «Брэдфорд Бурбон» — № 15, основного продукта, продающегося в таких огромных количествах, что его называли «Великим Ластиком», потому что прибыль от него была столь огромна, что эти деньги могли покрыть любую внутреннюю или внешнюю корпоративную оплошность, просчет или снижение доли рынка.

Самолет обогнул взлетно-посадочные полосы, заходя на посадку, луч солнца прорезал овальное окно, упав на складной столик из темного ореха, кремовые кожаные сиденья, темно-синие джинсы, и на металлические пряжки на его туфлях от Гучи.

А потом луч прошелся по его стакану с № 15, открывая рубиновые оттенки, переходящие к янтарному. Он вытащил кубик льда из стакана, почувствовав тепло солнца и прохладу подушечками своих пальцев.

Учитывая исследования, которые были произведены недавно, бизнес бурбона был оценен в три миллиарда долларов ежегодных продаж. Би-би-си заявило, что этот доход покрывает свыше трети всего дохода от алкогольной промышленности. Была еще одна компания в Штатах, намного больше (вызывающая опасения «Саттон — спиртово-водочная корпорация», и еще восемь-десять других производителей), но Би-би-си назвала «Брэдфорд Бурбон» бриллиантом среди полудрагоценных камней, для тех, кто предпочитает выбор наиболее изысканных напитков.

Как лояльный потребитель, Лэйн вынужден был согласиться с актуальностью тренда.

Бурбон в стакане покачнулся, давая понять, что начался спуск на посадочную площадку, и он вспомнил тот первый раз, когда попытался попробовать продукт своей семьи.

Учитывая, все последствия, ему следовало бы быть трезвенником по жизни.

— Это же Новый Год, давай. Не будь тряпкой.

Как обычно, Максвелл был заводилой и «катил шары». Из четырех, Макс был возмутителем спокойствия вместе с Джинной, их младшей сестрой, которая стояла на втором месте среди непокорных по шкале Рихтера. Эдвард, старший и самых строгих правил из них, естественно не был приглашен на эту вечеринку... и Лэйн, который был в середине по очередности рождения, всегда вынужден был, учитывая, что они были младше, участвовать в их экспериментах, для которых Максиму необходима была публика, девушки были не в счет.

Лэйн понимал, что это на самом деле была очень плохая идея. Если они собирались попробовать алкоголь, им следовало взять бутылку из винного погреба и отправиться наверх в свои комнаты, где фактически не было шансов быть застуканными. Но пить в открытую здесь, в гостиной? Под неодобрительным взглядом портрета Илии Брэдфорда над камином?

Глупость...

— Так ты говоришь, что не собираешься это делать, Отстойный?

Ах, да. Это было любимое прозвище Макса, которое он придумал Лэйну. (*Lame — отстойный, и Lane — Лэйн, в принципе близко к его имени, прим. пер.*)

В ярком отблеске в окно от сенсорных уличных фонарей, Макс смотрел с таким выражением, бросая вызов, словно спринтер, готовый рвануть на дистанцию, как только прозвучит сигнал стартового пистолета.

Лэйн бросил взгляд на бутылку в руке брата. Этикетка была самодельной с тиснением, на которой были выгравированы слова «Семейный резерв».

Если он этого не сделает, Макс не перестанет на него наседать.

— Я просто хочу стакан, — сказал он. — Нормальный стакан со льдом.

Именно так пил его отец. И это был единственный смелый поступок с его стороны, чтобы хоть как-то отсрочить неизбежное.

Макс нахмурился, словно не до конца проработал свой план.

— Ну, да.

— Мне не нужен стакан, — сказала Джин, который было семь лет, упершись руками в бедра и во все глаза смотря на Макса. В своей маленькой кружевной ночнушке, она напоминала Венди из Питера Пэна, но только выражение лица у нее было агрессивное, словно у профессионального борца. — Мне нужна ложка.

— Ложка? — воскликнул Макс. — О чем ты говоришь?

— Это же лекарство, не так ли?

Макс запрокинул голову и начал хохотать.

— Ты что...

Лейн прикрыл ладонью его рот.

— Заткнись! Ты хочешь, чтобы нас поймали?

Макс оторвал ладонь брата.

— Ну, что они сделают со мной? Выпорют?

Ну, да, если их отец застукает или узнает об этом: хотя Великий Уильям Болдвейн делегировал большинство своих отцовских обязанностей другим людям, но ремень — единственное, что он сохранил за собой.

— Постой, ты хочешь, чтобы это обнаружили? — мягко спросил Лейн. — Нет ты...

Макс повернулся к тележке из латуни и взял соответствующий стакан. Изысканно украшенная антикварная вещь, как и все в Истерли с фамильным гербом, выгравированном на каждой из четырех сторон стакана. Тележка с большими, высокими, тонкими колесами и хрустальным верхом, лучшая из лучших, перевозившая четыре различных вида бурбона Брэдфордс с пол дюжиной хрустальных бокалов, и наполненным серебряным ведерком льдом, которое постоянно обновлялось дворецким.

— Вот твой стакан, — Макс пихнул мне парочку. — Я выпью из бутылки.

— Где моя ложка? — спросила Джин.

— Ты можешь сделать маленький глоток у меня, — прошептал Лейн.

— Нет. Я хочу, чтобы у меня был мой собственный...

Дебаты были прерваны, потому что Макс выдернул пробку из бутылки, которая отправилась напрямик в полет, спикировав в люстру в центре комнаты. Хрусталь зазвенел и тут же, все трое замерли.

— Заткнитесь, — сказал Макс, хотя никто и не собирался говорить. — И никакого льда.

Бурбон издавал булькающие звуки, пока брат наливал его в стакан Лейна, не останавливаясь, пока стакан не оказался доверху наполненным, словно это был стакан с молоком на обеденном столе.

— Теперь пей, — сказал ему Макс, приложив бутылку ко рту и откинув голову назад.

Именно так делают крутые парни, но как только Макс проглотил, закашлялся причем так громко, что мог разбудить даже мертвых. Предоставив своему брата выбор или свалиться замертво, или умереть, Лейн устался в свой стакан.

Осторожно поднеся губы к краю стакана, он сделал маленький глоток.

Огонь. Это напоминало, словно он выпил огонь, обжигающий все его нутро, он

выдохнул чертыхнувшись, и ему показалось, что он сейчас увидит пламя, которое выйдет у него изо рта, как у дракона.

— Моя очередь, — сказала Джин.

Он удерживал стакан, не позволяя ей забрать у него, хотя она и хотела. Тем временем, Макс пил из бутылки второй и третий раз.

Джин с трудом попыталась все же добиться стакана, намочив губы и отпрянув с отвращением...

— Что вы делаете!

Зажглась люстра, мы все подпрыгнули на месте, Лейн попытался поймать бурбон, выплеснувшийся из его стакана на пижаму с монограммой.

Эдвард стоял в комнате с выражением абсолютной ярости на лице.

— Что, черт возьми, с вами не так! — сказал он, двигаясь вперед и выхватывая стакан из руки Лейна и бутылку у Макса.

— Мы просто играем, — пробормотала Джин.

— Иди спать, Джин, — он поставил стакан на тележку и вернул бутылку в нишу. — Ты прямо сейчас идешь спать.

— Почему это?

— Ты хочешь, чтобы я поддал тебе под зад?

Даже Джин способна уважать логику.

Она направилась к дверному проходу в виде арки, сутулясь, ее тапочки, как-то странно передвигались по восточному ковру, и Эдвард прошипел:

— И воспользуйся лестницей для персонала. Если отец услышит что-либо, он спустится сюда.

Сердце Лейна просто ухнуло вниз. У него выворачивало все нутро, хотя было ли это связано с бурбоном, он не был в этом уверен.

— Ей семь лет, — сказал Эдвард, когда Джина не могла его уже слышать. — Семь!

— Мы знаем, сколько ей лет...

— Заткнись, Максвелл. Просто заткнись, — Эдвард уставился на Макса. — Если вы хотите навредить себе, мне плевать. Но не втягивайте ее в это.

Громкие слова. Ругательства. И манера поведения такая же, которая действительно могла заставить их обоих прийти в себя.

Опять же Эдвард всегда казался взрослым, еще перед тем, как он совершил прыжок в мир подростков.

— Я не обязан тебя слушаться, — вставил Макс. Но боевое настроение уже покинуло его, голос звучал слабо, а глаза смотрели в ковер.

— Да, вы будете слушать.

И все замерло здесь и сейчас.

— Прости, — сказал Лейн.

— Я не беспокоюсь о тебе, — Эдвард покачал головой. — Это касается его, я беспокоюсь о нем.

— Скажи, что тебе жаль, — прошептал Лейн. — Макс, давай.

— Нет.

— Он не отец мне, и ты знаешь это.

Макс уставился на Эдварда.

— Но ты ведешь себя точно также, как он.

— Только потому что ты выши из-под контроля.

Лейн взял Макса за руку.

— Он тоже сожалеет, Эдвард. Давай, пошли, пока кто-нибудь не услышал нас.

Макс попытался несколько раз выдернуть руку, но в итоге последовал за ним без дальнейших комментариев, бой закончился, ставка на независимость была безнадежно утеряна. Они были в тусклом фойе, двигаясь по черно-белому мраморному полу, пройдя уже половину пути, когда Лейн заметил что-то в конце гостиной.

Какая-то движущаяся тень.

Слишком большая, чтобы быть Джиной.

Лейн дернул руку своего брата в полной темноте танцевальной гостиной.

— Шшш.

Через арочные дверные проемы, открывающие вид в гостиную, он наблюдал, как Эдвард повернулся к тележке, пытаясь найти отсочившую пробку, и Лейну хотелось закричать и предупредить своего брата...

Но возник их отец, Уильям Болдвейн, и как только Эдвард развернулся, то фактически уперся в его высокое тело.

— Что ты делаешь?

Те же слова, тот же тон, только бас ниже.

Эдвард спокойно стоял перед ним с бутылкой в руке, и Лейн заметил почти полный стакан, стоящий на виду в центре тележки.

— Ответь мне, — сказал их отец. — Что ты делаешь?

Он и Макс — мертвы, подумал Лейн. Как только Эдвард расскажет этому человеку все, что происходило здесь, Уильям был способен войти в раж.

Рядом с Лейном, тело Максвелла просто дрожало мелкой дрожью.

— Мне не следовало этого делать, — прошептал он...

— Где твой ремень? — спросил Эдвард.

— Ответь мне.

— Я отвечу. Где твой ремень?

«Нет! — подумал Лейн. — Нет, это были мы!»

Их отец шагнул вперед, его шелковый халат с монограммой, поблескивающей в лучах света, цвета свежей крови.

— Черт побери, парень, ты скажешь мне, что ты делаешь здесь с моей выпивкой.

— Она называется Брэдфорд Бурбон, отец. В честь семьи, на которой ты женился, помнишь?

Их отец оторвал руку от груди, и тяжелая золотая печатка кольцо, которое он носил на левой руке, блеснуло, словно предвидя удар, который вошел в контакт с кожей. Эдвард получил элегантный, мощный надрез, в виде сомнительной пощечины, которая была слишком жестокой и звук удара рикошетом отразился от стен гостиной.

— Сейчас, я спрошу еще раз... что ты делаешь с моей выпивкой? — Уильям потребовал снова ответа у Эдварда, который отклонился в сторону, схватившись за лицо.

Пытаясь отдышаться где-то минуту, Эдвард выпрямился. Его пижамы подрагивала, потому что дрожало все его тело, но он оставался на ногах.

Откашлявшись, он ответил заплетающимся языком:

— Я праздновал Новый Год.

Кровь дорожкой сочилась у него по щеке, оставляя след на его бледной коже.

— Тогда не позволяй мне испортить твое удовольствие, — отец указал на полный стакан Лейна, стоящий на тачке. — Выпей его.

Лейн закрыл глаза, его чуть не вырвало.

— Выпей его.

Звуки удушья и тошноты продолжались бесконечно, пока Эдвард издавал булькающие звуки, выпивая почти четверть бутылки бурбона.

— Теперь не выплесни это, парень, назад, — рявкнул их отец. — Не смей...

Шасси самолета ударились об асфальт, и Лейна вытряхнуло из прошлого. Он даже не удивился тому, что стакан в его руке дрожал, и это не было связано с посадкой.

Поставив № 15 на поднос на столе, он вытер лоб.

Это не единственный раз, когда Эдвард пострадал из-за них.

И это еще не было худшим вариантом. Нет, все худшее пришлось позже, когда они стали взрослыми, и, наконец, собственно и произошло то, с чем не могло справиться паршивое воспитание.

Сейчас Эдвард был явно разрушен, и не только физически.

Боже, у него было так много причин, из-за которых Лейн не хотел возвращаться в Истерли. И не все они были связаны с женщиной, которую он любил, но потерял.

Он должен был признаться, хотя бы самому себе, но..., Лиззи Кинг оставалась наверху этого очень длинного списка.

Брэдфорд — родовое поместье, Отель «Чарлмонт»

Оранжерея «Amdega Machin» была продолжением Истерли с южной стороны и не потребовала никаких вложений, когда была построена еще в 1956 году. Строительство было осуществлено в таком же готическом стиле, и представляло собой шедевр архитектуры — тонкий каркас был сделан из белой покрашенной кости, поддерживающие сотни панелей из стекла, создавая интерьер, который был намного больше и более законченный, чем фермерский дом, в котором жила Лиззи. С шиферными перекрытиями и гостиным уголком с диванами и креслами, созданными «Colefax and Fowler» (*дизайнерская фирма — прим. пер.*), с высокими грядками с образцами цветов по длинной стороне и выращиваемой зеленью по углам, но этим все и ограничивалось, создавая видимость. Истинные растения, садово-огородные растения, прорастали и прививались, обрезались далеко от глаз семьи в теплицах.

— Wo sind die Rosen? Wir brauchen mehr Rosen... (*Где эти розы? Мы должны использовать дополнительное количество роз... — пер. с нем.*)

— Я не знаю, — Лиззи открыла в довершение еще одну картонную коробку, которая была такой длинной, что напоминала ногу баскетболиста. Внутри находилось две дюжины белых георгинов, каждый стебель которых был обернут в пластик, а головки защищены воротниками из тонкого картона. — В этих коробках вся поставка, и они должны быть здесь.

— Ich bestellte zehn weitere Dutzend. Wo sind sie—? (*Я заказала десять дополнительных дюжен. Где они...? — пер. с нем.*)

— Ладно, пора переходить на английский.

— Это не все, — Грета фон Шлибер подняла связанные крошечные, бледно-розовые цветы, которые были завернуты в страницу газеты «Colombia». — Мы не справимся со всем этим.

— Ты говоришь так каждый год.

— На этот раз я права, — Грета пододвинула свои очки из тяжелой черепаховой оправы повыше на нос и оглядела двадцать пять коробок, составленных друг на друга. — Я говорю тебе, у нас настоящие проблемы.

В этом и заключалась ее суть и способность именно таким образом работать с коллегой.

Начиная от всей пессимистическо-оптимистической рутины, Грета имела в значительной степени все, чего не было у Лиззи. Например, она была европейкой, а не американкой, при разговоре у нее резко проявлялся немецкий акцент, несмотря на то, что она жила в Штатах уже тридцать лет. Она была замужем за известным человеком, матерью троих замечательных детей, которым было уже за двадцать, у нее было достаточное количество денег, она не только могла сама не работать, но ее два мальчика и девочка тоже не испытывали в этом необходимости.

Лиззи Yaris явно не соответствовало ее стилю. У нее был черный Мерседес универсал, и бриллиантовое обручальное кольцо на пальце, достаточно большое, и могло спокойно посоперничать с драгоценностями Брэдфордов.

Ох, и в отличие от Лиззи, ее светлые волосы были коротко подстрижены, как у мужчины, которым было чему позавидовать, когда вы пытались распрямить затекшую спину, держа в руках: мусорный пакет за перекрученные концы, проволоку для цветов и пучки

брокколи, пытаясь из освободить от резинок.

Было ли хоть что-то, что их объединяло? Да, ни одна, ни вторая не могли сидеть без дела и празднично проводить время, они не могли быть незанятыми, хотя бы секунду, поэтому и работали вместе в родовом поместье Брэдфордов почти уже пять лет... нет, больше. Семь?

О, Боже, время уже придвигалось к десяти.

И Лиззи не могла представить себя без Греты, хотя иногда ей хотелось, чтобы Грета не была бы такой активной, хотя бы в половину, по сравнению с обычной женщиной.

— Ich sage Ihnen, wir haben Schwierigkeiten. (*Я говорила им, что у нас могут быть проблемы, — прим. пер.*)

— Ты сказала, что у нас снова проблемы?

— Kann sein. (*Возможно, прим. пер.*)

Лиззи закатила глаза и почувствовала повышающийся адреналин, оглядываясь на появившейся выстроенный ряд, тянущийся на шестьдесят футов в длину, в центре оранжереи из двух рядов складных столов, заставленных семьюдесятью пятью вазами, размером с ведерко для льда из стерлингового серебра.

Блеск от них был таким ярким, Лиззи даже пожалела, что оставила свои солнечные очки в машине.

И она также желала не иметь никакого дела с Лейном Болдвейном, который, уже вероятно, совершил посадку в аэропорту в этот самый момент.

Разве ей нужны еще большие проблемы, а?

Ее мысли бешено кружились, но она попыталась сосредоточиться, что точно способна была контролировать. К сожалению, ей только оставалось удивляться, каким образом она и Грета смогут наполнить эти вазы доставленными цветами, стоимостью в пятьдесят тысяч долларов, которые необходимо распаковать, осмотреть, очистить, обрезать и выставить должным образом.

И помещение наполнилось хрустом и движением, которым всегда были наполнены сорок восемь часов перед «The Derby Brunch».

Или TDB, как его называли работники поместья.

Потому что, работа в Истерли напоминала армию: все было урезано, за исключением количества дней работы.

И да, несмотря на то, что приехала скорая помощь, событие все равно произойдет. Это как поезд, который разогнался и его не может остановить никто и ничто. По сути, она и Грета часто говорили, что, если произойдет ядерная война, единственное, что останется после грибовидного облака, когда оно рассеется — тараканы, твинки... и TDB.

Шутки шутками, но «The Derby Brunch» был настолько давним и эксклюзивным событием года, имеющим свое собственное имя идентификатор, и список приглашенных гостей, который охранялся и передавался следующему поколению, как семейная реликвия. Собиралось почти семь сотен богатых людей штата и страны и политической элиты, толпы смешивались и плавно перетекали по садам Истерли, попивая мятный джулеп (напиток из коньяка или виски с водой, сахаром, льдом и мятой — прим. пер.) и коктейль мимоза, за два часа до отправления в «Steeplehill Down» на скачки чистокровных лошадей в этот самый знаменательный день в году и первый этап «Тройной Короны». (Термин, обычно используемый для обозначения трёх важнейших и престижнейших скачек для трёхлетних лошадей. почти в каждой стране имеется своя Тройная Корона. — прим. пер.) Правила TDB были короткие и милые: дамы должны были появляться в шляпках, фотографы

отсутствовали, но разрешалось фотографировать, и не имело значения, прибыли ли вы в мистическом автомобиле с откидным верхом или на корпоративном лимузине. Все автомобили парковались у подножия холма, а пассажиров дальше перевозили микроавтобусы прямо к парадному входу поместья.

Ну, почти все. Единственные люди, которые не пользовались этим трансфером были губернаторы или президенты, если они выражали желание присутствовать... и главный тренер Университета Чарлмонт мужской баскетбольной команды.

В Кентукки носили форму баскетбольной команды университета одну из двух — U с красной S или синюю Университета Кентукки, все зависело от того богаты вы или бедны.

Брэдфорды носили форму UC с парящим орлом. И это почти было сродни Шекспировским трагедиям, поскольку их соперники в бизнесе по бурбону — Саттоны носили форму KU с тигром.

— Я слышу твое бормотание, — сказала Лиззи. — Думай, положительно. Мы справимся.

— Wir müssen alle Pfingstrosen zahlen, (*Мы должны пересчитать все пионы, — прим. пер.*) — объявила Грета, взяв сверху другую коробку. — В прошлом году, они обсчитали нас...

Одна половина двойной двери распахнулась, и мистер Харрис Ньюарк, дворецкий, вошел, принеся с собой сквозняк. Пяти футов и шести дюймов, он казался гораздо выше ростом в своем черном костюме и галстуке, но возможно это было иллюзией из-за его постоянно поднятых бровей, которые всем своим видом говорили: «Ты тупой американец», как бы подводя черту того, что он говорил сам. До мозга и костей пропитанный многовековыми традициями, присущими слугам в Англии, он не только родился и прошел обучение в Лондоне, но служил лакеем у королевы Елизаветы II в Букингемском Дворце, затем в качестве дворецкого у Принца Эдварда, графа Уэссекса, в Бэгшот-Парке. Служба в Доме Виндзоров была краеугольным камнем для найма его год назад в поместье.

Конечно, не из-за личных качеств, как человека.

— Миссис Болдвейн вышла и находится в Доме у бассейна, — он обращался только к Лиззи. Грета, как гражданка Германии, которая по-прежнему говорила с акцентом, была для него персоной нон грата. — Пожалуйста, принесете ей туда букет цветов. Спасибо.

И пуф! он развернулся и вышел молча за дверь, закрывая ее за собой.

Лиззи закрыла глаза. В поместье было две миссис Болдвейн, но только одна из них, по всей видимости, вышла из своей спальни и грелась в лучах солнца у бассейна.

«Один, потом второй удар за сегодняшнее утро», — подумала Лиззи. Она не только не хотела видеть своего бывшего любовника, но теперь ей придется встретиться с его женой.

Фантастика.

— Ich hoffe, dass dem Idiot ein Klavier auf den Kopf fällt. (*Я надеюсь, что такому идиоту, свалится когда-нибудь на голову рояль, — прим. пер.*)

— Ты говоришь, что надеешься, что ему упадет на голову пианино?

— А ты утверждаешь, что не знаешь немецкий.

— За десять лет с тобой, я выучила.

Лиззи огляделась вокруг, какие цветы она может взять из этой огромной поставки. Коробки должны были быть распакованы, листья проверены и не очень хорошие срезаны, стебли подрезаны, каждый цветок следовало распушить и проверить его качество. Она и Грета еще даже близко не добралась до этой стадии, но то, что хотела миссис Болдвейн,

всегда получала быстро.

Причем на очень многих уровнях.

Через пятнадцать минут выбора, обрезки, букет был создан и поставлен в серебряную вазу.

Грета встала рядом с ней и протянула руку с большим с монету не ограненным бриллиантовым поблескивающим кольцом.

— Позволь мне взять вазу.

— Нет, я отнесу...

— Ты не захочешь иметь с ней дело сегодня.

— Я никогда не хочу иметь с ней дело...

— Лиззи.

— Я в порядке, правда.

К счастью, ее старая подруга купилась на ложь. Правда? Лиззи была очень далека от «в порядке», она не могла даже видеть то место, но это не означало, что она собиралась расслабляться.

— Я скоро вернусь.

— Я посчитаю пионы.

— Все будет хорошо.

Она надеялась.

Лиззи направилась к двойным дверям, которые вели в сад, в голове словно что-то стучало и колотило, и ступив за порог на нее накатила стена горячего и влажного воздуха, и ей нисколько это не помогло. «Нужно принять мотрин», — подумала она. Как только вернется примет четыре таблетки и займется своей реальной работой.

Трава под ногами была подстрижена, под ковер больших полей для гольфа, таких огромных мать-природа не смогла бы даже придумать, и, хотя в уме у нее крутилось слишком много мыслей, она все же сделала себе пометку составить список клумб для пересадки на пяти акрах огороженного сада. Хорошей новостью было то, что после позднего начала весны, фруктовые деревья цвели в углах длинной кирпичной стены, их нежные белые лепестки опадали, словно снег на дорожки. Кроме того, мульча, которая была положена две недели назад, наконец-то потеряла свой смердящий запах, и на плюще у старых каменных стен везде появились новые листочки. Через месяц четыре греко-римские скульптуры, создающие своеобразный квадрат, женщины в царственных позах, будут очищены, превратившись из пастельно-розовых и персиковых в ярко-белые, составляя прекрасный контраст со спокойной зеленью и серой рекой.

Но конечно, сейчас все было сосредоточено на «The Derby Brunch».

Дом у бассейна был покрыт белой обшивочной доской и находился в дальнем углу слева, больше подходящий врачу/юристу/семье из четырех человек, которые могли бы бездельничая проводить время перед бассейном олимпийских размеров, наполненным водой цвета аквамарин. Две соединенные лоджии дома были увешаны ухоженными глициниями, которые достаточно скоро покроются белыми и лавандовыми цветами, свисающими, как фонарики, с зеленых кашпо.

И под свисающими ветвями, вытянувшись в коричневом мягком кресле с откидывающейся спинкой из жордана, миссис Шанталь Болдвейн была так же красива, как бесценные мраморные статуи.

И имеющая столько же теплоты, сколько и они.

Кожа этой женщины светилась, благодаря прекрасному спрею для загара, мелированные светлые волосы искусно завиты на длинных концах, и тело, которому могла бы позавидовать сама Роза Хантингтон-Уайтли (*известная модель, занимающаяся правильным питанием — прим. пер.*), вызвало бы у нее комплекс неполноценности. Ногти были поддельные, но идеально ухоженные, ни длина, ни цвет не имели ничего общего с девушкой из Джерси, а ее обручальное кольцо, как будто сошло со страниц журнала «Town & Country» (журнал уровня люкс — прим. пер.), такое же ослепительное и большое, как и ее улыбка.

Она была прекрасной современной красавицей Юга, тем типом женщин, глядя на которых люди, выросшие в Чарлмонте, шептали: «хорошая девушка, несмотря на то, что она из Вирджинии».

Лиззи уже давно задавалась вопросом, проверяли ли Брэдфорды зубы у дебютанток, за которых вышли их сыновья... также, как они проверяли у чистокровных лошадей.

— ...рухнула, а потом приехала скорая, — рука с сильно отсвечивающим кольцом с бриллиантом поднялась, дотронувшись до волос, и переложив iPhone в другую руку, поднеся к другому уху. — Они вынесли ее прямо через главный вход. Ты можешь себе это представить? Они должны были объехать вокруг здания к другому... о-о, разве это не прелесть!

Шанталь Болдвейн прикрыла рот рукой, как делали чопорные гейши, пока Лиззи устанавливала вазу на мраморную барную стойку в самом конце, подальше от прямых солнечных лучей.

— Что сделал Ньюарк? Он такой тугодум.

Лиззи кивнула и отвернулась, чем меньше времени она здесь пробудет, тем лучше...

— О, постой, Лиза, ты...

— Лиззи, — поправила она останавливаясь. — Могу я чем-нибудь вам помочь?

— Не будете ли вы так любезны принести мне немного вот этого? — женщина кивнула на стеклянный кувшин, который был наполовину полон. — Лед уже растаял и совсем не чувствуется запаха. Я уезжаю в клуб на ланч, но не раньше, чем через час. Такое большое тебе спасибо.

Лиззи перевела глаза на кувшин с лимонадом, и правда старалась, видит Бог реально очень стараясь, не вылить весь этот кувшин на нее.

— Я попрошу мистера Харриса, и он пришлет кого-нибудь...

— Ох, но он так занят. А ты можешь просто сходить... и этим так мне поможешь.

И она вернулась к своему iPhone, на задней крышке, которого был изображен Университет Чарлмонт.

— Где была я? Ой, так они забрали ее через главные входные двери. Я имею в виду, на самом деле, вы можете представить...?

Лиззи подошла к ней, взяла кувшин, и прошла через белоснежную террасу, ступив на зеленую траву.

— Рада была помочь, — произнесла она.

Рада была помочь.

Да, все правильно. Именно это вы должны сказать, когда семья попросила вас что-то сделать. Это был единственный приемлемый ответ... и безусловно намного лучший, чем: «Как насчет того, чтобы засунуть этот кувшин тебе в задницу, ты, жалкий кусок телятины...?»

— Ах, Лиза, и не забудь, свежеприготовленный, хорошо? Спасибо.

Лиззи продолжала идти, бросив через плечо, словно гранату.

— Рада была помочь.

Подойдя к особняку, ей пришлось остановиться, чтобы определить в какую дверь входить. Как обслуживающему персоналу, ей не разрешалось входить в четыре двери: главный вход, боковую — в библиотеку, и две задние — столовую и игровую комнату. Но сейчас она была настолько обескуражена, чтобы использовать другие двери и входить через кухню и прачечную... хотя она проходила только через них, когда разносила три раза в неделю букеты по дому.

Она выбрала дверь, которая была между столовой и кухней, поскольку решила для себя не обходить дом вокруг, как делали все остальные сотрудники. Зайдя в шикарную комнату, она опустила голову вниз, в большей степени беспокоясь не о том, что кто-то может на нее пожаловаться, а очень надеясь и молясь не попасться...

— Я надеялся, что увижу тебя сегодня здесь.

Лиззи замерла, словно вор, почувствовав укол от слез, заблестевших в уголках ее глаз. Но она не собиралась плакать.

Не перед Лейном Болдвейном.

И не из-за него.

Расправив плечи, она вскинула подбородок... начиная разворачиваться в другую сторону.

До того, как она встретила глаза Лейна с тех пор, как она прекратила с ним все отношения, она готова была ему сказать — идти к черту, но сейчас она поняла три вещи: во-первых, он выглядел точно так же, как и прежде; во-вторых, это совершенно не было для нее хорошей новостью; и в-третьих, если у нее в голове имеются хотя бы какие-то мозги, она должна помнить и все время вспоминать, что он сделал с ней почти два года назад и не выпускать это из вида.

«Пропахший насквозь своими долларами» и все, в таком же роде, что...

Эх... черт побери, и почему он по-прежнему так хорошо выглядит?

Лейн не мог многое вспомнить, идя по Истерли впервые за долгое время.

Ничто не радовало глаз и не производило на него должного впечатления. Не величественная входная дверь с львиной головой и молотком на иссиня-черной глянцевой панели. Не переднее фойе размером с футбольный стадион с парадной лестницей, ни картины, написанные маслом, описывающие прошлое и настоящее Брэдфордс. Ни хрустальные люстры или золотые бра, ни рубиново-красные восточные или тяжелые парчовые портьеры, даже не впечатлила гостиная и бальный зал по обеим сторонам.

Южная элегантность Истерли, в сочетании с многолетним душистым сладким лимонным ароматом, вышедшей из моды мастикой для полов, была как прекрасный костюм, который надевают утром и носят на протяжении всего дня, потому что она была сшита портным, подгоняющим его под каждую вашу мышцу и косточку. Он не чувствовал абсолютно никакого внутреннего трепета от того, что попал в эту атмосферу: скорее оно напоминало погружение в девяносто-восемь-точка-шесть градусов спокойной воду. Воздух, которым он дышал, был совершенно неподвижным, совершенно влажным и вполне умеренным. Он начал клевать носом, сидя в кожаном клубном кресле в гостиной.

Это была семья и одновременно враги, и очень вероятно, что у него не было никаких эмоций, потому что он давно махнул на них рукой, стараясь не думать об этом.

Однако, он пытался вспомнить любую мелочь, позволяющую ему увидеться с Лиззи Кинг в этот раз.

Они столкнулись, когда он шел через столовую в поисках кого-нибудь.

«О, Боже, — подумал он. — Ох, дорогой Бог».

После того, как он такое долгое время хранил в памяти ее образ, сейчас стоящая перед ним Лиззи, отличалась от той в его воспоминаниях, той, реальной, которая стояла перед ним. И его тело мгновенно отреагировало на нее, кровь быстрее понеслась по венам, и все дремлющие инстинкты не просто проснулись, а полыхнули у него в крови.

Ее волосы стянутые сзади в густой хвост, точащий прямо, были по-прежнему осветлены солнцем, не подвергшиеся парикмахерскому мелированию. На лице не было макияжа, кожа была загорелой и сияющей, ее строение лица напомнило ему, что хорошая генетика намного лучше, любых сто тысяча долларовых пластических хирургов. И ее тело... упругое, сильное тело с изгибами, которые он так любил и сильное, что говорило о ее физическом труде, которым она так хорошо занималась... было именно таким, каким он его и запомнил. Она даже была одета также, как и тогда, в шорты цвета хаки и необходимое черное поло с эмблемой Истерли.

От нее пахло Кеппертоном, не Шанелью. Ее туфли были Меррел, не Маноло, чась Найк, а не Ролекс.

Для него она была самой красивой, одетой лучше всех женщиной, которую он когда-либо видел.

К сожалению, взгляд ее глаз остался без изменений.

Взгляд, сказал ему, что она тоже думала о нем с тех пор, как он ее покинул.

Но только не в хорошем смысле слова.

Его губы шевелились, и Лейн поймал себя на мысли, что он что-то говорил ей, но совершенно не следил за словами. Слишком многое было необходимо отфильтровать его мозгу, и в основном все это были воспоминания из прошлого: ее обнаженное тело на спутавшихся простынях, ее волосы, просачивающиеся сквозь его пальцы, его руки на внутренней поверхности ее бедер. Он даже услышал у себя в голове, как она выкрикнула его имя, когда он жестко подвел ее к оргазму, сотрясая кровать, спинка которой ударялась о стену...

— Да, я знала, что ты приедешь, — спокойно сказала она.

Оказывается, они думали о разном. Он переминался в своих Guccis, по новой переживая разгар их отношений, а она была совершенно нетронута его присутствием.

— Ты видел ее? — спросила она. Потом нахмурилась. — Эй?

Какого черта она спрашивает его? Ах, да.

— Я слышал, что она уже приехала домой из больницы.

— Около часа назад.

— Она в порядке?

— Она осталась здесь с подачей кислорода через маску. Что ты думаешь? — Лиззи покосилась в сторону, в которую она направлялась. — Слушай, если ты меня извинишь, я собираюсь...

— Лиззи, — сказал он низким голосом. — Лиззи, я...

Стоило ему замолчать, как выражение ее лица стало незаинтересованным.

— Сделай нам обоим одолжение и не утруждай себя, ладно? Просто иди к ней и... сделай все остальное, ради чего ты приехал сюда, хорошо? Оставь меня в покое!

— Господи, Лиззи, почему ты не хочешь выслушать меня...

— А почему мне следует? Станный вопрос.

— Потому что цивилизованные люди позволяют другим высказаться, обычная вежливость...

И бум! понеслось.

— Прости? — воскликнула она. — Только лишь потому, что я живу над рекой, и работаю на твою семью, это делает меня своего рода приматом? Действительно... ты готов разьяснить мне это?

— Это не то, что я имел в виду...

— О, я думаю, что это...

— Клянусь, — пробормотал он, — любимая мозоль...

— Что, Лейн? Показать снова? Извини, но тебе не разрешено крутить такие вещи с такой как я, одна проблема. И она касается тебя. И она всегда будет касаться тебя.

Лейн всплеснул руками.

— Я не могу достучаться до тебя. Все, что я хочу сделать, это объяснить...

— Ты хочешь что-нибудь для меня сделать? Отлично, вот, — она сунула ему в руки наполовину наполненный кувшин с лимонадом. — Отнеси это на кухню и попроси кого-нибудь наполнить. Затем ты можешь попросить их отнести его обратно к бассейну, или возможно, ты захочешь сам его отнести... твоей жене.

С этими словами она развернулась и рванула в ближайшую дверь. И пока она шагала по лужайке по направлению к оранжерее, он не мог решить, что его больше привлекает: треснуть головой об стену или бросить в нее кувшин, или же проделать то и другое.

Он выбрал вариант четыре:

— Черт, долбаный, бл*дь...

— Сэр? Могу ли я быть полезен для вас?

Лейн взглянул на пятидесятилетнего мужчину с британским акцентом, который был одет, словно он представлял похоронное бюро.

— Черт побери, а вы кто?

— Мистер Харрис, сэр. Я Ньюарк Харрис, дворецкий, — мужчина поклонился и пояс. — Пилоты были достаточно любезны, позвонив заранее и сообщив, что вы едете. Могу ли я взять ваш багаж?

— У меня нет багажа.

— Очень хорошо, сэр. Ваша комната готова, и, если вы исследуете ваш гардероб и решите что-то обновить, для меня будет в удовольствие купить вам все необходимое.

Ох, нет, подумал Лейн. Неа, он не останется... он знал это чертовски хорошо, что выходные были на носу, а цель его визита не имела ничего общего с цирком «The Derby Brunch».

Он сунул кувшин мистеру Денди.

— Я не знаю, что здесь и мне плевать. Просто заполните его и отнеси туда, где он был.

— Рад познакомиться, сэр. Вам понадобится...

— Нет, вот и все.

Мужчина, казалось, удивился, Лейн протиснулся мимо него и направился в сторону части дома обслуживающего персонала. Но, конечно же, англичанин ничего не спросил. А кто бы спросил, учитывая настроение, в котором он был? Это не только правильный этикет дворецкого, но скорее всего в нем проснулось такое понятие, как самосохранение.

Две минуты в доме. Две чертовых минуты.
А он уже готов был взорваться, как ядерная бомба.

Лейн промаршировал в обширную профессиональную кухню и сразу же был ошеломлен «шумом запахов» и тишиной. Хотя здесь находилось больше десятка поваров, в белой униформе, склонившихся над из нержавеющей стали рабочими столами и Викинг печками, никто из них не говорил, все трудились. Некоторые даже не подняли головы, однако, другие узнали его и перестали заниматься своим делами, он проигнорировал их реакцию: «О, Мой Бог!» Он свыкся с такой замедленной реакцией, связанной с его появлением где бы то ни было, поскольку его репутация всегда опережала его появление, распространившись по всей стране в течение многих лет.

Спасибо, «Ярмарка тщеславия», которая разоблачила его семью десятилетия назад. И три рекламные статьи туда же, и домысливания в желтой прессе, и начало компании с подшучиваниями в Интернете.

Однажды этот самый примитивный из прессы, рассматривающий статус знаменитостей, сосунок поймал его?

И его не удалось остановить.

Подойдя к двери с пометкой «ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ», он пригладил свою рубашку, подтянул вверх брюки, прошелся по волосам. Пожалев, что не воспользовался временем, чтобы принять душ, побриться и переодеться.

И он действительно желал, чтобы встреча с Лиззи прошла намного лучше. Похоже ему необходимо придумать что-то другое.

Его стук был тихий, уважительный. Ответ он получил тут же:

— Что ты стучишься, — рявкнул женский голос с южным акцентом.

Лейн нахмурился и толкнул дверь. И остановился, как вкопанный.

Мисс Аврора стояла у плиты, запах горящего масла, потрескивающего в воздухе, как дробь барабанов, от жарящейся курицы на сковороде, наполнял комнату, с прической — короткий боб с супер-тугими черными колыхающимися кудрями, в том же домашнем халате, в котором он ее видел, когда уехал на север.

Единственное, на что он был способен — моргнуть, и подумал, что кто-то сыграл с ним дурацкую шутку.

— Ну, не стой там просто так, — огрызнулась она. — Помой руки и достань переносные столики. Я закончу через пять минут.

Верно то, что он ожидал ее увидеть, лежащую в постели с простыней до груди, с затухающим огнем в глазах, ожидающей, когда ее возлюбленный Иисус призовет ее к себе.

— Лейн, возьми себя в руки. Я еще не умираю.

Он потер переносицу, и волна усталости одолела его.

— Да, мамочка.

Он внимательно посмотрел на нее, пытаясь отыскать признаки физической слабости в ее сильных плечах и ногах. Не было ни одного. Не было абсолютно ничего в этой шестидесяти пятилетней женщине, чтобы можно было предположить из-за чего она оказалась в приемном покое больницы сегодня утром.

«Итак, как карта ляжет», — решил он, окидывая взглядом сколько еды она ему приготовила. Как карта ляжет между ним, испытывающим чувство успокоения... и ярости, из-за того, что он впустую потратил столько времени, прилетев сюда.

Одно ему было ясно. Он не сможет уйти не поев, частично потому, что она свяжет его по рукам и ногам и силой накормит, но в основном потому, что как только он почувствовал этот запах, живот заурчал от голода.

— Ты в порядке? — спросил он, потому что должен был что-то спросить.

Взгляд, которым она посмотрела на него, не двусмысленно говорил, что, если он собирается продолжать задавать подобные вопросы, она будет более чем счастлива шлепнуть его, пока он не закроет рот.

«Согласен с этим, мама», — подумал он.

Пересекая узкое пространство, он обнаружил сервировочные столики, на двух из которых всегда ели, находились именно там, где он видел их в прошлый раз — в углу, между развлекательной консолью и книжным шкафом, который был установлен под углом. Пара Баркалонджерс (кресла производится мебельной компанией под названием Barcalounger Company) были те же и стояли там же, каждое напротив высоких окон, с вязаными салфетками на изголовьях.

Рисунки детей были везде в любых рамках, среди красивых темных находились также бледно-палевые: выпускной год его в детском саду; брат Макс, забивший гол в лакросс; его сестра Джина, одетая как доярка, игравшая в школе в спектакле; другой брат, Эдвард, старшекурсник в галстук и пиджаке фотография сделана в Университете штата Виргинии.

— Господи, ты слишком похудел, сын, — мисс Аврора тихо пробормотала, направляясь, чтобы помешать в кастрюле, которая он точно знал была наполнена зеленой фасолью с кубиками ветчины. — У них что нет еды, там в Нью-Йорке?

— Не такая, мэм.

Горловой звук, который она издала, был похож на крик охотников в погоне за лисицей, но более смазанный.

— Доставай тарелки.

— Да, мэм.

Его руки дрожали, пока он открывал два шкафчика, и тарелки стучали. В отличие от женщины, которая родила его и без сомнения теперь наслаждалась заслуженным отдыхом, находясь под воздействием лечебных препаратов, всячески показывая, что не испытывает зависимость от них поскольку их прописал ее врач, мисс Аврора всегда казалась нестареющей и сильной, как супергерой. Разве мгла возникнуть мысль, глядя на нее, что рак вернулся?

Черт возьми, он не мог представить ее дряхлой, но при этом и не пытался одурачить себя, поскольку именно это могло послужить причиной коллапса.

Положив столовое серебро и салфетки на столики, и налив им обоим сладкий чай, он подошел и сел на кресло, стоящее справа.

— Тебе не стоит готовить, — сказал он, как только она начала раскладывать еду.

— И ты так ее и не попробуешь, что с тобой произошло.

«Она явно не на смертном одре», — подумал он.

— Что сказал доктор? — вместо этого спросил он.

— Ничего, что стоило бы слушать на мой взгляд, — она с таким восторгом провозглашала надежду до небес. — Теперь замолчи и ешь.

— Да, мэм.

«О, сладкий Иисусе», — подумал он, уставившись на свою тарелку. Жареная бамия. Свиная требуха. Картофельные пирожки. Бобы с кусочками свинины и жареная курица.

Его желудок издал недовольное голодное урчание, мама рассмеялась.

Но он не накинулся на еду, а внезапно откашлялся, потому что теперь он точно почувствовал себя дома. Эта еда, приготовленная конкретной женщиной дома, которая сейчас стояла перед ним была всем тем, что он всю жизнь имел на своей тарелке, особенно перед теми годами, когда его мать и отец отказалась от всего, и они общались пять дней в неделю с ней. Больные или здоровые, счастливые или печальны, разгоряченные или замерзшие, он со своими братьями и сестрой сидели на кухне у мисс Авроры, ведя себя прилично, иначе рисковали получить подзатыльник.

Никогда никто из них не нарушал установленный порядок на кухне у мисс Авроры.

— Ешь сейчас, — мягко сказала она. — Не жди, чтобы все остыло.

Ну и зачерпнув вилкой, он непроизвольно застонал, как только положил в рот первый кусочек.

— Ох, мисс Аврора.

— Ты должен приехать домой, сын, — она покачала головой, усевшись со своей собственной тарелкой. — Эти северные штучки не для тебя. Не знаю, как ты выдерживаешь, гораздо меньше тех людей.

— Так ты расскажешь мне, что случилось? — спросил он, кивнув на ватный тампон и бинт на сгибе ее локтя.

— Мне не нужна та машина, которую ты мне купил. Вот что случилось.

Он вытер рот.

— Какая машина?

Ее черные глаза сузились.

— Не пытайся играть со мной, парень.

— Мисс Аврора, ты ездила на куске... мусора. Я не могу поверить, что она тебе нравилась.

Он сам подивился, но южный акцент постепенно появлялся у него в голосе. Правда не на долго.

— Мой Малибу прекрасен...

Теперь он выдержал ее пристальный взгляд.

— Это дешевый автомобиль, на котором ты начала ездить, и он имел сто тысяч миль пробега.

— Не понимаю, почему...

— Мисс Аврора, я не позволю тебе больше ездить на этой рухляди. Прости.

Она пристально смотрела на него с достаточно сильными эмоциями, словно готова была прожечь дыру у него на лбу, но он также продолжал смотреть на нее в ответ, и она опустила глаза. И в этом заключалась вся сущность их отношений. Два жестких лидера, и ни один из них не готов был уступить ни на дюйм, ни в чем, кроме как забрать у другого.

— Мне не нужен Мерседес, — пробормотала она.

— Полный привод на четыре колеса, мэм.

— Мне не нравится цвет. Он какой-то противоестественный.

— Блеф. Это красный цвет университета Чарлмонт, который тебе нравится.

И она заворчала снова, но он знал правду, она обожала новый автомобиль. Ее сестра, мисс Пейшенс позвонила ему и рассказала, что мисс Аврора объездила весь город, находясь за рулем E350 4MATIC. Конечно, сама бы мисс Аврора никогда не позвонила ему, хотя бы чтобы поблагодарить, и он подумал, что это должно быть протест с ее стороны, поскольку

она всегда была слишком горда, чтобы принимать что-то бесплатно.

Но мисс Аврора не хотела расстраивать его, зная, что он был прав.

— Так что же случилось с тобой этим утром, — он старался как бы не задавать вопроса, а просто интересовался.

— У меня немного закружилась голова.

— Они сказали, что ты упала в обморок.

— Со мной все в порядке.

— Они сказали, что рак вернулся.

— Кто они?

— Мисс Аврора...

— Мой Господь и Спаситель исцелил меня, и исцелит снова, если это понадобится, — она направила одну ладонь к небу и закрыла глаза, потом взглянула на него. Он Со мной все будет хорошо. Разве я когда-нибудь лгала тебе, сын?

— Нет, мэм.

— Сейчас ешь.

Эта команда довольно сильно заткнула его на целых двадцать минут.

Лейн почти закончил вторую тарелку, когда понял, что должен спросить:

— Ты видела его потом?

Нет смысла спрашивать кого, потому что под «его» всегда подразумевался Эдвард, и все «его» произносили приглушенным голосом.

Мисс Аврора насупилась.

— Нет.

Они долго помолчали.

— Увидишься с ним, пока ты здесь? — спросила она.

— Нет.

— Кто-то же должен.

— Ничего не изменится. Кроме того, я должен вернуться в Нью-Йорк. Я действительно прилетел, только чтобы проверить все ли в порядке с тобой...

— Ты должен с ним повидаться, перед тем, как уедешь обратно на север.

Лейн закрыл глаза и через мгновение сказал:

— Да, мэм.

— Хороший мальчик.

Попробовав третье блюдо, Лейн вымыл за собой тарелки, игнорируя тот факт, что мисс Аврора фактически не притронулась к своей еде. Разговор во время еды повернулся к ее племянникам и племянницам, ее сестрам и братьям, общее число которых насчитывалось одиннадцать, и она сообщила, что ее отец Том, наконец, умер в возрасте восьмидесяти шести лет.

Она звалась Аврора Томас, потому что она была одним из ребенка Томаса. К слову сказать, у него было двенадцать, которые он создал за весь брак с женой, и множество еще на стороне также за период его брака. Лейн встречал его в церкви, куда ходила мисс Аврора время от времени. Он был настолько колоссальной личностью, настолько пропитанный духом Юга, словно глубина Миссисипи, настолько харизматичным, как проповедник, настолько красивым, как грех.

Не то, чтобы он был высокомерным, но Лейн понимал, что всегда был ее любимцем, и причиной всему был ее собственный отец. Она сильно баловала Лейна, также, как ее в свое

время баловал отец, и ее любимчик был точно также слишком красив, что совершенно не пошло ему на пользу, поскольку он получил свою долю распущенности в отношении внимания женщин. Даже в двадцать лет? Лейн был просто таким же красивым, как мистер Томас.

Только Лиззи смогла исцелить его от всего этого, словно ограждение, останавливающее мчащуюся на полной скорости машину.

— Зайди ко мне и попрощайся со своей мамой, прежде чем уедешь, — мисс Аврора объявила после того, как он помыл и убрал за собой посуду и столовое серебро.

Он оставил сковородку и кастрюли на плите. Он знал, что лучше их не трогать.

Развернувшись, он сложил кухонное полотенце и прислонился к раковине из нержавеющей стали.

Она положила ладонь на подлокотник Баркалонджер.

— Тебе необходимо запомнить это...

— Мисс Аврора...

— Не говори мне, что ты пролетел более тысячи миль, просто чтобы увидеть меня, словно я стала каким-то инвалидом. Это не стоит того.

— Твоя еда стоит любой поездки.

— Да, это верно. А теперь иди к твоей маме (*обращение к весьма привлекательной негритянке, — прим. пер.*).

«У меня уже есть», — подумал он, пристально уставившись на нее. — Мисс Аврора, ты собираешься помочь в приготовлении еды для Дерби?

— Ты думаешь, что все эти дураки поместятся на моей большой кухне?

— Придется потрудиться, ты прекрасно сможешь руководить ими, но не говори, что ты не справишься.

Она выстрелила в него печальным взглядом, но этим все и ограничилось, и это напугало его. Обычно, она вскакивала со стула и выпроваживала его за дверь. Вместо этого, она осталась сидеть.

— Я буду в порядке, сын.

— Лучше, чтобы было именно так. Без тебя ни один, не сможет меня заставить вести правильный образ жизни.

Она что-то пробормотала себе под нос и уставилась через его плечо, он просто ждал в полной тишине.

В конце концов, она махнула ему рукой, подойти, и он сразу же прошагал по линолеуму, опускаясь перед ней на колени около кресла. Ее красивая, сильная, загорелая рука потянулась к нему и пробежалась по его волосам.

— Тебе необходимо подстричься.

— Да, мэм.

Она прикоснулась к его лицу.

— Ты слишком красив для своего же собственного блага.

— Как я сказал, ты должна держаться и тем самым сможешь удержать меня, чтобы я стал вести правильный образ жизни.

Мисс Аврора кивнула.

— На это ты можешь рассчитывать, — потом наступила долгая пауза. — Спасибо тебе за новый автомобиль.

Он поцеловал ее ладонь.

— Всегда пожалуйста.

— И мне нужно, чтобы ты кое-что запомнил, — ее глаза, ее такие темные эбонитовые глаза, смотрели на него, когда он был еще ребенком, подростком, молодым человек... взрослым мужчиной, они кружили по его лицу, впитывая в себя все изменения, которые произошли с ним за это время, в особенности все, что могли увидеть за его прошедшие тридцать лет. — У меня есть ты и Бог. Я богаче не карманом, понятно, мальчик? Мне не нужен Мерседес. Мне не нужен такой дом или модная одежда. Во мне нет такого изъяна, который бы мне хотелось прикрыть, ты слышишь меня?

— Да, мэм, — он закрыл глаза, понимая, что она единственная самая благородная женщина, которую он когда-либо встречал.

Ну, она и Лиззи.

— Я понял тебя, мама, — хрипло ответил он.

Примерно через час после стычки с Лейном по поводу лимонада, Лиззи покинула оранжерею, неся две большие вазы. Миссис Брэдфорд настаивала на том, чтобы всегда были свежие цветы в основных общественных комнатах и во всех используемых спальнях, и этот стандарт был сохранен даже после того, как она переехала в свою собственную комнату около трех лет назад и, по сути, там и осталась. Лиззи нравилось думать, продолжая эту практику, что возможно Маленькая В.Э, как называла ее семья, имеет возможность лишней раз войти в дом и побыть хозяйкой.

В Истерли было более полсотни комнат, но многие из них предназначались для сотрудников в качестве офисов, помещений для персонала и санузлов, или являлись таким местом, как кухня, винный погреб, медиа-комнаты или нежилые комнаты, которые не требовали букетов цветов. На первом этаже букеты всегда поддерживались в отличном состоянии, она уже осматривала их сегодня или накануне вечером, и вытаскивала завядшие розы. Новые предназначались для второго этажа фойе и большой комнаты люкса мистера Болдвейна. У миссис Брэдфорд не предполагалось освежать цветы в вазе до завтрашнего дня, также как и у Шанталь и...

Интересно, Лейн остановиться в комнате своей жены?

Скорее всего да, и от этой мысли у нее появились позывы к рвоте.

Направляясь вверх по дальней лестнице для персонала и чувствуя тяжесть в руках, что даже напряглись бицепсы, от двух ваз, украшенных резьбой, из стерлингового серебра, она знала, что сможет выдержать этот груз, осталось недолго, она отдохнет немного побольше по пути назад.

Главный коридор наверху был таким длинным, как ипподром, разделенный гостиной зоной, и тянувшимся рядом в общей сложности двадцати одного люкса по обеим сторонам. Большая квартира-люкс мистера Болдвейна находилась рядом с люксом его жены, оба номера выходили на сад и реку. В них имелся общий проход через гардеробные комнаты, но она знала, что он никогда не пользовался им.

Она поняла, как только родились дети, эти отношения своего рода не «возобновлялись», выражаясь на старомодный манер.

Когда она только начала работать в Истерли, она путалась в именах, и по ошибке назвала миссис Брэдфорд ее именем по мужу — миссис Болдвейн. Не стоило. Ее жестко поправил управляющий персоналом: леди Брэдфорд дома должна называться «миссис» и «Брэдфорд» и совершенно неважно, какова ее фамилия по мужу.

Она чувствовала себя смущенной, узнав, что супруги теперь не представляли единую

команду, и старались разделить свои жизни, также, как и спальни. Поэтому мистер Болдвейн расположился в люксе в темно-синих тонах и антикварной мебелью из красного дерева, а миссис Брэдфорд в цветах слоновой кости, кремовых и серо-коричневых, которые заставили бы покраснеть самого Людовика XIV за роскошную мебель и кровать с балдахином.

На самом деле, они, как пара имели кое-что общее: он прятался в своем офисе в бизнес-центре, она — в своей спальне.

Ненормально.

Лиззи проследовала вверх по изгибающейся знакомой лестнице и поправила букет на журнальном столике в гостиной. Затем она подошла и остановилась перед люксом мистера Болдвейна. Дважды стукнув по широким дверным панелям, она пождала ответа. Каждое утро он отправлялся в бизнес-центр, располагающийся по соседству, и возвращался только к семи часам, к ужину.

Поставив в старом фойе вазу с букетом на пол, она повернула витиеватую ручку на двери, толкнув ее вперед, и шагнула в помещение, наполненное антиквариатом, словно в музей. Сразу же от двери она заметила, что с цветами все было в порядке, но в Истерли не существовало такого понятия, как никаких «но». Находясь здесь, словно в коконе богатства, никаких «но» не разрешалось.

Она взяла вазу и услышала голоса в саду, решила подойти поближе к окнам. Более десятка мужчин сгрудились, возясь с огромным белым тентом, скатанным в рулон, и длинным алюминиевым шлангом устанавливая полив, а также собираясь собрать и установить шатер для «The Derby Branch» размером восемьдесят на сорок футов.

Великолепно. Шанталь, скорее всего, в данный момент вызвала мистера Харриса и жалуется ему, что кто-то посмел нарушить ее отдых: если член семьи или гость решал воспользоваться бассейном или домиком у бассейна, или же террасой, все работы приходилось тотчас же прекращать в саду, и всем работникам следовало немедленно удаляться, пока их королевские высочества не перестанут наслаждаться всем великолепным удовольствием.

Были ли хорошие новости? По крайней мере, Грета находилась именно там, на лужайке, рядом с бассейном и вовсю гоняла и руководила мужчинами. А как насчет плохих новостей? Немка, вероятнее всего сказала им установить все поливочное оборудование прямо рядом с Шанталь.

Умышленно.

Опасаясь, такого противостояния, Лиззи готова уже была развернуться...

Но она застыла на месте, потому что что-то яркое привлекло ее.

— Какого...?

Наклонившись вперед, поскольку она до конца так и не была уверена, заметила ли на самом деле что-нибудь. Как и все в Истерли, комната Уильяма Болдвейна была безупречной, все предметы и вещи находились именно на тех местах, где им и следовало быть, мужские принадлежности влиятельного бизнесмена лежали в ящиках, были спрятаны на полках, ожидая его выбора в гардеробной и в комод.

Поэтому что делает кусочек персикового цвета между задней спинкой кровати и стеной?

Ну, она могла догадаться.

И это нижнее белье, принадлежавшее Вирджинии Элизабет Брэдфорд Болдвейн, былс

снято, но точно не ею лично.

Лиззи не могла больше оставаться в комнате, поэтому направилась к входной двери и быстро открыла ее...

— Ой, я таааааак рада видеть теееееебяяяя!

Ее южное протяжное завывание, напоминало скрежет по стеклу, по крайней мере, для Лиззи, но хуже всего было видеть, как Шанталь Болдвейн обвила руками за шею Лейна и висела на нем, прижавшись к его телу.

Фантастика. Она фактически застряла между ними и лестницей для персонала, до которой было далеко.

— Я не могу поверить, что ты так смог меня удивить! — женщина сделала шаг назад и стала позировать, представляя себя во всей красе. — Я была внизу у бассейна, но пришла сюда, потому что очень много мужчин решили устанавливать тент. Я решила уйти, чтобы они смогли все закончить и соорудить шатер.

«Ну, разве ты не заслужила пурпурное сердце? — подумала Лиззи. — Разве не ты собираешься в клуб на ланч, в ближайшее время?»

Лиззи развернулась к главной лестнице, подумывая скрыться по ней. Несмотря на то, что это было против правил, по крайней мере, это было намного лучше, чем пройти мимо...

Словно по команде, мистер Харрис вышел на лестничную площадку главной лестницы с миссис Молли, отвечающей за ведение всего хозяйства в доме. Дворецкий из Англии пробежался пальцами по верху балюстрады, потом внимательно посмотрел на них, не осталось ли следа от пыли, и недовольно покачал головой.

Отлично.

Лиззи предстоял выбор — в какую сторону двинуться, но похоже и то и другое напоминало поговорку из огня да в полымя — или же ей стоило уклониться и нырнуть назад в комнату мистера Болдвейна, который-обманывал-свою-жену.

Ах, выбор.

Она иногда просто любила свою работу.

«Брэдфорд Бурбон» склад, округ г. Огден

Эдвин «Мак» МакАллан младший шел мимо бочек бурбона, поставленных друг на друга, высотой в сорок футов, его кожаные сапоги ручной работы стучали по старому бетонному полу, и запах ста тысяч бочек из древесины твердых пород и миллионов галлонов созревающего бурбона для него был настолько хорош, как духи женщины.

Жаль, что он был слишком взбешен, чтобы наслаждаться этим запахом.

В кулаке сжимая записку из главного офиса, превратив ее в непригодный белый шарик до такой степени, что слова, напечатанные на лазерном принтере, уже было невозможно прочесть. Ему пришлось три раза прочитать этот чертовый листок, и не только потому, что у него был тяжелый случай дислексии и английский был непреодолимым препятствием восприятия для его мозга.

Однако он готов был взорваться. Он был не деревенщина, воспитывался в культурной семье, и окончил университет в городе Оберн, и знал все об изготовлении бурбона, о химических процессах, протекающих в нем, приводящем его к такому неуловимому произведению искусства.

На самом деле, он был известным уважаемым мастером-дистиллятором на рынке по самым престижным брендам бурбона, и сыном самого уважаемого Мастера Дистиллятора, существовавшего за всю историю коммерческой алкогольной индустрии.

Но в данный момент? Он хотел своим полтонны весом протаранить решетку F-150 прямо в фойе офиса в Истерли Уильяма Болдвейна. Затем он хотел взять свой столетний охотничий карабин и проделать несколько дырок в столах всех этих корпоративных идиотов.

Приходя половину пути, он задрал голову и посмотрел на стеллажи из бочек, поднимающиеся до потолочных балок. Кроме чисел фирменных кодов и дат, которые были выжжены на передней части бочки, ставилась также маркировка — сначала его отца, а потом его самого, и существовали также драгоценные бочки, которые хранились здесь в течение четырех лет, десяти, двадцати и дольше. Он регулярно осматривал их все, хотя у него было много людей в подчинении, кто мог бы сделать это вместо него. Он должен был видеть их, также, как и с детьми, которые у него когда-нибудь будут, он не собирался растить их, заменяя себя няней.

В тридцать восемь он был один, благодаря своему осознанному выбору — работа занимала у него двадцать пять часов в сутки, восемь дней в неделю, работа была его женой, любовницей, семьей и его наследием.

Поэтому эта записка, обнаруженная у себя на столе, произвела на него эффект, словно пьяный водитель врезавшийся в минивэн, так и его жизнь врезалась во что-то.

Рецепт бурбона был очень простой: зерновой замес, который по законам Кентукки должен был состоять, как минимум, из пятьдесят одного процента кукурузы, собственно он таковым и был, здесь, в «Брэдфорд Бурбон», дальше определенное сочетание ржаного, ячменного солода, около десяти процентов пшеницы для мягкого вкуса, вода из подземного источника и дрожжи. Затем, когда произошло смешение, зарождающейся бурбон разливался в белые дубовые бочки, обугленные изнутри, и ставился на хранение, чтобы стать крепким, терпким и вкусным в хранилищах домов, таких, как этот.

Все так и было. Каждый бурбон обязан был включать в себя эти пять элементов: зерно,

вода, дрожжи, бочку и время, период созревания с и до. Но также, как у Господа получилось создать бесконечное множество отличающихся друг от друга людей, опять же созданных фактически из ключевых элементов, именно так и поступил человек, поэтому каждая семья или компания производили различные оттенки одного и того же, но совершенно разного по вкусу бурбона.

Добравшись до выхода, он положил руки на округлый бок одной из бочек, которую он впервые тогда заполнил, взяв на себя функции мастера. Это было почти десять лет назад, хотя он работал на компанию с четырнадцати. Но у него всегда имелся план — пойти по стопам его отца, который слишком рано умер. Мак находился в ситуации или пан, или пропал, но при всем этом был уверен на сто процентов, что он не пойдет ко дну.

И вот он на вершине успеха и еще достаточно молод, чтобы создать свою собственную династию, якобы производящую для аристократии бурбон, компанию, которая будет создавать Превосходный Бурбон.

Этот рекламный слоган придумало Би-би-си для рискованной пивоваренной компании, в виде бизнес-маркетинговой философии.

Так почему на Божьей земле управленцы заставляют его соглашаться с отсроченными поставками зерна? Это явно походило, что эти идиоты, окончившие МВА, не понимали, что затраченное их время и усилия в течение четырех лет, сегодня не будут ничего стоить, если он не произведет слив в определенный срок, они попросту понесут затраты от продажи бурбона в течение сорока восьми месяцев... и тех бочек, которые находятся на определенном уровне процесса, срок которых истекает через десять лет и через двадцать.

Он точно знал, куда все это приведет. Общенациональный дефицит кукурузы, в результате глобального потепления обернулся боком и затянувшиеся погодные условия летом прошлого года, привели к тому, что цена за бушель стала заоблачно высокой, именно сейчас — это было невероятно, но это факт. Очевидно, бухгалтер из домашнего офиса, читай, поместья мистера Болдвейна, решил сэкономить пару баксов, приостановив поставку на ближайшие пару месяцев, надеясь наверстать упущенное, когда цены на кукурузу снизятся сами собой.

Предполагая, что национальная засуха, которая была раньше за год до этого не повторится.

Он лично готов был поспорить с этим, заключив пари.

Имелось много недостатков в бизнес логике компании, но основной проблемой все же являлось то, что эти «костюмы и галстуки» не понимали главного — бурбон был не гаджет, произведенные на конвейере, который можно было легко отключить в любой момент. Производство бурбона — это процесс уникальный и особенный, достигающий своей кульминации, проходивший через пробы и ошибки, выбор, в конце концов, в течение более двухсот пятидесяти лет: необходимо было развивать вкус бурбона, трепетно добиваться раскрытия аромата и баланса добавленных элементов, чтобы достигнуть такой вершины — и потом только отправить его своим клиентам под лейблом «Оригинальный». Черт возьми, он испытывал такую гордость, что сам приложил руку в принятие мер предосторожности с самым успешным брендом компании № 15, и менее дорогими линиями продукции, которые он со временем превратил в дорогостоящие, вознес их на вершину с большей годовой выдержкой, такие как «Black Mountain», «Bradford I», и ультра-эсклюзивный «Family Reserve».

Если он прервет производство сейчас? Он отлично понимал, что они вернуться к нему

через шесть месяцев и скажут подменить маркировки у бочек.

Для «костюмов» шесть месяцев было всего лишь пол годом, двадцатью шестью неделями, двумя кварталами.

Но своим нёбом он мог отличить бурбон, выдержкой девять с половиной, от десятилетнего плюс один день бурбона. И возможно многие их клиентов не могли бы увидеть различия, но не в этом дело, главное, что он видел их. И тот факт, что многие их конкуренты перемаркировывали на регулярной основе свой товар. Едва ли должно быть стандартом для подражания.

Если бы Эдвард был здесь, подумал он, он бы не стал переживать по этому поводу. Эдвард Болдвейн был редкостью для семьи Брэдфорд — настоящий дистиллятор с основами ранних традиций от августейшей родословной, человек, который ценил продукт, который производил. Но, предполагаемый наследник престола был больше не связан с компанией.

И Маку не к кому было пойти с этими проблемами.

И тот факт, что записка была оставлена на его столе, в надежде, что он обратит на нее внимание? И это стало в порядке вещей после трагедии с Эдвардом, при нем все было по-другому. И кошечки из бизнес-центра знали, что у него случится припадок, но у них не хватило смелости приехать и сказать ему все в лицо. Неа. Легче же написать записку и подкинуть ее с другими бумагами, лежащим у него на столе, зная, что это принципиально повлияет на основу бизнеса.

Мак снова уставился на стеллажи, сделанные из старых бревен, срубленных больше века. Это было самое старое в компании складское помещение, и оно использовалось, чтобы хранить очень «специальные» бочки. Расположенное оригинально и до сих пор являющееся рабочим (*сейчас являлся как бы музеем для туристов, а также, местом, где располагался его офис*) оно напоминало черт побери храм.

Душа его отца парила по этим коридорам.

Мак был убежден, он мог чувствовать своего старика прямо сейчас, чуть ли не следующего за ним попятам.

Он также был в этом убежден, как и в том, что в этот тихий день, как сегодня, единственным, кто находился с ним в этом хранилище, был солнечный свет, струящийся из замутненного окна, звук его сапог по бетону, и дымка «доли ангелов» дрейфующая в солнечных лучах... он был одним из очень немногих борцов за уходящие традиции этой компании.

Новые дети, которые приходили сюда (которые очень желали попасть в это место, где он находился сейчас) исповедовали любовь к ритуалам и основам, утверждая, что являются приверженцами этого процесса, но на самом деле являлись всего лишь корпоративными приспешниками, одетыми в хаки, а не в костюмы. Они были из поколения «особенных», которые ожидали получения наград и считали, что они достанутся им очень легко, и что все кругом должны заботиться о них, охранять и лелеять также, как их родители.

Они имели такую же глубину души, как и их посты в Facebook, такой же неумолимый эгоизм и бездушные безделушки.

По сравнению с прародителями этой компании, которые в далекие времена пронесли этот продукт через голод и войны, болезни и депрессии... через сухой закон, слава Богу... они выглядели мальчишками, пытающимися делать мужскую работу.

Они просто не знали всего этого, а как можно узнать с такой корпоративной культурой? Они никогда не узнают.

— Мак?

Он оглянулся через плечо. Его секретарь, Джорджи О'Мэлли, которая еще была помощницей его отца, пока он не умер, тихо подошла к нему. В зрелом возрасте шестидесяти четырех лет, сорок один, из которых она проработала в компании, она по-прежнему была быстра на работе. Объявившая себя женой фермера, хотя без мужа и без фермы, она была его единомышленником в войне против нынешних условий.

— Ты в порядке, Мак?

Мак снова посмотрел вверх на «Долю ангелов», дымку в луче света высоко над головой.

«Доля ангелов» была священна: каждая бочка из белого дуба обугливалась изнутри прежде, чем наполнялась пятьюдесятью тремя галлонами бурбона. Установленные в специальное место, в условия намеренно лишенные системы климат-контроля, древесина бочки расширялась и сужалась в зависимости от сезона, бурбон внутри приобретал цвет и аромат от карамелизованного сахара, сожженного на древесине твердых пород.

Не-незначительная часть этих литров испарялась и впитывалась самими бочками с течением времени.

Это и была «Доля ангелов».

Его отец называл ее жертвой прошлому, дань уважения прародителям, которые выпивали ее на небесах. Это была также плата-в-будущее вашей собственной кончины... с надеждой, что следующий приверженец традиций будет делать то же самое для вас, когда вы покинете этот мир.

— От нас скоро ничего не останется, Джорджи, — услышал он сам себя.

— О чем ты говоришь?

Он просто покачал головой.

— Я хочу, чтобы ты сказала парням, прекратить слив.

— Что?

— Ты слышала меня, — Мак поднял кулак, чтобы она смогла увидеть скомканную бумажку. — Корпорация не будет поставлять кукурузу ближайшие три месяца. Минимум. Они дадут нам знать, когда мы можем сделать больше суслу используя рожь, ячмень и пшеницу, которую мы сможем получить прямо сейчас, чтобы перепрофилироваться.

— Перепрофилироваться? Что это значит?

— Они не могут продать компанию конкурентам. Они дают людям из Саттона зеленый свет? Или общей прессе? Они собираются сэкономить десять центов, а выглядят это, как самый дорогой фак-ап в истории компании.

— Мы никогда не останавливали производство.

— Неа. Даже во времена сухого закона, и это было только для показухи.

Наступила долгая пауза.

— Мак... что они делают?

— Они собираются разрушить компанию, вот что они делают, — он подошел к женщине. — Они собираются поймать нас под личиной максимизации прибыли. Или, черт возьми, возможно они собираются провести эмиссию акций в заключении... Саттон сейчас, являющаяся собственностью государства, производит совершенно другой бурбон. Возможно, они пытаются искусственно завесить прибыль перед собственной продажей фирмы. Я не знаю, и мне плевать. Но я черт побери уверен на все сто, что Илия Брэдфорд переворачивается в гробу, видя все это.

Он направился к выходу, она прокричала ему вслед:

— Куда ты идешь?

— Напиться. Мне необходимо очень много пива.

Лейн стоял за пределами своей спальни и смотрел вниз на свою «жену», думая, что она осталась такой же, как и Истерли, ничего не изменилось.

Шанталь Блэр Стоу Болдвейн была точно такой же: стрижка, загар, макияж, дорогая розовая одежда, в установившемся порядке, была точно такой, которую он оставил позади. И ее голос по-прежнему звучал слишком правильно, словно она проходила кастинг под названием «Досуг Благовоспитанной Южной Леди».

Она продолжала болтать, слова оставляли ее рот огромным потоком, даже не учитывая, что ее едва слушали. Опять же лично для нее, разговор являлся своего рода целым представлением, она вскидывала руки, словно крылья у голубей, выгибая их вверх-вниз, с большим бриллиантом, который она так хотела, сверкающим, как световая вспышка.

— ...выходные в Дерби! Конечно, Самуэль Теодор Лодж придет сегодня вечером. Джин в полном восторге увидеть его...

Невероятно. Они буквально не виделись и не разговаривали друг с другом на протяжении почти двух лет, а она говорила о списке приглашенных на ужин.

Какого черта он вообще что-то увидел в ней...

— Ах, Лиза! Извини, не могла бы ты сказать Ньюарку, чтобы он распорядился подождать автомобиль мистера Болдвейна к парадному входу? Мы собираемся в клуб на ланч.

«Лиза? — подумал он. — Ну, да, если учесть какая текучка кадров, пока он был...»

Лейн бросил взгляд через плечо. Лиззи стояла в дверях спальни его отца с двумя прекрасными вазами, но у него не возникло сомнений, что она держала свежесрезанные букеты.

— Мистер Харрис находится вон там, — сухо ответила Лиззи.

— Я не люблю кричать. Это не уместно, — Шанталь наклонилась в сторону другой женщины, словно они были двумя подружками, разделяющие свои секреты. — Огромное спасибо, ты так помогла...

— Ты в своем уме? — спросил Лэйн.

Шанталь отпрянула, ее голова дернулась, и взгляд от наивного превратился в наемного убийцу, мерцающая под накладными, но со вкусом сделанными ресницами.

— Я прошу прощения, — прошептала ему Шанталь.

Лейн попытался поймать Лиззи взглядом, пробурчав в ответ:

— Иди и скажи ему сама.

Лиззи отказалась взглянуть на него. С профессионально бесстрастным выражением, она направилась вперед гибким шагом мимо него по длинному коридору к лестнице для персонала. Между тем Шанталь снова заговорила:

— ...обращаясь ко мне в присутствии слуги подобным образом, — прошипела она.

— Ее зовут Лиззи, а не Лиза, — теперь он был один и мог принять вызов. — И ты знаешь это, не так ли.

— Ее имя не имеет значения.

— Она находится здесь дольше, чем ты, — он холодно улыбнулся. — И я готов держать пари, что она будет здесь, даже когда ты уйдешь.

— Что это значит?

— Ты не должна находиться под этой крышей, и ты прекрасно знаешь это.

— Я твоя жена.

Лейн уставилась на нее, удивляясь, какого черта, она по-прежнему каким-то образом входила в его жизнь. Ответ был прост — он просто притворялся сам себе, что Чарлмонта не существовало. Труднее было попытаться объяснить, что она сделала.

Я твоя жена.

— Ненадолго, — сказал он низким голосом.

Подведенные брови взлетели вверх, и в тот же миг, выражение персидской кошки-чью-миску-утащили-в-туалет исчезло: она стала спокойной и покладистой как зеркало.

— Давай не будем ссориться, дорогой. Наш столик будет готов в клубе через двадцать минут...

— Позволь мне выразиться предельно ясно. Я никуда не пойду с тобой, за исключением офиса адвоката.

Боковым зрением он отметил, что мистер Ньюарк или мистер Харрис (неважно как звали дворецкого) замедлил свой поворот к миссис Молли, горничной, которая пошла в обратном направлении.

— Будь серьезным, Тулейн.

Боже, он ненавидел, когда Шанталь произносила его имя: «Тууууууулееееейн». Во имя всего святого, это было два слога, а не три сотни.

— Я вполне серьезен, — сказал он. — Пришло время покончить с этим.

Шанталь медленно глубоко вздохнула.

— Я знаю, что ты расстроен из-за бедной старой мисс Авроры, и говоришь вещи, которые на самом деле не имеешь в виду. Я поняла. Она очень хороший повар... и такого очень, очень трудно найти.

Он заскрежетал зубами так, что ему показалось, что зубы искрошатся.

— Ты думаешь, что она просто повар.

— Ты говорил, что она твой бухгалтер?

Господи, почему он никогда...

— Эта женщина значит для меня больше, чем та, которая выносила меня.

— Не будь смешным. Кроме того, она черная...

Лейн схватил Шанталь за руку и дернул ее к себе.

— Не смей говорить о ней в подобном тоне. Я никогда не бил женщин раньше, но гарантирую, что я выбью из тебя дерьмо, если ты проявишь к ней неуважение.

— Лейн, ты делаешь мне больно!

В этот момент он понял, что горничная застыла в дверном проеме комнаты для гостей, держа в руках стопку сложенных полотенец. Она склонила голову и поторопилась уйти прочь, он оттолкнул Шанталь подальше от себя. Находясь в плохом настроении, впился взглядом в коридор, по которому быстро скрывалась бегунья.

— Все кончено, Шанталь, если ты не заметила.

Она сжала руки вместе, словно в молитве, но он не купился ни на секунду. Поддельные плаксивые попытки ее голоса не поколебали его, она прошептала:

— Мне кажется, что мы должны работать над нашими отношениями.

— Согласен. Этот брак должен завершить свое мучение. Это действительно работа.

— Ты имеешь в виду совсем другое.

— Черт возьми, я имею ввиду именно то, что сказал. Найди себе хорошего адвоката

или... так или иначе, ты все равно уйдешь отсюда.

Слезы. Большие толстые слезы, которые заставили засиять ее голубые глаза, как бассейн, наполненный водой.

— Ты не можешь быть таким жестоким.

«Но как бы ни так, она то как раз может быть жестокой», — подумал он. И ему действительно во всех деталях следовало придерживаться брачного контракта, но очень жаль, так грустно, да и фиг с ним. Хорошей новостью было то, что всегда можно было все решить количеством денег, даже если она предъявит ему иск, он сможет выплатить его за год или два.

— Я собираюсь поговорить с матерью, — сказал он. — А затем позвонить Самуэлю Т. Возможно, он сможет подготовить бумаги для тебя к ужину сегодня вечером.

Иииии просто, как по волшебству, железные коготки появились снова, глаза высохли.

— Я уничтожу тебя и твою семью, если ты начнешь этот процесс.

Она не знала, что уже разрушила его жизнь. Она стояла ему Лиззи... и многого другого. Но он собирался остановить свои потери на этом, черт побери.

— Будь осторожна, Шанталь, — он не разорвал с ней зрительный контакт. — Я сделаю все, по закону и даже вне его, чтобы защитить то, что принадлежит мне.

— Это угроза?

— Простое напоминание — я Брэдфорд, моя дорогая. Мы заботимся о своих вещах.

Шагая прочь от женщины, Лейн постучал в дверь маминой комнаты. Хотя ответа не последовало, он шагнул в благоухающий люкс и закрыл за собой дверь.

Закрыв глаза, ему нужна была всего лишь минуту, чтобы уменьшить ярость, прежде чем он померяется силами в этом сомнительном воссоединении. Всего лишь секунда, чтобы вернуть себе самообладание. Просто...

Когда он снова открыл глаза, то обнаружил еще один атрибут, который остался совершенно неизменным.

Комната его матери фактически была такой же — в бело-кремовых тонах, как и всегда, с огромными окнами с видом на сады, украшенные бальными портьерами из красного шелка, картины Максфилда Пэрриша (*англ. Maxfield Parrish, 1870–1966*) — американский художник и иллюстратор, знаменитый многочисленными работами на сказочные и мифологические сюжеты. Пэрриш — автор собственной живописной методики, которая заключалась в использовании лишь четырех основных цветов: синего, сиреневого, желтого и черного. Комбинацией из этих цветов он добивался нужного оттенка, а разделением слоев лаком — объемности изображения) светились, как драгоценные камни, на стенах, изысканный французский антиквариат слишком дорогой, чтобы сидеть на нем или использовать должным образом, стоял по углам. Но ничто из этого не задерживало на себе взгляд, чтобы произвести неизгладимое впечатление, как первоначально задумывалось.

Вот кровать с балдахином в глубине спальни была настоящим экспонатом. Сверкающей и великолепной, с балдахином, почти таким же, как Балдахин Бернини в базилике Святого Петра, на массивном постаменте размером с огромную платформу, с резными колоннами, которые поднимались ввысь и вверх, украшенный водопадами, ниспадающего бледно-розового шелка. И на этой кровати лежала она, Вирджиния Элизабет Брэдфорд Болдвейн совершенно неподвижно, но хорошо сохранившаяся, как святая, ее длинное, тонкое тело было погребено под обилием атласных одеял и пуховых подушек, бледные светлые волосы уложены в прекрасную прическу, лицо накрашено, хотя она никуда не собиралась и даже не

была в сознании.

Рядом с ней на мраморной столешнице витиеватого комода с изогнутыми ножками стоял с десяток оранжевых флаконов с белыми крышками и надписями, располагаясь аккуратными рядами, словно взвод солдат. Он понятия не имел, что было в них и, скорее всего, она тоже этого не знала.

Она была своего рода Южной Санни фон Бюлов (Санни фон Бюлов (урождённая Марта Шарп Кроуфорд, 1931–2008), наследница железнодорожного магната, вышла замуж за Клауса фон Бюлов (б. 1926), который был признан виновным в попытке ее убийства с помощью инсулиновой передозировки, но приговор был отменен из-за апелляции. Второе расследование показало, что он не виновен, после того, как эксперты высказали мнение, что не было никакой инъекции инсулина, а симптомы были вызваны чрезмерным использованием рецептурных препаратов, что ввергло её в вегетативное состояние до конца жизни.), если не учитывать отца, который никогда не пытался ее убить. По крайней мере, не физически.

Этот у блюдок нанес другие виды повреждений.

— Мама, дорогая, — сказал он, шагая к ней. Он приблизился и взял ее прохладную, сухую руку с тонкой как бумага кожей и голубыми проступающими венами. — Мама?

— Она отдыхает, — раздался голос.

Женщина лет пятидесяти с рыжими волосами и бело-серой униформе медсестры вышла из гардеробной. Она идеально вписывалась в декор, и он бы не удивился, если бы его мать наняла ее только на этом основании.

— Я Сверингин Пэтти, — сказала она и протянула руку. — Вы, должно быть, молодой мистер Болдвейн.

— Лейн, — он пожал ей руку. — Как дела у мамы?

— Она отдыхает, — улыбка была профессиональной такой же, как и ее униформа. — У нее было тяжелое утро. Приходил колорист и стилист занимались ее волосами.

«Ах, да, закон HIPAA», — подумал он. Это означало, что она не может ему рассказать о состоянии собственной матери. Но в этом была виновата не медсестра. Неужели его мать была настолько истощена физически, что уставала из-за пары фольги, уложенной на голову и укладки феном? Как, черт возьми, он думает, она себя чувствует.

— Когда она проснется, скажите ей, что я... — он оглянулся на мать.

— Сказать, что, мистер Болдвейн?

Он подумал о Шанталь.

— Я собираюсь пробыть здесь несколько дней, — сказал он мрачно. — Я скажу ей сам.

— Очень хорошо, сэр.

Он вернулся обратно в фойе и закрыл за собой дверь, прислонился к ней. Уставившись в картины, написанные маслом кого-то из Брэдфордов не иначе, он обнаружил, что прошлое возвращается снова, словно жалящий пчелиный укус.

Быстрый и болезненный.

— Что ты здесь делаешь?

Произнесла Лиззи выгоняя его из сада, из темноты, из жаркого влажного летнего вечера. Над головой собирались грозовые тучи, пропуская лунный свет, освещая цветущие цветы и деревья в тени.

Он помнил каждый ее жест, как она стояла перед ним на кирпичной дорожке, уперев руки в бока, открыто глядя на него, он не привык к такому. На ней был униформа Истерли,

которая смотрелась такой сексуальной, лучше чем любой комплект самого дорогого женского нижнего белья, который ему довелось когда-либо видеть.

Лиззи Кинг привлекла его внимание впервые, когда он увидел ее в своем семейном имении. И каждый раз возвращаясь домой после полугодия магистратуры, он старался встретиться с ней, устраивая поиски, чтобы как бы невзначай столкнуться с ней на пути.

Боже, он любил преследования.

И пленение было неплохо, хотя бы наполовину.

Конечно, в прошлом у него не настолько много было опыта, да он и не хотел его.

— Ну? — потребовала она ответа, было такое впечатление, что если он тут же не ответит, то она начнет топтать ногами, а следующий ее шаг должен был просто сбить его с ног из-за того, что она просто тратит на него свое время.

— Я пришел за тобой.

Он замер, потому что сболтнул лишнего, потому что скорее всего он хотел сказать, что пришел, чтобы увидеть ее, поговорить с ней, посмотреть на нее вблизи.

Но эти четыре слова были правдой. Он хотел узнать ее на вкус, понять, что она чувствует, находясь под ним, что...

Она скрестила руки на груди.

— Послушай, я думаю, пришло время поговорить на чистоту.

Лейн улыбнулся.

— Я люблю честность.

— Я не думаю, что ты будешь радоваться, когда я закончу.

Хооооорошо, сейчас у него была полная эрекция, это было не смешно, потому что перед ним не было женщин, с которыми он обычно забавлялся. Стоя перед этой конкретной женщиной, с желанием поправить свои штаны, он чувствовал себя каким-то... пошлым.

— Я избавлю тебя от затраченного времени, — она пыталась говорить шепотом, чтобы никто не подслушал, но это не умаляло значения ее сообщения. — Я не являюсь той, кто может заинтересоваться тобой, этого никогда не будет. Тебя по-другому и нельзя назвать, как плохишом, который доставляет противоположному полу всего лишь полный хаос. Такой вариант был для меня даже скучным пятнадцать лет назад, а если учитывать, что в этом году мне стукнет тридцать, твой образ становится еще менее привлекателен. Поэтому, будь добр, сделай нам обоим одолжение — отправляйся в клуб, найти себе похожих на одно лицо блондинок, лежащих у бассейна, и преподай им урок своего Закулисного Мастерства. От меня ты этого не дождешься.

Он моргнул, чувствуя себя полным идиотом.

Он фактически был шокирован, потому что никто и никогда настолько достоверно не описывал его поведение, вот так просто высказывая свою точку зрения.

— Теперь, извини меня, я, пожалуй, пойду домой. Я здесь работаю с семи утра...

Она развернулась, но он схватил ее за руку.

— Подожди.

— Прости? — она взглянула вниз на его сжимающую руку, и подняла на него глаза. — Тебе разве есть что сказать о цветах в этом саду, по-моему, нечего.

— Ты не дашь мне шанса оправдаться? Просто будешь изображать роль судьбы...

— Ты не серьезно...

— Ты всегда была такой предубежденной?

Она высвободила руку.

— Это лучше, чем быть наивной. Особенно с таким человеком, как ты.

— Не верь всему, что ты читала в газетах...

— Ох, я тебя умоляю. Мне не нужно читать об этом... я видела это своими собственными глазами. Двое девушек вчера утром вышли с черного входа. В ночь, когда ты приехал в поместье, ты привел рыжую из бара. И говорят еще, что когда ты отправился на ежегодную спортивную игру в среду, ты вернулся с засосом на шее... и разумно предположить, что женщина просит тебя повернуть голову и «колется»? — Она остановила его подняв ладонь чуть ли не к его лицу. — И прежде, чем ты решишь, что я составляю список твоих завоеваний, испытывая некое латентное влечение к тебе, должна тебе сказать, что обслуживающий персонал следит за такими вещами и не перестает говорить о них, причем постоянно.

— Ты дашь мне сказать хоть слово? — возразил он. — Или ты умеешь только вести монолог. Господи, и ты называешь меня высокомерным.

— Что?

— Ты думаешь, я обнаглел? Ну, ты просто затмила меня своими высказываниями, милая.

— Прости?

— Ты решила, что все знаешь обо мне, потому что куча других людей говорит совершенно разные вещи, которые тоже меня не знают. Это чертовски высокомерно с твоей стороны.

— Это не то же самое, что наглый.

— Ты действительно хочешь привести аргументы из словаря Вебстера мне?

Если учитывать тот факт, что они пререкались, то никакого сексуального возбуждения не должно было быть, но черт возьми оно возникло. На каждый его ответ, она кидалась, давая ему отпор, чуть ли не бросаясь на него, и он меньше сосредоточил свое внимание на ее теле, а больше на глазах, и это казалось еще более сексуальнее.

— Послушай, мы можем просто на этом закончить? — спросила она. — Я вернусь сюда с утра пораньше, и этот разговор не так уж важен, как сон, который мне необходим.

В этот момент она отвернулась, но он остановил ее, сказав:

— Я видел тебя у бассейна вчера.

Она бросила на него свирепый взгляд через плечо.

— Да, я выдергивала сорняки. У тебя с этим проблемы?

— Ты пялилась на меня. Я видел.

«Браво!» — подумал он, потому что она моргнула.

— Я был в бассейне, — прошептал он, сделав шаг к ней. — А тебе понравилось то, что ты видела, не так ли. Хотя ты и ненавидишь того, кем меня считаешь, но тебе понравилось то, что ты увидела.

— Ты бредишь...

— Честность. Ты первая об этом сказала, что разговор будет честным, — он наклонился, поворачивая голову, словно собирался ее поцеловать. — Так у тебя хватит выдержки, чтобы быть честной?

Она тормозила воротничок поло униформы Истерли.

— Я не понимаю, о чем ты.

— Лгунья, — он слегка улыbnулся. — Почему ты думаешь, я пробыл так долго в бассейне? Из-за тебя. Мне нравилось, что ты смотрела на мое тело.

— Ты сумасшедший.

Боже, ее лживое отрицание было лучше, чем даже самый последний полноценный оргазм, который он испытал.

— Я? — он сосредоточился на ее губах, и в мыслях уже начал целовать их, вылизывая и прокладывая свой путь ей в рот, притянув ее к себе. — Не думаю, что это так. И лучше я буду снобом, чем лицемерным трусом.

И он оставил ее.

Он отвернулся и по выложенной дорожке побрел в сторону дома, оставив ее за спиной.

Но он знал, с каждым шагом удаляясь от не все дальше, что теперь она не сможет все оставить просто вот так.

В следующий раз она придет к нему...

И будьте уверены, она именно так и сделала.

— Прости, что это было?

Спросила Лиззи, посмотрев на цветы в вазе, которую она держала в руке, и не могла вспомнить, что она собиралась с ними сделать... ох, правильно, положить их в ведро до конца своего рабочего дня; потом она завернет их во влажное бумажное полотенце и в полиэтиленовый пакет и отнесет домой.

— Извини, повтори еще раз, — попросила она, поглядывая через оранжерею на Грету.

— Я говорила по-английски в этот раз, знаешь ли?

— Я просто задумалась.

— Люди требуют оплаты вперед за аренду шатра? Или же они разберут всю конструкцию, которую поставили.

— Что? — Лиззи положила букет рядом с пустой серебряной вазой. — Это их новая политика?

— Думаю да.

— Мне нужно поговорить с Розалиндой... какова общая сумма?

— Двенадцать тысяч четыреста пятьдесят девять и семьдесят два цента.

— погоди, дай я запишу, — Лиззи схватила ручку. — Еще раз?

Она написала общее число на ладони и выглянула в сад. Они просто натянули ткань, без крыши и начали закладывать столбы, соединяя некоторые огромные секции вместе веревочками.

Два часа дополнительной работы. Может быть, три.

— Они же устанавливают все там, — пробормотала она.

— Ненадолго, — Грета возобновили разборку розовых роз. — Мне позвонили из офиса аренды и сказали, что готовы предоставить грузовик, чтобы вывезти все назад.

— Нет причин впадать в истерику по этому поводу, — пробормотала Лиззи, выходя наружу.

Офис Розалинды Фриланд был в стороне крыла, где располагалась кухня, и у нее занял гораздо больше времени этот маршрут по улице, потому что ей чертовски надоело наткаться на Лейна.

Она была на полпути к террасе, проходя мимо французских дверей, которые вели в столовую, когда бросила взгляд в сторону бизнес-центра.

Помещение было расположено там же, где раньше находились конюшни, как и оранжерея, выходило на сады и реку. Построенное строение точно соответствовало архитектуре поместья Истерли, а общая площадь земли была почти такой же, как сам особняк. Более десятка офисов, конференц-зал размером с лекционный зал хорошего колледжа, со своей кухней и столовой, Уильям Болдвейн руководил мульти-национальной семейной компанией своей жены, обособленной и ультрасовременной.

Почти никогда нельзя было увидеть кого-либо празднично шатающимся у здания, но по видимому что-то происходило внутри, поскольку группа в костюмах стояла на террасе главного конференц-зала, в месте для курящих и о чем-то оживленно беседовала.

«Странно», — подумала она. Мистер Болдвейн был курильщиком, казалось маловероятным, что эти люди были пригнаны на террасу только, чтобы получить долю его никотина.

И еще было странно то, что она фактически узнала одну некурящую женщину в этой толпе. Саттон Смайт, наследница «Саттон корпорации», входящей в список 500 крупных промышленников. Лиззи никогда не встречалась с ней лично, но было очень много статей, что эта женщина, возможно, всего лишь возможно, в следующем десятилетии, будет руководить одной из крупнейших компаний в мире по производству ликеро-водочной продукции.

Честно говоря, она уже казалась боссом, с темными уложенными волосами, в супердорогом, черном костюме без излишеств. На вид она была довольно эффектной, с яркими чертами лица и пышным телом, которое могло бы привести ее на территорию бимбо, если бы она была склонна разыграть эту карту, которой явно не являлась.

А что она тут делает?

Договаривается о постели с врагом.

Лиззи покачала головой и прошла через заднюю дверь кухни. Что бы там не происходило на террасе, не ее проблема. Она была далеко, далеко, в самом низу тотемного столба, и всего лишь испытывала необходимость, чтобы воздвигли шатер для ее цветочных композиций...

Вау.

«Говорят много поваров», — подумала она, наблюдая за стремглав поворачивающимися, бегущими и убегающими белыми колпачками, поварскими шапками мужчин и женщин, которые согнувшись делали слоеное тесто и грибную начинку, наполняя какие-то формочки.

По ту сторону всего этого от Гордон Рамзи была труднопроходимая дверь, открывающаяся с двух сторон, которая открывала вид в простой коридор, заполненный шкапами для уборки, прачечными и комнатами отдыха для горничных..., а также жилые помещения для дворецких, офисом финансиста-контролера и в конце лестницей для сотрудников.

Лиззи пошла к двери справа, на которой висела табличка «Частное владение» и постучала. Еще раз. Потом еще раз.

Учитывая, что Розалинда всегда была максимально энергичная и пунктуальная, как будильник, ее явно не было на месте. Возможно, она отправилась в банк...

— ...можем проверить еще раз через час, — сказал мистер Харрис, войдя в коридор с противоположного конца с главной экономкой. — Спасибо, миссис Молли.

— Рада была помочь, мистер Харрис, — пробормотала женщина в возрасте.

Лиззи встретила глазами с дворецким, пока миссис Молли уходила.

— У нас проблема.

Он остановился перед ней.

— Да?

— Мне нужно более двенадцати тысяч заплатить за шатер компании, а миссис Фриланд нет. Вы можете выписать чек?

— Они требуют двенадцать тысяч долларов? — спросил он, и у него проявился акцент. — За что столько?

— За прокат шатра. Это новая политика компании, полагаю. Они никогда не делали такого раньше.

— Это Истерли. Мы открыли у них счет с начала века, и они могли уступить. Позвольте мне.

Развернувшись на своих заостренных отполированных туфлях, он направился к себе в комнату... без сомнения собираясь позвонить владельцу-арендатору самолично.

Сможет ли он это проверить, чтобы Лиззи смогла сохранить свои шатры и столы? Его занудство вполне может стоять этих проблем.

Кроме того, если взять самый худший из худшего вариант, в крайнем случае Грета сможет выписать чек.

Одно было очевидно, Лиззи не собиралась обращаться к Лейну, чтобы решить проблему с шатром: меньше, чем за сорок восемь часов, весь мир соберется в имении, и ничего не может еще больше разозлить Бредфордов, чем то, что что-то может быть не так.

Пока она ждала торжествующего дворецкого в его костюме пингвина, прислонившись к гладкой, прохладной штукатурке стены, и невольно стала вспоминать о тупом решении, которое никогда бы не приняла...

Ей следовало бы оставить все как есть.

После ужасного столкновения с Лейной Болдвейном в темноте сада, она привела соответствующие доводы, чтобы он смог уйти. Так почему же она беспокоиться, что он может ошибаться на ее счет? Слово было безумным эгоцентриком и возмутительным дураком, мелочным ухажером? Она не должна перестраивать его мировоззрение..., кроме того, это все равно, что стрелять пушкой по воробьям.

Не то чтобы она не испытывала удовольствия, хотя бы от попытки своих высказываний.

Однако проблема состояла в том, что среди ее собственных недостатков не было необходимости иметь паралитика неправильно интерпретировавшего выражения и при этом являющемся двойником Ченнинг Татума.

Поэтому она давала ему совершенно правильную установку. И вообще, она разговаривала с ним на протяжении всей дороги домой тем вечером. А также на всем пути на следующее утро. И потом на протяжении целой следующей недели.

В конце концов, она поняла, что он начал избегать ее: впервые вернувшись домой после окончания аспирантуры, она не видела его все семь дней. Хорошей новостью было то, что при этом не присутствовало в округе и никаких женщин, приходивших к нему в комнату и остававшихся на время досуга для порно союза. Плохой новостью являлось, что она сейчас подготовила все свои речи, опасно поучительные речи за столько времени, и готова была быть как кошка, но только в своих мыслях, от того, что не видела его.

А Лейн определенно находился еще в Истерли. Его Porsche (поскольку он не ездил ни на какой другой машине) все еще стоял в гараже, а когда ей необходимо было поменять цветы у него в комнате, то она ощутила запах его одеколона, витающий в воздухе, и заметила его портмоне, лежащее на бюро, вместе с золотыми запонками.

Он играл с ней, и как бы ей не хотелось признаваться самой себе, это сработало. Она все больше на него злилась, и горела большей решимостью найти его, а не скрываться.

Он был мастером по женскому полу, это правда.

Ублюдок.

Держа очередной букет в руках, она направилась вверх по лестнице для прислуги в его комнату. Она не ожидала, что он будет у себя, но сама идея высказать ему пару красочных эпитетов, вселяла в нее одухотворение. Она настойчиво постучала в дверь и толкнула ее...

Лейн находился в комнате.

Он сидел на краю кровати, обхватив голову руками, наклонившись вперед.

Он даже не взглянул на вошедшую.

Казалось, он даже не заметил, что кто-то вошел.

Лиззи прочистила горло..., потом еще раз.

— Извините меня, я пришла поменять цветы.

Он дернулся и повернулся к ней. Его красивые глаза пытались сфокусироваться на ней, глухим грубым голосом он спросил:

— Прости? Что?

— Цветы, — она чуть выше подняла букет. — Я пришла поменять цветы.

— Ой. Спасибо. Это очень мило с твоей стороны.

Очевидно, он с трудом осознавал, что говорил. Его вежливость казалась автоматической, своего рода рефлексом, таким же, когда врач ударяет молоточком по колену.

«Тебя это не касается», — сказала она себе, направляясь к бюро.

На замену цветов потребовалось лишь доли секунды, держа в руках старый букет она двинулась назад к полуоткрытой двери. Она уговаривала себя не оглядываться на него, пока шла по направлению к выходу. От обслуживающего персонала она узнала о его грусти, потому что у его любимой охотничьей собаке был стригущий лишай... или, были такие предположения, его девушка из Вирджинии узнала о всех его внеурочных занятиях, происходящих здесь, в Чарлмонте.

Это было самой большой ошибкой, которую она совершила, достигнув входной двери.

Позже раздумывая об этом, она каждый раз убеждалась, что если бы продолжила свой путь, то была бы в порядке, но тогда, тогда ее огорошили сообщением, и она опустила свои стены самозащиты. Их жизни не врезались бы друг в друга и не оставили бы ее полностью разбитой на осколки.

Но она обернулась.

И ей пришлось тогда спросить:

— Что-то случилось?

Лейн поднял на нее глаза.

— Прости?

— Какие-то проблемы?

Он уперся ладонями в колени.

— Извини.

Она еще подождала чего-то.

— О чем?

Он закрыл глаза, опять опустив голову вниз.

Хотя он не издал при этом ни звука, она вдруг поняла, что он заплакал.

И это было настолько искренне, совершенно не то, чего она ожидала от такого, как он.

Она прикрыла входную дверь, поскольку хотела защитить его частную жизнь.

— Что случилось? Все в порядке?

Покачав головой, глубоко вдохнул, приходя в себя.

— Нет. Ничего не в порядке.

— Твоя сестра? Я слышала, у нее какие-то проблемы...

— Эдвард. Они похитили его.

— Эдвард...? — Боже, она видела этого мужчину здесь в имении время от времени. Он казался ей не тем мужчиной, которого можно вот так просто «похитить». В отличие от его отца, офис, которого находился в Истерли, Эдвард предпочитал работать в штаб-квартире

ВВС в самом центре города. И из того немногого, что она слышала о нем, он был полной противоположностью Лейну, очень серьезный и очень агрессивный бизнесмен.

— Прости, я не совсем понимаю? — сказала она.

— Он был похищен в Южной Америке с требованием выкупа, ведутся переговоры, — он усиленно потер лицо. — Я не могу представить, что они с ним делают... прошло уже пять дней с тех пор, как они попросили выкуп. Господи, как это произошло? Его должны были охранять. Кто позволил этому случиться?

Потом он встряхнулся, и посмотрел на нее тяжелым взглядом.

— Ты не должна ничего рассказывать. Джин ничего не знает. Мы держим все в тайне, чтобы ничего не просочилось в прессу.

— Я не скажу. Я имею в виду, я не скажу ни слова. Власти как-то задействованы в этом?

— Отец вел с ними переговоры. Это кошмар... я говорил ему не ездить туда.

— Мне так жаль, — Какое пафосное заявление. — Я могу как-то помочь?

Очередной раз какая-то жалкая кучка слов.

— На его месте должен был быть я, — пробормотал Лейн. — Или Макс. Почему не один из нас? Мы не представляем ценности. Это должен был быть один из нас.

Следующее, что она сделала, не задумываясь, поставила вазу на пол и подошла к его кровати.

— Я могу что-нибудь сделать для тебя?

— Это должен был быть я.

Она села рядом и подняла руку, чтобы коснуться его плеча, но потом одумалась, что...

Мобильник надрылся на тумбочке, а когда он не пошевелился, она спросила:

— Ты действительно не хочешь ответить?

Когда он ничего не сказал, она наклонилась и посмотрела на экран. Шанталь Блэр Стоу.

— Думаю, это твоя девушка.

Он взглянул на нее.

— Кто? — Лиззи протянула руки и взяла трубку, показывая ему экран. — Нет, я не хочу с ней разговаривать. И она не моя девушка.

Лиззи удивилась, поскольку была осведомлена, как раз о другом, но положила телефон на место.

Лейн покачал головой.

— Эдвард единственный из нас, кто стоит хотя бы десять центов.

— Это неправда.

Он засмеялся жестким смехом.

— Черт возьми, это как раз так. И ты сама об этом говорила на прошлой неделе, не так ли?

Внезапно Лейн сосредоточился на ней, и наступила странная тишина, как будто он только что понял, кто находился с ним в спальне.

Сердце Лизы бешено забилося. В его глазах появилось что-то такое, чего она не заметила раньше... и Бог ей в помощь, она поняла, что это было.

Секс с плейбоем интересовал ее меньше всего. А первородная похоть настоящего мужчины? От этого... было уйти намного сложнее.

— Тебе необходимо сейчас же уйти, — сказал он сдавленным голосом.

«Да, — сказала она себе. — Уйти».

И по какой-то непонятной себе причине, она прошептала:

— Почему?

— Потому что я хотел тебя, когда это была просто игра, — его взгляд был прикован к ее губам, — но в моем нынешнем состоянии, я нуждаюсь в тебе.

Лиззи отшатнулась, и в этот раз он рассмеялся глубоким и низким смехом.

— Разве ты не знаешь, что стресс, действует как алкоголь? Делая тебя безрассудным, глупым и голодным. Я знаю это... поскольку моя семья занимается производством очень...

— Все улажено, мисс Кинг.

Лиззи подскочила на месте задохнувшись.

— Что!

Мистер Харрис нахмурился.

— По поводу аренды шатра. Я позаботился об этом.

— О, да, великолепно. Спасибо.

Она споткнулась, отвернувшись от дворецкого. Затем пошла по коридору, направляясь в сторону общественных помещений дома. Мистер Харрис окликнул ее, привлекая внимание, она вернулась, нашла дверь наружу и выпорхнула...

Прямо в сад.

Прямо под окно спальни Лейна.

Обхватив ладонями щеки, она вспомнила, как он целовал ее после тех двух ночей, которые она просидела с ним в его спальне.

Именно она была той, кто искал с ним встречи, и уже не использовала отмазки в виде смены букета цветов: она ждала столько, сколько была в состоянии выдержать, и потом сознательно уходила в свою комнату в конце рабочего дня, чтобы понять добивается ли он с ней встречи без всякой на то причины.

В прессу не просочилось ничего. Освещение всех событий произошло позже, когда Эдвард наконец вернулся домой.

Во второй раз она отправилась в его номер, постучала более тихо, и через мгновение он открыл дверь... и она увидела, насколько сильно он постарел за эти дни. Он был изможден, небрит, с черными кругами под глазами. Хотя он переоделся, но это была просто другая версия той же одежды, которую он всегда носил: рубашка с пуговицами на выпуск с монограммой. Дорогие брюки, которые были помяты от сидения и на сгибе колен. Лоферов от Гуччи не было, только темные носки.

И весь его вид собственно и говорил о том, что она хотела узнать.

— Пойдем со мной, — позвала она его. — Нужно выбираться из этой комнаты.

Хриплым голосом он спросил который час, и она сказала — уже после восьми. Когда он в замешательстве взглянул на нее, ей пришлось уточнить, что наступил вечер.

Она вела его вниз по черной лестнице, как ребенка, взяв за руку и говоря всякую чепуху. Единственное, он сказал, что не хотел бы, чтобы кто-то увидел его, и она действительно позаботилась об этом, обходя с ним столовую и происходящую там беседу, пытаясь уберечь его от посторонних глаз.

Она вывела его в теплый вечер, слышала смех, доносившийся из этой грандиозной официальной комнаты, где происходил ужин.

«Как они могли так себя вести?» — подумала она. Смеяться и разговаривать, словно ничего не произошло, не произошло ничего ужасного... словно один из членов семьи не находился далеко, слишком далеко и не был в опасности.

В тот момент она даже не могла ответить самой себе, почему так беспокоилась о Лейне

из-за того, что он так страдает. Единственное, что она могла сказать, неисправимый плейбой, которого она вычеркнула из всех списков, являющейся отбросами своей семьи, вдруг в ее глазах стал человеком, и его боль очень волновала ее.

Они не ушли далеко. Всего лишь шли по дорожке, выложенной между кустами и грядками, подходя ближе к беседке, находившейся в дальнем углу сада.

Они сидели молча. Она протянула ему руку, он крепко сжал ее, как бы держась.

И когда он повернулся к ней, она поняла его намерения, хотя он ничего не сказал. У нее все перемешалось в голову, и всевозможные подожди, стой, слишком большая разница...

Но она наклонилась чуть-чуть вперед, и их губы соприкоснулись.

Мысли были такими запутанными, а поцелуй таким простым.

Но он не остался таким уж простым. Он схватил ее в свои объятия, она позволила ему. Он положил руки поверх ее одежды, и это тоже она позволила ему.

Где-то на середине поцелуя, она вдруг поняла, что ненавидела его, поскольку стала испытывать влечение. Безумное влечение к нему. И она действительно наблюдала за ним, плавающим в бассейне тогда, хотя до этого было тоже всего предостаточно: каждый раз, когда он приезжал домой и оставался, она пыталась увидеть его, хотя она опровергала это любому и всем, кто бы ни сказал ей об этом, но никто и не говорил. Новость, что он прибыл в Истерли, как правило возбуждала ее, а его отъезд подавлял. И горькая реальность была такова, что она завидовала тем женщинам, этим тупым блондинкам с совершенными телами и их манерой по южному растягивать слова, которые использовали на благо себе его легендарные не перестающие открываться двери спальни.

Правда заключалась в том, и она не хотела признаваться в ней себе самой, что она любит его независимо от его демографической принадлежности.

И дело было не в его деньгах, староинной родословной, несметном количестве женщин, и не в том, что он был очень красив и у него была слишком красивая улыбка.

В нем было то, что заставляло ее испытывать к нему чувства, и она ненавидела это. Но самое уязвимое место было — порочный проныра, вошедший в ее жизнь, этот нежеланный гость, который следовал за ней попятам на работу, а также преследовал ее даже во сне.

Оглядываясь назад, ей следовало этого ожидать. Перво-наперво прислушаться к своему инстинкту, нежели поддаться его невероятной привлекательности.

Однако жизнь не всегда так предусмотрительна в отношениях.

Иногда мы просто не обращаем внимания на тревожные сигналы и мчимся вперед, и кричим, не вписываясь в незамеченный поворот.

Она все еще испытывала боль от крушения, это уж точно.

Красно-черные конюшни, графство Огден, штат Кентукки

Когда солнце начало садиться, его золотые лучи проникали в открытые конюшни Бредфордов, струясь на широкий бетонный проход и оставляя за собой след настоящей магии, подсвечивая сено и пылинки пыли, которые неторопливо плыли по воздуху. Ритмичный звук метлы, раздававшийся в стойле, и головы кобыл с их умными глазами и изящными мордами, вопросительно выпяченными вперед.

Эдвард Уэстфорк Брэдфорд Болдвейн медленно передвигался по проходу, поскольку его тело не было уже таким, как раньше. И даже не было уже столько сил, постоянные боли появлялись от легкого занятия. Он испытывал постоянный хронический дискомфорт, который усиливался стоило ему остановиться или сделать какое-нибудь иное движение.

Он уже привык к этому.

Соединение мышц и костей, и органов, которые поддерживали его мозг в путешествии в нынешнем человеческом воплощении являлся механизмом, не так хорошо осуществляющим взаимодействие. Это примерная устоявшаяся предпочтительная активность была главным условием, в некотором роде, нежели устойчивый покой в любом положении. Его физиотерапевты, лучше сказать Садисты, сказали ему вести активный образ жизни с разнообразными занятиями, это напоминало, словно они объясняли кому-то, что можно переформатировать мозги с помощью трудотерапии.

Чем больше он будет менять сферу деятельности, тем лучше будет для его «восстановления», так они говорили.

Он всегда произносил это слово в кавычках. Настоящее восстановление для него означало, вернуться к тому, кем он был... и чего никогда не произойдет, даже если он сможет ходить прямо, правильно питаться и спать всю ночь, не просыпаясь.

Пути назад вернуться к тому прежнему, когда он был моложе, намного добродушнее, выглядевшего лучше, той версии самого себя, не было.

Он ненавидел Садистов, но они были частью длинного списка, к которому он испытывал злобу. И его переломанное тело, которое они с такой решимостью решили починить, просто невозможно было исправить. Как долго он уже был в таком состоянии? И до сих пор испытывал боль, все время постоянную боль, когда ему с трудом удавалось найти силы в себе, чтобы прорваться через эту стену огня и взять себя в руки, чтобы его тело более или менее могло функционировать, придя в некое подобие порядка.

Все это напоминало, словно в каждой подворотне он встречался с грабителем, с которым пытался бороться.

Иногда он задавался вопросом, будет ли он чувствовать себя менее изможденным, наступит ли время, когда он будет встречаться с другим преступником, другим недоброжелателем, который наконец смотается из его жизни.

Однако, грабитель оставался все время постоянным и последовательным.

— Что ты делаешь, девочка? — он остановился, чтобы погладить черную морду лошади. — Все в порядке?

После фыркания в ответ от породистой кобылы, Эдвард продолжил свой путь. Сезон размножения прошел очень хорошо, и у него было девяносто процентов из его двадцать трех кобыл, готовых родить. Если все пройдет, как запланировано, то они родят в январе

следующего года, хотя это и критический момент для обеспечения рождения в начале года: для скачек, часы начали тикать, отсчитывая дни по календарю, а не по фактической дате рождения, если вы хотите в будущем получить трехлеток, готовых участвовать в Дерби, соответствующего возраста и сильных, насколько это возможно. Вам лучше оплодотворить кобыл не позднее марта, поскольку почти год они ходят беременными.

Большинство людей, имеющих отношение к скачкам, работают в стратифицированной системе, где заводчики отделялись от инструкторов годовалых, которые в свою очередь отделялись от наездников скачек. Но у него было достаточно денег и времени, поэтому он не только разводил лошадей, но проводил своих лошадей в начальную школу здесь же, на своей ферме, затем в среднюю школу в центре, который он купил в прошлом году, разместив стойло из блоков в Steeplehill Downs в Чарлмонте и Garland Downs в соседнем Арлингтоне штат Кентукки.

Деньги, необходимые для его разведения и подготовки к скачкам были астрономическими, и соответственно возврат инвестиций был чисто гипотетическим... именно поэтому синдикат инвесторов, как правило, вкладывая деньги, разделял обычные финансовые риски и прибыли. Он, со своей стороны, не стал создавать синдикат. С инвесторами. Партнерами.

И он еще не потерял ни цента. На самом деле, он зарабатывал деньги. Его деятельность в последние полтора года, начала давать замечательные результаты — все благодаря Нибеканзеру, жеребцу-производителю, который оказался гораздо сильнее, сукин сын, нежели он когда-либо сталкивался. Этот мерзкий ублюдок быстро осеменял, создавая новое потомство жеребцов и кобыл, хотя Эдвард ничего такого за ним не замечал раньше, пока не переехал сюда, в красно-черный коттедж смотрителя и не купил четырех копытное отродье дьявола и трех уже двухлеток из потомства Ниба на аукционе. А в следующем году? Все трое из его потомства выиграло каждый более чем двести тысяч в апреле, и одна из лошадей пришла второй в Дерби, третья — в Прикнессе, а первая — в Белмонте.

И все это было из его питомника, производящего лошадей для скачек, как говорится. В этом году он намеревался сделать все еще лучше — выставить двух своих лошадей в Дерби.

Оба были зачаты Нибом.

Он не мог точно сказать, что его сердце полностью принадлежало этому бизнесу, но по крайней мере это было намного лучше, чем сидеть сложа руки и размышлять о том, что он потерял.

Как и все эти скаковые лошади, он был зачат, рожден и соответственно обучен для будущего компании «Брэдфорд Бурбон». Но, как чистокровный жеребец, который сломал ногу, это естественно, стало уже не его будущим.

— Buenas noches, jefe (*Добрый вечер, шеф. — исп.*)

Эдвард кивнул одному из своих одиннадцати конюхов.

— Hasta mañana (*доброй ночи! — исп.*)

Он продолжил подметать, наклонив голову вниз...

— Jefe, hay algo aquí. (*Шеф, кое-кто прибыл. — исп.*)

— Кто?

— No sé. (*Не знаю. — исп.*)

Эдвард нахмурился и взял метлу, в виде трости, похрамав на выход к открытому пространству. Снаружи, на круговой дороге, длинный черный лимузин в целых два акра двигался, потом остановился перед входом в конюшню А.

Мое Браун, управляющий конюшнями вышел к чудовищу, двигаясь широкими шагами и сокращая расстояние. Мое было шестьдесят, долговязый, как забор, и умный как инженер-математик. Он также имел чутье: этот парень мог очень многое сказать о будущей лошади с того момента, как она впервые встала на свои копыта. Он оказывал потрясающую и неоценимую помощь в бизнесе.

И он медленно, но верно обучал своим секретам Эдварда.

Врожденным талантом Эдварда была селекция. Он, казалось, чувствовал нутром, что произойдет при смешении родословной.

Мое остановился у лимузина, шофер, одетый в униформу, вылез и обогнул автомобиль, направляясь к задней двери, Эдвард отрицательно покачал головой, когда увидел, кто выходил из машины.

Пендергаст решила применить тяжелую артиллерию.

Женщина сорока лет, вылезая с пассажирского сидения, была тоньше в три раза, чем Мое, одета в розовые цвета от Шанель, и имела такое количество волос на голове, гораздо больше, чем весь хвост Наби. Красивая как королева, избалованная, как померанский шпиц, используя свою стальную хватку, выставляя свою кандидатуру за счет своих денег, Багги Пендергаст прибыла, чтобы добиться своего.

К примеру, лет пять назад она разыграла прекрасную карту, заполучив одного из отпрысков старинной семьи, занимающейся нефтью, он отбросил в сторону свою вполне приличную первую жену в ее пользу. И с тех пор она тратила его деньги на лошадей.

Эдвард уже три раза сказал ей по телефону «нет».

Никакого синдиката. Никаких соучредителей. Никаких партнеров.

Он сделал все сам и никто другой.

Мужчина, появившейся после Багги не был ее мужем, и учитывая портфель, который он нес в руке, можно было предположить, он был каким-то финансистом. Естественно, не охранником. Слишком низковат, и в его взгляде было столько тестостерона, Эдвард никогда не видел.

Мое начал пререкаться с ними, и Эдвард сделал вывод, что это не очень хорошо. Потом дела пошли еще хуже, когда портфель был водружен на капот лимузина, и Багги эффектно раскрыла его, словно она вознеслась, оголив ноги под юбкой, в ожидании, что все застонут от одобрения.

Эдвард вышел на солнце со своей метлой, используемой как трость, в совершенно плохом настроении. Когда он подошел, Багги не выглядела побежденной. Он остановился позади Мое, на которого она смотрела испепеляющим взглядом, как будто ни во что не ставила управляющего конюшнями, получая удовольствие от игры.

— ...четверть миллиона долларов, — сказала она, — и я уйду с моим жеребцом.

Мое передвинул соломинку в другую сторону рта.

— Не думаю.

— У меня есть деньги.

— Вы должны покинуть частные владения...

— Где Эдвард Болдвейн! Я хочу поговорить с ним.

— Я здесь, — сказал Эдвард низким голосом. — Мое, я разберусь.

— И пошлет нам Господь маленькое чудо, — пробормотал мужчина, уходя.

Цветные линзы Багги прошли по телу Эдварда вверх-вниз, ее лицо, обколотое ботоксом, напряглось от шока, который он отчетливо почувствовал.

— Эдвард... ты выглядишь...

— Сокрушенным, знаю, — он кивнул на деньги. — Заканчивай свое нелепое шоу, возвращайся в свой автомобиль и отправляйся по своим делам. Я сказал тебе по телефону, я не продаю свой товар.

Багги прочистила горло.

— Я, ах, слышала, что с тобой случилось. Я не предполагала, однако...

— Пластические хирурги проделали прекрасную работу с моим лицом, ты не находишь?

— Ах... да. Конечно, прекрасную.

— Но достаточно разговоров. Ты уезжаешь.

Багги нацепила улыбку на свое лицо.

— Эдвард, как давно наши семьи дружат?

— Семья твоего мужа знакома с нашей уже более двухсот лет. Я не знаю твоих родственников и не собираюсь с ними знакомиться. Но в чем я уверен, что ты уйдешь отсюда без прав на жеребца. Теперь, уходи. Убирайся.

Он отвернулся, но она сказала:

— Здесь двести пятьдесят тысяч долларов лежат в этом кейсе.

— И ты полагаешь, меня это должно впечатлить? Моя дорогая, я могу ненароком найти четверть миллиона в подушке своего дивана, уверяю тебя, я совершенно не поколебим по поводу тобой устроенного шоу ликвидности. Более того, меня нельзя купить. Ни за доллар. Ни за миллиард, — он взглянул на шофера. — Я иду за своим ружьем. Или ты затаскиваешь себя обратно в лимузин и говоришь своему водителю жать на газ?

— Я все расскажу твоему отцу! Это позор...

— Мой отец для меня умер. Ты можешь обсудить с ним свои дела, но для тебя это будет также, как и пустая поездка сюда, только зря потраченное время. Наслаждайся выходными... в другом Дерби.

Передвигая вперед метлу, он, волоча ноги, отправился напрямик к конюшне. И его уход был оглашен открывающимися и закрывающимися дверьми лимузина, визгом шин об асфальт, и он мог предположить, что эта женщина скулила в телефон своему мужу на двадцать лет старше ее, о том, как бесстыдно она провела время.

Хотя, если учитывать сплетни, то в свои двадцать лет она была экзотической танцовщицей, но Эдвард мог догадаться, что скорее всего она была намного хуже в своей прошлой жизни.

Прежде чем он вошел внутрь и продолжил подметать пол, он взглянул на свое хозяйство: сотни акров лугов для объезда лошадей, распределенных на загоны темно-коричневыми ограждениями. Три конюшни с красно-серыми шиферными крышами и с черным сайдингом с красной отделкой. Хозяйственные постройки с инвентарем, современными жилыми трейлерами, белый фермерский дом, где он гостил, клиника и площадка для тренировок.

Все это принадлежало его матери. Ее прадед купил землю и начал разводить лошадей, а потом ее дед и ее отец продолжали инвестировать в этот бизнес. Многие уже забылось, после того, как ее отец умер около двадцати лет назад, Эдварда точно никогда к этому не проявлял особого интереса.

На правах старшего сына, ему было предназначено войти в руководство компании «Брэдфорд Бурбон»... и если честно, там и находилось его сердце, даже больше, чем было продиктовано единонаследованием. Он был дистиллятором в крови, настолько

щепетильным в отношении производимого продукта, как священник.

Но потом все изменилось.

И красно-черные конюшни были лучшими, после его решения уйти из бизнеса, который занимал все его дни, пока он не напивался, чтобы заснуть. И это решение было еще лучшим, поскольку его отец не был причастен к этому.

То небольшое время, пока он находился здесь с луговой травой и лошадьми.

Это было все, что он имел.

— Вам нравится, что эти конюшни не продали? — из-за его спины спросил Мое.

— Не очень, — он перенес тяжесть тела и снова начал подметать проход. — Но никто не станет хозяином этого хозяйства, даже сам Господь Бог.

— Вы не должны так говорить.

Эдвард оглянулся через плечо, чтобы взглянуть ему в лицо.

— Ты действительно думаешь, что я чего-то боюсь теперь?

Мое перекрестился, Эдвард закатил глаза и вернулся к работе.

— ...лежу в постели и играю со своей грудью, — Вирджиния Элизабет Болдвейн, Джин, как ее называли в семье, откинулась на своем мягком кресле. — Сейчас я кладу руку между ног. Что ты хочешь, чтобы я сделала там сейчас? Да, я голая... а какой еще должна быть? А теперь скажи мне, что делать.

Она постучала сигаретой по хрустальному бокалу бакара, который опустошила за десять минут и положила ногу на ногу под шелковым халатом. Она впилась взглядом в своего парикмахера в зеркале ванной комнаты, которая усиленно трудилась над ее волосами.

— О, да, — простонала она в мобильник. — Я мокрая... такая мокрая, только для тебя...

Ей пришлось закатить глаза, на манер хорошей девочки, но Конраду Стетсону это нравилось, поскольку он был, в своем роде, старомодным мужчиной... он нуждался в иллюзии, что женщина, с которой он изменяет своей жене, была моногамна по отношению к нему.

Такая глупость.

Но Джин достаточно изучила его за первые дни знакомства, совершив ряд бурных действий, которые медленно, но неумолимо вытягивали его из брака. Она уже торжествовала, наблюдая как он упорно сопротивлялся влечению к ней, испытывая стыд, впервые поцеловавшись с ней и пытался так настойчиво не звонить ей, не встречаться с ней, не искать. Неделю или две, она действительно была заинтересована в нем, но его внимание стало напоминать снадобье, которое явно приелось.

Разве не трахалась она с ним несколько раз? Ну, да было, но исключительно в миссионерских позах.

— Да, да, да... я кончаю, кончаю...

Ее стилист покраснела от смущения, когда она «кончила», но продолжала заниматься ее темными волосами, в этот момент вошла горничная из гардеробной с бархатной коробочкой. В ней находилось два ювелирных гарнитура: один — из Бирманских рубинов от Cartier, сороковых годов и другой — из сапфиров, сделанное в конце пятидесятых Van Cleef & Arpels. Оба кольца были бабушкины, одно из них было передано мужем Старшей Вирджинии Элизабет, когда мать родила Джин, другое — передано бабушкой и дедушкой на двадцатую годовщину свадьбы ее родителей.

Джин издала стон, затем выключила звук на своем телефоне и укоризненно покачала головой горничной.

— Я хочу бриллианты Уинстона.

— Я полагаю, что миссис Болдвейн наденет их.

И Джин, словно копируя жену брата, Шанталь, в сотню с лишним карат безупречно улыбнулась и медленно произнесла, словно разговаривала с идиоткой:

— Возьмите бриллианты, которые мой отец купил матери, чертово кольцо и серьги, и принесите их сюда.

Горничная побледнела.

— Рада... помочь.

И прежде чем женщина вышла из спальни, Джин окликнула ее:

— И почистите их для начала. Я терпеть не могу этот лекарственный парфюм, который

исходит от нее.

— Рада помочь.

Она немного преувеличила, назвав Flowerbomb от Viktor & Rolf «лекарственным парфюмом», но это, конечно, был не Шанель. Хотя, что можно ожидать от женщины, которая даже не перешла на запах сладкой розы? (*Viktor & Rolf — кутюрье из Нидерландов, «страны, в которой моды не существует». Горячие почитатели Ив Сен Лорана, они предлагают новое видение моды, при котором фантазия и элегантность идут рука об руку.*)

Джин включила звук на телефоне.

— Малыш, я должна идти. Мне нужно собираться, жаль, что тебя нет здесь, со мной рядом, но ты же понимаешь.

Мужской взрослый голос что-то пробормотал, как всегда выдавая какие-то никчемные реплики.

Господи, у него всегда так явно проявлялся южный акцент? Бредфорды никогда не имели такого явного искаженного говора, да они растягивали слова, давая понять, на какой стороне Линии Мэйсона-Диксона они родились и жили, и при этом знали разницу между бурбоном и виски. (*Линия Мэйсона — Диксона (англ. Mason — Dixon Line) — граница проведённая в 1763–1767 годах английскими землемерами и астрономами Чарльзом Мэйсоном и Джеремией Диксоном для разрешения делящегося почти век территориального спора между британскими колониями в Америке: Пенсильванией и Мэрилендом. Линия чётко определила границы современных американских штатов Пенсильвания, Мэриленд, Делавэр и Западная Виргиния. До гражданской войны линия Мэйсона — Диксона служила символической границей между свободными штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга.*)

Последнее казалось смехотворным.

— Пока, — сказала она и повесила трубку.

Как только она отключилась, решила про себя, что пора прекратить с ним отношения, поскольку Конрад стал поговаривать, что готов уйти от жены, а она этого не хотела. У него было двое детей, черт побери... о чем он думал. Одно дело поразвлечься на стороне, но детям просто необходима хотя бы видимость, что у них есть двое родителей.

Плюс, она уже поняла, что мать из нее никакая, даже для золотой рыбки.

Через полчаса она стояла одетая в красное платье Кристиан Диора, высшего класса с ожерельем от Гарри Уинстона, ощутимой тяжестью и прохладными камнями, покоящееся у нее на шеи. Она пахла Коко Шанель, классикой, которыми стала пользоваться, когда ей исполнилось тридцать, на ногах красовались Лубутены. (*Harry Winston (рус. Гарри Уинстон) — американский производитель ювелирных украшений и наручных часов класса люкс. Основатель компании, Гарри Уинстон, стал первым ювелиром Нового Света, покорившим Европу безупречными бриллиантами и филигранной техникой ювелирного исполнения.*)

Она не надела трусики.

Самуэль Теодор Лодж собирался прийти к обеду.

Выйдя из своей комнаты в коридор, она взглянула на противоположную дверь. Шестнадцать лет назад в этот день, она родила девочку, которая жила в той комнате, Амелию. И на этом ее участие в воспитании Амелии и закончилось. Няни для грудной девочки, за которыми последовала еще два штата нянь по истечении определенного времени, и теперь они тоже присутствовали, находясь на территории частной средней

ШКОЛЫ.

Она даже не пыталась хотя бы изредка увидаться с дочерью.

На самом деле, Амелия не приехала домой на весенние каникулы, и это было не так уж плохо. Но на подходе было лето, и возвращения девушки из Hotchkiss особенно никто не ждал, но Амелия скорее всего с нетерпением и радостью ожидала этого.

Может есть какая-нибудь возможность отправить шестнадцатилетнего ребенка в летний лагерь?

Возможно, им следует отправить ее в Европу в тур на два месяца. Викторянцы проделывали это сто лет назад, когда даже не было самолетов и автомобилей.

Они, в конце концов, могли бы заплатить кому-нибудь, кто смог бы ее сопровождать.

И вообще, было огромное желание удерживать дочь, как можно дальше от Истерли, поскольку Джин не любила ее. Ее присутствие было для нее слишком неприкрытым приговором в выборе, совершенных действий и лжи, которые сотворила сама Джин, и никто другой... и иногда лучше находится от этих напоминаний как можно дальше, а не иметь их все время перед глазами.

Кроме того, тур по Европе был великолепной идеей. Особенно, если она все правильно сделает.

Джин двигалась вперед, направляясь прямым ходом к лестнице, как в Таре (*имеется ввиду поместье Тара в романе «Унесенные ветром» Маргарет Митчелл*), раздваивающейся на верхней площадке, превращаясь в две, ведущие в огромный мраморный холл Истерли. Платье шуршало при каждом ее движении, ниспадающий шелк терся о нижние юбки, и этот звук заставлял ее представлять приглушенный разговор француженок, шьющих это платье.

Спустившись вниз, она повернула правее, поскольку так было ближе к комнате, в которой всегда подавались коктейли, она услышала шаги и голоса. Скорее всего на уже будет присутствовать тридцать два человека, и она будет сидеть с матерью, которая должна прийти, за длинным столом напротив отца, восседающего во главе.

Она делала это миллион раз, и будет проделывать еще миллион раз, поскольку исполняла обязанности хозяйки дома... и, если честно, этот долг она выполняла с честью.

Сегодня, почему-то на сердце была грусть.

Наверное, из-за дня рождения Амелии.

Лучше нужно выпить.

Особенно учитывая тот факт, что когда она позвонила дочери, Амелия отказалась спуститься вниз и подойти к телефону общежития.

Именно так бы поступила и сама Джин.

Видите? Она была хорошим родителем, поскольку понимала своего ребенка.

Лейн отказался одевать черный галстук на ужин. Он также остался в своих брюках, сменив только соответствующую рубашку на пуговицах, вместо той, в которой уехал жить с Джеффом на север.

Он спустился вовремя.

Как только попал на первый этаж, попытался избежать собравшихся людей и стал искать выпивку, но встретил старого друга, прежде чем он налил себе Family Reserve.

— Ну и ну, наконец-то нью-йоркец вернулся к своим корням, — произнес Сэмюэль Теодор Лодж III, когда он вошел.

Лейн невольно улыбнулся.

— Как поживает мой любимый загоревший под южным солнцем адвокат?

Пока они обнимались и хлопали друг другу по спине, белокурая женщина, висевшая на руке Сэмюэля Т., внимательно следила за ними и ничего не осталось незамеченным от ее огромных глаз, которые были намного больше, чем можно было сказать о ее платье. Настолько короткое сверху и снизу, что еще чуть-чуть и она могла бы остаться в нижнем белье.

Она однозначно чуть ли не сливалась с Сэмюэлем Т.

— Позволь мне представить мисс Саванна Лок, — Сэмюэль Т. кивнул на женщину, как бы давая ей разрешение показаться, и она окончательно вжалась в него, наклоняясь и протягивая бледную, тонкую руку. — Сходи, принеси нам выпить, дорогая, если тебя не затруднит? У него имеется Family Reserve.

Женщина двинулась к бару, Лейн отрицательно покачал головой.

— Я могу обслужить себя сам.

— Она стюардесса. Она привыкла обсуживать людей.

— Разве теперь они называются стюардессы?

— Так что же заставило тебя вернуться? Это явно не относится к Дерби. Эдвард?

Лейн просто пожал плечами, не собираясь вдаваться в подробности по поводу ситуации с мисс Авророй. Слишком было волнительно для него.

— Мне нужна твоя помощь кое в чем. В профессиональном плане, вернее.

Глаза Сэмюэля Т. тут же сузились, затем опустились на его руку, где должно было быть обручальное кольцо Лейна.

— Решил прибраться в доме, не так ли?

— Насколько быстро ты сможешь подготовить документы? Я хочу, чтобы никто не знал, и все было сделано как можно быстрее

Мужчина кивнул.

— Позвони мне завтра утром. Я обо всем позабочусь.

— Спасибо.

Наверху парадной лестницы появилась его сестра Джина, и начала спускаться, остановившись, предполагая, что собравшиеся захотят изучить платье, в которое она была одета... красное платье, и драгоценности были такой стоимостью, что на самом деле на них стоило обратить внимание. Акры красного шелка спадали на пол, комплект бриллиантов достойных Принцессы Ди, словно она была достойна всех Оскаров, журнала «Town & Country» и двора королевы Великобритании, в общем всего сразу.

Восстановилась полная тишина, через весь холл пронесся трепет или вздохи осуждения.

Репутация Джин опережала ее.

Скорее всего это было семейное.

Но как только она увидела Лейна рядом с Сэмюэлем Т., ее брови взметнулись вверх, и на долю секунды она открыто и радостно улыбнулась, тот прежний свет вернулся в ее глаза, как бы стирая годы у них троих, какими они были раньше до того, когда столько всего произошло.

— Прошу меня извинить, — сказал Сэмюэль Т. — Я пойду посмотрю, что с нашей выпивкой. Думаю, моя спутница заблудилась на обратном пути.

— Дом не настолько большой.

— Может, для тебя и для меня.

Сэмюэль Т. отвернулся, Джин приподняла свое красное платье и наконец закончила свой выход. Ступив на мраморный черно-белый пол, она подошла напрямик к Лейну, ее

шпильки, цокали по камню, положенному сотни лет назад. Он рассчитывал приветствовать ее по-джентльменски, просто пожать руку, но они обнялись, и он дотронулся до ее волос и драгоценностей, но сжав ее в своих объятьях, он почувствовал ее дрожь.

— Я так рада, что ты вернулся, — сказала она сиплым голосом. — Тебе стоило сообщить мне об этом.

Он вдруг вспомнил, что сегодня день рождения Амелии.

Он собирался что-то сказать, но она отступила назад и вернула соответствующую маску на лицо, Кэтрин Хепберн освободила бы свое место, поскольку появилась прекрасная замена, вызвав у Лейна боль в груди.

— Мне нужно выпить, — заявила она. — И куда отправился Сэмюэль Т.?

— Он не один сегодня, Джин.

— Как будто, это имеет значение?

Она ушла с поднятой головой, расправив плечи, ему стало жаль бедную блондинку-стюардессу. Лейн не имел понятия, кто сопровождает Сэмюэля Т., но она однозначно получила право на это свидание: в баре, она уселась ему на колени, словно револьвер, вошедший в кобуру, полностью отдавая себе отчет, что собирается применить средства защиты своей территории.

По крайней мере, ему будет на что посмотреть за ужином.

— Ваш Family Reserve, сэр? Мистер Лодж попросил принести вам стакан с его высочайшим уважением.

Лейн повернулся на звук голоса и улыбнулся. Реджинальд Трессел был барменом в Истерли по жизненно, афро-американский джентльмен в черном фраке и начищенных туфлях был более знаменит, чем многие из гостей, присутствующие здесь.

— Спасибо, Редж, — Лейн взял низкий стакан из хрусталя с серебряного подноса. — Привет и спасибо, что сообщил о мисс Авроре. Ты получил мое голосовое сообщение?

— Да. И я понял, что вы захотите приехать сюда.

— Она выглядит лучше, чем я думал, у нее все будет хорошо.

— Она старается. Вы не уедите в ближайшее время, не так ли?

— Эй, как дела у Хейзел? — Лейн отклонился от прямого ответа.

— Намного лучше, спасибо. И я также знаю, что вы не вернетесь на север, пока не закончите кое-какие дела.

Реджинальд улыбнулся, и его улыбка осталась прежней, не изменилась затемненного света в его темных глазах, потом он решил вернуться к своим обязанностям, начиная пробираться через толпу, как известный государственный деятель, и многие приветствовали его, как равного.

Лейн вспомнил, что когда он был молодым, окружающие говорили, что мистер Трессел являлся как бы неофициальным мэром Чарлмонта, и это, конечно же, осталось прежним.

Господи, он не был готов отпустить и потерять мисс Аврору. Это было своего рода, словно выставить Истерли на продажу, что было фактически невозможно, но он не мог понять, как Вселенная все еще продолжает функционировать должным образом...

Запах сигаретного дыма заставил его окоченеть.

Существовал только один человек, которому разрешалось курить в доме.

От этой мысли, Лейн стал пробираться в противоположном направлении.

Его отец всегда курил в лучших традициях Истерли, означающие, что несмотря на то, что мужчина был астматиком, он рассматривал в этом свое патриотическое право

заработать себе рак легких, которым он уже был болен или мог бы заболеть. Он считал, что настоящий мужчина никогда не позволит даме вытянуть его из собственного кресла за столом, чтобы покурить, никогда не позволит издеваться над его охотничьими собаками и никогда не заболеет.

Хорошие нормы поведения. Проблема заключалась в том, что в них, в нормах, не присутствовали дети, его собственные дети, и люди, которые работали на него, а также не рассматривалась его роль в качестве мужа. А как же десять заповедей? Всего лишь древний список перечислений, используемый исключительно, чтобы управлять жизнями других людей, и особенно не переживая, когда они отстреливают друг друга.

Это было забавно. Благодаря привычке своего отца, Лейн никогда не курил, и это не было своего рода протестом. С детства он, его братья и сестра всякий раз ощущали запах сигаретного дыма перед тем, как появлялся отец, и как правило, для них это не несло ничего хорошего. Следовательно, он приобрел, как и все остальные, рефлекс, как у собаки Павлова всякий раз, когда чувствовал запах сигарет.

Наверное, это было единственное положительное, что отец сделал для них. Но несмотря ни на что, для них это была сомнительная, но все же выгода.

Лед, ударяясь о края хрусталя, издавал звук колокольчиков, пока он шел через дом, не зная, куда направляется... до того момента, пока не очутился перед двойными дверями оранжереи. Несмотря на то, что они были закрыты, он уловил запах цветов, и застыл на некоторое время, рассматривая через стекло зеленую яркую территорию по другую сторону.

Лиззи ни на минуту не сомневалась, создавая букеты, собственно это она проделывала каждый год, в четверг перед Дерби.

Он подумал, что напоминает сам себе мотылька, летящего на пламя свечи, молча наблюдая за ней, его рука потянулась и повернула медную ручку.

Звук голоса Греты фон Шлибер, говорящей на немецком, почти заставил его развернуться назад. Эта женщина ненавидела его из-за того, что он совершил с Лиззи, и она не относилась к тем, кто готов был скрывать свое мнение. Скорее всего, в данный момент у нее садовые ножницы в руках.

Но тяга к Лиззи была сильнее, чем любое чувство самосохранения.

И она была здесь.

Несмотря на то, что было уже восемь вечера, она восседала на вращающемся стуле перед столом с двадцатью пятью серебряными круглыми вазами размером с баскетбольный мяч. Половина из них уже была заполнена бледно-розовыми и бело-кремовыми цветами, а остальные были готовы, наполненные влажными губками, ожидая, чтобы в них воткнули цветы.

Она оглянулась через плечо, мельком взглянув на него, и продолжила говорить, ничего не упуская:

— ...столы и стулья под тентом. Кроме того, ты не могла бы еще заполнить предохраняющего спрея?

Грета не казалась такой спокойной. Хотя она явно собиралась уйти отсюда, со своей большой ярко-зеленой сумкой Prada на плече, и маленькой сигнализацией-ключами от машины, она послала ему определенный взгляд и резко замолчала, он предположил, что она не двинется с места, пока он будет оставаться здесь.

— Хорошо, — спокойным голосом произнесла Лиззи. — Ты можешь идти.

Грета что-то пробормотала по-немецки, затем вышла за дверь в сад, что-то бормоча

себе под нос.

— Что она сказала? — спросил он, когда они остались одни.

— Не знаю. Наверное, что-то вроде рояля, упавшего на твою голову.

Он замолчал, посасывая холодный виски сквозь зубы.

— Что это значит? Я ожидал от нее чего-то более кровавого.

— Думаю, Steinway даже со своей высоты может доставить тебе некоторые неудобства.

Вокруг нее было около полдюжины пяти-галлоновых серебряных ведер, каждое, наполненное различными цветами, и она выбирала соответствующее, словно играла по нотам на каком-то музыкальном инструменте: сначала одно, потом возвращалась к первому, затем к третьему, четвертому, пятому. Результат: за короткий период времени появлялись головки цветов, установленные в полированную серебряную вазу.

— Я могу помочь? — спросил он.

— Да, если ты уйдешь.

— У тебя почти закончились ведра, — он оглянулся. — Я принесу тебе еще одно...

— Хорошо и возвращайся к своему ужину, — отрезала она. — Ты не помогаешь...

— Ты почти закончила с этим количеством.

Он поставил свой стакан на стол, заполненный пустыми вазами и начал расчищать для нее пространство, перемещая наполненные ведра.

— Спасибо, — пробормотала она, пока он убирал вазы, относя их к керамической раковине. — Ты можешь сейчас идти...

— Я развожусь.

На ее лице не отразилось ничего, но ее руки, несомненно, сильные руки, чуть не уронили розу, вытаскивая ее из ведра, которое он придвинул к ней.

— Надеюсь не из-за меня, — сказала она.

Он перевернул одно пустое ведро и уселся на него, держа низкий стакан с бурбоном между коленями.

— Лиззи...

— Что ты хочешь, чтобы я сказала — поздравляю? — она взглянула на него. — Или ты пребываешь сейчас в слезливом настроении, бросившись в печаль? Именно сейчас я скажу тебе, жалость к тебе — это последнее, что ты можешь от меня получить...

— Я никогда не любил Шанталь.

— А это имеет значение сейчас? — Лиззи закатила глаза. — Женщина носила от тебя ребенка. Может ты и не любил ее, но явно чем-то с ней занимался.

— Лиззи...

— Знаешь, что меня выводит из себя, твой благоразумный надоедливый тон. Такое впечатление, будто я делаю что-то неправильное, не предоставляя тебе шанса поговорить о всех тех способах, жертвой которых ты стал. Но я уверена, что права: ты преследовал меня долго и упорно, и я согласилась иметь с тобой отношения, потому что жалела, что произошло с твоим братом. В это же время, ты соединился с идеальной по социальному статусу продолжательницей рода, чтобы скрыть тот факт, что у тебя были отношения с другой. У тебя возникла проблема, когда я отказалась быть твоим позорным маленьким секретом.

— Черт побери, Лиззи... все было не так...

— Возможно, на твой взгляд...

— Я никогда не относился к тебе так ужасно!

— Ты должно быть шутишь. Как ты думаешь, что я почувствовала, когда ты сказал мне о своей любви, а потом прочитала о твоей помолвке в газетах на следующее утро? — она вскинула вверх руки. — Ты хоть представляешь, что это значило для меня? Я — умная женщина. У меня есть своя ферма, за которую я плачу из своего кармана. Я получила степень магистра в Корнельском университете, — она выпятила грудь вперед. — Я забочусь о себе. И еще..., — она отвела глаза. — Я до сих пор с тобой.

— Я не давал объявление об этом.

— Ну, там была большая фотография вас двоих.

— Это была не моя вина.

— Бред сивой кобылы! Ты пытаешься мне сообщить, что к твоей голове приставили заряженный пистолет, заставив жениться на Шанталь?

— Ты не захотела со мной разговаривать! И она была беременна..., я не хотел, чтобы мой ребенок родился бастардом. Я полагал, что это единственный способ в такой ситуации быть мужчиной.

— Ах, ты мужчина, тогда все в порядке. Также, как и то, что она выносила твоего ребенка.

Лейн выругался и опустил голову. Господи, он потратил так много времени, представляя, как у него все сложится с Лиззи... начиная с того момента, когда они начали только встречаться, но произошел случайный секс с Шанталь, которой он поверил на слово, когда она сообщила ему, что сидит на таблетках.

Но все теперь поняли, как на самом деле обстояло дело.

И беременность не была единственным сюрпризом от Шанталь, уготованным ему. Второй — был еще более разрушительным.

— Поэтому что мы здесь делаем? — спросила Лиззи, переходя к следующей вазе. — Все это на самом деле меня не касается.

— Тогда почему я не остался с ней? — он наклонился вперед. — Давай все выясним до конца, так почему я не остался с ней, почему уехал почти на два года? И если я хотел бы ребенка от нее, почему она не забеременела еще раз, после того как потеряла первого?

Лиззи отрицательно покачала головой и уставилась на него.

— Какую часть «все это меня не касается», ты не в состоянии понять?

И он двинулся на нее.

Как и в их первый поцелуй в саду, в темноте, в летнюю жару, он утратил контроль над своими эмоциями, как только опустился на ее губы, настоящий инстинкт ничего больше, он собирался бороться: минутой назад они спорили, следующую минуту он метнулся к ней, сократив расстояние, схватил за затылок и жадно поцеловал.

И, как и прежде, она ответила ему.

С ее стороны не было страсти, и он был чертовски уверен, что для нее соединение их губ было ничем иным, как продолжением конфликта, словесной перепалкой, происходящим невербальным общением.

Лейну было все равно. Он брал ее таким способом, каким мог получить на данный момент.

Это была, конечно, совершенно дурацкая идея.

Лиззи ответила на поцелуй Лэйна, который словно воронка всосал в себя два года гнева, разочарования и боли. И черт бы его побрал, но Лейн пах бурбоном, безрассудством и первородным сексом, и ей это нравилось.

Она скучала по этому.

И это заставляло ее еще больше злиться. Она хотела сказать, что это было ужасно — против ее воли, с применением силы.

Все это было неправильно. Она просунула язык в его рот, и вцепилась пальцами в его плечи, и именно она, храни ее Господь, притянула его к себе, их тела были настолько близко прижаты друг к другу.

Она даже почувствовала его эрекцию.

Его тело не изменилось, пока они были в разлуке, те же жесткие мышцы и длинные ноги. И он поцеловался так же, как и прежде — грубо, жадно, несмотря на то, что был воспитан джентльменом. И тепло, разливающееся между ними превращалось в жар.

Что еще могло бы быть хуже? Воспоминания... они вместе, кожа к коже, напряжение, движения, похороненная боль и ощущение от его предательства под лавиной эротические воспоминаний.

На долю секунды, она вдруг поняла, что собиралась заняться с ним сексом прямо здесь и сейчас.

Да, чтобы показать ему, что она говорит серьезно.

Реальный момент Глории Стайнем. *(Американская журналистка, общественный и политический деятель, лидер феминистских движений, в 60-х и 70-х — активная участница Движения за освобождение женщин (Women's Liberation Movement). Как известная писательница и политический деятель, Стайнем стала основательницей множества организаций и проектов. Кроме того, она — обладательница многих наград и почетных званий.)*

Что-то опрокинулось на столе и разбилось в тишине, затем послышался всплеск и ее бедра испытали шок от холодной воды. Вскочив, она оттолкнула его с такой силой, что он оступился и упал назад, приземлившись на кафельный пол.

Она подняла руку и вытерла рот.

— Какого черта ты делаешь!

Глупый вопрос. Больше похоже, что делала она.

Он поднялся на ноги.

— Я хотел поцеловать тебя с тех пор, как вернулся.

— Чувство не взаимно...

— Полное дерьмо, — он потянулся за своим стаканом и сделал глоток. — Ты все еще хочешь меня...

— Убирайся!

— Ты выгоняешь меня из моей собственной оранжереи?

— Или уходишь ты или я, — сорвалась она, — и эти цветы сами не пойдут, чтобы очутиться в этих вазах. Ты же не хочешь, чтобы половина столов были пустыми на вечеринки Дерби?

— Меня не волнует, что на них будет. И эта чертова вечеринка тоже. И все это..., — он махнул рукой, возможно, было бы более убедительно, если бы он не держал стакан с бурбоном в руке, который производила его семья. — Я оставил все это, Лиззи. Я действительно сделал так.

Мотрин. Вот что ей нужно.

Поменьше находится рядом с ним, и побольше принять обезболивающего.

— Я сдаюсь, — пробормотала она. — Ты выиграл, я уйду.

Она отвернулась, он схватил ее и повернул к себе лицом, прижав вплотную к своему телу. Именно тогда она заметила, насколько старше он выглядит, по сравнению с тем, когда она видела его в последний раз. Его лицо заострилось, взгляд стал более циничным, и морщинки в уголках глаз стали глубже.

К сожалению, от этого он стал выглядеть еще более привлекательным.

— Никакого дерьма с Шанталь не было, о котором ты думаешь, — сказал он мрачно.

— Даже если бы была хотя бы половина...

— Ты не понимаешь.

— Я была влюблена в тебя, — ее голос дрогнул, она попыталась оттолкнуть его. — Я не думала, что мы поженимся, но не предполагала, что ты пойдешь к алтарю с другой, кроме того, которая оказалась беременной... и произошло это, пока ты был со мной.

— Я порвал с ней, Лиззи. Прежде чем вернулся сюда в апреле, я сказал, что все кончено.

— Это не верность, это было...

— Я три месяца с ней не встречался, Лиззи. Ну, посчитай сама. Накануне вечером я приехал домой на мамин день рождения в конце марта, и это был последний раз, когда я виделся с Шанталь. Ты и я... Мы были весь май, в конце июня я узнал о ее беременности. Если ты вспомнишь, я не оставлял Истерли все это время. Ты знала, где я был каждую ночь и днем, потому что я был с тобой рядом. — Он смотрел на нее сверху вниз. — Три месяца мы были вместе. Не два месяца, не один. Три, Лиззи.

Она обхватила свою лицо руками, борясь с логикой.

— Пожалуйста, прекрати.

— Прекратить что?

— Повторять мое имя. Это придает тебе иллюзию правдивости.

— Я не вру. И я хотел сказать тебе это в течение двух лет, — он снова выругался. — Еще больше, но я не хочу углубляться в это. Это не влияет на то, что происходит между нами.

Прежде чем она приняла осознанное решение, чтобы присесть, она обнаружила, что уже сидела на кресле на колесиках. Уставившись на свои руки, согнула пальцы, чувствуя скованность в суставах и почему-то вдруг вспомнила идеально ухоженные, гладкие руки Шанталь, не испещренные линиями жизни на ладонях. Она же была полной противоположностью ей. Ее руки были руками труженицы, поцарапанные шипами роз и грязью под ногтями, которую она уберет только, когда окажется дома сегодня вечером, покрытые веснушками, от копания на солнце без перчаток... и она была абсолютно уверена, что на пальцах не красовались бриллианты в миллион долларов.

— Я женился на Шанталь в здании суда после того, как ты бросила меня, — резко сказал он. — Ребенок не виноват и не должен расти без родителей, я не собирался делать что-то подобное со своим ребенком... независимо от того, какие чувства я испытывал к его матери. Мне пришлось уехать из города. Брак с Шанталь всего лишь назывался браком,

поэтому я отправился на север в Нью-Йорк и остановился у своего приятеля из Университета Виргинии. Прошло совсем немного времени, и Шанталь позвонила и сказала, что потеряла ребенка.

Горечь в его голосе понизила его тембр, заставив глухо произносить слова, она едва могла их расслышать.

— Она не любила меня, — пробормотал он. — Не тогда, не сейчас.

— Как ты можешь так говорить, — услышала Лиззи себя.

— Поверь мне.

— Похоже, она очень рада, что ты вернулся.

— Я вернулся сюда не из-за нее, и я ясно дал это понять. Эта женщина способна привязаться только к источнику дохода.

— Я думала, что у нее есть свои деньги.

— Ничто по сравнению с моими.

Да, она могла себе представить — это было действительно правдой. Существовали европейские страны с меньшим годовым доходом, чем Брэдфорды.

— Ты любовь всей моей жизни, будешь ты со мной или нет, — она в шоке смотрела на него, он просто пожал плечами. — Я не могу изменить того, что случилось, и я знаю, нет пути назад... единственное, что я прошу — не поддавайся тому, что ты видишь, иногда это значит совсем другое, хорошо? Ты провела только десять лет с моей семьей, я же был с ними и людьми, которые окружают нас, всю жизнь. Вот почему ты мне нужна. Ты настоящая. Ты не такая, как они и это очень, очень хорошо.

Она думала, что он скажет что-то еще, но он молчал, и опять посмотрела на свои руки.

По какой-то причине ее сердце колотилось так, словно она стояла на краю обрыва. Она подумала, что скорее всего он говорил правду, его слова просто впечатывались ей в мозг и сносили «крышу».

Все это нисколько не помогало ей.

— Я так боюсь за тебя, — прошептала она.

— Почему?

Потому что она хотела поверить, что он говорил от сильного желания, а не от безысходности.

— Не бойся, — сказал он, когда она не ответила. — Я никогда не хотел, чтобы так все случилось. И я давно уже хотел все исправить.

И казалось вполне уместным, что они находились в окружении ваз с цветами, над которыми она трудилась. Доказательством ее работы в поместье, единственной причиной, почему она находилась здесь, напоминающей о пропасти, которая всегда будет удерживать дистанцию между ними.

И потом она вспомнила боль, когда увидела статью и фотографии в «Charlemont Herald» о женитьбе, двоих наследников Юга, достигших договоренности семьями. Она вспомнила свои дни и ночи, когда узнала о Шанталь, наполненные часами страданий, и у нее было такое чувство, что она умирает.

Он был прав по поводу одного. Гордость вынуждала ее продолжать работать в Истерли, и так было каждый день, кроме воскресенья и прошедшие двадцать четыре месяца. Лейн не вернулся. В течение двух лет... он не возвращался к Шанталь.

От брака не осталось ничего.

— Пусть мои поступки говорят за себя, — сказал он. — Позволь мне доказать тебе, что

я говорю правду.

Она вспомнила про его непрерывные звонки по телефону. Сразу после расставания, он звонил ей раз сто, иногда оставлял сообщения, но она не слушала их и не отвечала. Она взяла две недели отпуска после оглашения их свадьбы, спасаясь на ферме у себя в Индиане, вернувшись на северо-восток в Платтсбург к яблоневым садам ее молодости. Ее родители были так рады увидеть ее, и она скучала по тем временам, стремясь к деревьям Мекинтош и другим работникам.

Когда она вернулась, он уехал.

Телефонные звонки через некоторое время прекратились. И в конце концов, она перестала вздрагивать каждый раз, когда автомобиль подъезжал к главному зданию поместья.

— Пожалуйста, Лиззи... скажи что-нибудь. Даже если это совсем не то, что я хотел бы услышать...

Звук тихого женского смеха прервал его и заставил их автоматически повернуть головы к двери, открывающейся в сад. Когда Грета уходила одна из створок не закрылась до конца, и через отверстие Лиззи увидела двух людей, идущих по дорожке к бассейну неподалеку.

Даже в этом маленьком отверстии наполненным угасающим солнечным светом было видно, что на женщине было яркое красное платье все в складках из органзы. Рядом с ней шел высокий мужчина в костюме, галантно предложивший ей свою руку, и смотрящий на нее сверху вниз с таким выражением на лице, словно она была самым изысканным блюдом.

— Моя сестра, — без надобности пояснил Лейн.

— А это Сэмюэль Ти? — спросила Лиззи.

— Кого это волнует.

Она посмотрела на Лейна.

— Ты разбил мне сердце.

— Мне очень жаль, я не хотел этого, Лиззи, не в коем случае. Клянусь Богом.

— Мне казалось, ты атеист.

Он некоторое время молчал, его глаза просто бродили по ее лицу.

— Я покрещусь сто раз, если это потребуется. Я выучу Библию, буду целовать чашу, я сделаю все, что ты захочешь... только, пожалуйста...

— Я не могу вернуться к прошлому, Лейн. Прости. Я просто не могу.

Он замолчал, спустя долгое время, кивнул.

— Хорошо, но могу я попросить тебя об одной вещи?

Нет.

— Да, — произнесла она.

— Просто больше не презирай меня. Я сам презирал себя ту уйму свободного времени, которое у меня было.

Сад был благоухающим, как женщина только что вышедшая из ванны, аккуратно скомпонованный и укомплектованный, как кабинет или как личные комнаты, или как университетская библиотека.

Можно сказать, что он был не совсем скрытым местом, поскольку многие окна Истерли выходили на тщательно ухоженные клумбы, ненавязчиво освещенные подсветкой, с белыми и кремовыми цветами.

К счастью, Джин не испытывала смущения заниматься сексом в общественных местах.

Она повисла на мощной руке Самуэля Теодора Лодж III даже не утруждая себя скрыть

свою улыбку.

— Итак, как давно ты с ней?

— Когда мы прибыли сюда. Может быть час назад?

Она рассмеялась.

— Ну, почему, дорогой Самуэль, ты возишься с такими женщинами?

— А есть другие?

Трудно было сказать, кто кем управлял в этих темных закоулках самого дальнего уголка сада, где кирпичные стены подходили к задней стороне дома с бассейном. Но они оба главенствовали в своей перепалке.

— Я не знала, что ты придешь, — сказала она, коснувшись бриллиантов на шее... а потом приведя пальцем вниз по лифту. — Я удосужилась бы одеть трусики.

— Пытаешься начать все с чистого листа?

— Мне нравится, когда ты срываешь их с меня. Особенно, когда расстроен и рвешь их.

— Я не в твоём клубе для избранных, хотя, и состою там.

— Нельзя ли без похабщины!

— Ты единственная, кто обсуждает нижнее бельё. Ты так же хотела, чтобы я пришел сюда с тобой. Неужели тебе на самом деле нужен свежий воздух?

Джин прищурилась на него.

— Ты ублюдок.

— Неправильно. Мои родители на самом деле были женаты, когда я был зачат, — он наморщил лоб. — Но ты тоже самое не можешь сказать о своей дочери, не так ли?

Она остановилась, отходя на шаг, поскольку не намеревалась это обсуждать.

— Это закрытая тема, Самуэль. И ты это знаешь.

— Немного странно, слышать от тебя о приличиях. Ты трахаешься с женатым партнером моей фирмы? Я недавно где-то слышал об этом.

Ах, так вот почему он вел себя таким образом.

— Ревнуешь? — нараспев проговорила она с улыбкой.

— Он не в состоянии удовлетворить тебя. По крайней мере не долго, и не так, как я.

Он придвинулся и схватил ее, она позволила ему... ей нравилось, когда его руки опускались на ее талию и его губы накрыли ее. У него не заняло много времени приподнять вверх ее юбки, несмотря на все пышные складки.

Он пролез под ярд тонкой ткани, а может и все четырнадцать юбок.

Самуэль Ти застонал, осознав, что она не лгала — она действительно не надела нижнего белья, его пальцы грубо толкнулись внутрь нее. Жар и нужда, давали такое блаженное облегчение от всего того, о чем она не хотела думать, секс смывал ее сожаления и грусть, даря ей удовольствие и больше ничего.

У нее не было причин имитировать оргазм, поскольку она на самом деле была близка, ее ногти впивались в широкие плечи его смокинга, она ахнула, чувствуя запах его старомодного одеколona Bay Rum, который был таким атавизмом, намного опередивший его время.

Она отдалась ему, он был единственным, кого она любила... и она была такой же единственной, никогда реально не способная получить его. Самуэль Ти был настолько похож на нее, только еще хуже... его душа не могла успокоиться в семейной жизни, даже когда он прогуливался по кирпичной дорожке общественного общества в ожидании.

— Трахни меня, — потребовала она ему в губы

Он тяжело задышал, его тело стало жестким в дорогом костюме, выполненным на заказ... но вместо того, чтобы доставить ей удовольствие, которое она так хотела... он отошел на шаг, опустил ей юбки и отстраненно уставился на нее.

— Самуэль? — позвала она.

Нарочито медленно он поднес пальцы ко рту и начал сосать их. Затем облизал языком, слизывая все ее соки со своей кожи.

— Нет, — сказал он. — Не думаю.

— Что?

Самуэль наклонился к ней.

— Я собираюсь вернуться на вечеринку твоего отца и сесть с ним за стол. Я договорился и переделал раскладку, так что Вероника будет сидеть рядом со мной. И ты увидишь, когда я просуну руку ей между ног... ты увидишь, как она напряжется и попытается сохранить спокойное выражение на лице, пока я буду трахать ее пальцами, также, как только что проделал с тобой. Наблюдай за ее лицом, Джин. И также я уверен, что как только мы уйдем, я оттрахаю ее на переднем сиденье своего Ягуара.

— Ты не посмеешь.

— Как я сказал, смотри на меня, Джин.

Он отвернулся, она хотела чем-нибудь запустить в него. Вместо этого она скрипнула зубами и проговорила:

— Разве она не Саванна?

Он оглянулся через плечо.

— Тебя не все равно, как ее зовут? Единственное, что важно... она — не ты.

С этими словами, он зашагал к двери, его прекрасные лакированные туфли стучали по кирпичной дорожке, плечи были развернуты, подбородок направлен вверх.

Обхватив себя руками, она впервые заметила, что вечер был прохладным, хотя и восемьдесят градусов по Фарингейту. (27 °C)

Она подумала, что должна была рассказать ему про юриста, что она снова выбрала придурковатого маленького человечка именно потому, что прекрасно понимала — рано или поздно Самуэль Ти разоблачит ее.

По крайней мере, одно было ясно. Сэмюэль Ти вернется, поскольку эти двое не могли долго оставаться в стороне друг от друга.

И в конце концов, она собиралась сообщить ему об Амелии, решила для себя она. Но не сегодня. Только не сегодня... когда-нибудь в другой раз.

Если этот мужчина узнает, что она скрывала его собственную дочь все эти годы...

Он может просто ее убить.

Лейн ушел из оранжереи, и мысль о возвращении к вечеринке его отца была совершенно непривлекательной, особенно когда он услышал тихий гонг, призывающий к столу. Он рассматривал другой вариант — повидаться с Эдвардом, он...

— Лейн?

Посмотрев в направлении голоса, он увидел через арку в столовой высокую брюнетку в бледно-сером платье, стоящую перед одним из антикварных венецианских зеркал, ее обнаженные плечи, настолько же были прекрасными, как и сам вид спереди.

«Помяни черта», — подумал он. Но улыбнулся, направляясь к ней и поцеловал ее в гладкую щеку.

— Саттон, как ты?

Его слова больше походили: «Что ты здесь делаешь?» Она и ее родственники были «врагами», владельцы «Sutton Distillery», создатели знаменитого бренда «Саттон бурбон и ликеры»... лично он ничего не имел против этой женщины, но это был бизнес. Традиционно, тем не менее, люди из рода Саттон были персонами нон грата в Истерли... в разговорах... и в вечерних молитвах.

И они были поклонниками Канзасского университета, поэтому во время игры одевали синие цвета, не красные.

На данный момент это было именно тем, из-за чего он мог почувствовать себя на взводе.

Они обнялись, она пахла богатством, ее тонкий аромат проник ему в нос, он отступил назад, ее совершенное тело, обтянутое платьем от кутюр, поблескивало, он моргнул.

Он не был увлечен ею, поскольку скорее она напоминала музейные картины голландцев.

— Я не знала, что ты приехал на эти выходные, — она улыбнулась. — Хорошо встретить тебя, после стольких лет. Ты хорошо выглядишь.

Это было забавно, поскольку он чувствовал себя слишком дерьмово.

— И ты прекрасна, как всегда.

— Ты останешься на Дерби?

Поверх плеча Саттон он увидел Шанталь, входящую в зал столовой, ее длинное до пола блестящее желтое платье двигалось в такт, соответствуя ее выражению лица «на козе не подъедешь».

«Слишком долго затянул с подписанием бумаг», — подумал он.

— Лейн? — окликнула его Саттон.

— Прости. На самом деле, я должен вернуться в Нью-Йорк в ближайшее время. — Вед покер не играет сам с собой. — Я рад тебя видеть... удивлен, что ты приглашена на ужин к отцу, но рад.

Саттон кивнул.

— Это для меня тоже немного неожиданно.

— Здесь по делам?

Она сделала глоток из своего бокала с вином.

— Мммм.

— Это шутка.

— Скажи мне, ты виделся...

Она замолчала, специально не произнося имя, ей и не нужно было, поскольку и так было понятно, что она имела в виду Эдварда. По ряду причин его имя не произносилось.

— Нет еще. Но я собираюсь сходить на ферму.

— Знаешь, Эдвард никогда не приходит в город, — Саттон сделала еще маленький глоток, опуская утонченно обведенные губы на край бокала. — Я привыкла встречаться с ним, прежде чем он... ну, мы вместе были в университетском совете Чарлмонт, несмотря на то, что я фанатка Канзасского университета, и...

Женщина все продолжала говорить, и у Лейна появилось ощущение, что она не столько сообщала ему о том, что он и так уже знал, сколько рассказывая, переживала определенный период своей жизни, потерю которого сейчас оплакивала. Не первый раз он задумался, а что же на самом деле произошло между золотым сыном его семьи и любимой дочерью их конкурента.

— Ба, неужели блудный сын вернулся.

Голос отца прозвучал, как предупредительный выстрел через зал, и Лейн прикрыл свое отвращение, взяв стакан бурбона.

— Отец.

Уильям Болдвейн остался таким же высоким, каким и был, с такими же темными волосами и голубыми глазами, волевым подбородком и широкими плечами. Но было несколько деталей, отличающих его, от того, два года назад — седина на висках, черепаховые очки с бифокальными стеклами, больше морщин на лбу от привычки десятилетиями хмуриться. Правда, все эти пенсионные изменения не умаляли авторитета отца, казалось, они еще больше увеличивали его ауру власти.

— Мне нужно найти для тебя место за столом, — глаза отца из-за очков рассматривали одежду Лейна с таким пренебрежением, словно он был испачкан в собачьем говне. — Или ты уходишь?

— Дай подумать, — Лейн прищурился. — Поскольку я имел уже унижительное удовольствие сидеть с тобой за столом в рубашке, застегнутой на пуговицы доверху, и находиться рядом в течение смены трех блюд, я предпочитаю взять отгул.

Лейн поставил свой бурбон «Family Reserve» на ближайший буфет и поклонился Саттон, которая выглядела так, словно предпочитала лучше уйти с ним, нежели остаться.

— Саттон, как всегда приятно было тебя видеть, — он взглянул на отца. — Отец, пошел ты.

С этой брошенной гранатой, он направился сквозь прибывающую толпу, кивая политикам и светским персонам, и тем двум актерам из сериала, который ему нравился, и Сэмюэлю Ти. с его наносекундной подругой.

Лейн добрался до холла и почти схватился за великолепную ручку входной главной двери, когда рядом с ним застучали каблучки.

— Куда ты идешь? — зашипела Шанталь, схватив его за руку. — И почему ты не одет?

— Не твое дело, — он стряхнул ее руку. — Причем в обоих случаях.

— Лейн, это недопустимо...

— Эти слова никогда не должны срывать с губ женщины.

Шанталь закрыла свой гляцевый рот, сделала глубокий вдох, словно у нее была проблема заснуть в кровати со своим гневом.

— Я хотела бы встретиться с тобой на некоторое время сегодня вечером, поговорить и

обсудить... наше будущее.

— Единственное твоё будущее — сколько чемоданов Luis Vuitton у тебя есть в наличии, чтобы упаковать свои вещи и съехать отсюда.

Шанталь вздернула подбородок.

— Ты не представляешь, что говоришь.

Он наклонился и понизил голос до шепота.

— Я знаю, что говорю. Я знаю, что ты не «потеряла» ребенка. Если бы ты хотела сохранить свой аборт в тайне, тебе не стоило брать шофера моей семьи, чтобы он отвез тебя в Цинциннати в эту клинику.

Она побледнела, он точно помнил, где находился, когда шофер, который вез ее туда, все выяснил и сообщил ему.

— Нечего ответить? Ничего не будешь отрицать? — напустился Лейн. — Или это придет позже после шока разоблачения, что совершила такой промах.

Они молчали оба, и он видел, что она обдумывала все варианты, пытаясь найти к нему подход, который бы сработал в ее интересах.

— А что мне оставалось делать? — наконец, приглушенным голосом накинулась она. — Ты оставил меня здесь без объяснений, без поддержки, без денег, без возможности связаться с тобой.

Он кивнул головой в сторону картин и восточных ковров.

— Да, ведь это чертовски убогая пустыня.

— Ты бросил меня!

— Поэтому ты приняла решение, привести свою фигуру в норму и попробовать соблазнить кого-то еще, верно? Я могу предположить зачем ты это сделала... тебе необходимо снова влезть в свой четвертый размер, не так ли, моя дорогая жена?

— Лейн, ты говоришь такие вещи, но на самом деле так не думаешь...

— Ты убила невинного...

Реджинальд вышел из кабинета с серебряным подносом, заполненным стаканами, бросив на них взгляд, сделал шаг назад, скрывшись в комнате.

Ах, да, такова жизнь в Истерли. Видимость частной жизни была настолько мизерной, по сравнению с количеством бриллиантов, существующих в этом доме. Но, по крайней мере, он точно знал, что может доверять этому человеку больше, чем даже своей семье.

И это был не пафос, поскольку на самом деле было так.

— Я не собираюсь жить с тобой здесь, — прошелестел Лейн. — Ты уедешь из этого дома, как только начнется Дерби, твой фрирайд здесь закончился.

Шанталь приподняла одну из своих идеальных бровей.

— Разводись со мной, если хочешь, но я никуда не уеду.

— Ты не имеешь права находиться под этой крышей, после того как снимешь кольцо с пальца.

Ее улыбка леденила кровь.

— Это мы еще посмотрим, — она кивнула на входную дверь. — Иди куда хочешь, беги... по своим делам. Однако можешь быть уверен, что я буду здесь, когда ты вернешься.

Лейн прищурился. В Шанталь было много понамешено всего и разного, но она никогда не была дурочкой, парящей в мечтах. Она была слишком реалистичной.

И сейчас она смотрела на него так, будто что-то знала такое, чего не знал он.

Что еще произошло за то время, пока он отсутствовал?

За пределами Red & Black, Эдвард сидел в старом кожаном кресле перед телевизором, который был настолько древним, что V-образная антенна торчала с обеих сторон от экрана размером с коробку воздушных хлопьев. Он находился в полутемной комнате, но она вся была заполнена призами за бесчисленное количество скачек, набитыми во все книжные полки от пола до потолка, и именно они создавали своеобразный отблеск.

Коттедж у конюшен имел одну спальню, ванную комнату с ванной, стоящую на декоративных ножках, мини-кухню и вот эту комнату, которая могла быть библиотекой, кабинетом, гостиной, столовой одновременно. Здесь не было второго этажа, только чердак, заполненный старыми конно-спортивными памятными вещами, а также не было гаража. Общая площадь всего помещения была меньше, чем обеденный зал в Истерли... с тех пор, как он переехал сюда, он понял значение маленьких помещений — можно слышать и видеть почти все. В особняке никогда не знаешь, кто еще находился вместе с тобой в этом «пустом» доме, где конкретно и чем занимались там эти люди.

Для теперешнего него, преследуемого ночными кошмарами и пытающегося сохранить его мозг от себя самого на голодном пайке, ограниченное, маленькое пространство было гораздо проще в обращении особенно в это время года. Он был похищен, и это был жуткий позор, в Южной Америке, прямо перед началом Дерби. И празднование фактически было разрушено из-за выкупа, который заплатил холдинг, омрачив тем самым самые приятные выходные года.

Он посмотрел на часы и выругался. Солнце садилось и вечерние часы были одурманены дымкой, минуты казались веками, также, как и секунды. Хм, какова его ночная работа? Дотянуть до рассвета, не заорав от боли и от кошмаров.

У его локтя стояла почти пустая бутылка водки. Он начал пить с пятью кубиками льда в стакане, но сейчас они уже давно растаяли, и он пил чистую водку. Прошлой ночью был джин. А два дня назад он выпил три бутылки вина: две красного и белого, чередуя между собой.

В начальной, самой острой стадии, его «выздоровления», ему пришлось освоить все тонкости управления болью, принимая еду и таблетки в строго определенное время, чтобы нервные импульсы его разрушенного тела были не хуже, чем пытки, которые он перенес, заслужив такие увечья. И Мастерами Медицинского Лечения он был красиво переведен мгновенно в хронику его «реабилитации». Благодаря методу проб и ошибок, принимая таблетки, он сумел наконец добиваться оптимального седативного эффекта: каждый день днем он подкреплялся около четырех часов, и к шести часам, чем пугал своих работников конюшни, поскольку мог начать пить по сути на пустой желудок.

Ничто не могло еще большего вызвать его раздражения, нежели какой-то мешающий гулкий стук...

Стук повторился громче, он схватился за пистолет рядом с «Серым гусем» и попытался вспомнить, какой сегодня день. Дерби должно быть после завтра... в четверг. Значит, сегодня вечер вторника, всего лишь час после захода солнца.

Это не должна была быть проститутка, которым он платил, чтобы они приходили к нему. Они бывали у него по пятницам. Или он назначил другой день на этой неделе.... Нет не назначал.

Правильно...? Или назначил.

Потянувшись за своей тростью, он поднялся со стула и шмыгая ногами направился к окну, выходящему к двери. Он раздвинул шторы, держа пистолет наготове, сердце бешено

колотилось. Логически он понимал, что здесь не может быть наемников в Огдене, пытающихся его выследить, но несмотря на то, что он понимал, находясь в безопасности за всеми замками и системой безопасности, которую он установил, и несмотря на сорока миллиметровый револьвер, сжатый в пальцах... его мозг отказывался в это верить.

Увидев, кто стоял за дверью, он нахмурился и опустил оружие. Подойдя к двери, он снял цепочку, открыл три засова и защелку, распахивая дверь, на которой заскрипели петли, словно мыши в норе — еще один механизм предупреждающий его.

— Ошиблась клиентом, — пробормотал он сухо невысокой блондинке в потертых джинсах и майке. — Я заказываю брюнеток в изящных платьях.

Неспроста он предпочитал ограничивать себя.

Она нахмурилась.

— Простите?

— Я заказываю только брюнеток. И они должны быть одеты в изящные платья.

Он заказывал девушек с длинными темными волосами, вившихся на концах, в платьях, доходивших до пола, и от них должен был исходить «Must de Cartier». Да, и им следовало держать язык за зубами. Они не имели права открывать рот, пока он их трахал: и неважно, что шлюхи потом тут же оказывались за его дверью, но хрупкая иллюзия нарушилась бы тотчас же, скажи они хоть слово, а так она сохранялась — о той женщине, которую он хотел, но не мог теперь иметь.

Ему было достаточно сложно сдерживать эрекцию, пока все это происходило... поскольку только так он мог получить эту женщину теперь, и считал, что испытать оргазм он может только благодаря этой лжи.

Женщина, стоящая на пороге его дома, уперла руки в бедра.

— Нет, я знаю, что вы имеете в виду. Но я знаю, что пришла правильно. Ты Эдвард Болдвейн, и это Red and Black.

— Кто ты?

— Дочь Джеба Лэндиса. Шелби. Шелби Лэндис.

Эдвард закрыл глаза.

— Черт побери.

— Я прошу не упоминать имя Господа всуе в моем присутствии. Спасибо.

Он приоткрыл один глаз.

— Чего ты хочешь?

— Мой отец умер.

Эдвард посмотрел над ее головой на луну, которая была высоко над конюшнями.

— Ты хочешь войти?

— Если вы уберете оружие, да.

Он спрятал пистолет под ремень джинсов и отступил в сторону.

— Хочешь выпить?

Как только она вошла, он увидел насколько она маленькая по росту. И, наверное, весила девяносто фунтов, как мокрый тюк сена.

— Нет, спасибо. Я не употребляю алкоголь. Но я хотела бы воспользоваться вашими удобствами. У меня была длинная поездка.

— Туда.

— Благодарю вас.

Он выглянул за входную дверь. Пикап, на котором она видимо приехала сюда, откуда

Богу только известно, был припаркован слева и двигатель по-прежнему пофыркивал, несмотря на то, что она его выключила.

Он захлопнул тяжелую дверь и все процедуру закрытия проделал сначала, свет в туалете вспыхнул в задней части дома и послышался звук спускаемой воды. Мгновение спустя, девушка появилась в комнате и стала разглядывать награды и кубки.

Эдвард вернулся к своему креслу, морщась от боли с трудом сел.

— Когда? — спросил он, выливая остатки водки себе в стакан.

— Неделью назад, — ответила она, не глядя на него.

— Как?

— Затоптали. Врачи сказали, что у него сердце не выдержало. Ты тоже так покалечился?

— Нет, — он сделал большой глоток. — Ну и что ты тут делаешь?

Теперь она обернулась к нему.

— Отец всегда говорил, что если с ним что-нибудь случится, я должна найти тебя. Он сказал, что ты его должник. Я никогда не спрашивала в чем.

Эдвард молчал довольно-таки долго.

— Сколько тебе лет? Двенадцать?

— Двадцать два.

— Господи, ты молодо...

— Не говори мне об этом.

Он не смог не улыбнуться.

— Ты прямо как твой старик, знаешь ли?

— Люди так говорят, — она опять уперлась руками в бедра. — Я не ищу никаких подачек. Мне необходимо где-то остановиться и найти работу. Я хорошо лажу с лошадьми, как и мой отец, и плохо с людьми... поэтому предупреждаю тебя об этом, на всякий случай. У меня нет денег, но я физически крепкая и ничего не боюсь. Когда я смогу начать?

— Кто сказал, что мне нужна помощь?

Она нахмурилась.

— Папа сказал, что она тебе понадобится. Он сказал, что тебе нужно много помогать.

В Red & Black было много работы, и всегда были открыты вакансии. Но Джеб Лэнди был непростым призраком из прошлого... и его родственница бросала тень на его бизнес.

И еще...

— Что ты умеешь делать?

— Это же не ракетостроение, чтобы вычищать стойла, держать лошадей в форме и наблюдать, как проходит беременность...

Он отмахнулся от ее слов.

— Хорошо, хорошо, ты принята на работу. И я веду себя как мудака, потому что такая же как и ты — больше не могу жить вместе с людьми. Есть свободная квартира рядом с офисом Мое над конюшней В. Ты можешь занять ее.

— Покажешь путь.

Эдвард зарычал, поднимаясь на ноги, и специально взял свой стакан с собой, пока шел к двери.

— Тебя не интересует, сколько я буду тебе платить?

— Ты честно заплатишь. Отец говорил, что подлости в твоём характере не было.

— Он слишком щедр по отношению ко мне.

— Вряд ли. Он просто хорошо знал людей и лошадей.

Эдвард снова начал открывать все засовы на двери, он чувствовал, что она внимательно рассматривает его и ему это совсем не нравилось, вернее он даже ненавидел эти взгляды. Свои полученные увечья, черт побери, он бы предпочел скрывать от всего мира.

Прежде чем выпустить ее за порог, он посмотрел на нее сверху вниз.

— Существует только одно правило.

— Какое?

По какой-то причине, он осмотрел ее с ног до головы. Она совершенно не походила на своего отца... ну, кроме того, что была небольшого роста. Глаза у Шелби (или как там ее звали) были светлее, не черные. Ее кожа не долго была на солнце. Пока еще. От нее также не исходил запах конского пота, хотя, это скоро изменится.

Ее голос, однако, был полностью похож на Джеба: ее выговор был подкреплён твердостью характера.

— Ты не подходишь и близко к моему жеребцу, — сказал Эдвард. — Он злой до мозга и костей.

— Нибеканзер.

— Ты знаешь его?

— Отец говаривал, что у этого коня бензин в жилах и кислота в глазах.

— Да, точно, это мой жеребец. Не подходи к нему. Ты не чистишь его стойло, не подходишь к нему, не обращаешься, если он выгуливается на пастбище и не подходишь к дверям его стойла, если хочешь сохранить работу. Вбей себе это в голову.

— А кто о нем заботится?

— Я, — Эдвард поковылял наружу в ночь, тяжелый, влажный воздух заставлял его с трудом дышать. — И никто другой.

Как он ни старался, ему так и не удалось сделать глубокий вдох полной грудью, и он задался вопросом — может все-таки врачи упустили повреждения внутренних органов. А может из-за того у него возникло чувство удушья, когда он представил эту маленькую женщину рядом с озлобленным черным жеребцом. Он мог только догадываться, что Неб бы с ней сделал.

Она направилась вперед и достала рюкзак с пассажирского сидения пикапа.

— Значит, ты здесь главный?

— Нет, Мое Браун. Ты встретишься с ним завтра. Он будет твоим боссом, — Эдвард кивнул в сторону конюшен. — Я уже сказал тебе, квартира со всей мебелью, но не знаю, когда последний раз в ней кто-нибудь жил.

— Я спала в палатках и на скамейках в парке. Наличие крыши над головой для меня вполне достаточно.

Он взглянул на нее сверху вниз.

— Твой отец был хорошим человеком.

— Он был не лучшим и не худшим, чем какой-нибудь другой.

Невозможно было не задаться вопросом, какая женщина могла достаточно долго мириться с Джебом, да еще и иметь от него ребенка: Джеб Лэндис был легендой в индустрии скачек, тренер лошадей, которые всегда побеждали, такого не под силу было осуществить никому, ни живому, ни тем более мертвому. Кроме того, он был алкоголиком, и сукиным сыном, игроком, причём очень с большой зависимостью, такой же огромной, как и его женоненавистничество.

Одна вещь беспокоила Эдварда — сможет ли Шелби справиться. Но если она могла ужиться с Джебом? То работать по восемнадцать часов в смену на племенной ферме будет плевом делом.

Они подошли к конюшне В, и тут же зажегся автоматически свет, лошади зашевелились внутри, перебирая копытами и заржали. Пройдя через боковую дверь, он обошел главный офис и направился к домикам с квартирами, подводя ее к лестнице, поднимающейся кверху и тянущейся по всей длине массивных балок крыши. Когда-то в семидесятые помещение было преобразовано в пару квартир и главное здание.

— Иди наверх и подожди меня там, — проскрипел он. — Мне нужно время.

Шелби Лэндис ступала по лестнице, и каждая ступенька поскрипывала, он даже не мог вспомнить, когда пользовался этой лестницей, казалось, прошло сто тысяч лет, прежде, чем он поднялся на верхний этаж к ней.

И он так запыхался, что хрипел, словно застрял в шине.

Отвернувшись от нее, он увидел свет, пробивающийся из-под двери офиса Мое, но он не собирался докучать ему, знакомя с вновь прибывшей. С Дерби, которое должно было состояться менее чем через сорок восемь часов, Мое явно предполагал, что он был дома в отключке.

Особенно, если учесть, одного из двух его коней, которого придется снять с дистанции в гонки.

Эдвард пошел вперед и дернул дверную ручку квартиры, он не знал, чтобы сделал, если бы она была заперта. Он понятия не имел, где искать ключи...

Дверь широко распахнулась, напомнив ему, что он единственный параноик на ферме. Выключатель был слева на стене, на который он нажал и испытал радость, что в помещении не пахло плесенью, и здесь находился стол, диван, кресло, столик, крошечная кухня, как в камбузе.

— Твой отец когда-нибудь рассказывал тебе, за что я ему должен? — спросил он, хромая в следующий затемненный дверной проем.

— Нет, но Джеб был не из болтливых.

Дотронувшись до второго выключателя, он обнаружил, что это была спальня и дальше ванна.

— Это твое, — сказал он, разворачиваясь и чувствуя себя полностью истощенным, проделав расстояние назад, поэтому прислонился спиной к двери.

Пятнадцать шагов.

А такое впечатление будто он прошел милю.

Она подошла к нему.

— Спасибо за предоставленную возможность.

И протянула руку, заглянув в глаза... и на мгновение, он ощутил другую эмоцию, чем червь гнева, который жег его кишечник в течение последних двух лет. Он не знал, как ему отреагировать... досадно, поскольку он не был уверен, что ему стоит приветствовать такие появившиеся изменения.

Его механизм выживания работал в одностороннем порядке — иметь перед собой противника.

Он оставил ее руку, так и висеть в воздухе, и потащил свое тело к выходу.

— Посмотрим, будешь ли ты благодарить меня позже.

Внезапно, он подумал, что скорее теперь не стоит материться и пить.

— О, еще одно правило. Если мои шторы задернуты, не беспокойте меня.

Последнее, что ему было необходимо, чтобы она засекла его веселье со шлюхами и, что он платил им за эту привилегию. Он мог только представить, что бы она ему сказала.

— Да, сэр.

Он кивнул и закрыл дверь. Потом медленно, осторожно, стал спускаться вниз.

Правда заключалась в том, что Джеб Лэндис был единственный, кто смог достучаться до него и более или менее вернуть его к жизни, каким бы он там не был. Без этого мужчины и пинка под зад, только небу известно, где бы Эдвард был сейчас. Господи, он совершенно отчетливо помнил, как тренер пришел к нему в реабилитационный госпиталь. Несмотря на запрет посещения к Эдварду, без исключения из правил, Джеб миновал сестринский пост и двинулся в его комнату.

Они знали друг друга уже более десяти лет, перед тем, как он без приглашения вломился к нему, заинтересованность Эдварда иметь своих собственных лошадей, участвующих в скачке, в сочетании с его предыдущим стремлением быть лучшим во всем, означала, что есть единственный человек, который научит его всему, связанному с лошадьми.

Он никогда не мог даже представить, что этот мужчина окажется спасителем для него.

Джеб говорил коротко и по делу, заставил задуматься о масштабах и это было лучше всех уговоров и наставлений. Через год после того, как Эдвард переехал сюда, выкинув все свои деловые костюмы и решив окончательно, что теперь это будет его жизнь, Джеб сообщил, что уходит из Red & Black и отправляется в Калифорнию.

Наверное, потому, что букмекеры в Чикаго хотели получить этого парня.

За все эти годы, до и после похищения, Джеб ни разу не говорил ни о какой дочери. Но, да, конечно, он возьмет его дочь на работу.

И к счастью, выглядит она так, словно может о себе сама позаботиться.

«Поэтому погашение долга Джебу будет легким».

По крайней мере, именно так он сказал себе в ту первую ночь.

Получилось не так, как хотелось бы... абсолютно, совершенно не так.

— Чтобы сесть рядом с тобой мне пришлось заплатить сто тысяч долларов.

Джина ковыряла на тарелке еду старинной вилкой Тиффани с узором из хризантем, едва слыша слова, сказанные ей с правой стороны на ухо. Она была слишком занята, сосредоточившись на хрустальной вазе с букетом, стоящей перед ней. Самуэль Ти. находился левее, и полностью сфокусировавшись на этих розах в вазе, боковым зрением она могла наблюдать за ним и его подружкой Вероникой/Саванной.

— Ты могла бы, хотя бы поговорить со мной.

Встряхнувшись, она взглянула на вызывающего благоговейный ужас Ричарда Пфорда IV. Мужчина, который словно заморозился в своем отрочестве, оставшись таким же высоким и худым, с глазами, которые могли разрезать стекло, сомнительным характером, в отличие от его завидного положения в социальной иерархии Чарлмонта. Сын Пфорда Ричарда III единственный наследник «Pford Liquor and Spirits Distributors», общенациональной сети поставляющей вино, пиво, бурбон, джин, водку, шампанское, виски, и т. д, на полки баров и магазинов по всей Америке.

Можно сказать, что он мог позволить себе платить шестизначную сумму за конкретное место каждый день недели и дважды по воскресеньям.

Он купался в миллионах... хотя бизнес не уходил корнями в далекое прошлое, поскольку вся его семье была в полном составе, никто не умер.

— Предложение от моего отца не является моим собственным, — ответила она. — Поэтому, думаю, ты зря потратил свои деньги.

Он сделал глоток из своего бокала.

— Думаю, это началось из-за баскетбольных проектов U и C.

— Не знала, что ты поклонник баскетбола.

— Я и не был.

— Неудивительно, что у нас не складываются отношения, — она должна была знать. — Кроме того, я не слышала, чтобы ты женился?

— Слухи о моей помолвке были сильно преувеличены.

— Трудно представить, особенно при подкупающей особенности твоего характера.

Слева Вероника/Саванна дернулась в своем кресле, ее поддельные ресницы заколыхались, вилка громко упала на тарелку. Ее цветные линзы полыхнули на Самуэля Ти., ублюдоком небрежно вытер рот дамасской салфеткой.

Самуэль Ти. даже не смотрел на свою подругу. Нет, он смотрел на букет роз, а вернее прямоком на Джин.

Сукин сын.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Специально Джин повернулась к Ричарду и улыбнулась.

— Ну, я рада твоей компании.

Ричард кивнул и возобновил отрезать филе миньон.

— Это уже больше похоже на правду. Пожалуйста, не останавливайтесь.

Джин сладко говорила, хотя понятия не имела, о чем лепетала. Но Ричард периодически кивал и отвечал ей, поэтому видно она делала свою работу хорошо, в области ведения разговор за столом... поскольку, совершенно не была заинтересована в этом разговоре, так

же как и в оргазмах, от мужчины, который ее совершенно не интересовал, поскольку во всем этом у нее было предостаточно практики, в чертовом притворстве.

И все же она ненавязчиво следила, что делал Сэмюэль Ти. И для нее это оказалось болезненным.

Его глаза горели, когда он смотрел на нее. И все время, как он и обещал, девица рядом с ним боролась, сохраняя свое самообладание.

— ...берегу себя для тебя, — заявил Ричард.

Джин нахмурилась, эта определенная комбинация слов, ее насторожила, несмотря на ее озабоченность другим.

— Что ты сказал?

— Я собирался жениться, но потом смирился с твоим отцом, вот почему я разорвал помолвку.

— Смирился с моим о... о чем ты говоришь?

Ричард холодно улыбнулся.

— Твой отец и я пришли к соглашению о нашем будущем. В обмен на женитьбе на тебе, я готов предоставить определенные условия поставок компании «Брэдфорд Бурбон», — он специально подчеркнул слова «определенные условия».

Джин моргнула, затем покачала головой.

— Я не верю своим ушам.

— Да, ты не веришь. Я даже купил кольцо с бриллиантом.

— Нет, нет, нет... подожди минутку, — она отбросила салфетку, хотя и не поела, словно за столом не сидело еще тридцать одного человека. — Я не выйду за тебя замуж или еще за кого-нибудь.

— На самом деле...

— Я совершенно уверена, что ты «купил» себе место за этим столом. Но никто не заставит меня, черт побери, это сделать, даже включая моего отца.

Она, хотя в это трудно было поверить, не сомневалась, что ее дорогой отец мог продать ее, как привилегию, по семейному курсу акций.

Ричард пожал плечами под дорогим костюмом.

— Это ты так говоришь.

Джин посмотрела через стол на Уильяма Бодвейна, который сидел во главе стола, словно восседая на троне, охраняющего его от падения в окружении своих подданных.

Он не чувствовал на себе ее свирепого взгляда и не подозревал, что бомба уже была сброшена... или, возможно, он специально все так и спланировал, понимая, что Ричард не сможет не проболтаться, а она не сможет закатить сцену при свидетелях.

И, черт возьми, ее отец был прав. Насколько она хотела вскочить и начать орать, настолько же она не могла унижить имя Брэдфордов при всем высшем свете... конечно, не с Саттон Смайт и ее отцом, Рейнольдсом, в этом зале.

Слева, раздавшийся стон был прикрыт деликатным покашливанием.

Джин перевела свирепый взгляд от отца к Самуэлю Ти, который незамедлительно кивнул ей... и послал воздушный поцелуй.

— Да, вы можете забрать ее тарелку, — услышала она, как Ричард сказал официанту. — Она закончила...

— Прости? — Джин повернулась к Ричарду. — Но ты не имеешь права...

— Я одобряю твое отсутствие аппетита, но позволь судьбе получить шанс? — Ричард

кивнул официанту. — И она не будет десерт.

Джин наклонилась к мужчине и улыбнулась. Шепотом, она сказала:

— Не беги впереди паровоза. Я помню дни, когда ты набивал свои трусы носками — двумя парами, потому что одной было слишком мало.

Ричард столь же тихим голосом, ответил:

— Не притворяйся, что ты можешь что-то об этом знать.

— Посмотри на меня.

— Еще больше ожидаю тебя, — он прислонился к спинке стула и взглянул на нее с самодовольным выражением мужчины, который имеет в рукаве флеш-роял. — Осталось не слишком долго. Вес каратов на твоём пальце идет на часы.

«Я убью тебя, — подумала она про себя, посмотрев на отца. — Да поможет мне Бог, я убью тебя».

Лиззи свернула на проселочную дорогу, срезая путь через простирающиеся кукурузные поля, которые едва подходили для ее Yaris. Деревья стояли на страже по обе стороны дороги, посаженные в разноряд, а не по аккуратной линии, поэтому одной машины было вполне достаточно на этой узкой проселочной дороге, поскольку здесь явно не присутствовала рука ландшафтного дизайнера. Кроны деревьев, переплетаясь ветками, формировали навес, который был весной ярко-зеленым, изумрудным летом, желто-оранжевым осенью и оголенным зимой.

Как правило, этот путь был началом ее отдыха, четверть мили от ее дома, декомпрессионной камеры, и она часто ловила себя на мысли, что это было единственное место, где она была в состоянии спать после целого дня решения всевозможных вопросов в Истерли.

Но не сегодня.

Потому что сегодня, ей хотелось оглянуться через плечо и убедиться, что никого нет у нее за спиной, на заднем сиденье автомобиля. Хотя на заднее сиденье мог уместиться только двенадцатилетний ребенок, но все же. Она чувствовала, будто ее преследовали. Гнались за ней. Хотели ограбить... хотя ее кошелек лежал в сумочке, и она, по сути, была единственной взвинченной в автомобиле.

Ее дом был классическим домом обычного американца, именно такой, какой можно увидеть на афише кино в канун празднования Четвертого Июля: белый с крыльцом, с горшками анютиных глазок, креслом-качалкой, качелями со скамьей в стороне. Был даже из красного кирпича дымоход, серый шифер, остроконечная крыша была своего рода оригинальной, датируя его строительство 1833 годом. А главная фишка? Огромный клен, предоставляющий убежище от летней жары и служащий буфером от холодного ветра зимой.

Она припарковалась под деревом, которое было ближе, чем гараж, и вылезла из машины. Хотя Чарлмонт вряд ли был Манхэттеном, разница в окружающем шуме и суете была существенной. Здесь уживались древесные лягушки, светлячки, которые никогда ничего не говорили, и большая рогатая сова, поселившаяся над сараем около двух лет назад. Не гула шоссе, не сирен скорой помощи. Не дрейфующих отголосков музыки блюграсс с парковок вниз по реке.

Впереди была ее закрытая дверь, звук отдавался эхом в темноте, она вздохнула с облегчением, когда прошла вперед и зажегся свет, среагировали датчики движения, установленные по обе стороны от блестящей красной входной двери. Ее туфли шаркали по пяти скрипучим ступенькам, и дверь приветствовала ее несмазанными петлями. Намертво

установленный засов был латунный и относительно новый, 1942 года.

Внутри была полная темень, и войдя, она пожалела, что у нее не было собаки. Кошки. Золотой рыбки.

Дотронувшись до выключателя, она моргнула, и ее удобное/уютное помещение осветилось мягким желтым светом. Мебель даже близко не была к Брэдфордам. В ее доме, если что-то и было старинное, так это сделанное умельцами-мастерами из Кентукки: старая плетеная корзина, пара выцветших тканевых мягких одеял, которые она повесила на спинки кресло-качалке и скамейке из сосны, стоявшей под окнами, старинная тляпка и лопата, которые она нашла, чтобы обработать большой участок площади. У нее также была коллекция музыкальных инструментов, в том числе несколько скрипок, много кувшинов, несколько стиральных досок, и ее сокровище из сокровищ, ее Price & Teerle пианино 1907. Изготовленное из радиально-распиленного дуба, с невероятно медными петлями, педалями и внутренностями, она обнаружила его в старом сарае гниющим на западе страны и с любовью отреставрировала.

Ее мать позвонила в музей фольклора, и Лиззи удивилась, что такой существует. Для нее было большим утешением увидеть соединение поколений мужчин и женщин, которые работали на земле, передающие свои знания жизни и навыки, традиции будущим поколениям.

Сейчас? 3G, 4G и LTE и более быстрые компьютеры, самые умные смартфоны.

Да, это поколение будет явно — поколением чести и упорства, передавшее своим детям — борьбу в очереди ожидания нового iPhone за двадцать шесть минут, Старбакс в руке и онлайн блог о чем-то бессмысленном, чтобы скоротать время.

Ее кухня была сороковых годов, и она не купила ее в ИКЕА и Williams-sonoma или еще сделала из подделок. Кухня такой и была в этом доме, когда она купила сто акров земли семь лет назад. Она открыла холодильник и уставилась на недоеденный пирог из курицы, который испекла в понедельник вечером.

Идея есть его была настолько же привлекательной, как насыпать чипсы в сковородку с соусом и разогреть.

Зазвонил телефон, она оглянулась через плечо в том место, куда положила свою сумку в коридоре.

«Пусть звонит», — сказала она сама себе. Пусть...

Она подождала, пока звонки не прекратились, затем еще подождала, начиная рассуждать логически — что если что-то случилось экстренное у мамы, и стала прислушиваться не зазвонит ли телефон снова. Или, по крайней мере, включится голосовая почта.

Она не услышала ничего, поэтому подошла и выудила его из сумочки. Сообщений не было. Был один номер, с которого звонили, но она не знала его, но знала код города: 917.

Нью-Йорк. Номер сотового.

У нее были там друзья, которые звонили по этому коду города.

Ее руки дрожали, когда она зашла в журнал вызовов и нажала набор.

Ответили после первого же звонка, даже слишком быстро.

— Лиззи?

Она закрыла глаза, голос Лейна полился ей в ухо и прошелся волной по всему телу.

— Алло? — сказал он. — Лиззи?

У нее было много мест в гостиной, чтобы присесть или же в крайнем случае на кухне —

стулья, скамейки, диваны, даже крепкий журнальный столик. Вместо этого, она прислонилась к стене и стала съезжать на пол.

— Лиззи? Ты здесь?

— Да, — она уперлась лбом на руку. — Здесь. Зачем ты звонишь?

— Я хотел убедиться, что ты добралась домой и у тебя все в порядке.

Без причины слезы сами собой выступили у нее на глазах. Он всегда так делал. В прошлом, когда они были вместе, независимо от того, когда она уезжала, он звонил ей каждый раз, когда она входила в дверь, словно устанавливал на своем сотовом секундомер.

— Я не слышу у тебя там вечеринки, — произнесла она. — На заднем плане.

— Я не дома.

— А где ты?

— В Старом Хранилище с бочками, — послышался какой-то шорох, он тоже видно садился. — Я не был здесь очень давно. Пахнет так же, да и выглядит тоже.

— Я никогда там не была.

— Тебе бы понравилось. Здесь все просто, функционально и сделано вручную.

Она глянула на свою гостиную и сфокусировалась на первой вещи, которая попала ей на глаза, в этих районах, где кукурузу высевали каждый год, вещь была старая и ржавая, но красивая.

Они помолчали, а потом у нее появилось такое чувство, будто он был в комнате вместе с ней.

— Я рад, что ты не повесила трубку, — наконец сказал Лейн.

— Я хотела.

— Знаю.

Она прочистила горло.

— Я размышляла о том, что ты мне сказал по дороге домой. Я вспоминала, как ты выглядел, когда говорил со мной. Я вспоминала... как все было.

— И?

— Лейн, даже если я соглашусь (а я не говорю, что смогу), что именно ты хочешь от меня?

— Все, что ты готова мне дать.

Она рассмеялась напряженно.

— По крайней мере, честно.

— У меня есть шанс? Потому что я скажу тебе правду сейчас... если существует хоть какой-нибудь шанс, что ты будешь со мной, я...

— Перестань, — выдохнула она. — Хватит.

Он замолчал, она потянула себя волосы, дернув, еще раз дернув, да так сильно, что слезы полились еще сильнее. Или, возможно, они лились по другим причинам.

— Я хочу, чтобы ты не приходил ко мне домой, — услышала она свои слова. — Я желала... я закончила с тобой, Лейн. Я привела себя в чувство и вернула свою жизнь. Я была... и вот ты здесь, говоришь слова, которые я так хотела услышать, и смотришь на меня такими глазами, будто сам веришь в то, что говоришь. Но я не хочу возвращаться. Я не могу.

— Тогда давай двигаться вперед.

— Как будто это так легко.

— Не легко. Но это лучше, чем ничего.

Опять наступила тишина, она почувствовала потребность объясниться по подробнее. Но

слова так застряли у нее в горле, она не могла их произнести.

— Не было ни ночи и ни дня, чтобы я не думал о тебе, Лиззи.

То же самое касалось и ее, но она не хотела давать ему такой козырь о себе.

— Что ты делал все это время?

— Ничего. Я имею в виду, действительно ничего. Я остановился у моего друга Джеффа... пил, играл в покер. Ожидая и надеясь получить шанс поговорить с тобой.

— В течение двух лет?

— Я готов был ждать и десяток.

Лиззи перестала себя дергать за волосы.

— Пожалуйста, не говори так...

— Я хочу тебя, Лиззи.

Его слова потонули в ее сердце, колотившемся так сильно, что она чувствовала, как кровь прилила к ее шее и лицу.

— Я никогда не переставал желать тебя, Лиззи. Думал о тебе, хотел, чтобы ты была со мной. Черт, у меня такое чувство, словно я тогда был в отношениях с призраком. Мне казалось, что я видел тебя на улицах Нью-Йорка постоянно, блондинка мимо меня проходившая по тротуару... может, сама дорога, или ее волосы, или солнцезащитные очки, или цвет ее голубых джинсов. Я видел тебя во сне каждую ночь... ты была настолько реальной, что я мог прикоснуться к тебе, почувствовать тебя, быть с тобой.

— Прекрати.

— Я не могу, Лиззи... не могу.

Закрыв глаза, она продолжила плакать, сидя в одиночестве в своем таком скромном доме, который она купила и где уже закончила отрешиваться от самого лучшего объяснения, почему ей не нужен мужчина сейчас и никогда.

— Ты плачешь? — прошептал он.

— Нет, — выдохнула она через секунду. — Не плачу.

— Обманываешь?

— Да, плачу.

Лейн уставился на старые бочки, которые были сделаны одним из его предков, понимая, что уже превысил предел алкоголя в крови, разрешенный законом при вождении автомобиля, но это не останавливало его раньше. Установив на бедре бутылку № 15, которую он вытащил, сорвав пломбу из ящика, готового для отправки, он собирался пить в сухую.

Вокруг старого хранилища было темно, и он удивился, что замок и охранная сигнализации до сих пор остались такими же, имея те же самые коды и замки, как и два года назад. Он ввел номера и вошел, чувствуя какую-то непреодолимую силу находиться здесь... словно здесь он мог подключиться к истокам своей семьи, которые каким-то образом могли ему помочь все исправить.

Он знал, что должен оставить Лиззи в покое.

— Прости, — пробормотал он. — Я хотел сказать все правильно и сделать все правильно, но знаю, что все по-другому сейчас. Знаю, все сейчас не так, черт побери, Лиззи.

Он склонил голову, удерживая телефон, зажатым между плечом и ухом. Открыв бутылку, глотнул бурбон прямо из горла.

Ее всхлип опять сжирал его заживо.

— Ты пьешь? — спросила она.

— Либо это, либо биться головой об стену, пока она не начнет кровоточить.

Она выдохнула, он еще раз выпил. Потом еще.

Когда он сделал третий глоток и ему очень сильно обожгло горло, он опустил бутылку опять на бедро и задал вопрос, которого боялся больше всего.

— У тебя кто-то есть?

Ей потребовалось много времени, чтобы ответить.

— Нет.

Он выдохнул.

— Я не верил в Бога, но в этот момент, верю. Я хотел бы назвать себя христианином.

— А что, если я больше не захочу тебя? Что ты тогда будешь делать?

— Ты говоришь серьезно?

— Может быть.

Он закрыл глаза.

— Тогда я отступлю. Это погубит меня... но я отступлю.

Более спокойно сказал он, еще сделав глоток и не один.

— Друзья, — сказала она в конце концов. — Я готова иметь дружеские отношения, это все, на что я смогу пойти.

— Хорошо, я уважаю твое решение.

Он услышал облегчение в ее голосе:

— Спасибо.

— Но, — добавил он, — что это значит?

— Прости?

— Ну, друзья... какие это отношения? Я могу тебе звонить? Могут ли друзья вместе пообедать, обмениваясь новостями... ну, ты знаешь по поводу развода, планов на будущее, новых направлений в жизни и все в таком духе.

— Лэйн.

Он улыбнулся.

— Мне нравится, когда ты произносишь мое имя.

— Особенно когда я раздражена?

— Оно звучит сексуально.

Лиззи прочистила горло.

— Это слово не подходит к дружбе?

— Я просто констатировал факт.

— Мнение.

— Факт.

— Лэйн, я говорю, тебе нужно...

Она начала говорить в ее типичной простой манере, без всяких излишеств, он закрыл глаза и слушал ее голос, который словно омывал его. Глубоко внизу живота зарождалась знакомая похоть, словно просыпающийся дракон... и его желание стало настолько сильным, что он захотел сесть в машину и отправиться через мосты в штат Индиана.

— Ты еще здесь? — спросила она.

— О, да, — поправляя свою эрекцию в штанах, он еле сдерживал стон. — Да, здесь.

— Что ты делаешь?

Он передвинул руку подальше от своего естества.

— Ничего.

— Да? — спросила она. — Ты?

— Что я?

— Не заснул от моих речей?

— Я стал жестким, — пробормотал он.

Сердце отстукивало удары, затем она выдохнула:

— Ой...

Она услышала его стон.

— Я лучше пойду, — резко сказал он. — Береги себя, поговорим завтра.

Только теперь она, казалось, не хотела отходить от телефона... и его член был этому искренне рад:

— Ты правда остаешься? — спросила она.

«Можем мы поговорить о чем-нибудь еще, — подумала его эрекция. — Давай вниз, парень».

— Да, — он поерзал на жестком полу, пытаясь игнорировать впивающуюся молнию. — Я должен встретиться с Сэмюэлем Ти. по поводу развода.

— Так ты действительно хочешь...

— Да, — ответил он. — Быстрее. И речь касается не только тебя. Я совершил ошибку и хочу ее исправить.

— Хорошо, — она прочистила горло. — Да.

— Я смотрю только вперед, Лиззи.

— Так ты говоришь. Ну... прощай...

— Нет, — тут же сказал он. — Не так. Мы говорим «спокойной ночи», хорошо? Не прощай, если ты не хочешь, чтобы я приехал к твоему дому и остался спать у порога, как побитая собака.

— Хорошо.

Прежде чем она отключилась, он произнес беззвучно одними губами: «Я люблю тебя».

— Спокойной ночи, Лиззи.

— Спокойной... ночи, Лейн.

Конец связи, он позволил руке упасть, и телефон ударился с треском о бетонный пол.

— Я люблю тебя, Лиззи, — пробормотал он вслух.

Сделав еще несколько глотков из бутылки, он подумал, как хорошо, что его семья занималась производством спиртного, в отличие от бесчисленного множества других товаров, которые бы нисколько не помогли ему в его нынешнем положении, например, карандаши, аккумуляторы для автомобиля, пластыри или жевательные резинки.

Его телефон снова зазвонил, он схватил его с пола, но это была не Лиззи.

— Джефф, — произнес он, подумав, что на самом деле не хотел бы сейчас ни с кем разговаривать.

Хозяин апартаментов на Манхэттена сухо поинтересовался:

— Ты еще жив?

— Типа того, — он снова приложился к бутылке. — Как ты?

— Ты пьешь?

— Ага. Номер Пятнадцать. Я бы поделился с тобой, если бы ты был здесь.

— Настоящий джентльмен с юга, — его приятель выругался. — Лейн, где ты?

— Дома.

Гробовая тишина воцарилась на телефонной линии.

— Как в...

— Ага.

— Чарлмонте?

— Где родился и вырос, и вернулся к истокам. — Ух. Кажется, он пьян, поскольку произносил слова на южный манер. — И несмотря на то, что ты из верхнего Ист-сайда, только мы умеем готовить потроха и жареную курицу.

— Какого черта ты там делаешь?

— Моя..., — он откашлялся. — Очень важный для меня человек заболел. И я должен был приехать.

— Кто?

— Женщина, которая вырастила меня. Моя... ну, мать, хотя она не моя биологическая мать. Она заболела пару лет назад, ну, знаешь такой вещью... которая может вернуться. Она говорит, что все будет хорошо, я и буду на это надеяться.

— Когда ты вернешься?

Лейн еще выпил.

— Я говорил тебе, что женился?

— Что?

— Это было прямо перед тем, как я приехал на север и вломился к тебе. Я собираюсь побыть здесь, пока не пойму, что с мисс Авророй все хорошо, меня беспокоит все это. Плюс... по любому... есть и другая женщина.

— Держись. Просто, черт возьми, держись.

Послышался какой-то шорох, затем чирк-чирк-чирк, видно пытались прикурить, затем... пыхтение.

— Мне необходимо было закурить кубинскую сигару, пока я слушаю тебя. Так... есть жена?

— Я же сказал тебе, что не гей.

— Поэтому здесь ты ни с кем не встречался?

— Нет, это из-за другой женщины, на которой я как раз и не женился. Она естественно красива и слишком хороша для меня.

— У меня уже подскочило давление от тебя, — пробормотал Джефф. — Черт побери, почему ты, находясь здесь никогда не рассказывал мне об этом?

Лейн покачал головой, хотя его старый друг не мог его увидеть.

— Я обдумывал действия, — он ненавидел, когда Шанталь называла это правильным. — Все эти мысли слишком громко крутились в моей голове. Вот в чем штука. Ну, как ты там?

— Ты наплюй на все и разрули это, как я.

— Мне нужно еще выпить, чтобы такое совершить. Говори помедленнее, я готов слушать. — он сделал долгий глоток. — Так... что случилось?

— Я в порядке, ты же знаешь, на работе все также. Десять тысяч крикунов, обращающихся ко мне, к своему боссу, желающих поиметь мою задницу, и шестнадцать Мотрина в день, чтобы сохранить голову от взрыва. Все одно и то же, все тоже самое. По крайней мере, деньги в сохранности, особенно теперь, когда ты не заставляешь меня делать ставки по четверть миллиона долларов каждую неделю, сидя напротив за столом.

Они говорили некоторое время обо всем, в большей степени ни о чем — об игре в покер, Уолл-Стрит, женщине, с которой Джефф трахался. И хотя Лейн не очень любил телефонные разговоры, а сейчас не много говорил, он вдруг поймал себя на мысли, что скучает по парню. Он привык к быстрым разговорам с ним, быстрой сообразительности, и к его акценту Нью-Джерси — слова заканчивались на «а» произносились с «ер», и они улавливали продолжение разговора, поскольку быстро понимали смысл сказанного друг другом, взамен недопонимаю. И у него «день рождения» было «деньфроднения».

— Итак, я предполагаю, что это прощание, — произнес его старый сосед по комнате университета.

Лейн нахмурился и тут же представил Лиззи, услышав ее голос, вспомнил свое предостережение.

Потом он смог справиться со своим стойким возбуждением.

«Существует ли возможность, что он не вернется в Нью-Йорк», — подумал он.

Потом он опять подумал, что ему не стоит себя ограничивать. Дело касается вернуть Лиззи — для танго всегда нужны двое. Всего лишь из-за того, что он готов возобновить отношения, не подразумевалось, что она готова прыгнуть в них снова. Кроме всего прочего существовал еще его семья. Он вообще способен себя представить, живущим в Истерли? Даже если мисс Аврора в скором времени встанет на ноги, и его отношения с Лиззи наладятся, сама идея сосуществования с отцом, заставляла его с вожделием поглядывать в сторону канадской границы. И даже в Канаде не будет так далеко от отца.

— Не знаю останусь ли я здесь.

— Ты всегда можешь вернуться сюда. Мой диван скучает по тебе, и никто не играет в техасский холдем так, как ты.

Они оба повесили трубки почти одновременно, после соответствующих прощаний, и Лейн еще раз, но уже более вялой рукой кинул телефон на бетонное покрытие, впереv взгляд напротив в поднимающиеся слишком древние, сделанные еще его предками, стеллажи, заставленные бочками. Они были сделаны десятилетия назад в начале века и теперь

собственно являлись артефактом, на который смотрели десятки тысяч посетителей в год, приходивших в Старое Хранилище.

И его вдруг, как толкнула мысль, что он никогда не работал. Он считал своей «профессиональной деятельностью» избегать папарацци, которые были слишком тесно связаны с его жизнью, чем с какой-то его карьерой. И любезно предоставленный ему целевой фонд, своего рода полный хлам, он не знал ничего о начальстве или раздражающем партнере, или же о жуткой дороге на работу. Он даже не задумывался, чтобы поспеть куда-то к определенному времени, или аттестации, или головных болях, вызванных постоянным сидением у экрана монитора.

Смешно, но он действительно не задумывался, что имел так много общего с Шанталь. Какое же единственное различие между ними? У ее семьи не хватало денег, чтобы удержать ее от жизни, к которой она уже привыкла... поэтому ей пришлось выйти за него замуж.

И Лиззи, которая работала так усердно, чтобы выплатить за свой фермерский дом и землю. Зная ее, она уже, наверное, выплатила все до пенса.

Это заставило его уважать ее еще больше.

Также он понимал, что именно он, а никто иной, должен был обеспечивать женщину. Два года назад, он был одержим сексом и семейной драмой, так жаждал ее физически, так был очарован Лиззи, что никогда не рассматривал себя с ее позиции. Все его деньги и социальное положение было ценным для такой, как Шанталь. Лиззи же хотела большего, и она заслуживала большего.

Она хотела реальности.

Возможно, по существу он не на много отошел от своей жены, в конце-то концов.

«Бывшей жены», — поправил он себя, продолжая пить.

— Чем обязан такой чести?

Спросил отец Джину, скорее утверждая, чем спрашивая, всем своим видом показывая, что она вторглась в его личное пространство.

«Это совсем не хорошо», — подумала она.

— Я хочу знать, что за чертовые дела ты ведешь с Ричардом Пфордом?

Ее отец даже не дрогнул, продолжая вставлять золотые запонки в французские манжеты. Его пиджак от черного смокинга был разложен на спинке кресла, черно-красные подтяжки свисали вниз на бедрах, напоминая ленты.

— Отец, — резко произнесла она. — Что ты наделал?

Он несколько секунд молчал, завязывая галстук и освобождая ворот рубашки.

— Пора тебе остепениться...

— Ты вряд ли способен агитировать меня за вступление в брак.

— ... а Ричард — идеальный муж.

— Не для меня.

— Поживем-увидим, — он повернулся и взглянул ей в лицо, его глаза были холодными, красивое лицо осталось бесстрастным. — И не думай совершить ошибку, ты выйдешь за него замуж.

— Как ты смеешь! Мы же живем не в начале века. Женщины не движимое имущество, мы владеем собственностью, имеем счета в банке, мы можем даже голосовать. И черта с два, но мы сами можем решать, хотим или нет идти к алтарю... я не собираюсь даже пойти на свидание с этим мужчиной, а тем более выйти за него замуж. Особенно, если он в некотором роде, делает тебе выгодное предложение в бизнесе.

— Пойдешь, — на долю секунды его взгляд поднялся вверх, через плечо, и он, кажется даже отрицательно покачал головой, слово до конца не веря, что его дочь стоит здесь. — И ты выйдешь за него замуж, как можно скорее.

Джин оглянулась назад, предполагая, что кто-то стоит позади нее за дверью, но там никого не было.

Она повернулась к отцу.

— Ты не заставишь меня этого сделать, даже под дулом пистолета.

— Я не собираюсь заставлять, ты сделаешь это по своему собственному желанию, добровольно.

— Я не... буду.

— Будешь.

В последовавшей тишине, ее сердце пропустило несколько ударов. За всю свою жизнь она научилась ненавидеть и бояться своего отца... и в этой напряженной, словно выкачали весь воздух, тишине, установившейся между ними, она впервые задалась вопросом, на что он действительно был способен.

— Ты можешь бороться, — спокойной сказал он. — Или принять более здравомыслящее решение. Ты только навредишь себе, если не сделаешь этого для семьи. Теперь, если позволишь, мне нужно подготовиться к вечеру...

— Ты не можешь обращаться со мной подобным образом, — она заставила свой голос звучать более уверенно. — Я не какой-то корпоративный руководитель, которого ты можешь

нанять или уволить, и ты не в праве мне приказывать, тем более, когда твое решение, готово разрушить мою жизнь.

— Твоя жизнь уже разрушена. Ты родила ребенка в семнадцать лет, здесь в этом доме, Господи ты мой, и продолжала свое распутное поведение, которое, как правило, больше подходит стриптизерше в Лас-Вегасе. Ты едва закончила Sweet Bria из-за интрижки с женатым профессором английского языка, но как только вернулась сюда, переспала с моим шофером. Ты позоришь этот дом, и что еще хуже, у меня такое чувство, что ты получаешь истинное удовольствие, совершая свои подвиги, тем самым меня и маму вводя в полное смущение перед окружающими.

— Возможно, если бы у меня был хороший образец для подражания, но передо мной был мужчина во многих отношениях непривлекательный.

— Хотелось бы, чтобы ты находила мужчин в большей степени непривлекательными. Но это мало тебя заботит. По какой-то причине Ричарда не устрасила твоя репутация и ошибочное суждение о тебе, несомненно, он пожалеет об этом. Но к счастью, это не моя забота.

— Я тебя ненавижу, — прошипела она.

— Самое печальное, дорогая моя, что тебе не хватает чувств, для такого глубоко уровня неприязни. Если бы у тебя был интеллект, ты бы поняла, что Ричард Пфорд способен предоставить тебе соответствующую жизнь до конца твоих дней, которая тебе необходима как воздух. И ты сможешь обеспечить дальнейший успех и финансовое благополучие семьи, которая подарила тебе эти высокие скулы и прекрасный овал и такой цвет лица. Будет именно так, поскольку все сказано и сделано, и это единственный вклад, который ты сможешь внести во имя имени Брэдфорд.

Джин смутно понимала, что говорит, тяжело дыша.

— Когда-нибудь ты заплатишь за свои грехи.

— Ты стала религиозной? Думаю, что любой вид преобразований для тебя, даже переход к Иисусу, может быть слишком трудным.

— Как можно быть таким ненавистным? Я никогда не встречала никого, настолько жестокого, как ты...

— Я забочусь о тебе, единственным способом, какой знаю. Я предоставляю тебе достойное будущее, достойное имя, ты можешь даже взять с собой Амелию, если хочешь. Или же она может остаться здесь...

— Как будто она чемодан? — она покачала головой. — Ты безнравственен и абсолютно, клинически порочен...

Он рванул вперед, схватив ее за руку, на этот раз проявив хоть какие-то эмоции, сменив маску аристократической самоуверенности.

— Ты не представляешь, что значит удерживать семью на плаву. Не представляешь. Самый трудный день, который у тебя был — это принять решение: что важнее уложить волосы или сделать сначала ногти. Так что не говори мне о порочности, когда я решаю все проблемы, связанные со всеми пиявками, живущими под этой крышей. Выгодные условия, которые предложил Ричард Пфорд позволяют нам продолжать вести подобную жизнь. — Он схватил подол ее платья. — И это..., — он ткнул пальцем в ожерелье у нее на шее. — И другие вещи, которые у тебя имеются каждый день, ты даже не задумываешься, хотя бы на мгновение, каким образом они достались тебе и по какой стоимости. Выйти замуж за этого мужчину единственное, что требуется от тебя, в обмен на везение родиться в такой семье и

свободно пользоваться всеми благами, подпитывая свою алчность. Вы, Бредфорды, способны только потреблять, но иногда нужно и платить, поэтому твой час настал, — выплюнул он, — могу заверить тебя, что ты будешь счастливая, очень красивая, замужняя, миссис Ричард Пфорд. Ты родишь ему детей и будешь верной, или да, поможет мне Бог, я отшлепаю тебя также, как когда тебе было пять лет. Мы поняли друг друга? Или, возможно, ты хочешь пройти экспресс-курс, и пожить в шкуре тех людей, которые моют твою машину, готовят тебе еду, убирают твою комнату и выбирают тебе одежду. Возможно, тебе хочется узнать, как тяжело работать, чтобы прожить.

— Я презираю тебя, — сказала она, дрожа с головы до ног.

Ее отец тоже тяжело дышал, кашлянув в кулак.

— Как будто меня это волнует. Можешь впасть в истерику и кричать — это только докажет мою правоту. Если бы ты была другой женщиной, а не избалованной девчонкой, то проснулась бы утром и выполнила свой долг, хоть раз в жизни.

— Я готова убить тебя прямо сейчас же!

— Для этого потребуются достать и зарядить ружье. А ты не сможешь попросить выполнить это служанку, если не хочешь, чтобы тебя поймали.

— Не оценивай меня...

— Учитывая, как низко ты пала, это, конечно, будет трудно сделать.

Резко развернувшись, она стремглав выскочила из комнаты, бегом направляясь по коридору к своему люксу. Забежав, она заперла дверь, тяжело дыша.

«Ох, черт, нет, — поклялась она себе. — Тебе не удастся так поступить со мной».

Если он думал, что раньше были с ней проблемы, то он даже не мог предположить, что она собиралась сделать сейчас.

Она направилась мимо ванной комнаты к спальне, множество мыслей крутилось в голове, многие из которых относились к совершению тяжкого преступления по отношению к ее отцу. В конце концов, сняв свое платье, которое просто упало на пол, и она даже не обратила на него внимание, ступая по растекшемуся шелку на ковре, продолжая расхаживать в бюстье и шпильках, бриллиантах, которые жена-шлюха ее брата пыталась сегодня заполучить.

Она кипела от злости и вспоминала тот первый раз, когда возненавидела своего отца...

Ей была шесть или семь лет, когда это произошло. В канун Нового Года. Она проснулась из-за фейерверка, грохота и огней видных издалека. Испугавшись, отправилась на поиски Лейна, который всегда мог ее утешить... но в итоге нашла его в внизу в гостиной с Максом.

Джина настояла, что останется с братьями и будет делать все, что и они. Это была история ее жизни в те времена, чтобы не отставать и привлекать внимание, быть в курсе всего. Все в поместье вращалось вокруг родителей и ее братьев, пытаясь им угодить. Она же была дополнением, запоздалым ковриком, о который спотыкались, выходя за дверь, где ждало что-то лучшее, более интересное и более важное.

Она не хотела пить эту гадость из бутылки. У бурбона был ужасный запах, и она знала, что это табу, но если Макс и Лейн собирались это сделать, она тоже должна была.

А потом их поймали.

Ни один раз, а дважды.

Как только Эдвард пришел в гостиную, он приказал ей вернуться в постель, и она пошла обходным путем, как он и велел. Когда она шла по коридору для персонала, слышала голоса

и спряталась в тень, чтобы ее не обнаружили... ее отец вышел из офиса Розалинды Фриланд.

Он был в халате, завязывая две половинки, и весь его вид показывал, что он был зол, но явно не на них, поскольку никак не мог слышать их голоса снизу из гостиной. Первое желание Джин было побежать назад и предупредить братьев. Но страх остановил ее, потом появилась мисс Фриланд и схватила отца за руку.

Джин задалась вопросом, почему блузка у этой офисной дамы была навывпуск, волосы, которые всегда аккуратно уложены торчали во все стороны.

Вдвоем они о чем-то спорили, говоря вполголоса о каких-то вещах, она ничего не слышала из-за стука своего сердца. Отец ушел, а мисс Фриланд исчезла в своем кабинете, закрыв плотно дверь.

Джин продолжала прятаться, и у нее было такое чувство, словно прошел уже год, боясь сделать шаг, поскольку мисс Фриланд могла выйти в любой момент. Только потом она испугалась еще больше от мысли: «А вдруг отец может вернуться и обнаружит ее?».

Он не должен был находиться с этой женщиной.

Он не обрадуется, если поймет, что она видела их вдвоем.

Босыми ногами она прошлепала по лестнице для персонала, держась ближе холодной отштукатуренной стены, поднимаясь вверх. На втором этаже она замерла, как вкопанная, от очередного грохота фейерверка, как только все стихло, она рванула в открытую дверь гостевой комнаты, желая где-нибудь спрятаться.

Вернуться одной в свою комнату, сама мысль для нее казалась ужасающей. Ко всему прочему, а что если ее будет искать отец?

Согнувшись, поджав ноги к груди, обхватила себя за колени, прижимая их ближе. Отец, наверное, наткнулся на братьев. Он не мог пройти мимо них, поскольку спускался не по парадной лестнице.

И это пугало ее еще больше, нежели любой шум снаружи.

Спустя несколько секунд Эдвард поднимался по парадной лестнице, отец шел за ним, нависая как монстр. Почему-то, походка ее брат была нестабильной, а лицо серым. Отец же шел с прямой спиной, как церковная скамья, выражая полно неодобрение.

Где были двое остальных?

Ни слова не было произнесено, пока эта пара двигалась к двери люкса отца. Эдвард шагнул в сторону и открыл дверь, ввалившись в темную комнату.

— Ты знаешь, где лежат ремни.

Единственное, что произнес отец.

«Нет, нет, — подумала она. — Это неправильно... Эдвард ни при чем! Почему он...»

Дверь закрылась с грохотом, она дрожала от одной мысли, что может происходить за этой дверью.

Конечно, резкий звук удара ремнем последовал оттуда.

И снова.

Снова...

Эдвард никогда не плакал, и никогда не матерился.

Она знала это, потому что часто слышала такое.

Джин положила голову на согнутые тонкие руки и зажмурилась. Она не знала, почему ее отец так ненавидит Эдварда. Он не любил и всех остальных детей, но ее брат доводил его просто до белого каления.

Эдвард никогда не плакал.

Она плакала за него... и тогда она решила, что если ее отец ненавидит Эдварда, почему она тоже не может ненавидеть? Двое могут играть в эту игру.

И она выбрала того, кто в эту самую минуту держал ремень в руках.

Отныне она будет ненавидеть своего отца.

Оглянувшись, Джин обнаружила, что сидит на кровати, прижав колени к груди, и обхватив руками... словно она снова сидит в гостевой комнате, одетая в свою ночную рубашку Lanz, сохраняющую тепло, и то, что творилось в люксе ее отца пугало ее до глубины души.

Да, теперь он решил взяться за нее... Уильям Болдвейн никогда не давал ей повода пересмотреть свое решение. Его бизнес с Ричардом Пфордом всего лишь еще одна запись в очень длинном списке.

Но это было не самое худшее.

Самым худшим было то, что сотворил этот человек, но кажется только она подозревала его в этом, нигде не поднималась эта тема, не под крышей Истерли, ни в газетах.

Она была убеждена, что отец имел прямое отношение к похищению Эдварда.

Ее брат довольно часто ездил в Южную Америку, являясь американцем с соответствующим статусом, управленцем высшего звена, он всегда путешествовал с телохранителями и службой безопасности, предоставленной Би-би-си. При таких мерах безопасности никто даже не мог подойти к нему ближе на двадцать ярдов, и если учесть, что ее брата похитили... не по дороге к гостинице и не в отданной глухой местности.

А в гостиничном номере.

Как, черт возьми, такое могло произойти?

Первая мысль, которая тут же возникла у нее в голове, как только ей сказали о произошедшем, что ее отец приложил к этому руку.

Были ли у нее какие-то доказательства? Нет, не было. Но она провела свое детство, наблюдая за отцом, как он все время смотрел на Эдварда, будто презирал сам воздух, которым дышал этот ребенок. Когда Эдвард стал работать в компании, у нее сложилось впечатление, что отношения между отцом и братом стали еще больше прохладными, особенно, когда Попечительский совет предоставлял Эдварду все больше и больше прав.

Существует ли лучший способ избавиться от противника, чем убить его за границей? Таким образом, чтобы Уильям Болдвейн выглядел бы жертвой, играя роль отца, которого постиг такой «траур».

Боже, Эдвард был почти похоронен там... и когда он наконец вернулся? Он был в ужасной форме. Отец же был впереди — в центре всех СМИ, у членов Попечительского совета и семьи, но он ни разу не встретился с «разрушенным» сыном.

Позор. И как бы подтверждая ее мысль, существовало одно обстоятельство — Уильям Болдвейн пытался избавиться от своего соперника именно таким опасным методом, поскольку не мог его уволить... никогда.

Неудивительно, что она не доверяла мужчинам.

Неудивительно, что она никогда не выйдет замуж.

И уж однозначно, чтобы осчастливить своего отца.

Когда Лиззи приехала в Истерли на следующее утро, ей потребовалось две попытки, чтобы поставить Yaris на парковку... это явно был результат ее душевного грустного состояния, учитывая, что ее автомобиль был величиной с велосипед. Выбравшись с водительского сидения, она порылась в сумке, выронив тубик с солнцезащитным кремом, наклонилась, чтобы подобрать его с уже раскаленного асфальта, и поняла, что забыла захватить с собой ланч.

Она закрыла сумку.

— Черт...

— Ты в порядке, девочка?

Лиззи выпрямилась и повернулась к Гарри МакАдамсу. Глава садовников медленно перешагнул, прихрамывая, через травяное ограждение, его обветренное, покрытое морщинами лицо выглядело обеспокоенным, словно оценивая трактор, который мог в ближайшее время потерять колесо.

«Я что, так плохо выгляжу?» — подумала Лиззи про себя.

Ну, она вообще не спала этой ночью.

— Ах, да, в порядке, — она заставила себя улыбнуться. — Жива и здорова.

— Уверена?

Нет, она не была уверена.

— Да. Как твоя команда?

— У меня все движется, плющ подрезали, и я собираюсь пошуметь на террасе после десяти. — Именно в это время разрешается шуметь вокруг дома. — Тенты натянуты, банкетная зона готова с грилями, но есть проблема.

Лиззи подтянула сумку повыше на плечо и решила, что сможет разобраться с возникшей проблемой.

— Какая?

— Мистер Гарри хочет поговорить с тобой, поскольку существует проблема с поставкой бокалов для шампанского.

— По поводу размещения их на столах? — Она закрыла дверь машины. — Я думаю гости сами их будут брать.

— Нет, доставили только половину заказа. Он думает, что ты изменила количество.

— Зачем мне это?

— Он сказал, что ты единственный человек, которая договаривалась об аренде.

— Я заказывала тенты, вот и все. Он должен заниматься столовыми приборами, посудой и тарелками... прости. Я кричу? Мне кажется, что я очень громко говорю.

Он положил руку ей на плечо.

— Не волнуйся об этом, девочка. Мистер Гарри слишком уж вынуждает меня совершить глупость.

— Мистер Харрис.

— Я знаю.

Она должна была рассмеяться.

— Я разберусь с ним.

— Когда он окончательно тебе надоест, я сяду за одноковшовый экскаватор. У меня

имеется много открытого пространства.

— Ты же джентльмен.

— Вряд ли. Давай мне свою сумку, девушка. Я поднимусь с тобой.

— Она ничего не весит. Я смогу справиться сама, — она направилась по дорожке, которая вела к восточному крылу для обслуживающего персонала. — Кроме того, я могу использовать ее, чтобы ударить его по голове, если придется.

— Помни про мой экскаватор, — крикнул он вдогонку.

— Непременно.

При каждом шаге по брусчатке, ее грудь сжималась, и накрывало ощущение удушья, как только она увидела подавляющий своим видом белый особняк вдалеке.

Ее предрассветные часы прошли в обозрении своего потолка, и она так и не смогла прийти к каким-либо выводам по поводу себя и Лейна. Как ей остаться с ним лояльной? От одного звука его голоса на другом конце провода. Она вспомнила его сексуальные нотки, которые обычно означали, что он собирается предпринять шаги, пытаясь как можно скорее раздеть ее и уложить в кровать.

Казалось, что ее тело стало полным и тотальным предателем, да... ее либидо уже во всю ждало возвращения своего хозяина. Но сейчас она чувствовала себя намного лучше, в несколько раз лучше, даже по сравнению с украденным оргазмом с мужчиной, или двух оргазмов, поскольку на данный момент ей стоило разобраться с щипцами для барбекю и огнетушителями.

Сумасшествие.

Добравшись, наконец, до дома, она вошла через боковую дверь из сада и двинулась к дальней вращающейся двери на кухню, через которую предполагала выйти к месту, где все готовилось к вечеринке, чтобы проверить изменилось ли что по сравнению с накануне вечером.

Вечеринка выглядела полной глупость, напоминая стадо прибывших карликов, чтобы наесться до отвала под луной.

Войдя в служебный вход, она шла вперед по огромной холодной и пустой кухне, ожидающей налета нанятых поваров, работающих с восьми до восьми вечера. Однако кухня оказалась не совсем безлюдной... Мисс Аврора стояла перед плитой промышленных масштабов — железная сковорода, наполненная скворчащим беконом, слева, а вторая стояла справа, наполненная ярко-желтым омлетом. На главном островке из нержавеющей стали находилось четыре тарелки, и пиала со свежей малиной и черникой, а также серебряный сервиз, сахар, сливки и кофе на подносе, с корзинкой домашней выпечке.

— Мисс Аврора?

Женщина оглянулась через плечо.

— Ах, вот и ты. Как дела? Ты ела?

— Да, мэм.

— Мало. Ты и Лейн слишком тощие, — она повернулась к омлету и перевернула деревянной лопаткой. — Я должна накормить тебя.

— Я не хочу вас утруждать, — в ответ услышала неодобрительное ворчание, и прежде чем продолжить их обычный спор, Лиззи сказала: — Вы хорошо выглядите.

— Я сказала дворецкому, что мне не нужна скорая помощь.

— Скорее всего, вы правы, — и Лейн скорее всего испытал настоящее облегчение. — Вы не видели, мистера Харриса?

— Он у себя в кабинете. Ты хочешь, чтобы я пошла с тобой?

— Вы слышали о ловушке с шампанским?

— Я была той, кто предостерег Гари от поспешных выводов, потому что прекрасно поняла, что перво-наперво он захочет поговорить с тобой. Не хочу, чтобы ты не была предупреждена.

— Я не меняла заказ.

— Конечно, об этом не может быть и речи, — мисс Аврора подняла пятнадцатифунтовую сковороду, словно она весила не больше бумажной тарелке. Она раскладывала омлет и качала головой. — И этому есть хорошее объяснение.

— Какое?

— Меня оно не касается.

— Хорошо, — Лиззи воспользовалась моментом, чтобы дать кухарке возможность продолжить, но она ничего не сказала. — Ну, по любому мне придется позаботиться об этом. Я очень рада видеть вас здесь, мисс Аврора.

— Ты хорошая девочка, Лиззи. Но была бы еще лучше, если бы ты позволила тебя покормить завтраком.

— Возможно, в следующей жизни.

— У тебя имеется только одна, затем ты уйдешь на небеса.

— Так мне всегда говорил отец.

— Мой тоже.

Идя по кафельному полу, Лиззи толкнула двойные двери и вошла в коридор, где располагались офисы сотрудников. Офис мистера Харриса был прямо напротив кабинета Розалинды, она постучала в дверь дворецкого. Потом снова постучала. И в третий раз, хоть это и была пустая трата времени.

Она поморщилась, уловив неприятный запах и подумала про себя, что коридор не мешало бы хорошо проветрить. Брэдфорды отказались ставить центральный кондиционер и обогреватели в этой части дома. Персонал, в конце концов, смирился и с этим.

Подойдя к блестящей двери Розалинды, она тоже постучала, хотя главный бухгалтер-контроллер семьи работала строго с девяти до пяти вечера, с тридцатиминутным перерывом на ланч, который начинался ровно в полдень, и двумя пятнадцатиминутными перерывами в десять тридцать и три часа дня. Регламентированный график, казался на первый взгляд странным, но тем не менее продержался уже много лет и стал еще одним правилом и уставом в Истерли. И в этом был определенный смысл — женщина, которая ничего больше не делала, кроме как оплачивала счета, добавляя и вычитая суммы, вероятно, имела логарифмическую линейку в жилах и серьезные проблемы в управлении.

Таким образом, она получила свой статус.

Положив руки на бедра, Лиззи поняла, что скорее всего может обнаружить дворецкого в небольшой столовой для семьи. Там же может находиться и Лейн.

Она взглянула на часы, не собираясь ждать, пока мистер Харрис решит вернуться в свой кабинет, и она не в коей мере не собиралась устраивать противостояние с ним. Кроме того, существовала определенная работа... она не закончила расставлять букеты в вазы накануне вечером.

Направляясь к оранжереи окольными путями, она откинула все ненужные мысли и сосредоточилась на том, что предстоит сделать. После того, как она закончит с цветами, сможет положить скатерти, поскольку шансы на дождь и ветер были крайне малы, по

крайней мере до завтрашнего полдня. И она обычно руководила расстановкой всей стеклянной посуды и тарелок в барах и на специально отведенных столах для фуршета по всему саду. Грета уже находилась в...

— Доброе утро.

Лиззи застыла, дотронувшись до ручки двери в оранжерею.

Повернув голову в сторону, она встретила с глазами Лейна. Он сидел в сторонке в кресле, положив ногу на ногу, локти упирались в подлокотники, сцепив длинные пальцы перед грудью. На нем была та же одежда, что и вчера вечером, волосы были в полном беспорядке, словно он провел ночь не в своей кровати.

— Меня ждешь? — услышала она сама себя, хотя ее сердце забилося сильнее.

В своей спальне Джин кулаками утрамбовывала блузку Prada, запихивая вещи в дорожный чемодан от Louis Vuitton.

— Китайская шелковая бумага... ты должна положить эту шелковую бумагу сюда. Где...

Осматриваясь, словно выискивая, она обнаружила ее — бледно-розовые листки с ее инициалами в большом плоском ящике в гардеробе. Вернувшись к чемодану, она облизнула указательный палец и провела по тонкой папиросной бумаге, легкий аромат Сосо защекотал ей нос, ее горничная обязана была распылять эти духи на каждом листке по отдельности, как только их доставляли. Схватив несколько листов и смяв, она распределила их, положив сверху юбку McQueen.

Она повторила все тоже самое с четырьмя нарядами, отстранилась и посмотрела на свою работу. Ужасно. И близко было не похоже, как Бланш упаковывала вещи в чемодан, но она не собиралась ждать, пока эта женщина придет в полдень на работу.

Джин уже стала закрывать чемодан, когда вдруг поняла, что не упаковала нижнее белье, туфли и косметику.

Она вынула второй чемодан на роликах Louis Vuitton, и схватила еще шелковой папиросной бумаги.

Да, вообще какая разница. Она купит все что захочет.

Когда она закончила, подняла трубку домашнего телефона, стоящего у ее кровати, и набрала номер офиса Розалинды, и не могла поверить, что ей ответил автоответчик.

— Где, черт возьми, эта женщина...

Быстро взглянув на ручные часы Картье на столике, обнаружила, что всего лишь восемь тридцать. Боже, она никогда не вставала в такую рань, по крайней мере, уже очень давно!

Заказать частный самолет можно было через эксклюзивного ассистента ее отца, этот робот всегда находилась за своим рабочим столом. Но Джина не хотела, чтобы отец узнал, что она уезжает, пока не будет на полпути в Калифорнию, несомненно, его бульдог в юбке прямо с телефоном побежит тут же к нему.

Боже, вспомнив выражение его лица прошлым вечером, заставило ее кровь застыть в жилах. Она никогда не видела его в такой ярости.

Но, она была дочерью своего отца: и обладала точно такой же яростью, и в эту игру могли играть двое.

Десять минут спустя Джин взялась за ручку чемоданов и спотыкаясь об эти чертовые вещи, выкатила их в коридор. С сумкой на плече с ее монограммой, стучавшей ей по бедру и внезапно соскочившего с ноги Лабутена, она закрыла дверь своей комнаты и с проклятиями на отсутствие носильщика двинулась вперед.

Она не уверена был ли способен ей помочь дворецкий.

По сути, она не доверяла никому в этом доме.

Прежде чем спустится на лифте на нижний этаж, она зашла в комнату Амелии.

Впервые, она внимательно осмотрела обстановку комнаты.

Бело-розовый балдахин над двуспальной кроватью, хотя ее дочь весила не больше, чем подушка, на стенах не было постеров Taylor Swift или One Direction. Французский античный туалетный столик, ванная комната — мраморная и с латунью, которая была характерна для шестидесятилетних, в центре люстра баккара, висящая на цепях, с шелковыми переплетенными шнурами, с золотыми листьями-медальонами ручной работы.

Эта комната больше подходила для человека лет пятидесяти, чем пятнадцатилетней девушки.

«Шестнадцать исполнилось вчера», — напомнила себе Джин.

На цыпочках огибая острые углы ковра, она взяла свою любимую фотографию, своей темноволосой девочки, которая сейчас была уже не такой темноволосой, каждые шесть недель она становилась белокурой, учитывая, что училась на втором курсе в Hotchkiss.

От одной только мысли, что ее дочь уехала из Истерли, она почувствовала себя еще больше правой. У нее было двое друзей в Монтесито, и она останется там до тех пор, пока ее отец будет руководить миллиардной корпорацией, но от нее он такого шанса не получит. А потом? Она вернется сюда только лишь в том случае, и останется здесь жить, если он осознает свою ошибку.

В коридоре она снова начала ругаться, пока ковыляла и загружалась в лифт. Она сломала ноготь нажимая на кнопку закрытия дверей, и чуть ли не сломала каблук туфли, выйдя на нулевом уровне и продолжая тянуть за собой чемоданы.

Она понятия не имела, куда ей двигаться и где находится гараж, пытаюсь сориентироваться в этом подземелье.

Ей понадобилось целых двадцать минут, чтобы найти коридор к автопарку машин, и когда она выплыла в десятифутовый просвет, ей показалось, будто она пробежала марафон, но одержала победу.

Только ключей в машинах не было. Не в Бентли. Не в кабриолетах. И она не рассматривала Porsche GTS или как его там Ferrari или раритетную модель Jaguar, которую любил Семюэль Ти, потому что все они были с автоматической коробкой передач, которой она не умела управлять. То же самое касалось 911s и Spyker.

И Мерседес седан тоже был недостаточно хорош для нее.

— Черт побери! — топнула она ногой, и один из ее чемоданов упал, словно грохнулся в обморок. — Где ключи?

Оставив свой багаж, она направилась в сторону офиса, который оказался тоже заперт, как и ворота, выезда из гаража.

Это было совершенно неприемлемо.

Достав сотовый, она решила позвонить (правда, не знала кому, но хоть кому-то), но железный ящик размером три фута на фут у стены привлек ее внимание, она потянула за округлую ручку на металлической двери, и была удивлена, что она не сдвинулась с места.

Хорошие новости? Она действительно была не прочь разрушить что-нибудь.

Оглянувшись вокруг ничего не нашла, кроме автомобильных чехлов для запасных колес, средств для чистки машин, и все это стояло на стеллажах вдоль стены, расставленное с военной точностью, а также висело на крюках и на верху.

Ломик она обнаружила рядом с аккуратной стопкой замшевой ткани, с вышитой

монограммой и фамильным гербом.

Джина улыбнулась, она «стибрит»-обманет, взяв в руку металл. Вернувшись к замку, она замахнулась высоко над головой на железный ящик, представив, что это голова отца, удар, удар, еще удар, резкий звон бил по ушам.

К тому времени как она открыла дверцу, осталась почти без ногтей.

«Бентли», — решила она.

«Нет, роллс. Он стоит больше».

Подтащив чемоданы к кабриолету Phantom, она открыла дверь, засунула их на заднее сиденье и села за руль. Вжала шпилькой на газ, нажала кнопку старт/стоп и двигатель латентно заурчал.

Наблюдая в зеркало заднего вида, она стала нажимать все кнопки подряд, пока дверь гаража не поднялась.

И она двинулась вперед.

Сидящая в ней сучка хотела проехать по главной дороге, которая проходила мимо окон с люксами семьи, но для нее было важнее убраться из отеля, чтобы никто ее не видел, поэтому она показала средний палец Истерли в зеркало заднего вида, двигаясь по дороге, предназначенной для обслуживающего персонала.

Когда она добралась до Ривер-Роуд, она припарковалась с левой стороны и посмотрела на часы, достав телефон. Розалинда должна была уже быть на месте, и Джин, наконец-то, сможет о себе позаботиться... Джин знала, что частный самолет летает раз в неделю или даже чаще.

Автоответчик. Снова.

Проклятый бранч. Она забыла о нем. Все занимались только им.

Но ей необходимо получить самолет.

Джин набрала другой номер, который только одной цифрой отличался от номера Розалинды. На третьем звонке, когда она уже собиралась сдать, голос дворецкого с неповторимым британским акцентом произнес:

— Мистер Харрис у телефона, чем могу быть вам полезен?

— Мне нужен самолет, и я не могу найти Розалинду. Вам необходимо сделать это сейчас же... в настоящее время я отправляюсь в Лос-Анджелес.

Дворецкий откашлялся.

— Мисс Болдвейн, простите меня...

— Не говорите мне, что вы слишком заняты. Вы можете сейчас же напрямую позвонить пилотам, поскольку делали это раньше, а потом вернуться к подготовке этого идиотского бранча...

— Простите, мисс Болдвейн, но вам отказано в доступе к самолету.

— Ты шутишь, — Возможно не все еще корпоративные гости прибыли на Дерби. Но она была семьей, Господи Боже ж ты мой! — Хорошо, просто задержите кого-нибудь, и я...

— Это невозможно.

— Я — первая в приоритете! — Phantom набрал скорость, как только она нажала на газ... чуть не протаранив машину впереди. — Это недопустимо. Вы звоните в диспетчерскую, или туда, где сидят эти пилоты или... что нужно сделать, чтобы найди мне самолет до западного побережья!

Наступила долгая пауза.

— Простите, мисс Болдвейн, но я не смогу предоставить вам эту услугу.

Холодное предчувствие стянуло ей горло, как петля.

— А позже утром.

— Невозможно.

— Сегодня днем.

— Извините, мисс Болдвейн.

— Что сказал вам мой отец?

— Это не мое дело комментировать...

— Какого хрена он тебе сказал! — закричала она в трубку.

Мужчина с трудом выдохнул и был близок к тому, чтобы выругаться вслух.

— Сегодня утром я получил записку на имя главного бухгалтера-контролера и себя, в которой говорилось, что ресурсы семьи больше вам не доступны.

— Ресурсы...?

— Это включает в себя наличность, банковские счета, путешествия и проживание и доступ к другим мировым средствам Брэдфордов.

Теперь ее нога соскользнула с педали газа, машина позади нее загудела, она свернула на обочину дороги.

— Я очень бы хотел вам как-то помочь, — сказал он тоном, который предполагал был уже не деловым. — Но как я сказал, не в состоянии помочь вам.

— Что я должна сделать?

— Возможно, будет лучше, если вы вернетесь домой. Я видел, как вы уезжали на роллс-ройсе.

— Я не выйду замуж за Ричарда Пфорта, — ответила она и отключилась.

Вглядываясь через лобовое стекло в неровные небоскребы центра города, которые впервые в жизни казались ей недостижимыми. Она никогда не испытывала особого впечатления от города Чарлмонт раньше, и была в нем всего несколько раз. Но все ее путешествия предполагали — наличие в ее распоряжении неограниченных ресурсов.

Дрожащей рукой она достала кошелек и вынула банкноты. У нее всего лишь было пять сто долларовых купюр и пару двадцаток... и семь кредитных карт, в том числе Американ экспресс Центурион. Водительских прав не было, поскольку она всегда ездила с шофером. медицинской страховки тоже, поскольку она пользовалась консьерж-сервисом корпорации «Брэдфорд Бурбон». Паспорта тоже не было с собой, но она и не собиралась покидать страну.

В двухстах ярдах слева маячила автозаправка, и она нажала на газ Phantom и рванула через плотное движение машин. Добравшись до въезда на заправку, подрезала встречный грузовик, остановившись перед колонкой.

Она вышла, но не собиралась заправляться, бак итак был полон.

Взяла первую попавшуюся карту Visa, засунула в банкомат и ввела пин-код. Затаив дыхание от ожидания, чисто гипотетически надеясь, что сделка будет одобрена.

Отклонена.

Она попробовала Amex и получила тот же ответ от компьютера. Когда еще две карты визы были отклонены, она перестала.

Он заблокировал все ее карты.

Она вернулась за руль, перед глазами все плыло. У нее имелся целевой фонд — деньги, принадлежащие только ей... но только через два года, когда исполнится тридцать пять, а не в данный момент. Она узнала об этом, когда попыталась купить себе дом в Лондоне в

прошлом году, сделка была отклонена отцом. И сколько бы она ни кричала, что это ее трастовый фонд, они отказались давать ей из него какое-либо средства, заявив, что ей отказано в доступе, пока она не дойдет до указанного возрастного ценза.

Имелось только единственное место, куда она могла податься.

Она ненавидела умолять и просить, но это было намного лучше, чем брак... или признать поражение у своего отца.

Снова нажав педаль газа, она вырулила обратно на трассу и направились в противоположную сторону. Не собираясь возвращаться в Истерли. Она собиралась...

Моментально машина вдруг заглохла. Все остановилось — двигатель, кондиционер, подсветка на приборной панели. Единственное, что работало — руль и тормоза.

Она тыкала на кнопку старт/стоп, наблюдая за своими безумными, бессильными попытками, словно издалека, рассеянно заметив сломанные ногти, отколотый идеальный вишнево-красный лак. Вынужденно признавая, что завести двигатель не удастся, она стала выруливать в сторону дороги, откуда ехала.

В отдалении послышался вой сирен, она взглянула в зеркало заднего вида.

Машина муниципальной полиции Чарлмонта остановилась позади нее, по-прежнему не выключая мигалку. Вторая остановилась спереди, немного сдав назад, таким образом, Phantom был заблокирован с двух сторон.

Два офицера подошли к ней, держа руку на кобуре, словно были уверены, что она явно будет использовать против них оружие.

— Выйдите из машины, мэм, — произнес один, который был повыше, властным голосом.

— Это моя машина! — прокричала она через закрытые стекла. — Вы не имеете права...

— Этот автомобиль собственность мистера Уильяма Болдвейна, и вы не имеете права его использовать.

— Боже мой... — прошептала она.

— Выйдите из машины, мэм.

Черт, у нее не было с собой водительских прав.

— Я его дочь!

— Мэм, я приказываю вам открыть дверь и покинуть автомобиль. Иначе я обвиню вас в сопротивлении властям, а также в похищении автомобиля.

— Конечно, я жду тебя, — сказал Лейн, протягивая ладони к Лиззи, потом поднял их вверх. — Но только как друг, который хотел убедиться, что ты прибыла на работу.

Черт, она выглядела хорошо. На ней опять была черная футболка с логотипом Истерли, шорты цвета хаки, волосы собраны в хвост... но почему-то, она казалась ему экзотически красивой.

Прошло уже более двенадцати часов с тех пор, как он увидел ее.

В жизни она более реальнее.

Она закатила глаза, а он попытался скрыть улыбку.

— Знаешь, я езжу по этому маршруту уже давно, — ответила она.

— И как все прошло сегодня утром?

Возникла пауза... а потом случилось волшебство. Лиззи расхохоталась.

А потом остановившись, отрицательно покачала головой.

— Прости, но ты ужасно выглядишь. Волосы..., — она махнула рукой, — в полном беспорядке, глаза едва открываются, и знаешь, твой костюм измят сзади и спереди, хотя ты и сидишь?

Он ухмыльнулся.

— Тебе следует посмотреть на другого парня.

— Он был хулиганом?

— Его скрытое украшение теперь, — Лейн поднял руку и напряг свой бицепс. — Настоящий мужчина здесь...

Сзади послышались уверенные шаги, Лиззи взглянула через плечо и пробормотала что-то под нос.

Оказалось, дворецкий англичанин чуть ли не бежал к ней... завидев Лейна, он резко остановился.

— Ты извинишь нас, Лейн, — тихо сказала ему Лиззи. — Мне нужно кое-что прояснить.

— Прояснить, что? — спросил он дворецкого.

Англичанин улыбнулся, напоминая манекен в мужском отделе.

— Ничего особенно, о чем вам следовало бы беспокоиться, мистер Болдвейн. Мисс Кинг, не будете ли так добры, когда закончите с...

— Что произошло? — потребовал ответа Лейн.

— Всего лишь недоразумение, — пробормотала Лиззи.

— О. Какое?

Лиззи сосредоточилась на Мистере Англичанине Уверенном в Своем Превосходстве.

— Заказ фужеров для шампанского был урезан, и он думает, что это я позвонила Маккензи и изменила заказ, но я не делала этого. Я рада помочь с расстановкой бокалов и тарелок, когда они придут, но я не отвечаю за координацию и заказы. Тенты и столы моя работа, и они стоят именно на том месте, где должны находиться.

Глаза мистера Харриса сузились.

— Этот разговор лучше всего вести в моем...

— Это совершенно никоим образом не относится к ней, — произнес Лейн, дворецкий холодно улыбнулся. — У вас все?

Лиззи опустила свою руку на его, и то что она так сделала, для него было полной неожиданностью, он на самом деле замолчал.

— Все в порядке. Я с радостью готова помочь. Мистер Харрис, если вы хотите, чтобы я поговорила с Маккензи и попыталась каким-то образом исправить это недоразумение?

Дворецкий оглянулся назад, потом перевел взгляд на них.

— Я точно знаю сколько заказывал. Но я не могу объяснить, почему доставили только половину.

— Послушайте, я ничего не хочу пояснять по поводу этого заказа, — сказала Лиззи. — Но ошибки на фирме бывали и раньше. Нужно просто выяснить, сколько еще не хватает и до заказать. Это не должно быть проблемой... вы лично заказывали или Розалинда?

— Я передал мисс Фриланд, и дал ей правильное количество.

Лиззи нахмурилась.

— Она знает, сколько мы заказываем. Она делала это в течение многих лет.

— Она заверила меня, что все будет улажено. Я предположил, что кто-то еще сократил количество, это единственное объяснение, которое приходит мне на ум.

— Вы найдете мисс Фриланд, а мы с Гретой все пересчитаем. И выясним сколько еще не хватает... по крайней мере, мы узнали об этом сегодня, а не завтра утром.

Наступил неловкий момент, в течение которого дворецкий молчал, а Лэйн вынашивал очень осознанный план, как заткнуть этого маленького диктатора.

— Очень хорошо, — произнес дворецкий. — Ваша помощь очень ценится.

Как только мистер Харрис ушел, Лиззи глубоко вздохнула.

— Вот мы и входим в этап — минус двадцать четыре часа.

— Не может кто-то другой из сотрудников все пересчитать? Это не твоя проблема.

— Все нормально. По крайней мере, если я буду делать это с Гретой, то буду уверена, что все точно. Кроме того, все остальные сотрудники Истерли заняты, и им никто не предоставит помощников, как поворам.

У Лейна зазвонил телефон, он вынул из кармана, взглянув в экран.

— Кто это черт возьми? — спросил он, увидев код города.

Она опять рассмеялась.

— Ты можешь узнать, если ответишь на звонок.

— Ты не откажешь мне?

— Кто-то должен.

Лейн широко улыбнулся.

— Хорошо, давай рискнем и посмотрим, кто это, — он нажал принять вызов, и сказал своим лучшим голосом, подражая автоответчику:

— Ваш звонок...

— Лейн... Господи, Лейн, мне нужна твоя помощь.

— Джин? — он опустился в кресло. — Джин, с тобой все в порядке?

— Я в центре города в Вашингтонской тюрьме. Ты должен приехать и внести залог за меня... я...

— Какого черта? Ты что...

— Мне нужен адвокат...

— Ладно, хорошо, успокойся, — он встал. — Не говори так быстро, я не могу понять, о чем ты.

Его сестра замолчала, а потом произнесла четыре фразы, которые довели его до

последней точки.

— Все в порядке, — мрачно сказал он. — Я приеду прямо сейчас. Да. Точно. Хорошо. Я еду.

Когда он отключился, единственное, что мог сделать это посмотреть на Лиззи.

— Что случилось? — спросила она.

— Мой отец выдвинул против Джин обвинение. Я на самом деле должен поехать в тюрьму и вытащить ее оттуда.

Лиззи прикрыла рот рукой.

— Чем я могу тебе помочь?

— Я сам позабочусь о ней. Но спасибо.

Потребовалось все его самообладание, чтобы не наклониться и не поцеловать ее, как было раньше. Вместо этого он провел пальцами по ее щеке и ушел прежде, чем она смогла сказать, что друзья так себя не ведут.

Святое дерьмо, что вытворял его отец сейчас.

Тогда давно, когда Эдвард был курильщиком, он часто просыпался по утрам, и его рука первым делом тянулась к Данхилл Редс, прежде чем он окончательно просыпался и поворачивался на бок.

Сейчас он делал то же самое, только тянулся к баночке с Адвилом.

Выкладывая четыре желатиновые капсулы в дрожащую ладонь, он отправил таблетки в рот, проглотил и запил остатками водки, которую прихватил вчера с собой в кровать. Это был его вариант завтрака, таблетки направились в желудок, и он лег на подушку.

Он бросил курить во время курса реабилитации. На самом деле, похищение было первым шагом в отказе от привычки.

Ирония заключалась в том: что должно было убить, помогало ему дольше жить.

Он поднял бутылку в воздух, как бы чокаясь с кем-то.

— Грасиас мучачос.

Прежде чем его мозг опять придется заковать в бесконечный отвратительный день, состоящий из определенных последовательностей, он опустил ноги на пол и сел. Он старался не смотреть на свое правое бедро и икру. Рваные ужасные швы плоти Франкенштейна испепеляли его мозг. В этой своей другой жизни, он перестал спать голым, поскольку нечего было показывать.

Трость помогала ему принять вертикальное положение, и он терял равновесие не только из-за травм, но из-за отсутствия сна, и еще он был до сих пор пьян. Похромав в ванную, он не включил свет, чтобы вид в зеркале не смущал, воспользовался туалетом, умыл лицо и руки, почистил зубы.

В подтверждение, что Бог по-прежнему ненавидел его, когда он вышел из коттеджа десять минут спустя, был ослепительный яркий солнечный свет... только усиливавший головную боль от похмелья.

«Сколько сейчас времени?» — задавался он вопросом.

По пути к конюшне В, он понял, что прихватил с собой бутылку самогона, своего рода как подушку безопасности.

Закатив глаза, он продолжал идти. И мисс Не Ругаться Никогда может с таким же успехом привыкнуть к нему и его выпивке... это не повод, чтобы потакать ее иллюзиям на трезвость при дневном свете, которая позже и разрушится. Если она не готова справиться с его привычкой, она может также уйти отсюда в свой первый день.

Звук скрипа колес, заставил повернуть его голову вправо, и через секунду появилась Шелби из дальнего конца конюшни, она вся подалась вперед с гигантским количеством конского навоза, наполнявшим старую ржавую тачку.

Не предполагал, что Мое заставил ее уже работать.

— Привет, — крикнул он.

Не теряя ритма, она махнула рукой и продолжила идти к компосту, находящемуся за ближайшим амбаром.

Наблюдая за ней, он завидовал ее сильному телу... и рассеянно заметил, что солнце многие пряди ее светлых волос превратило в почти белые. На ней была темно-синяя футболка, черные джинсы, и те же высокие сапоги, как и вчера. И после исчезновения ее за угол стены, она появилась в два раза быстрее ускоряя шаг, учитывая то количество навоза, которое ей пришлось выбросить.

Она была слишком быстрой.

Она направилась к нему, ее глаза были яркими и настороженными, щеки порозовели от усилий.

— Практически все выполнила. Начала с «С» и двигалась дальше.

— Господи, Мое уже поймел тебя... прости, — произнес он, прежде чем она успела его поправить. — Черт, Мое уже заставил тебя работать? И не говори мне, что я не могу говорить «черт». Я отказался от Бога и Иисуса Христа с его референсами, но от этого не собираюсь.

Она надавила на тачку, и колеса осели в подстриженную траву.

— Апельсиновый сок.

— Прости?

Дочь Джеба Лэндиса кивнула на бутылку.

— Вы можете использовать «черт», но я бы хотела увидеть вас с чем-нибудь другим, нежели...

— Ты всегда так строго судишь?

— ... водка с утра пораньше. Я не осуждаю вас.

— Тогда почему ты хочешь изменить привычки незнакомца?

— Вы не незнакомец, — она протерла лоб рукой. — Дело даже не в девяти утра, мне просто интересно, почему вы пьете в такую рань?

— Чувствую себя обезвоженным.

— У вас в доме нет воды? Прошлой ночью все закончилось.

Он бутылкой обвел окрестности.

— Это заставляет меня делать хорошо свою работу. Думаю, это моя версия витамина С.

Она пробормотала что-то себе под нос, держась за ручки тачки, выпрямилась.

— Что ты сказала? — потребовал он ответа.

— Вы меня слышали.

— Нет, я не слышал, — это была не совсем правда.

Шелби всего лишь пожала плечами и повезла свою тачку вперед, ее тело так легко двигалось под простой одеждой, не испытывая никакого видимого дискомфорта.

И тут его осенило.

— Шелби.

Она остановилась и посмотрела на него через плечо.

— Да?

— Ты сказала, что вычистила все конюшни.

— Угу.

— А и В.

— Ага.

Он захромал к ней и схватил ее за руку.

— Я же сказал тебе — существует одно правило. Ты не должна входить в стойло моего коня.

— И не собирать его навоз...

Его рука сжалась непроизвольно сильнее у нее на запястье.

— Он убил конюха в том году. Затоптал до смерти. Никогда не заходи к нему.

Ее небесно-голубые глаза стали огромными.

— Он был добр ко мне.

— Я единственный, кто входит к нему в стойло. Мы поняли друг друга? Если ты еще раз сделаешь что-то подобное, я соберу твои пожитки, — специально сказал он, — и отправлю тебя обратно, откуда ты приехала.

— Да, сэр.

Он пошел в сторону, стараясь не хромать.

— Вот и хорошо, тогда.

— Хорошо.

Она подула на шальные волосы, пытаясь убрать их с лица и продолжила свой путь, но пока она двигалась ее плечи были очень напряжены.

Открыв бутылку самогона, Эдвард сделал большой глоток, и даже не обратил внимание, что спиртное обожгло нутро.

Но эта была еще одна вещь, о которой он не хотел думать.

Как и о той, что ничего не должно случиться с дочерью Джеба Лэндиса, пока он тут руководил.

Черт побери.

Здание суда и тюрьма округа Вашингтон представляли из себя комплекс современных зданий, которые занимали целых два квартала центра города, соединяясь стеклянным туннелем, возвышающимся над трассой. Было несколько парковок, к одной из которых подъехал Лейн на своем Porsche. Бесчисленная толпа людей стремилась: мужчины и женщины в костюмах, спускались и поднимались по мраморным ступеням, полицейские в патрульных машинах ожидали у бордюра, а также внедорожник шерифа, припаркованный в специально отведенном месте, с запрещенной парковкой простым смертным, и люди в замызганной и не первой свежести одежде курили не вдалеке.

Его 911 турбо низко закашлялся, стоило ему замедлиться у здания. Здесь не было никакой разметки для парковки, кроме того не было названия улицы, а также дома.

Такое впечатление, словно он приостановился, чтобы спросить в какую сторону ему ехать, если вы был не здешний.

Словно из ниоткуда, одетый в униформу полицейского появился афроамериканец, шагнувший прямо под колеса машины.

— Черт! — Лейн резко нажал на тормоза. — Какого черта ты... Митч?

Шериф Митчелл Рэмси промолчал, указывает на свободное место у себя за спиной.

Лейн рванул вперед и параллельно припарковался с первого раза, понимая, что справа подпер бампером заместителя в самый час пик, слово круизное судно канатами пересекая грудь профессионального футболиста. Темные глаза были скрыты за солнцезащитными Ray Bans, и за счет бритой головы шея и плечи выглядели еще массивнее, нежели были на самом деле.

Лейн вышел из спортивного автомобиля.

— Привет, ты знаешь, где моя сестра?

— Знаю.

Они хлопнули по ладони друг друга и крепко обнялись. Последний раз они так стояли грудь в грудь, когда Лейн почти два года назад отправился ночью к частной взлетно-посадочной полосе, находящейся к западу от города, куда наконец-то вернулся Эдвард из плена домой.

Именно Митч привез его обратно в Штаты, возвратив в семью.

Только Бог мог сказать, как. Никто никогда не спрашивал подробностей, и у Лейна всегда было такое чувство, что бывший армейский рейнджер не имел разделения между «как» и «кого».

— Она не очень хорошо себя чувствует под стражей, — сказал Митч.

— Не удивлен.

Лейн последовал за шерифом, они на пару поднялись на пятьдесят шагов вверх по ступенькам к вращающимся дверям и одновременно вошли. Когда они вышли из вращающихся дверей, Митч направился по совершенно другому маршруту, ТОЛЬКО ДЛЯ ПОЛИЦЕЙСКИХ, и встречавшиеся им мужчины из охраны, а также офицеры полиции проходя мимо махали рукой с уважением.

— Я быстро сработал, как только увидел имя, — сказал Митч, пока они шли и их шаги отдавались эхом в коридоре с высоким потолком. — У нее изъяли похищенное транспортное средство, нет прав и нет страховки...

— Как, черт возьми, это произошло?

— ...и она оказывала сопротивление аресту. Я изъял этот инцидент, но я не могу бесконечно хранить у себя полицейский рапорт.

— Подожди, — Лейн остановил его рукой. — Моя сестра угнала машину?

— Роллс-ройс, зарегистрированный на компанию «Брэдфорд Бурбон».

— Ты имеешь в виду... наш ройс. Кабриолет Phantom?

— Твой отец лично позвонил в муниципальное отделение полиции и сказал арестовать ее, поскольку она не имеет разрешения на эксплуатацию данного транспортного средства.

— Ты это не серьезно, — Лейн провел рукой по волосам. — Хотя, что я говорю... конечно, он может это сделать. Он делал и еще худшие вещи.

— У вас есть адвокат?

— Семюэль Ти должен быть здесь...

— Лейн, — услышал он окрик.

Семюэль Ти пробирался сквозь толпу, выделяясь среди всех своим голубым в белую полоску костюмом. Он выглядел так, будто находился на крыльце своего большого особняка, попивая мятный джулеп и пара охотничьих собак, спала у его ног. Еще ко всему прочему, он был слишком красив среди смертных.

— Спасибо, что приехал так быстро, — сказал Лейн, пожимая друг другу руки. — Ты знаешь, Митча...

— Конечно знаю. Заместитель.

— Мистер Лодж.

Когда с приветствиями было покончено, они втроем направились на эскалаторы, которые подняли их на второй этаж.

— Она в главном здании, — Митч повел их к туннелю, соединяющему два здания. — Но я договарюсь о слушании без задержек о залоге. Как только ты будешь готов, мистер Лодж.

— Зови меня, Семюэль или Сэм.

— Семюэль, — кивнул Митч. — Как только ты будешь готов, я отдам ее судье Маккуэйд. Я уже поговорил с прокурором. Его руки связаны мистером Болдвейном, который и выдвинул обвинение. Единственное, чем я могу на самом деле помочь, это ускорить, устранить препятствия и упростить.

Лейн стиснул зубы. У Джин было много проблем, и очевидно, одну из них она имела с отцом... но это было так чертовски публично.

— Я твой должник, Митч.

— Нет, на мой взгляд.

Заместитель вел через различные посты охраны, и они оказались в той части здания, где располагалась тюрьма. Хотя Лейн выкинул несколько не совсем легальных трюков, когда был еще ребенком, о всех его грехах незаметно «позаботились». Поэтому это был первый раз, когда он оказался в тюрьме округа, и мог сказать со всей уверенностью, что не горел желанием когда-нибудь вернуться сюда опять.

В зоне ожидания бетонные стены были покрашены пастельной краской, пол такой же светлый. Пластиковые стулья оранжевые, желтые и красные. В воздухе витал запах застарелого пота, грязной одежды и лизоля.

Благодаря Митчу, они направились напрямик к стойке регистрации с пуленепробиваемыми стеклами и полицейскими, стоящими на одной линии со своим различным «уловом за день». Оказывается, их вызывали звонком с другой стороны стойки

регистрации. Жирный мужчина с тощим юношей... едва одетые девушки... потрепанная, в изношенной одежде пожилая женщина... все они стояли в этом месте рядом с их арестантами, на их лицах отражалась вся тяжесть и однообразность жизни.

— Сюда, заместитель Ремзи, — кто-то позвал из бронированной двери.

Пройдя через проверочный пункт, они направились к комнатам для переговоров, над входами которых горели красные лампочки, а на окна красовалась мелко-проволочная сетка.

— Если вы подождете здесь, — сказал офицер у одной из комнат, — я приведу ее.

— Спасибо, Стю, — Митч открыл дверь и отошел в сторону. — Я буду здесь.

— Очень признателен, — Лейн хлопнул парня по плечу. — И нам, наверное, понадобится твоя помощь.

— Все, что пожелаешь, я здесь.

Семьюэль Ти спросил заместителя:

— Кто-нибудь сообщил прессе?

— Не с нашей стороны, — ответил Митч. — И я постараюсь это так и оставить.

— У моей сестры не лучшая репутация, — Лейн покачал головой. — Чем меньше людей будут знать об этом, тем лучше.

Митч закрыл за ними дверь, и хотя в комнате было четыре стула, с прикрученными ножками к полу и стальной стол, который тоже был закреплен, Лейн не мог присесть. Семьюэль Ти сел, оставив свой старинный портфель в стороне и скрестил руки.

Адвокат покачал головой.

— Она разъярится до небес, когда увидит, что ты привел меня сюда.

— А кому я мог еще позвонить? — Лейн потер учтавшие глаза. — И после этого ты все еще помогаешь мне с разводом, да?

— Просто еще один напряженный день с Брэдфордами.

По крайней мере, они позволили ей остаться в своей собственной одежде, думала Джин, пока ее вели по очередному бетонному коридору, окрашенному в цвет месячного супа вишисуаз.

Она боялась раздеваться перед женщиной-офицером, больше походившей на мужчину, чем на женщину, хотя это оскорбление и имело на руках перчатки, боялась, что ее заставят одеть оранжевый комбинезон размером, напоминающий купол цирка. Когда этого не произошло, она чуть не сошла с ума, представляя, что ее поместят в какую-то грязную камеру с кучей обдолбанных проституток, кашляющих на нее СПИДом.

Вместо этого, ее поместили в отдельную камеру. Холодную камеру, в которой была скамейка, из нержавеющей стали туалет без сиденья и не было туалетной бумаги.

Собственно, она ей была и не нужна, но даже если бы и была нужна, такой она никогда не пользовалась.

Ее бриллиантовые серьги, часы от Chanel были конфискованы, наряду с сумкой LV, телефоном, и теми стодолларовыми купюрами, и бесполезными уже кредитными картами, которые лежали в кошельке.

Один звонок. Ей разрешили сделать всего лишь один звонок... точно как в кино.

— Сюда, — сказал охранник, подходя к афроамериканцу в мундире и открывая толстую дверь.

— Лейн! — она замерла на пол пути, бросившись в сторону брата, как только увидела, кто сидел за столом. — О, Боже. Только не он.

Лейн обнял ее, как только закрылась дверь. — Тебе нужен адвокат.

— И я свободен, — пропел Семюэль Ти. — Условно говоря.

— Я не буду говорить с ним, — она скрестила руки на груди. — Ни единого слова.

— Джин...

Семюэль Ти перебил ее брата.

— Говорил тебе. Думаю, я просто возьму вещи и уйду.

— Сидеть, — пролаял Лейн. — Вы оба.

Наступила пульсирующая тишина... Джин поняла, Семюэль Ти был удивлен повелительным тоном также, как и она. Лейн, из четырех детей Бодвейн, всегда придерживался политики — не высовываться и не сопротивляться. Сейчас он говорил, как Эдвард.

Или как тогдашний Эдвард.

Она уселась на жесткий, холодный, как ледяная глыба, стул и заерзала, Лейн ткнул в ее сторону пальцем.

— Что ты сделала?

— Прости? — сказала она не собираясь сдаваться. — Почему я виновата? Почему ты думаешь, что это я...

— Потому что так обычно и происходит, Джин, — он рубанул рукой по воздуху, как только она начала спорить. — Я слишком хорошо тебя знаю. Что ты сделала на этот раз, что так разозлила его? Я вытащу тебя отсюда, но я должен точно знать с кем и чем имею дело.

Джин уставилась на своего брата, и она хотела больше всего сказать ему отвалить. Но перед глазами стояла ее кредитная карта, вставленная в банкомат на бензозаправке, и надпись: «Отклонено», высвечивающаяся на цифровом экране. Кто еще может ей помочь?

Она взглянула на Семюэля Ти, который даже на нее не смотрел, с надменным неодобрением, хотя его лицо оставалось бесстрастным, он наслаждался происходящим, это было настолько очевидно, как и запах его одеколона, парящий в воздухе.

— Ну? — потребовал Лейн ответа.

Взвесив все варианты, она оценила совершенно незнакомую ситуацию, в которой оказалась, а также отсутствие денег и реальность нахождения в тюрьме. С достаточным количеством денег и забыв о происшедшем, не было причин отказываться от сделки или отказываться заплатить кому-то, чтобы выйти отсюда.

К сожалению, эти бесконечные множественные варианты финансирования составляли основу ее образа жизни, они по праву рождения просто принадлежали ей. Но сейчас вдруг получилось, что они фактически оказались собственностью кого-то еще. Она не знала об этом до сегодняшнего утра.

Она прочистила горло.

— Семюэль Ти, не будешь ли ты... оставь нас на минутку наедине с братом, — она махнула на него рукой. — Я не... я не имею ввиду, что ты не можешь быть моим адвокатом, мне необходимо поговорить с братом. Пожалуйста.

Семюэль Ти вздернул брови.

— Впервые я слышу от тебя это слово. По крайней мере, когда ты одета.

— Поосторожней, Лодж, — проворчал Лейн. — Это все же моя сестра.

Мужчина выпрямился, словно забыл, что находится с ней не наедине.

— Прости. Это было неуместно.

— Не уходи далеко, — Лейн начал расхаживать вокруг стола, теребя рукой свои короткие темные волосы. — Ради Бога, нам необходимо хорошее заявление перед судьей.

Адвокат Джин, любовник и отец ребенка (хотя о последнем он не знал) вышел, а она опустила глаза вниз на острые носки своих блестящие шпилек. На левом носке осталось пятно, которое она получила, пока садилась в полицейскую машину.

Раздался щелчок закрытия двери за Семюэлем Ти, и она не стала выжидать.

— Он хочет, чтобы я вышла замуж за Ричарда Пфорда.

— Ричарда... прости, что?

— Ты слышал меня. Отец остановил меня, чтобы я вышла замуж за этого мужчину. Он говорит, что это позволит иметь чертовские льготы по продажам, позволяющие улучшить рейтинг компании или что-то в этом духе.

— Он что, сошел с ума? — вздохнул Лейн.

— Ты хотел знать, почему я украла машину... так вот почему я забрала машину, и вот почему отец вызвал полицию, — она взглянула на брата. — Я не выйду за Ричарда. Неважно, что отец будет со мной делать... вот, с чем ты имеешь дело.

Поднявшись она подошла к двери и открыла ее.

— Ты можешь войти.

— Такая честь, — пробормотал Семюэль Ти.

Как только ее адвокат сел на стул и положил свой портфель на стол, она спросила:

— Как мне выбраться отсюда?

— Ты внесешь залог, — ответил Семюэль Ти. — А потом мы попытаемся избавиться от обвинений, которые выдвинул против тебя отец.

— О какой сумме залога идет речь? — поинтересовался Лейн.

— Поскольку она первый раз, то это будет учитываться, и будет не высокий. Начиная от пятидесяти штук. Маккуэйд — судья, настроенный дружелюбно к таким людям как мы, так что цена не будет слишком высокой.

«Пятьдесят тысяч долларов», — подумала она. Раньше это не казалось ей огромной суммой. Как правило, столько обходилось ее посещение бутика Chanel в Чикаго.

Она вспомнила те немногие купюры, которые находились у нее в сумочке.

— У меня нет таких денег.

Семюэль Ти рассмеялся.

— Конечно, у тебя...

— Я позабочусь об оплате, — произнес Лейн.

Семюэль Ти открыл свой портфель и достал какие-то бумаги.

— Ты уполномочиваешь меня представлять твои интересы, Вирджиния?

С каких это пор он стал называть ее полным именем? Скорее всего он не хотел, чтобы ее брат уложил его на бетонный пол тюрьмы, за очередную фамильярность.

— Да.

Его пронзительные серые глаза обволакивали взглядом.

— Подпиши это, — она подписала, и он пробормотал, — не волнуйся, я вытащу тебя отсюда.

Ее дыхание трепетало в груди, выдохнув наконец-то, она спросила:

— А что потом?

Что конкретно поменяется с другой стороны? Было совершенно не похоже, что ее отец вдруг был готов перевернуть новый лист и начать все сначала. Эдвард едва остался в живых, после волеизъявления Уильяма Болдвейна выбрать бизнес нежели своего ребенка.

— Мы тебя вытащим, — сказал Лейн. — А потом разберемся со всем остальным.

Взглянув на брата, она вдруг поймала себя на мысли, что никогда раньше не видела его настолько целеустремленным: он прислонился к бетонной голой стене, уродливой и занимающей по ширине маленькую площадь, сейчас он выглядел намного старше, чем тогда два года назад, когда покинул дом.

Она скорее ждала таких решений от Эдварда, нежели от Лейна, плейбоя.

— Он победит, — услышала она свой голос. — Отец всегда побеждает.

— Но не в этот раз, — прохрипел Лейн.

— Какого черта здесь происходит? — спросил Семюэль Ти.

Лейн отрицательно покачал головой.

— Ты должен позаботиться об этом, Семюэль. Ты должен всего лишь вытащить мою сестру отсюда. С остальным разберусь я.

Боже, она надеялась, что это так и будет. Однозначно, ее попытка конфронтации с отцом закончилась совсем не хорошо.

Лейн остановился перед парадным входом Истерли, нажав с яростью на тормоза Porsche, оставив на брусчатке черные полосы от шин. Ему удалось не угрохать двигатель, выскочив из машины, взлетел по каменным ступеням через двойные двери в холл.

Не обращая вокруг внимания, он вошел в особняк, проносясь мимо горничной, убирающей гостиную. Дворецкого, который что-то говорил ему. Даже не обращая внимания на Лиззи, которая шла к нему, словно ждала его возвращения.

Он прошел через дом, выйдя через дверь в столовой и направился к бизнес-центру, дефилируя между круглыми, стоящими в определенном порядке столами в шатре, обходя садовников, украшающих фонариками цветущие деревья.

Офис отца имел открытую террасу с французскими дверями, он направился к тем, которые были левее. Он даже не пытался потянуть за ручку, поскольку знал, что они были закрыты.

Поэтому со всего маха стукнул по стеклу.

И не остановился на одном ударе, даже когда почувствовал под рукой мокрое, вероятно, что-то разбил себе...

Ох... он разбил стекло в панели двери и перешел к другому.

«Отлично, — подумал он, — здесь их еще целая туча».

— Лейн! Что ты делаешь?

Он остановился и повернул голову на голос Лиззи, и голосом, который сам не узнал, произнес:

— Мне необходимо найти отца.

Возглас супер профессиональной ассистентки Уильяма Болдвейна послышался из офиса через разбитые стекла.

— Вы ранены!

— Где мой отец?

Мисс Петерсберг повернула ручку двери и открыла ее.

— Его здесь нет, мистер Болдвейн, он уехал в Кливленд на весь день. Он уехал, и я не знаю, когда вернется. Вам что-то нужно?

Она опустила взгляд на его окровавленную руку, он понял, что она готова уже произнести: «могу-я-принести-вам-полотенце-чтобы-обмотать-вашу-руку», но его совершенно не волновало, даже если вся кровь вытечет на ковер офиса отца.

— Кто сказал моему отцу, что Джин уехала? — потребовал он. — Кто позвонил ему? Ты? Или другой шпион в этом доме...

— О чем вы говорите?

— Ты звонила в полицию по поводу моей сестры? Я прекрасно знаю, что отец даже не знает, как набрать девять-один-один, хотя мне и сказали, что он выдвинул обвинение.

Глаза женщины вспыхнули, и она прошептала:

— Он сказал, что она вредит себе. Что она утром уехала, и я должна сделать все, чтобы остановить ее. Он сказал, что ей необходимо помочь...

— Лейн!

Он резко дернул головой назад, Лиззи и так заставляла терять его равновесие, поэтому его тело от рывка наклонилось в бок.

Она поймала его и крепко удерживала своим весом.

— Пошли назад в дом.

Он позволил ей увести себя, кровь капала на каменный балкон, оставляя темно-красные пятна на сером мраморе. Оглянувшись на ассистентку, он сказал:

— Скажи моему отцу, что я дождусь его.

— Я не знаю, когда он вернется.

«Чушь, — подумал он. — Эта женщина знает, даже когда Уильям ходит в туалет».

— Я буду здесь, пока ад не замерзнет.

В нем кипела такая ярость, что он не обращал внимания на ничего вокруг, пока Лиззи вела его к дому. В нем полыхала ярость за Эдварда. Джин и его мать.

Макса...

— Когда последний раз ты ел? — спросила Лиззи, подталкивая его через дверной проем Истерли.

В этот момент ему показалось, что у него начались галлюцинации. Но он быстро понял, что такое количество мужчин и женщин в белой униформе — повара, и они вошли в кухню.

— Прости, что? — пробормотал он.

— Когда ты ел?

Он открыл рот... и закрыл, нахмурившись.

— Вчера днем.

Мисс Аврора появилась в поле его зрения.

— Господи, что с тобой, парень?

Он слышал какие-то слова или разговор, который шел как бы со стороны. Ему перевязали руку, но он не обращал на это внимания, потом снова издали слышались какие-то слова.

Он был полностью в каком-то ступоре, сидя в комнате отдыха для персонала за столом, с тарелкой полной омлета, шестью ломтиками бекона и четырьмя кусочками тоста.

Лейн моргнул в тот момент, когда его желудок заурчал, несмотря на то, что мысли хаотически неслись в голове, его руку взяла вилку, опуская в пищу.

Лиззи сидела напротив, ее стул поскрипывал по голому деревянному полу.

— Ты в порядке?

Он посмотрел мимо нее на мисс Аврору, которая стояла у двери, собираясь уходить.

— Мой отец — дьявол.

— У него есть и достоинства, — произнесла мисс Аврора.

Которые видно были очень глубоко скрыты, но она не могла никого осуждать... никогда.

— Он пытается продать мою сестру, — выдохнул он. — Похоже... на плохой роман.

Он находился на середине рассказа, когда зазвонил телефон... и Лейн тут же отвлекся, увидев кто звонил.

— Семьюэль, как у нас дела?

Семьюэль Ти пришлось повысить голос из-за шума на заднем фоне.

— Семьдесят пять тысяч залог — это лучшее, что мы смогли сделать. Как только ты приносишь чек то, можешь ее забирать.

— Я принесу. Ты уходишь?

— Нет, пока она не выйдет отсюда. У нее есть право на консультацию со своим адвокатом, так что я рядом, ей не придется быть одной... или не дай Бог сидеть в камере.

— Спасибо.

Он отключился, мисс Аврора ушла приглядывать за поварами, а он повернулся к Лиззи.

— Мне необходимо сейчас же достать деньги. После этого... не знаю, что будет.

Она положила руку ему на бицепс.

— Как я уже говорила раньше, могу я чем-нибудь тебе помочь?

Он почувствовал, словно его ударила молния. Минуту назад он был вполне нормальным, любой мужчина может оказаться в такой ситуации... а сейчас? Желание лилось через вены, усиливая, очищая все мысли и направляя их на что-то поистине безумное.

Опустив глаза, он пробормотал:

— Ты уверена, что хочешь услышать ответ?

Лиззи с трудом сглотнула и посмотрела на свою руку, до сих пор сжимающую его бицепс. Она не проронила ни слова, но и не отстранилась, он наклонился, приподнимая ее за подбородок. Уставившись на ее губы, он мысленно целовал ее, представляя, как опускается на них своим губами, толкнув ее на жесткий стул, пробравшись руками под ее одежду, он опустился на колени между ее ног...

— Боже, — прошептала она, отводя взгляд в сторону.

Но все же, она не отвернулась.

Лейн облизнул губы, убрал ее руку.

— Тебе стоит уйти. Сейчас же. Или я сделаю что-нибудь такое, о чем ты будешь сожалеть.

— А ты? — прошептала она. — Ты будешь сожалеть?

— Целовать тебя? Никогда, — он отрицательно покачал головой, признав, что эмоции зашкаливают... и он мог с трудом контролировать себя. — Но я не прикоснусь, пока ты не попросишь. Это я тебе обещаю.

Через мгновение она встала с присущей ей грацией и направилась к двери. Он предоставил ей время удалиться по коридору, прежде чем сам вышел из комнаты.

Если бы она до сих пор осталась с ним, то он схватил бы ее, разложил на столе и занялся с ней любовью, давая им двоим освобождение.

Она хотела его, он видел это по ее глазам и по знакам тела.

Он даже не мог надеяться на такое.

И он хотел заставить отца заплатить залог... не потому что у Лейна не было денег. У него были крупные выигрыши в покер, и в отличие от своей сестры, ему уже было тридцать шесть, поэтому он имел доступ к своим трастовым фондам. Но именно Уильям Болдвейн создал весь этот бардак, и то, что он уехал, соответственно не мог отклонить оплату банка, все упрощало.

Минуту спустя, Лейн стоял перед дверью главного бухгалтера-контролера, даже не собираясь стучать, просто дернул ручку входной двери.

Заперто.

Он все же стукнул своей здоровой рукой в крепкую дубовую дверь.

— Разве она там? — спросил мистер Харрис с порога своей комнаты.

— Где ключ от этой двери?

— Мне не разрешено открывать...

Лейн развернулся к нему.

— Ты, бл*ть, дашь мне ключ или я выломаю эту проклятую дверь.

И знаете, что? Через секунду, дворецкий подошел, протянув тяжелый старый ключ из

латуни.

— Позвольте мне, мистер Болдвейн.

Не важно в конце концов кто откроет дверь этим ключом, который легко вошел в замок, но не проворачивался.

— Простите, — сказал дворецкий, пытаясь изо всех сил. — Кажется заклинило.

— Вы уверены, что это именно тот ключ?

— На нем написано, — дворецкий повернул маленькую бирку, висевшую на витиеватом конце. — Возможно, она вот-вот должна прийти.

— Позвольте мне.

Лейн отодвинул мужчину в костюме пингвина в сторону и взялся за ключ. Потеряв терпение, он навалился на дверь плечом, и...

Треск древесины заглушил его яростный крик, и ему пришлось удерживать дверную панель, когда она поддалась...

— Какого черта! — рявкнул он, словно попал в комнату Дракулу и отшатнулся от ужасного запаха.

Мистер Харрис закашлялся, уткнувшись лицом в лацкан пиджака, сказав:

— О, Господи, что это за...

— Вывести всех из коридора, — приказал Лейн дворецкому. — И чтобы они держались подальше от этого места.

— Да, да, конечно, мистер Болдвейн.

Лейн поднял руку к носу, вдыхая аромат своей рубашки, и вошел внутрь. В кабинете было очень темно, тяжелые шторы были опущены, несмотря на то, что стоял яркий солнечный день, кондиционер не работал. Ухватившись за дверной косяк действующей рукой, он уже знал, что здесь обнаружит, но не мог в это поверить.

Клик — нажал выключатель.

Розалинда Фриленд сидела в своем мягком кресле в самом дальнем углу комнаты, с заставшей ужасной улыбкой на лице, ее серые пальцы замерли на мягкой ситцевой обивки подлокотников, не мигая она смотрела прямо перед собой, находясь уже в загробной жизни.

— Господи..., — выдохнул Лейн.

Ее профессиональный костюм и юбка были в порядке, очки для чтения на золотой цепочке, лежали на груди шелковой блузке, убранные седовласые пряди была уложена как всегда, волосок к волоску. Но обувь совершенно не сочеталась с ее костюмом. На ней были не черные кожаные балетки, которые она всегда носила, а Nikes, словно она собиралась отправить на прогулку.

«Дерьмо», — подумал он.

Опустив руку в карман, он достал мобильный и набрал номер единственного человека, которому мог позвонить в возникшей ситуации. Пока раздавались гудки на линии, он огляделся по сторонам. Все было убрано, никакого беспорядка, он вспомнил, что эта женщина этим и отличалась, проработав в Истерли на протяжении тридцати лет: ее рабочий стол с компьютером и лампой с зеленым абажуром был девственно чист, книжные полки, в которых незаметно была спрятана другая оргтехника и папки аккуратно расставлены, как в библиотеки.

— ...вет, — раздался голос в мобильном.

— Митч, — произнес Лейн.

— Ты прибыл с чеком по поводу залога?

— У меня проблема.

— Чем могу помочь?

Лейн закрыл глаза и черт побери удивился, что ему несказанно повезло иметь такого парня.

— Я вижу перед собой мертвое тело главного бухгалтера моей семьи.

Мгновенно голос заместителя стал выше:

— Где?

— У нее в кабинете в Истерли. Думаю, она покончила с собой... я взломал ее дверь.

— Ты звонил девять-один-один?

— Нет еще.

— Я хочу, чтобы ты позвонил сейчас же, пока я еду к тебе... чтобы они зарегистрировали твой звонок в журнале, и прибыла полиция, которая обладает соответствующей юрисдикцией.

— Спасибо, парень.

— Ничего не трогай.

— Только выключатель, как только я вошел.

— И не разрешай никому входить в комнату. Я буду через пять минут.

Лейн отключился и набрал экстренный вызов, блуждая взглядом по полкам, он поймал себя на мысли, что здесь была вся ее жизнь, собранная этой женщиной в маленьком кабинете.

— Алло, меня зовут Лейн Болдвейн. Я звоню из Истерли, — у особняка не было номера дома. — В доме произошла смерть... да, я точно в этом уверен, что она мертва.

Он прошелся по комнате, отвечая на вопросы, подтвердил свой номер телефона и повесил трубку.

Взглянул на стол, и помня наказ Митча, но ему необходимо было найти чековую книжку на хозяйственные расходы. Мертвец или нет, ему еще предстояло освободить Джину из тюрьмы.

Достав платок, он двинулся по восточному ковру и собирался уже открыть ящик в центре стола, но нахмурился. В середине кожаного бювара, с идеально ровными листами, словно выровненными по линейке... лежала флешка.

— Мистер Болдвейн? Мне еще следует что-нибудь сделать? — спросил мистер Харрис от двери.

Лейн взглянул на труп.

— Полиция уже в пути. Они не хотят, чтобы мы что-либо трогали, поэтому я ухожу.

Он забрал флешку, видно специально настолько явно оставленную Розалиндой на видном месте. Затем открыл ящик стола и достал в кожаном переплете восемь с половиной на одиннадцать чековую книжку, засунув ее в маленький внутренний карман пиджака.

Повернулся к главному бухгалтеру-контролеру. Выражение на ее лице было похоже на лицо Джокера с ужасной гримасой, которая еще долго будет ему сниться в кошмарах.

— Чем занимается мой отец в данный момент? — прошептал он себе под нос в смердящий воздух.

Лиззи находилась в стеклянной оранжереи, разговаривая по телефону с компанией, предоставляющей аренду, когда заметила внедорожник шерифа округа Вашингтон останавливающийся перед главным входом в поместье Истерли.

«Он прибыл передать документы на развод Шанталь? Господи...»

— Простите, — сказала она, возвращая свое внимание к телефонному разговору. — Что вы сказали?

— Вы просрочили оплату, — повторил торговый представитель. — Поэтому нет, мы не можем выполнить заказ.

— Просрочили? — Это казалось таким немыслимым, словно Белый дом не оплатил счета. — Нет, мы заплатили полностью вчера за тенты. Поэтому мы не можем...

— Послушайте, вы наши лучшие клиенты, мы хотим работать с вами. Я не знал, что счет не оплачен, пока владелец лично не сказал мне об этом. Я отгрузил столько, сколько смог, но собственник запретил отгружать остальное, пока вы не погасите долг.

— Сколько мы должны?

— Пять тысяч семьсот восемьдесят пять и пятьдесят два цента.

— Это не проблема. Если я сейчас скажу, чтобы оплатили, можете вы...

— У нас все пусто. Мы ничего не можем поставить вам, в эти выходные мы обслуживаем почти весь город. Я звонил на прошлой неделе Розалинде и оставил три сообщения о просроченном счете. Она так и не перезвонила мне. Я удерживал оставшуюся часть заказа сколько мог, потому что надеялся, что вы позаботитесь об этом. Но со мной так никто и не связался, подпирали другие заказы.

Лиззи глубоко вдохнула.

— Спасибо. Я не совсем понимаю, что происходит, но мы исправим ситуацию... и я прослежу, чтобы вам заплатили.

— Мне очень жаль.

Она отключилась и наклонилась к стеклу, пытаясь разглядеть автомобиль шерифа.

— ...сказала компания по аренде?

Она повернулась к Грете, которая распыляла на готовые букеты цветочное удобрение.

— Мне жаль, но... этот вопрос связан с оплатой.

— Мы получим в экстренном порядке не достающие пять сотен бокалов для шампанского?

— Нет, — она направилась к двери. — Мне нужно поговорить с Розалиндой, а потом сообщить эти ужасные новости мистеру Харрису. Он разозлится... но, по крайней мере, мы получили от них тенты, столы и стулья. Бокалы можно мыть и выставлять по новой, и семья может дать штук сто своих.

Гретта взглянула на нее поверх очков в черепаховой оправе.

— Придет около семи сотен человек. Думаешь, мы сможем с этим справиться? Всего лишь пятьюстами бокалами?

— Ты не помогаешь мне своими вопросами.

Выйдя из оранжереи, она прошла через столовую и направилась в коридор с офисами обслуживающего персонала. Как только она вошла в коридор, застыла как вкопанная. Трое горничных в серо-белой униформе стояли вместе, разговаривая исключительно мимикой и

жестами, словно снимались в сериале, в котором отключили звук. Мисс Аврора стояла рядом с ними, скрестив руки на груди, Беатрикс Молли, старшая горничная, находилась от нее по другую сторону. Мистер Харрис стоял в центре коридора, своим крошечным телом, загораживая проход в кухню.

Лиззи нахмурилась и подошла к дворецкому... и почувствовала запах, поскольку у нее была ферма, то она точно могла определить его происхождение.

Афроамериканец в униформе шерифа вышел из офиса Розалинды вместе с Лейном.

— Что происходит? — спросила Лиззи, холодок сжал ей грудь.

Господи Боже, Розалинда...

«Поэтому в коридоре стоял этот ужасный запах сегодня утром?» — подумала она с бьющимся сердцем.

— Возникли проблемы, — ответил мистер Харрис. — И ими надлежащим образом занимаются.

Лейн встретился с ней глазами, пока говорил с заместителем и кивнул. Она указала головой в сторону оранжереи, он снова кивнул.

Мисс Молли перекрестилась.

— Всегда трое. Смерть всегда забирает троих.

— Чепуха, — пробормотала мисс Аврора, было видно, что женщины утомили ее своими рассуждениями. — Господь имеет план для каждого, не считая ваши.

— Трое. Всегда трое.

Ввернувшись в оранжерею, Лиззи закрыла за собой дверь и взглянула на сотню розово-белых букетов.

— Что случилось? — поинтересовалась Грета. — Тебе удалось что-нибудь...

— Я думаю, Розалинда мертва.

Бутылка со спреем выскользнула из рук Греты, с звоном ударившись об пол, забрызгав обувь.

— Как?

— Не знаю.

Послышался поток немецких выражений, с захлестывающими эмоциями, Лиззи тихо произнесла:

— Я не знаю правда и не могу в это поверить.

— Когда? Как?

— Я только в курсе, что прибыл шериф. И он не вызвал неотложку.

— Oh, mein Gott ... das ist ja schrecklich! (Ох, Боже мой,... это ведь просто ужасно)

Выругавшись, Лиззи уставилась в окна с видом на сад, на ослепительно зеленый стриженный газон и установленные элегантные шатры для вечеринки. Все было готово уже на семьдесят пять процентов и было очень красиво... особенно привлекали взгляд сотни, распустившихся в последний момент, бутоны пепельно-белого цвета, которые она и Грета посадила под цветущими фруктовыми деревьями.

— У меня очень плохое предчувствие, по поводу всего этого, — услышала она собственный голос.

Примерно через час, после прибытия полиции в Истерли, Лейн позволил себе уехать не надолго. Он, конечно же, очень хотел рассказать все Лиззи, но в первую очередь, должен был позаботиться о Джин.

Все трастовые фонды семьи Брэдфорд находились под управлением Главенствующей

Трастовой компании частной фирмы, с миллиардными оборотами, под их полным контролем, специализирующейся с обращением средств супербогатых в Чарлмонте. Они не относились к обычному банку, однако все расходы по чековой книжке больше были введении местного отделения банка компании... в которое он и отправился с чековой книжкой со стола Розалинды.

Припарковавшись у стоявшего рядом бутика, он выписал чек на семьдесят пять тысяч долларов, не забыв поставить роспись на линии, где стояло имя его отца, но Лейн имел право подписи.

Как только он толкнул дверь в бежево-белое лобби, ему навстречу поспешила молодая женщина в темно-синей униформе в не выделяющихся украшениях.

— Мистер Болдвейн, как ваши дела?

«Я только что обнаружил труп. Спасибо, что спросили».

— Хорошо, мне нужно, обналичить чек?

— Конечно. Пройдемте ко мне в кабинет, — проведя его в стеклянный офис, она закрыла дверь и уселась за рабочий стол, на котором не было ни единой бумажки.

— Мы всегда рады помочь вашей семье.

Он положил чек на стол и опустился на стул напротив.

— Я ценю это.

Звук ногтей, постукивающих по клавиатуре, мягко говоря раздражал, но он попытался абстрагироваться, поскольку у него были дела и поважнее.

— Ах..., — менеджер банка откашлялась. — Мистер Болдвейн, извините, но у вас недостаточно средств на счете.

Он достал телефон.

— Не проблема, я позвоню в главную управляющую компанию трастовыми фондами и попрошу перевести деньги. Сколько не хватает?

— Но, сэр, у вас превышен лимит на двадцать семь тысяч четыреста восемьдесят девять долларов и двадцать два цента. Вы должны погасить овердрафт.

— Дайте мне минутку, — он нажал список контактов на телефоне и позвонил менеджеру РТС, которая имела доступ к средствам семьи. — Я просто пытаюсь решить эту проблему.

Видно у него на лице отразилось облегчение.

— Позвольте мне оставить вас, для частного разговора. Я буду в холле, как только вы будете готовы. Не торопитесь.

— Спасибо.

Пока он ждал соединения, Лейн постукивал мокасинами по мраморному полу.

— Привет, Конни, как ты? Это Лэйн Болдвейн. Хорошо. Да, я в городе на Дерби, — Помимо всего прочего. — Послушай, мне необходимо, чтобы ты перевела деньги на счет местного банка.

Возникла пауза. И всегда приветливая женщина произнесла напряженным профессиональным голосом.

— Я бы с радостью, мистер Болдвейн, но у меня больше нет доступа к вашим счетам. Я лишилась этого права в прошлом году, когда вы отдали его управляющей компании вашим трастовым фондом.

— Я имел в виду со счета моего отца. Или моей матери.

Возникла еще одна пауза.

— Боюсь, вы не можете осуществлять переводы такого рода. Мне нужно поговорить с вашим отцом. Не могли бы вы попросить его позвонить мне?

Конечно, нет, если он хотел получить эти деньги. Учитывая, что его дорогой пенсионного возраста папаша пытался засадить в тюрьму Джин, и не существовало никаких причин, чтобы великий и славный Уильям Болдвейн вдруг поспособствовал бы ее освобождению.

— Мой отец находится в городе, но недоступен. Как насчет моей матери, которая сможет вам позвонить по телефону? — Ради этого, он готов был пойти к матери и привести ее в чувство на достаточно долгое время, чтобы получить сто двадцать пять тысяч на семейный счет.

Конни откашлялась.

— Мне очень жаль, но ответ вашей матери... не будет засчитан.

— А если с ее счета? Такое ведь возможно?

— Мистер Болдвейн... я не хочу резко высказываться.

— А похоже на то, что вы уже высказались.

— Пожалуйста, подождите минутку.

Ему в ухо зазвучал музыкальный рингтон, он поднялся с жесткого стула и направился к растению в горшке, стоящем в углу, и обнаружил, потрогав лист, что оно искусственное, хотя и было высотой от пола до потолка и стояло у двойных окон, выходящих на четырехполосную трассу.

Потом раздался щелчок и мужской голос сказал:

— Мистер Болдвейн? Это Рикардо Монтеверди, как поживаете, сэр?

Подключился известный генеральный директор компании, это означало, что менеджер споткнулась на «деликатной ситуации».

— Послушайте, мне необходимо сто двадцать пять тысяч наличными. Ничего страшного...

— Мистер Болдвейн, вы знаете, что мы управляем вашими трастовыми фондами и несем ответственность за ваши вливания, а также очень серьезно относимся к нашим клиентам...

— Хватит говорить мне отговорками. Или вы скажете мне, почему недостаточно слов моей матери, или я прекращаю наш разговор.

Воцарилось молчание на противоположной стороне трубки.

— Вы не оставляете мне выбора.

— Ради Бога, что?

Опять воцарилось молчание, но на этот раз многозначительное и длинное, Лейн даже отвел трубку от уха, чтобы удостовериться, что до сих по связи.

— Алло? — произнес он.

Послышался кашель на том конце.

— Ваш отец объявил вашу мать недееспособной и лишил права доверия распоряжаться своими средствами в начале этого года. Это было подкреплено мнением двух квалифицированных неврологов, которые сказали, что она неспособна принимать правильные решения. Поэтому, если вам потребуются средства с ее счета, мы будем очень рады предоставить их вам... при условии, что об этом попросит лично ваш отец. Я надеюсь, вы понимаете, что я двигаюсь по... очень тонкой грани.

— Я позвоню ему прямо сейчас, и он перезвонит вам по телефону.

Лейн отключился и уставился в окно на проезжающие машины. Затем подошел к двери и открыл. По-прежнему улыбающейся менеджер, он сказал:

— Мой отец позвонит генеральному директору, чтобы осуществить передачу средств. Мне придется вернуться.

— Мы открыты до пяти часов вечера, сэр.

— Благодарю вас.

Выйдя на яркое солнце, он все-так же держал телефон в руке, пока шел по горячему раскаленному асфальту. Он даже не понял, как доехал до дома.

Какого черта ему теперь делать?

Вернувшись в Истерли, он застал два полицейских подразделения около дома, в гараже и еще парней, стоявших на карауле у главного входа. Припарковавшись на своем обычном месте, слева от главного входа в особняк, он вышел из машины.

— Мистер Болдвейн, — приветствовал его один из офицеров, как только Лейн приблизился к нему.

— Джентльмены.

Ощущая их глаза у себя на спине, ему захотелось отправиться куда-нибудь подальше от дома его семьи. У него явно начиналась паранойя из-за происходящего за кулисами семьи, о которой он ничего не знал, поэтому и хотел более внимательно познакомиться с этими скелетами в частном порядке... без посторонних взглядов муниципальной полиции.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, он зашел в свою комнату и закрыл дверь, вернее запер ее. Над кроватью снял трубку домашнего телефона, набрал девятку для выхода в город, а затем *67, прямое подключение к любому номеру. Раздался гудок на линии, он ввел привычный четырехзначный номер.

Откашлявшись с первым гудком. Второй...

— Доброе утро, это офис мистера Уильяма Болвейна. Чем я могу помочь вам...

Он произнес деловым тоном своего отца:

— Соедините меня с Монтеверди прямо сейчас.

— Конечно, мистер Болдвейн! Сию минуту.

Лейн снова откашлялся, как только послышалась классическая музыка на другом конце линии. На руку сыграло то, что его отец был совсем не социальной личностью, он начинал общаться с человеком, если мог выиграть, ведя с ним бизнес, поэтому вряд ли когда-нибудь происходила личная беседа между генеральным директором управляющей компании трастовых фондов и его отцом.

— Мистер Болдвейн, мистер Монтеверди на линии.

Раздался щелчок соединения, Монтеверди тут же сказал:

— Спасибо, что наконец ответили на мой звонок.

Лейн продолжил таким же тоном, только добавил южный акцент:

— Мне нужно сто двадцать пять тысяч на счет семейного бюджета.

— Уильям, я говорил уже вам. Я не могу пойти на это, просто не могу. Я очень высоко ценю ваш семейный бизнес, и готов помогать удерживать имя Брэдфордов, учитывая возникшие трудности, но у меня связаны руки. Я несу ответственность перед советом, и вы сказали, что возьмете деньги в долг и погасите его до начала ежегодного собрания... которое состоится через две короткие недели. И факт, что вам потребовалась дополнительная сумма... причем такая незначительная? Моя уверенность просто тает.

Что. За. Черт.

— Какова общая сумма? — спросил он низким голосом с акцентом отца Вирджинии.

— Я сообщил вам в отправленном сообщении по голосовой почте, — Монтеверди помолчал немного. — Пятьдесят три миллиона. У вас есть две недели, Уильям на выбор — либо погасить долг, либо обратиться к JPMorgan Chase покрыть кредит с первичного трастового фонда вашей жены. У нее более ста миллионов на счете, поэтому ее фонд сможет пережить это кредитование. Я отправил вам документы на ваш личный e-майл... единственное, что вам необходимо — поставить свою подпись, что решит наши проблемы. Но позвольте прояснить... я зажат данной ситуацией, и не могу позволить ей так дальше продолжаться. У меня имеются средства, которые я могу пустить в ход, для вас это вызовет определенные неудобства, и я воспользуюсь ими, прежде чем дело коснется меня лично.

Святые.

Дерьмо.

— Я вам перезвоню, — протянул Лейн и повесил трубку.

Пару секунд он просто пялился на телефон, буквально не в состоянии трезво мыслить.

Потом его затошнило.

Он резко согнулся пополам, с трудом успев к корзине для мусора.

Из него вышло все, что он съел на кухне для обслуживающего персонала.

Как только тошнота прошла, он застыл от того, что он только что услышал, заставляя его задуматься (потом помолиться), все это стало напоминать ночной кошмар.

Но у него не было времени на такую роскошь, как горевать или долго размышлять. У него в доме находилась полиция, а его сестра по-прежнему была в тюрьме. И что бы здесь не происходило...

Господи, он пожалел, что рядом не было Эдварда.

Через час, Джин проскользнула на пассажирское сиденье темно-серого Porsche брата, закрыла глаза и покачала головой.

— Это был худшие шесть часов в моей жизни.

Лейн что-то проворчал, и его ворчание могло означать многое, но в большей степени, конечно, и близко не походило на: «О Боже, поверить не могу, что ты это пережила».

— Извини, — огрызнулась она. — Но я была в тюрьме...

— У нас проблемы, Джин.

Она пожала плечами.

— Мы внесли залог, и Семюэль Ти говорит, что в прессу ничего не просочится...

— Джин, — брат посмотрел на нее, ведя машину. — У нас проблемы.

Позже, гораздо позже она будет вспоминать этот момент, когда их глаза встретились в салоне машины, как начало падения в домино, стоит упасть верхней фишке и остальные падают за ней по инерции, с огромной скоростью, уже невозможно все предотвратить.

— О чем ты говоришь? — тихо спросила она. — Ты меня пугаешь.

— Семья в долгах. Серьезных долгах.

Она закатила глаза и взмахнула рукой.

— Правда? Лейн, у меня проблемы посерьезнее...

— Розалинда покончила с собой в своем кабинете. Скорее всего два дня назад.

Джин закрыла рот рукой. И вспомнила, что звонила ей несколько часов назад.

— Покончила с собой?

— Да. У себя в кабинете.

У нее кожа покрылась мурашками, как только она представила, что телефон звонил рядом с трупом бухгалтера-контролера.

— Господи Боже...

Лейн выругался, бросив взгляд в зеркало заднего вида, и рывком повернув руль, перестроившись.

— Семейный счет на хозяйственные нужны превышен, и наш отец умудрился взять в долг пятьдесят три миллиона у главной управляющей трастовой компании на Бог знает что. И что еще хуже? Я не знаю, как далеко это все зашло, и не имею понятия, как это выяснить.

— Что ты... прости, я не понимаю?

Он повторил все сначала, но ей это не помогло.

Брат замолчал, она тоже молча смотрела в лобовое стекло, наблюдая за извилистой дорогой по берегу Огайо.

— Отец может просто вернуть деньги, — тихо сказала она. — Он погасит кредит, и все будет хорошо...

— Джин, у тебя возникает необходимость одалживать деньги, лишь в том случае, что ты в полной, при полной заднице. И почему ты не возвращаешь их? Потому что не можешь.

— Но у мамы есть деньги. У нее много...

— Не думаю, что мы можем это принять на веру.

— Тогда, где ты нашел деньги? Чтобы выгащить меня?

— У меня есть немного, а также мой трастовый фонд, который я отделил от семейного бюджета. Но его недостаточно, чтобы содержать Истерли, но и не нужно забывать о

возвращении кредита и также стоит учитывать, что «Брэдфорд Бурбон» должна остаться на плаву, если уж на то пошло.

Она посмотрела на свой пришедший в полную негодность маникюр, вспомнив, что когда сегодня проснулась он был превосходным.

— Спасибо, что меня вытащил.

— Без проблем.

— Я все верну.

Откуда? Ее отец порвал с ней все отношения... но хуже всего, не смотря на отсутствие денег, он не выделил даже пособия.

— Это невозможно, — сказала она. — Должно быть это недоразумение. Какое-то... недопонимание.

— Я так не думаю.

— Ты должен думать позитивно, Лейн.

— Я наткнулся на мертвую женщину в кабинете около двух часов назад, а потом узнал о долге. Могу заверить тебя, что отсутствие оптимизма, здесь не главная проблема.

— Ты думаешь..., — выдохнула Джин. — Думаешь, это она украла деньги?

— Пятьдесят три миллиона? Или даже часть? Нет, потому что она совершила самоубийство... если бы она украла у нас деньги, то разумнее было бы с ее стороны, изменить свою личность. Никто не убивает себя в доме работодателя, если успешно присвоил чужие деньги.

— А что, если ее убили?

Лейн открыл рот, собираясь возразить, но тут же закрыл его... обдумывая, и как бы пробуя на вкус эту мысль.

— Ну, она была влюблена в него.

Джин поняла, что теперь она смотрит на него открыв рот.

— Розалинда? В отца?

— Ну же, Джин. Все знали об этом.

— Розалинда? С ее манерой укладывать волосы в пучок, сплюсывающий ей голову. В доме с нашей матерью?

— Не будь наивной.

Действительно, впервые она тогда заподозрила отца. И вдруг воспоминания о той новогодней ночи вернулись к ней вновь... когда она увидела отца, выходящим из офиса этой женщины.

Но это было несколько десятилетий назад, словно в другой эпохе.

А может нет.

Лейн ударил по тормозам, проехав на красный свет, рядом с автозаправкой, которую она посетила утром.

— Подумай, где она жила, — сказал он. — В колониальном доме с четырьмя спальнями на Rolling Meadows, который намного больше, чем она способна позволить себе на зарплату бухгалтера... как ты думаешь, кто платил за него?

— У нее нет детей.

— Это мы так думаем.

Джина зажмурилась, когда ее брат снова нажал на газ.

— Мне кажется, мне ставится совсем плохо.

— Ты хочешь, чтобы я остановился?

— Я хочу, чтобы ты перестал рассказывать мне об этих вещах.

Наступила долгая пауза... и в напряженном воздухе, она продолжала вспоминать, как ее отец вышел из офиса, запахивая свой халат.

Ее брат покачал головой.

— Незнание ничего не изменит. Мы должны выяснить, что происходит. Мне необходимо докопаться до истины.

— Как ты... как ты собираешься все это выяснить?

— Для тебя это важно?

Как только они завернули на финишный вираж Ривед-Роуд, ведущий к Истерли, она взглянула вправо, вверх на вершину холма. Особняк ее семьи находился на том же месте, как и всегда, его невероятный размер и элегантность возвышалась на горизонте, знаменитый вид, который она видела на всех бутылках с бурбоном, выгравированный на этикетках.

До этого момента, она предполагала, что положение ее семьи было нерушимым.

Сейчас же она боялась, что оно может превратиться в пыль.

— Итак, мы сделали это, — сказала Лиззи проходя через ряды круглых столов в большом шатре. — Стулья хорошо смотрятся.

— Да, — ответила Грета, расправляя скатерть.

Они продолжили свой путь, осматривая все семьсот мест, перепроверя хрустальные двойные подсвечники, свисающие по трем сторонам шатра, украшенные длинными бледно-розовыми и белыми драпировками.

Закончив проверку, они вышли из-под тента и проследовали вдоль длинного темно-зеленого извивающегося удлинителя, заставляющего работать восемь вентиляторов, обеспечивающих циркуляцию воздуха.

До наступления темноты оставалось всего лишь пять часов рабочего времени, и Лиззи подумала, что они закончили свой список приоритетов. Букеты были расставлены. Клумбы находились в отличном состоянии. Горшки с цветами на входе и выходе из шатра смотрелись, сделанными с иголочки, за счет дополнительных цветов и растительных аксессуаров. Даже столы, заставленные едой, сервированы в соответствии с инструкциями мисс Авроры.

Насколько Лиззи поняла, еда была уже готова. Ликер доставлен. Дополнительные официанты и бармены находились под руководством Реджинальда, а он точно «не уронит мяч». Безопасность осуществляли полицейские, которые должны были удерживать прессу в стороне, фактически все было готово.

Но она хотела чем-то занять свое освободившееся время. Адреналин зашкаливал, призывая ее к действию, как обычно... а теперь она все уже переделала, но от одной мысли, что было возбуждено уголовное дело примерно в пятидесяти ярдах от нее, не освобождало ее от нервозности.

Господи, Розалинда.

Ее телефон завибрировал у бедра, заставив подпрыгнуть. Она вытащила сотовый и выдохнула:

— Слава Богу,... алло? Лэйн? У тебя все в порядке? — она нахмурилась, когда Грета посмотрела на нее. — На самом деле, я оставила его в машине, но сейчас же схожу за ним. Да. Конечно, конечно. Где ты? Хорошо. Я заберу и принесу его тебе.

Отключившись, Грета спросила:

— Что происходит?

— Не знаю. Он попросил ноутбук.

— У него в доме должен быть с десяток компьютеров.

— После случившегося сегодня утром, думаешь, я буду с ним спорить?

— Натерпелся страху, — сказала Грета, хотя ее лицо выражало полное неодобрение. —

Я пойду проверю клумбы и горшки перед домом, и подтверждаю место для парковки на завтра.

— На восемь утра?

— Восемь утра, а потом пойду домой. У меня начинается мигрень, а завтра будет долгий день.

— Ужасно! Иди домой сейчас же, вернешься к самому началу.

Прежде чем Лиззи успела отвернуться, ее великовозрастная подруга посмотрела на нее суровым взглядом поверх тяжелых очков.

— С тобой все в порядке?

— О, да, абсолютно.

— Поскольку Лейн все время пасется здесь, поэтому и спрашиваю.

Лиззи взглянула на дом.

— Он разводится.

— В самом деле?

— Ну он так говорит.

Грета скрестила руки на груди, и ее немецкий акцент стал более заметным:

— Отсутствуя около двух лет, не слишком ли поздно...

— Он не плохой, знаешь ли.

— Прости? Nein, ты не думаешь так всерьез.

— Он не знал тогда, что Шанталь была беременна.

Грета взмахнула руками.

— Ну, конечно, и это все меняет, ja? Поэтому он добровольно женился на ней, когда был с тобой. Просто идеально.

— Пожалуйста, не надо, — Лиззи потерла усталые глаза. — Он...

— Он был с тобой, и в то же время не был. Он звонил тебе, приезжал?

— А если и делал так? В конце концов, это мое дело.

— Я целый год названивала тебе, пытаюсь вытащить из дома, чтобы ты пошла на работу.

Я все время была с тобой и заботилась... разгребая тот бардак, который он сотворил. Поэтому не рассказывай мне, у меня нет к нему положительных эмоций, даже когда он шепчет тебе на ушко...

Лиззи дотронулась до щеки женщины.

— Хватит. Мы закончили с этим. Увидимся завтра утром.

Уходя, она бубнила себе под нос проклятия всю дорогу до машины, взяв ноутбук, отправилась к дому. Намеренно избегая кухни и зимнего сада (поскольку не хотела нарваться на Грету, которая собиралась домой), Лиззи вошла в библиотеку, и не задумываясь направилась к коридору, ведущей к лестнице для персонала и к кухне. Завернув за угол, она остановилась, пропуская двух полицейских, выносящих тело на носилках.

Останки Розалинды Фриланд были помещены в белый полуметровый мешок на молнии, которая, к счастью, была плотно закрыта.

— Мэм, — произнес один из офицеров, — я вынужден попросить вас отойти в сторону.

— Да, конечно, извините, — сглотнув подкатывающую тошноту, она повернулась к стене, стараясь не думать о случившемся.

Но ей не удалось.

Она сообщила свое имя полиции, как и все остальные сотрудники, и кратко описала, что делала все утро, а также последние несколько дней. Когда ее попросили рассказать что-нибудь о главном бухгалтере, она фактически ничего не смогла ответить, поскольку не знала ее настолько хорошо, кроме как женщину, занимающуюся счетами.

Лиззи не знала была ли у нее семья или кто-то из близких родственников, которых следовало уведомить о смерти.

Она опять нарушила этикет Истерли, поднимаясь по главной лестнице, но учитывая, что фургон коронеров был припаркован перед домом и место преступления находилось прямо по коридору обслуживающего персонала, она была уверена, что ее промах не будет засчитан. На втором этаже, она уменьшила свой поспешный шаг, проходя мимо картин, написанных маслом и довольно-таки редких, отображающих свою давность и высшее мастерство.

Приблизившись к двери Лэйна, она не могла вспомнить, когда в последний раз спорила с Гретой, можно сказать на пустом месте. Господи, ей хотелось позвонить своей подруге и... но что она могла сказать?

«Отдай ноутбук и уходи, — сказала она сама себе. — Сделай так».

Лиззи постучала в дверь.

— Лейн?

— Входи.

Войдя в спальню, она обнаружила его стоящим у окна, опирающегося одной ногой о подоконник, и упираясь руками о его согнутою ногу. Он не повернулся к ней и молчал.

— Лейн? — она огляделась вокруг, больше никого не было. — Давай, я оставлю тебе ноутбук...

— Мне нужна твоя помощь.

Сделав глубокий вдох, она сказала:

— Хорошо.

Но он продолжал молчать, рассматривая открывающийся вид сада. И Боже, помоги ей, было невозможно не пожирать его глазами. Она поймала себя на мысли, что пыталась отыскать признаки напряжения... в его накаченных мускулистых плечах, коротких волосах, достающих до конца шеи, в выпирающих бицепсах, напряженных и видных из-за короткого рукава рубашки поло.

Он переоделся с того раза, как она видела его в последний раз. Принял душ, поскольку от него исходил еле уловимый запах шампуня, смешанный с лосьоном после бритья.

— Я сожалею о Розалинде, — прошептала она. — Какой ужас.

— Хмм.

— Кто ее обнаружил?

— Я.

Лиззи закрыла глаза и прижала ноутбук к груди.

— О, Боже.

Внезапно, он полез в передний карман брюк и что-то достал.

— Ты побудешь со мной, пока я кое-что посмотрю?

— Что это?

— Что-то, что она оставила на виду, — он показал ей черную флешку. — Я нашел ее у нее на столе.

— Это... предсмертная записка?

— Не думаю, — он опустился на кровать и кивнул на ее ноутбук. — Ты не возражаешь, если я...?

— О, конечно, — она села рядом, открыла Lenovo и нажала кнопку включения. — У меня есть Майкрософт офис, а также ворд, прочитать документ не проблема.

— Не думаю, что это документ.

Экран загорелся, и она передвинула компьютер к нему.

— Вот.

Он вставил флешку в USBпорт и стал ждать, на мониторе появилось окно, предлагая на выбор различные варианты, он нажал «открыть файл».

Папка была только одна, под названием «Уильям Болдвейн».

Лиззи потерла бровь указательным пальцем.

— Ты уверен, что хочешь показывать мне это?

— Уверен, я не смогу смотреть это без тебя.

Лиззи наклонилась к нему и опустила руку ему на плечо.

— Я здесь с тобой.

Почему-то она вспомнила женское белье персикового цвета, которое увидела за кроватью его отца. Вряд ли оно принадлежало Розалинде, поскольку она предпочитала все светло-серых тонов, и скорее всего у нее в гардеробе просто других не было. Но кто знает, что скрывала эта женщина под классическими юбками и блузками?

Лейн нажал на файл, и сердце Лиззи бешено заколотилось, словно она пробежала милью.

Он оказался прав. Не было ни любовного письма, ни предсмертной записки. Перед ними была заполненная таблица со столбцами чисел и дат, с кратким описанием, Лиззи находилась слишком далеко от экрана, поэтому не могла прочесть.

— Что там? — спросила она.

— Пятьдесят три миллиона долларов, — пробормотал он, прокручивая страницу вниз. — Я готов поспорить, что это пятьдесят три миллиона.

— Что ты имеешь в виду? Постой... ты хочешь сказать, что она украла их?

— Нет, но думаю, она помогла украсть их моему отцу.

— Что?

Он взглянул на нее.

— Я уверен, что руки моего отца в крови. Или, по крайней мере... мы убедились, что в крови.

Уставившись в компьютер, стоящий у него на коленях и прокручивая таблицу Excel до конца, Лейну не нужно было складывать все колонки с цифрами, поскольку в самом низу, в правой колонке Розалинда выделила жирным общую сумму.

Он надеялся, что итог окажется — пятьдесят три млн. долларов.

Неа, на самом деле оказалось шестьдесят восемь миллионов четыреста восемьдесят девять тысяч двести сорок два доллара и шестьдесят пять центов.

\$68,489,242.65.

Объяснения перерасхода тут же нашлось в соответствующей строке — затраты на Cartier и Tiffany от «Брэдфорд авиалиний», общества с ограниченной ответственностью, управляющее в корпорации всеми самолетами, а также пилотами, относящимися к кадрам непосредственно компании Брэдфордов, включая расчет зарплаты, как и выплатам персоналу самого поместья, напрямую связанным с домашним хозяйством. Но существовала также повторяющаяся запись, которую он не знал: WWB Holdings.

Уильям Уайатт Болдвейн Холдинг.

Вопрос все равно бы всплыл.

Но что это было?

Львиная доля уходила туда.

— Я думаю, мой отец..., — он взглянул на Лиззи. — Не уверен, но трастовая компания сообщила, что он поставил себя... и семью... в огромные долги. За что? Даже с учетом всех этих расходов, должна быть огромная масса наличных, поступающих на счет «Bradford Bourbon Company», которая является крупнейшим трендом на рынке.

— Компания по аренде..., — пробормотала Лиззи.

— Что с ней?

— Мы не заплатили, они звонили на прошлой неделе Розалинде, но она так и не заплатила.

— Интересно, кому еще мы должны?

— Чем я могу помочь?

Он посмотрел на нее, его мозг бурлил и работал, просматривая операции купли-продажи. — Позволить мне вникнуть в этот файл, думаю, хорошее начало.

— Чем еще?

«Боже, ее глаза стали синими, — подумал он. — И губы, ее естественно красные губы такой прекрасной формы».

Она что-то говорила, но он не слышал, словно вокруг него образовалась стена, поглощающая все звуки. Исчез также и ноутбук на его коленях и все раскрытые секреты, свечение экрана, таблица, столбцы цифр и букв, сейчас для ничего не существовало.

— Лиззи, — произнес он, обрывая ее.

— Да?

— Ты мне нужна, — он услышал хрип в своем голосе.

— Конечно, что я могу...

Он наклонился и прикоснулся своими губами к ее, быстро.

Она ахнула и отстранилась.

Лейн ожидал, что она взбрыкнет, отругает его. Возможно, вернется к романтики

восьмидесятых годов и шлепнет его по открытой ладони.

Вместо этого, она поднесла пальцы и коснулась губ, закрыв глаза.

— Лучше бы ты этого не делал.

Черт побери.

— Прости, — он провел рукой по волосам. — Я не в себе.

Она кивнула.

— Да.

«Лучше не бывает», — подумал он. Его жизнь итак уже полыхала ярким пламенем на многих фронтах, так почему не добавить еще огня. Просто, чтобы помочь Аду побыстрее поглотить его.

— Я сожалею, — произнес он. — Я должен был просто...

Она набросилась на него с такой силой, что он чуть не отшатнулся. Его спасло только желание... порочная тяга, которая все время присутствовала к ней, для него она была всем, что наболело в нем за столько лет, пока они были в разлуке.

Лиззи прошептала ему на ухо:

— Похоже я не в себе.

Выругавшись, он обнял ее, усадив на колени, ноутбук соскользнул на толстый ковер... и отлично. Он захотел забыть, хотя бы только на мгновение, про деньги, отца и Розалинду.

— Прости, — сказал он нежно и повалил ее на кровать. — Ты мне необходима. Я просто... мне нужно быть в тебе...

Тук, тук, тук.

Они оба замерли, встретившись глазами.

— Что, — пролаял он.

Приглушенный женский голос из-за двери что-то сказал по поводу полотенца, Лейн тут же подумал, что дверь была не заперта.

— Нет, спасибо.

Лиззи оттолкнула его, он отодвинулся, и она смогла подняться на ноги. Между тем, горничная в коридоре продолжала говорить.

— У меня все в порядке. Спасибо, — грубо ответил он.

Его глаза следили за руками Лиззи, отдергивающими футболку и проводя по волосам.

— Лиззи, — прошептал он.

Она всего лишь покачала головой, обходя комнату и оглядываясь, словно хотела выпрыгнуть в окно, чтобы ее никто здесь не обнаружил.

Горничная продолжала что-то говорить за дверью, и он потерял терпение. Разозлившись поднялся на ноги, тихо подошел к двери и открыл ее, преграждая путь в свою комнату. За дверью стояла все та же блондинка двадцати пяти лет, которая была в коридоре, когда он спорил с Шанталь.

— О, здравствуйте, — она улыбнулась ему. — Как поживаете?

— Мне ничего не нужно. Спасибо, — раздраженно и грубо ответил он.

Стоило ему отвернуться, она тут же схватила его за руку.

— Я Тифании, с «ф» и двойным «ии» в конце.

— Приятно познакомиться. Извините, но...

— Я хотела бы войти и проверить вашу ванную комнату.

У нее появилась улыбка, а также положение ее тела изменилось, придвинувшись к нему и выставив одну ногу, словно она была на шпильках, а не в кроксах.

Лейн закатил глаза, поскольку у него не было слов. Женщина, которую он реально хотел всей душой, только что отстранилась от него, а этот кусок ириски решила, что она что-то может ему предложить?

Предложить тифании.

— Спасибо, но нет. Мне не интересно.

Он закрыл дверь прямо перед ее носом, у него уже не хватало сил быть вежливым, а он не собирался говорить ничего, о чем потом бы пожалел.

Повернувшись, он обнаружил Лиззи у окна. Она намеренно держалась в стороне, не желая видеть разыгрывающуюся сцену, скрестив на груди руки.

— Ты так искренне говорил, — хрипло сказала она.

— Когда я с тобой, я...

— С этой горничной.

— А почему я с ней не должен?

— Знаешь, что я ненавижу?

— Могу лишь представить, — пробормотал он.

— То, что она открыто сделала тебе предложение... а я до сих пор только и думаю, как бы сорвать с тебя одежду, словно ты какая-то игрушка, с которой я борюсь.

Его член дернулся в штанах.

— Не стоит бороться — я твой. Если хочешь прямо здесь и сейчас. Или позднее. Недели, месяцы, годы.

«Заткнись, — сказало его сексуальное возбуждение. — Просто заткнись, дружище».

— Я не влюблюсь в тебя опять, Лейн. Я просто не влюблюсь.

— Ты сказала это по телефону.

Лиззи кивнула и отвернулась от окна. День начал угасать, она прошествовала через комнату, явно направляясь к двери.

Черт...

Только не к двери.

На самом деле она не пошла к двери.

Лиззи остановилась напротив него, всматриваясь в его лицо, потом взяла его в ладони и приблизила свои губы к нему.

— Лиззи, — застонал он, облизывая ее губы.

Поцелуй быстро вышел из-под контроля, он не собирался упускать шанс. Обняв, он с такой силой толкнул ее к стене, что висевшая картина подпрыгнула, сорвалась с крюка и упала на пол, расколовшись. Ему было наплевать. Его руки проникли под ее одежду, дотронулись до ее кожи, двигаясь вверх, чувствуя ее груди.

Он никогда не думал, что снова сможет вот так дотрагиваться до нее, и хотя ему очень хотелось, все сделать медленно и чувственно, он не мог. Слишком отчаянно он хотел ее.

Он резко стал расстегивать ее шорты, вырвав с корнем кнопку. А затем скользнул рукой между ее бедрами, отодвигая ее хлопчатобумажные трусики от...

Лиззи хрипло окликнула его, чуть не заставив кончить. Он стал жестко ласкать ее, и она впиалась пальцами ему в плечи.

— Заставь меня страдать, — прорычал он, пока она впиалась с силой ногтями ему в кожу. — До крови...

Он хотел, чтобы боль перемешалась с удовольствием, все, что происходило с отцом и его семьей, поднимало в нем тьму изнутри, делая более обнаженным... и он мимолетно

задавался вопросом, может, из-за этого уехал его брат Макс. Он слышал кое-что о таких вещах, которые якобы Максвелл практиковал... или же это были только слухи.

Возможно, именно поэтому он чувствовал, что должен побороть темноту, иначе она поглотит его.

Он оторвал Лиззи от пола, наслаждаясь, как она сильно обхватила его руками. Сам чуть ли не сорвал молнию у себя на брюках, и его эрекция вышла наружу. Он разорвал пополам ее нижнее белье, а затем...

Он заревел, уткнувшись ей в шею, как животное, но совершенно не обращая внимания на издаваемые звуки. Ощущать ее мокрую киску было настолько приятно, что он был готов тут же кончить. Столько времени... так долго он мечтал о ней, и сожалел о случившемся, желая все сделать по-другому. И теперь он молился, чтобы остаться с ней: каждым своим движением в нее, он отматывал время назад, «заштопывая ее обиды и пытаясь починить ее душу».

Он хотел изъять из себя теперешнего все через что прошел, но память его тела оказалась сильнее. Намного сильнее.

Но именно это всегда и было особенностью Лиззи. За его жизнь со многими у него был секс.

Но ничто не имело значения... пока он находился с ней.

Лиззи же не желала заглядывать слишком далеко в будущее.

Она отметила, что Лейн кончил в нее, испытывая совместный оргазм. Быстро, слишком быстро, все произошло очень быстро, перемешавшись с яростью, но дело уже было сделано, и на несколько минут их объединила общая волна удовольствия.

«Неужели они кончили вместе?» — удивилась она.

«Даааааа», — подумала она, судя по тому, как он дернулся внутри нее.

И тут она ощутила... Боже мой, он пах так же, как и тогда. И его волосы стали еще мягче.

И его тело осталось таким же сильным, как она помнила.

Слезы появились у нее в глазах, и она зарылась лицом ему в плечо. Она не хотела, чтобы он увидел ее чувства... у нее итак было достаточно трудное время, чтобы разобраться в самой себе.

«Всего лишь секс, — сказала она себе. — Обоюдное физическое влечение». И только Господу известно, страсть, возникшая между ними, всегда была и никуда не испарилась... стоило ей только увидеть его, как влечение стало медленно воспламеняться.

Как и у него.

Хорошо. Допустим. Она не могла ему отказать в данном конкретном случае, хотя и должна была.

Независимо от того будет ли ее решение ошибочным в дальнейшем, сейчас она решила не думать об это.

Придя в себя, она опять поддалась его власти, прекрасно осознавая, что они по-прежнему связаны физически.

Взглянув на него, она глубоко вздохнула, он протянул руку и коснулся ее щеки.

Он казался в данный момент таким уязвимым.

Но прежде чем она успела спокойно, рассудительно что-то сказать, он начал двигаться внутри. Медленно, очень медленно, выход и вход, вверх-вниз. Она закрыла глаза и обмякла в его руках, с силой удерживающих ее у стенки. Часть ее находилась здесь и сейчас и хотела

запомнить каждое его движение, задыхаясь от теснения в груди и огня, бурлящего в крови.

Другая же часть готова была пуститься на самотек.

Боже, чувствовать его руки у себя в волосах, целующий так глубоко рот, его двигающиеся бедра вперед-назад. В ней он был дома, он вернулся домой во всех отношениях, ее тело так долго мечтало об этом.

И это была плохая новость.

— Лиззи, — хрипло произнес он. — Я скучал по тебе, Лиззи, сильно страдал.

«Не думай об этом, — говорила она себе. — Не слушай...»

В очередной раз она прокричала его имя, вспыхнувшее и прогремевшее у нее в голове, удовольствие заставило ее киску сжиматься вокруг его эрекции, когда он дернулся в ней, трахая и опустошая себя в нее, у стены.

Когда все закончилось, она рухнула на него, пытаясь восстановить дыхание.

— Это не может быть в последний раз, — простонал он, словно понимая, о чем она думает. — Не должно быть так.

— Как ты знаешь...

— Я не обвиняю тебя, — его глаза с отяжелевшими веками горели. — Я просто не хочу, чтобы это было...

— Лейн.

Стук в дверь заставил его дернуться и выругаться:

— Черт подери!

И учитывая, что он фактически не ругался, она невольно слегка улыбнулась.

— Что? — прокричал он.

— Мистер Болдвейн, — раздался из-за двери голос дворецкого. — Прибыл мистер Лодж и хотел бы с вами встретиться.

Лейн нахмурился.

— Скажите ему, что я занят.

— Он говорит, что это срочно.

Лиззи отрицательно покачала головой и попыталась выпутаться из его объятий, уже в который раз. Коснувшись ногами пола, она получила явное подтверждение, что они не использовали презерватив.

И да, сейчас все было слишком реально, она натянула свои шорты и поспешила в ванную. По крайней мере она сделала лучшее, скрывшись в ванной, чтобы Лейн мог спокойно поговорить с англичанином, стоявшим за дверью. Когда она вернулась, он был уже в брюках, расхаживая по комнате.

Она остановила его взмахом руки, прежде чем он успел что-либо сказать.

— Иди к нему.

— Лиззи...

— Если, хотя бы четверть из того, о чем ты беспокоишься правда, тебе необходимо к нему пойти.

— Ты куда?

— Не знаю. Думаю, мы можем попрощаться до завтра.

Но можно было все решить по-другому, а не так.

— Ты можешь остаться? — выпалил он.

Ее брови приподнялись.

— Остаться здесь... ты же не имеешь в виду здесь на ночь? Это безумие.

В этой семье, где персонал не имел права фактически пользоваться большей частью дверей, проснуться в кровати наследника династии Брэдфордов, было равносильно поиску нового места работы, но не в Истерли.

«Ну, конечно, — подумала она. — Хорошенькое же будет свидание с ним, когда она, выглядя совершенно изможденной и растрепанной, попытается сохранить все в тайне».

— Где хочешь, — сказал он. — В коттедже. Мне без разницы.

— Лейн, послушай... мы не сможем вернуться к тому, что было раньше, ты помнишь об этом? Я не могу тебе объяснить, почему сейчас это произошло между нами, но это не значит...

Он подошел к ней, притягивая для поцелуя, языком проникая в ее рот. Слава тебе Господи, она ответила на его поцелуй.

Хотя ее разум все время твердил «нет», ее тело играло по своим правилам.

— Это важно, — выдохнул он ей в губы. — Для меня это настолько важно, даже больше, чем моя семья. Ты слышишь меня, Лиззи? Ты всегда была и будешь самой важной для меня.

Он направился к двери, обернувшись через плечо... словно давал ей клятву верности, которую ей никто никогда не говорил.

Опустившись на край кровати, она взглянула на стену, у которой они занимались сексом. Картина, написанная маслом, разбитая валялась на полу, холст порвался и пошел трещинами, но она даже не подошла к ней, пытаясь оценить сотворенный ущерб. Она просто сидела, уставившись на картину, убеждая себя, что это не Божий знак, посланный ей свыше.

Некоторое время спустя она покинула его комнату, осторожно открыв дверь, прислушиваясь к звукам шагов и выглядывая в коридор. Все было тихо, она проскользнула в коридор и быстрым шагом направилась прочь.

Проходя мимо люкса Шанталь, находящегося немного дальше, она почувствовала запах дорогих духов.

Этого напоминания ей вполне хватило, хотя она и не нуждалась в никаких напоминаниях, почему ей следовало оставить их отношения.

Оставить, а не переходить к следующему, ничего не значащему пустому уровню.

И в этом ей следовало винить только саму себя.

Пока Лейн медленно спускался вниз по ступенькам, с единственной мыслью, крутившейся у него в голове — насколько сильно он хотел выпить. Хорошая новость (вероятно, это только и была хорошей новостью), когда он спустился в гостиную, Самуэль Ти. выпивал очередной Family Reserve, и звук бурбона, с позвякивающим льдом о края стакана, усилило у него собственное желание выпить, которое было сродни наркотической зависимости.

— Поделишься богатством? — пробормотал он, проскользнув через двойные деревянные панели.

Его желание было таким сильным, что он не хотел ничего слышать.

— С удовольствием, — Самуэль Ти вручил ему стакан, щедро наполнив. — Трудный денек.

— Ты не представляешь! — Лейн чокнулся с ним. — Зачем я тебе понадобился?

Самуэль Ти выпил свой бурбон и вернулся к бару.

— Я слышал о бухгалтере-аналитике. Мои соболезнования.

— Спасибо.

— Ты обнаружил ее?

— Точно.

— Увидеть такое, — адвокат обернулся и шокирующе покачал головой. — Сродни запрещенному приему в спорте.

«Ты не знаешь и половины случившегося».

— Послушай, я не хочу тебя торопить, но...

— Ты серьезно говорил о разводе?

— Абсолютно.

— Имеется ли у тебя брачный контракт? — как только Лейн отрицательно покачал головой, Самуил выругался. — Есть шанс, что она тебе изменяла?

Лейн потер виски, пытаясь прийти в себя от того, что только что произошло с Лиззи... и что обнаружил на ноутбуке. Он хотел предложить Самуэлю Ти поговорить завтра, но проблема с Шанталь была слишком насущной, несмотря на то, что его семья медленно сгорала в финансовом плане.

На самом деле, будет гораздо лучше разыграть эту карту, а не сидеть с ней на руках в свете последних событий, связанных и с его отцом. Чем быстрее он выпрет ее из дома, тем меньше инсайдерской информации она сможет продать потом прессе.

Он не исключал такой возможности, что она может стать «говорящей головой», маленьким звеном в огромной цепи, если дела Брэдфордов пойдут совсем плохо. («Говорящая голова» — диктор, или человек постоянно дающий комментарии на телевидении).

— Прости, — произнес он между глотками. — Какой был вопрос?

— Она изменяла тебе?

— Я не знаю. Она жила два года среди моей семьи в этом доме, делая постоянно маникюр.

— Это очень плохо.

Лейн вздернул брови.

— Не знал, что у тебя выработался такой взгляд на брак.

— Если бы она тебе изменяла, можно было бы это использовать против нее, сократить тем самым ее алименты. Кентукки не признает развод, как вину, но греховность, может стать причиной развода одного из супругов.

— У меня никого не было, — Ну, кроме Лиззи сейчас, ожидающей наверху... и около ста тысяч раз до этого в моих мечтах.

— Это не имеет значения, если ты обвинишь Шанталь в измене.

— Без понятия. Расторжение брака — единственное, что я хочу получить от этой женщины.

— Она знает об этом?

— Я ей сказал.

— Но поняла ли она?

— Ты принес документы, которые я готов сейчас же подписать? — когда адвокат кивнул, Лейн пожал плечами. — Ну, она поймет насколько серьезны мои намерения, как только получит их.

— Как только я получу твою личную подпись, я прямиком отправлюсь в суд и подам петицию. Суд должен безвозвратно расторгнуть брак, учитывая тот факт, что вы оба уже давно живете отдельно, думаю, это не будет проблемой. Предупреждаю... у нее нет шансов подать встречный иск. И есть вероятность, что это обойдется тебе не так дорого, учитывая ее высокий уровень жизни здесь в этом доме. Что-то мне подсказывает, что некоторым твоим трастовым фондам придется пожертвовать определенную сумму.

— Я на первом уровне. Второй уровень вступит в действие, когда мне стукнет сорок.

— Какой у тебя годовой доход?

— Включая выигрыши в покер?

— Она знает об этом? Ты платил налог с этих денег?

— Нет и на второй вопрос тоже нет.

— Тогда мы не будем это оглашать. Так назови свою сумму?

— Не знаю. Ничего необычного, миллион или вроде того? Пятая часть из формирования доходов основного капитала.

— Она пойдет на это.

— Но не основного фонда, да? Думаю, тут может возникнуть статья расточительства.

— Если это можно отнести к «Безотзывным обязательствам семьи Брэдфорд» от 1968 года, а я верю, что так и есть, условия которого разрабатывал еще мой отец, ты можешь откупорить свою лучшую бутылку, потому что будущая бывшая жена не сможет ничего у тебя оттяпать. Конечно, мне нужно посмотреть копии документов.

— В документах трастового фонда имеется все.

Самуэль Ти за высокой барной стойкой бегло просмотрел несколько файлов, которые раскрывали многое, Лейн даже не следил. В этот момент он находился наверху, в своей спальне с закрытой на ключ дверью, и Лиззи полностью обнаженная лежала на его постели. Он представлял, как проходится по ее телу руками и ртом, сокращая расстояние многих лет, и вдруг вернулся к тому моменту, когда перед ним появилась Шанталь в дизайнерской одежде для беременных.

Потом он столкнулся со своим отцом и долгом... было бы все намного проще, если бы с ним была Лиззи и не только в сексуальном плане.

— Друзья помогают друг другу, правда ведь?

— Ты чувствуешь себя лучше?

Лейн открыто взглянул на своего адвоката.

— Да. Сколько это займет времени?

— Как я тебе уже сказал, я подам все сегодня одному «дружелюбно настроенному» судье, который мне кое-что должен. И Митч Рэмси согласился немедленно доставить ей повестку в суд. Далее идет обговаривание соглашения о разделе имущества... и мне кажется, что она найдет хренового адвоката, который не сможет окупиться. Так как вы уже прожили раздельно более шестидесяти дней, ей необходимо покинуть этот дом как можно быстрее, если ты собираешься здесь задержаться. Я не хочу бесконечно встречаться в суде, растягивая дело на два месяца, выслушивая аргументы другой стороны. Думаю, она захочет оспорить, чтобы вытрясти с тебя, как можно больше денег. Моя же цель заключается в том, чтобы как можно быстрее убрать ее из твоей жизни, при этом она может забрать одежду, которую себе покупала, плюс обручальное кольцо за четверть миллиона долларов, которое ты ей подарил... и все.

— Звучит довольно-таки неплохо, для меня по крайней мере, — особенно если он толком не знал в свете последних событий «нассал ли кто-нибудь еще в горшок», за исключением его собственных счетов. — Где мне подписать?

Самуэль Ти начал подсовывать ему различные бумаги, чтобы он поставил подпись синими чернилами, расположившись на углу барной стойки. Все закончилось быстрее, чем Лейн успел допить свой первый стакан бурбона.

— Ты хочешь, чтобы я выдал тебе аванс? — спросил он, отдавая ручку Montblanc своему адвокату.

Самуэль Ти прикончил собственный стакан, затем добавил больше льда и налил еще больше Family Reserve бурбона.

— Это бесплатно.

Лейн отпрянул.

— Давай, парень, назови цену, я не могу позволить тебе пойти на такое. Позволь мне...

— Нет. Откровенно говоря, я не долюбиваю ее, и она не является частью этого дома. В этом случае я рассматриваю твой развод, как необходимая уборка помещения. Берут же метлу, чтобы вымести весь мусор.

— Я не знал, что ты так сильно ее не любишь.

Самуэль Ти упер руку в бок и оглянулся по сторонам.

— Я буду честным с тобой.

Лейн понимал, что если адвокат стиснул челюсть, значит вещи вышли из-под контроля.

— Давай.

— Шанталь позвонила мне после твоего отъезда через шесть месяцев. Попросила приехать... я отказался, она появилась у меня на пороге. Она искала «друга», как она выразилась... засунув руку мне в штаны и предложив встать передо мной на колени. Я сказал ей, что она рехнулась. Даже если бы я был одержим ею, чего у меня никогда не было, наши семьи дружили и были связаны ни одно поколение. Я бы никогда не посмел завести интрижку с чьей-нибудь женой из твоей семьи, не важно разведены вы, живете отдельно или вместе. Кроме того, штат Виргиния, конечно хорош для девушки, чтобы пойти в колледж или университет, но я бы не стал жениться на девушке оттуда... а именно такой она и осталась, если честно.

Лейн весь кипел, узнавав очередную правду об этой суке, но он был реально благодарен.

— Я не удивлен, но рад, что ты рассказал мне, — Лейн протянул ему руку. — Я твой

должник, когда-нибудь сочтемся.

— Уверен, что сочтемся. Теперь, если извинишь, я займусь этим делом.

Адвокат пожал ему руку, еле заметно поклонился и вышел со стаканом в руке.

— Тебя могут арестовать с этим стаканом, — прокричал ему в след Лейн. — Прими к сведению.

— Нет, они не смогут меня поймать, — ответил ему Самуэль Ти.

— Сумасшедший, — пробормотал Лейн, допивая свой бурбон.

Двинувшись за очередной порцией, его взгляд остановился на картине, написанной маслом над камином. Илия Брэдфорд, первый член семьи, заработавший достаточное количество денег, отличающее его от своих сверстников, позировал крутому художнику.

Может он переворачивается в гробу в настоящий момент?

Или возможно это произойдет позже... когда они все пойдут ко дну и станет совсем плохо.

Джин на взводе, спускалась по парадной лестнице Истерли.

Завидев раритетный бордовый Ягуар, подъехавший к дому, она сменила одежду, в которой была в тюрьме, Господи, сбереги ее от тюрьмы, надела шелковое платье, достигающее до середины колена. Она целую минуту расчесывала волосы, опрыснула себя духами, обула лакированные черные туфли на шпильке, подчеркивающие ее лодыжки, делая их тоньше.

Подойдя к закрытым дверям гостиной, она поняла, что ее брат разговаривал с Самуэлем Ти о возникшей ситуации. Или... ситуациях.

Она решила оставить их вдвоем на какое-то время.

Вместо того, чтобы ворваться к ним в комнату, она вышла через переднюю дверь и остановилась в ожидании у старомодного кабриолета. Температура была по-прежнему восемьдесят градусов (по Фаренгейту), несмотря на то, что солнце клонилось к закату, но воздух был тяжелым и горячим... или, скорее всего это был результат ее шаливших нервов. Чтобы не стоять на солнцепеке, она встала под тень большой магнолии, которая росла рядом с домом.

Взглянув на машину, она вспоминала те времена, когда у нее были отношения с Самуэлем Ти, и ночной ветер трепал ее волосы, его рука покоилась у нее между ног, пока он вел эту машину по извилистым дорогам к себе на ферму.

Старший Лодж купил ему кабриолет на день рождения, единственному живому наследнику — мужчине. И подарил молодому Самуэлю Ти. на его восемнадцатый день рождения со строгим наказом: не убить себя в этой чертовой штуке.

И самое смешное заключалось в том, что как только Самуэль Ти. сел за руль «этой чертовой штуки» то, был очень осторожен. Джин давно уже подозревала, что он прекрасно понимал, если что-то случится с ним его родословная — древо семьи, закончится.

Он был единственным представителем своего рода, оставшийся в живых.

Большинство трагически погибало.

И в этот самый момент, она была даже немного признательна, что он единственный потомок.

Стоя в ожидании, ее сердце забило быстрее, трепеща, делая ее более легкомысленной. Или, возможно, сказывалась всего лишь жара...

Самуэль Ти. вышел из особняка Истерли, держа хрустальный стакан с бурбоном в руке. Он выглядел довольно-таки круто в идеальном элегантном костюме в полоску, превосходным лицом и портфелем с монограммой в руке. Он надел очки в золотой оправе, и

его густые, темные волосы, зачесанные назад, открывали высокий лоб с падающей челкой, делающей его еще более стильным, хотя в этом не было необходимости.

Он остановился на полпути, увидев ее. Затем растягивая слова произнес:

— Пришла поблагодарить меня за спасение?

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Да? Пытаешься договориться оплатить мой гонорар другим способом, нежели наличными? — он залпом выпил спиртное, делая несколько шагов вперед, словно всю жизнь здесь жил. — Я падкий на любое предложение.

Она наблюдала за каждым его шагом в ее направлении и машине. Она так хорошо изучила его тело, его сильное, мускулистое тело, которое полностью отвергало фермерство, хотя оно глубоко засело у него в душе, при всей его показной мишуре адвоката.

«Амелия будет такой же высокой, как и он. И она такая же умная».

К сожалению, девушка была такой же дурочкой, видимо вся в мать, хотя, возможно, перерастет это.

— Ну? — спросил он, положив портфель на откидное кресло. — Я выбираю способ оплаты?

Несмотря на его затемненные очки, она чувствовала его глаза, скользящие по ее телу. Он хотел ее, он всегда хотел ее, но временами ненавидел за это: он не относился к тому типу мужчин, которые могли мириться с ее влиянием на него.

Она была точно такой же.

Самуэль Ти помотал головой.

— Постой не говори мне, ты имеешь потрясающий рот и было бы очень жаль не воспользоваться этим...

— Самуэль.

Как только он услышал ее тон, нахмурился и снял очки.

— Что случилось?

— Я...

— Кто-то обидел тебя в тюрьме? Я поеду туда лично и...

— Женись на мне.

Он замер, у него все замерло... выражение лица, дыхание, возможно, даже сердце. Затем он разразился смехом.

— Точно, правильно. Конечно, ты уверена...

— Я серьезно.

Дверь машины бесшумно открылась, он собирался уехать, развернувшись к автомобилю.

— Ты выйдешь замуж, скорее в день, когда произойдет второе пришествие.

— Самуэль, ты мне нравишься.

Он бросил на нее саркастический взгляд.

— О, я тебя умоляю...

— Ты мне нужен.

— Тебя беспокоит тюрьма, не так ли? — Он опустил на сиденье и уставился на капот машины. — Послушай, Джин, не расстраивайся, что ты была там, ладно? Мне удалось замять твоё пребывание, об этом даже нигде не будет, даже в блогах. Никто не узнает.

— Не поэтому. Я просто... Давай поженимся. Пожалуйста.

Глядя на нее, он сильно нахмурился, брови сошлись вместе.

— Ты что, на полном серьезе?

— Да, — и в данный момент она не была дурочкой. Она потом расскажет ему об Амелии, когда уже не будет пути назад, когда будут подписаны документы, связывающие их вместе, сейчас же он даже не догадывался, что она совершила. — Ты и я должны быть вместе. Ты же знаешь это. Я тоже знаю. Мы закрутили отношения на всю жизнь, а может и дольше. Ты встречаешься с официантками, парикмахершами и массажистками, потому что они не я. Ты хочешь дотянуть каждую женщину до своего уровня, но все они терпят неудачу. Ты одержим мной, как и я тобой. Давай прекратим обманывать себя и сделаем все правильно?

Он перевел взгляд обратно на капот и положил свои красивые руки на деревянный руль.

— Разреши мне кое чем поинтересоваться.

— Все, что угодно.

— Скольким мужчинам ты это предлагала? — он взглянул на нее. — Да? Скольким, Джин? Сколько раз ты уже играла эту роль?

— Это правда, — произнесла она треснувшим голосом.

— Ты также просила их, Джин? Смотря на них такими же глазами?

— Не будь жестоким.

После долгого молчания он покачал головой.

— Ты помнишь мое тридцатилетие? Мы были на ферме.

— Это не имеет ничего общего с...

— Для меня это был приятный сюрприз. Я понятия не имел, что ты тоже там была и ждала меня. Я вошел в дом... и вот он сюрприз! Встретился со всеми этими ликующими людьми, и я искал тебя...

Она вскинула руки.

— Прошло пять лет, Самуэль! Это было...

— Собственно, вся история наших взаимоотношений, Джин, на этом и заканчивается. Я искал тебя... я продвигался через толпу, пытаюсь найти тебя...

— Это не имеет значения! Это ничего не значит...

— ...ты ведь обозвала меня, как ты сказала, простак, и ты была единственной, кого я действительно хотел увидеть среди этого сборища. И я нашел тебя, в полном здравии. Бл*дь, с игроком в поло из Аргентины, которого пригласил Эдвард, на моей кровати.

— Самуэль ...

— На моей кровати! — прогремел он, ударив кулаком в приборную панель. — На моей чертовой кровати, Джин!

— Хорошо, и что ты сделал? — Она рванула вперед и ткнула в него пальцем. — Что ты сделал тогда? Ты снял мою соседку по комнате в университете, вместе с ее сестрой, и занимался с ними сексом в бассейне...

Он выругался вслух.

— А что я должен был делать? Оставить все как есть? Я мужчина, а не жалкий трахальщик! Я не собираюсь...

— Я была с игроком в поло, потому что за неделю до этого, ты переспал с Кэтрин! Я дружу с ней с двух лет, Самуэль. Мне пришлось выслушать весь ее рассказ, как ты ублажил ее оргазмом всей ее жизни в этой самой машине. И это после того, как ночью до этого, ты был со мной! Так что не говори мне, что ты...

— Стоп, — он резко схватил ее за волосы. — Хватит, прекрати сейчас же... мы не собираемся этого делать, Джин. Мы начинаем выяснять отношения и ту борьбу, когда были

еще подростками...

— Мы продолжаем борьбу, потому что переживаем друг за друга, но при этом слишком горды, чтобы признать это, — он снова замолчал, она лелеяла надежду, что он все обдумает. — Самуэль, ты единственный, кто мне нравился тогда и сейчас. Ну, просто у нас все вот так происходит и это стоит остановить — борьбу и боль для нашего же блага. Мы оба слишком горды и упрямы.

В ответ ей ответило долгое молчание.

— Почему сейчас, Джин?

— Ну, просто... настало время.

— Из-за того, что тебя обыскали в десять утра?

— Ты должен понять.

Самуэль Ти помотал головой.

— Не знаю, очередная ли шутка это с твоей стороны или нет, но это не моя проблема. Позволь мне совершенно четко...

— Самуэль, — прервала она его. — Я люблю тебя.

И она на самом деле чувствовала то, что говорила. Она ощущала это всей душой: ужасная правда, туч, сошедших над ее семьей и распространяющихся дальше, принесла с собой ясность — у нее никогда никого не было.

А возможно было все намного больше... ей хватило наконец смелости. За все годы их совместного существования, она никогда не говорила ему, что на самом деле чувствует. Остальное было позерством и игрой. И рождение... его дочери, но он не знал об этом.

— Я люблю тебя, — прошептала опять она.

— Нет, — он склонил голову и сжал руль пальцами, словно ища в нем поддержку. — Нет... ты не можешь так поступить со мной, Джин. Не со мной. Не пытайся упасть так низко. Это не красит тебя... и мне не кажется, что я смогу это пережить? Мне нужно, чтобы... моя семья нуждалась во мне. Я не позволю тебе затрахать мне мозги...

— Самуэль ...

— Нет! — крикнул он.

Затем он взглянул на нее, и его светлые глаза выражали только холод отчуждения и были сужены, словно он изучал врага.

— Во-первых, я не верю тебе. Мне кажется, что ты лжешь, манипулируя мной. А, что во-вторых? Я никогда не позволю своей жене не уважать себя, как мужа. Ты органически не способна на моногамию, более того, ты слишком заиклена на «стоимости» долгосрочных отношений. Мы можем трахаться время от времени, раз или два, но я никогда не награжу такую шлюху, как ты, своей фамилией. Тебя нервируют официантки? Но они вполне подходят мне. Я скорее охотнее надену кольцо ей на палец, чем избалованному, ужасному отродью вроде тебя.

Он завел двигатель, и легкий ветер донес до нее запах масла и бензина.

— Я встречу с тобой в следующий раз, когда у меня возникнет зуд, и мне не захочется удовлетворять себя самому. А пока, получай удовольствие с остальным мужским населением.

Джин пришлось закрыть рот руками, когда он дал задний ход и рванул вперед, его автомобиль исчезал по дороге вниз по склону.

У нее лились слезы, размывая тушь... но это ее совсем не волновало.

Она хотела попасть с ним «в один кадр».

Но не удалось.

Такое впечатление, что в данный момент сбылся ее самый худший ночной кошмар.

— Ох, Лиза?

Как только Лиззи услышала свое имя, произнесенное на южный манер, в оранжереи, напряглась... чуть ли не полностью разрушив с одного бока композицию цветов на столе.

— Лиза?

Взглянув через плечо, она обнаружила жену Лейна в дверях, словно позируя для камер — с одной рукой на бедре, другая — откидывает волосы назад. Она была одета в розовые шелковые брюки стиля Мэри Тайлер Мур из эры Лауры Петри, с глубоким вырезом свободная блузка цвета оранжевого заката. Туфли с очень остроконечным мыском и очень маленьким каблучком. Эффектный шарф кислотно-желтый с зеленым прикрывал ее плечи, завязываясь на ее великолепной груди. (Мэри Тайлер Мур — американская актриса, комедиантка, певица и продюсер, неоднократно обладательница премий «Эмми» и «Золотой глобус»; Лауры Петри — актриса)

В целом весь ее вид создавал впечатление свежести, красоты и был соблазнительным... и заставлял кого-то, кто устал, был озабочен насущными проблемами, чувствовать себя ущербным, не только из-за того, что волосы были не так уложены и одежда не соответствовала ее уровню, это происходило на каком-то генетическом уровне.

— Да? — произнесла Лиззи, вернувшись к цветку, у которого почти искромсала весь стебель.

— Не могли бы вы остановиться? Слишком громко.

— С удовольствием, — стиснув зубы произнесла Лиззи, отложив розу.

По какой-то причине, эта женщина продолжала поправлять рукой, с огромным бриллиантом, сверкающем у нее на пальце, мать твою, свои белокурые волосы.

Шанталь улыбнулась.

— Мне нужна ваша помощь для вечеринки.

«Мы можем все это обсудить завтра?» — подумала про себя Лиззи.

— С удовольствием.

— Вечеринка для двоих, — Шанталь улыбнулась, сняв шарф и прошла к ней. — Боже, как здесь жарко. Вы можете как-то решить эту проблему?

— Растениям лучше находится в тепле.

— Ох, — она положила шарф рядом с букетами, которые были готовы украсить завтра общественные помещения в доме. — Ладно.

— Вы говорили...?

Улыбка вернулась.

— Дело касается меня и Лейна, и нашего юбилея, и я хотела бы сделать что-то романтическое.

Лиззи с трудом слотнула и подумала, что это какой-то ужасный розыгрыш. Может эта женщина что-то услышала через дверь там, наверху? Сквозь стены?

— Мне казалось, вы поженились в июле?

— Как мило, что ты помнишь. Ты такая внимательная, — Шанталь склонила голову на бок и прикрыла глаза, словно они находились на одной волне. — Мы поженились в июле, но у меня есть особенная новость для него, и я подумала отпраздновать ее пораньше.

— Что вы имеете в виду?

Лиззи особенно не следила за ее словами, единственное, что застряло у нее в голове — «вечеринка для двоих» и «романтическая». Шанталь находилась в таком предвкушении, словно собиралась станцевать перед мужем приватный танец.

— Лиза? Ты записываешь?

«Ну, нет уж, потому что у меня нет ручки и бумаги. И еще кое-что, по-моему меня сейчас вырвет».

— Я счастлива сделать все, что вы хотите.

— Ты очень помогла, — женщина кивнула в сторону сада и тента. — Знаю, завтра все будет прекрасно.

— Спасибо.

— И мы завтра обо всем поговорим по подробнее. Но я хотела бы романтический ужин в прекрасном люксе отеля в центре города. Ты должна принести цветы и украсить номер... я хочу, чтобы он походил на экзотическое место, где только мы вдвоем.

— Хорошо.

Лейн лгал ей? Ну, если он лгал... она может попросить Грету позаботиться о Derby Branch, а сама останется у себя на ферме, поглощая галлон шоколадного мороженого.

По мимо всего, она давно не разговаривала с Гретой.

Фантастика.

— Ты самая лучшая, — Шанталь посмотрела на часы. — Уже конец рабочего дня, не так ли? Завтра большой день... тебе нужно как следует отдохнуть. А сейчас, до свидания.

Когда Лиззи снова осталась одна, она села на одно из перевернутых ведер и положила руки на колени, потирая их вверх-вниз.

«Дыши, — сказала она себе. — Просто дыши».

«Грета была права, — подумала она. — Она не соответствовала уровню этих людей, и совсем не потому, что была всего лишь дизайнером-садовником. Они играли в свою игру, в которую она явно могла проиграть».

Пора, решила она. Сна не предвидится, но по крайней мере, она положит голову на подушку, прежде чем утром разорвется бомба.

Она собиралась уходить, когда увидела шарф. Самую последнюю вещь, которую она желала проделать — это отнести шарф, этот кусок шелка Шанталь, словно лабрадор, принося теннисный мячик своему хозяину. Но глядя на все эти букеты, и зная свою удачливую звезду, если на шарф попадет вода или еще что-нибудь, ей придется три месяца копить деньги, чтобы купить такой же новый.

Гардероб Шанталь был дороже, чем целые кварталы в центре города.

Схватив шарф, она решила, что женщина в таких кошачьих туфлях не могла далеко уйти.

Будет не трудно догнать ее.

* * *

Джин все еще стояла под магнолией, где Самуэль Ти. оставил ее, уехав на машине. Перед ней остановился внедорожник шерифа округа Вашингтон.

Боже, а вдруг ее отец опять пытается ее арестовать, как и сегодня утром, препроводив в центр города в окружную тюрьму, ее первым побуждением было бежать, но она была на

высоких каблуках, и если бы она действительно хотела скрыться от офицера, ей пришлось бы пробираться по клумбам.

Сломанная нога, явно никак не помогла бы ей в тюрьме.

Шериф Митчелл Рэмси вышел из машины с бумагами в руке.

— Мэм, — произнес он, кивая. — Как вы?

Он не достал наручники, всего лишь вежливо поинтересовался.

— Вы приехали за мной? — ляпнула она.

— Нет, — он прищурился. — Вы в порядке?

«Нет», это еще не все, помощник».

— Да, спасибо.

— Простите, мэм.

— Так вы приехали не за мной?

— Нет, мэм, — он подошел к входной двери и позвонил в колокольчик. — Не за вами.

«Может быть он приехал из-за Розалинды?»

— Вот, — сказала она, подойдя к нему. — Проходите. Вы ищете моего брата?

— Нет, Шанталь Болдвейн дома?

— Скорее всего, да, — она открыла входную дверь, и шериф снял шляпу, прежде чем войти. — Позвольте мне найти... о, мистер Харрис. Пожалуйста, отведите этого джентльмена к моей невестке.

— С удовольствием, — с поклоном произнес дворецкий. — Сэр, мне кажется она в оранжереи.

— Мэм, — произнес офицер, отправившись за англичанином.

— Ну, это должно быть интересно, — раздался жесткий голос из гостиной.

Она обернулась.

— Лейн?

Ее брат стоял перед картиной Илии Брэдфорда с поднятым стаканом.

— Да здравствует развод.

— В самом деле? — Джин вошла в гостиную и направилась напрямиком к бару, не желая, чтобы Лейн заметил ее покрасневшие глаза и опухшее лицо. — Ну, по крайней мере, мне не придется больше срывать с ее шеи украшения нашей матери. Скатертью дорога, я удивлена, что ты не захотел наслаждаться этим шоу.

— У меня большие проблемы.

Джин налила бурбон с содовой и направилась к дивану, скинув туфли, подогнула под себя ноги и села, уставившись на брата.

— Ты выглядишь ужасно, — сказала она. Он выглядел так же плохо, как она себя чувствовала.

Он сел напротив.

— Наступают тяжелые времена, Джин, связанные с деньгами. Мне кажется, все на самом деле очень серьезно.

— Может нам стоит продать акции. Я имею в виду, ты же сможешь это сделать, верно? Я не знаю, как все это работает.

И впервые в жизни, она пожалела, что не знает.

— Все осложнится трастовым фондом.

— Ну, с нами же все будет в порядке? — ее брат ничего не ответил, и она нахмурилась. — Да? Лэйн?

— Не знаю, Джин. Я на самом деле не знаю.

— У нас всегда были деньги.

— Да, это правда, были.

— Ты говоришь в прошедшем времени.

— Не обманывай себя, Джин.

Запрокинув голову, она взглянула на потолок, представляя, как там наверху ее мать лежит в постели. «Какое ожидает меня будущее?» — задалась она вопросом. Такое же, как у ее матери, когда она станет старой, будет лежать одурманенная от препаратов, словно в наркотическом опьянении, с задернутыми шторами?

В данный момент, это звучало привлекательно.

«Господи, Самуэль Ти реально меня отшил?»

— Джин, ты что, плачешь?

— Нет, — спокойно произнесла она. — Нет, дорогой брат. Просто весенняя аллергия...

Лиззи просто вытолкнула себя из оранжереи, неся благоухающий шарф Шанталь, парфюм настолько пропитал ткань, что у нее засвирбило в носу, и она чихнула. Смех да и только, она постоянно окружена тысячами живых цветов, а этот запах вызывал у нее чуть ли не аллергию, самое время было пить Кларитин.

Вдалеке она услышала безошибочно протяжный голос Вирджинии Шанталь и направилась в ту сторону...

— Что это такое? — потребовала Шанталь.

Лиззи остановилась и прислонилась к арке для цветов.

Шанталь стояла во главе блестящего стола, по другую сторону находился шериф при исполнении служебных обязанностей, по-видимому желая ей передать толстый конверт.

— Я должен вручить его вам, мэм, — помощник кивнул. — Хорошего дня.

— Что значит «вручить». Что это значит... нет, вы не уйдете, пока я не открою, — она надорвала конверт. — Вы можете оставаться здесь, пока я...

Появилась кипа бумаг, сложенная в три раза, женщина развернула их, и сердце Лиззи забилось сильнее.

— Развод? — произнесла Шанталь. — Развод?

Лиззи выкатили оттолкнулась от арки и направилась вдоль стены. Закрыв глаза, она чувствовала настоящее облегчение, но ей не совсем нравилось это состояние. По крайней мере, она точно поняла, что он ее не обманул, и она дважды не будет дурочкой, хотя это было и не хорошо.

— Это повестка в суд по поводу расторжения брака! — голос Шанталь стал более резким. — Зачем вы это сделали!

— Мэм, мое дело доставить документы. Теперь, когда вы приняли их...

— Я не принимаю их! — надломлено произнесла она, словно собираясь кинуть ему их в лицо. — Забери их обратно.

— Мэм, — гаркнул шериф. — Я советую вам поднять эти документы с пола... или вам решать. В противном случае, я потащу вас в суд, привязанной к капоту патрульной машины, за то, что вы вели себя агрессивно с офицером полиции. Все ясно, мэм?

Сработала система водосигналов, из нее полились слезы рекой.

И между соплями и усиленно вздымающейся грудью, Шанталь дала задний ход.

— Мой муж любит меня. Он не хочет этого. Он...

— Мэм, это не мое дело и меня это совершенно не касается. Хорошего дня.

Он направился в противоположную сторону, тяжелой поступью.

— Черт побери, Лейн, — зашипела женщина, тут же перестав рыдать.

Кажется, жалость и сопли случались только тогда, когда присутствовала публика.

Без предупреждения, цок-цок-цок каблуки направилась напрямиком в сторону Лиззи. Черт побери, у нее не было времени скрыться.

Шанталь повернула за угол и отскочила, словно ошпаренная, увидев Лиззи.

Несмотря на то, что эта женщина «пустила слезу» перед помощником шерифа, сейчас ее глаза были яркими, и не было ни одной слезинки, макияж тоже нисколько не пострадал.

Пару секунд она отходила от шока, а потом у нее на лице отразилась ярость.

— Что ты здесь делаешь?! — закричала Шанталь, трясась всем телом. —

Подслушиваешь!

Лиззи протянула шарф.

— Вы забыли у меня...

Шанталь вырвала шарф.

— Убирайся отсюда. Пошла вон! Вон!

«И вам не стоит просить меня дважды», — подумала Лиззи, делаю глоток свежего воздуха.

Она лавировала под тентом между столами, поправляя что-то на скатерти, а также пододвигая кресла, потом достала свой телефон и написала Лейну веселое сообщение: «Не отчаивайся! Я отправляюсь домой после долгого трудового дня».

Только Господь мог знать, что предстоит испытать этому мужчине от Шанталь, как только она его найдет.

Но появилась и очень хорошая новость, по крайней мере, для Лиззи.

«Не осуществиться сугубо частная романтическая вечеринка».

И Лейн оказался верен своему слову.

Ей трудно было остановить небольшую улыбку, расплывающуюся у нее на лице, которая никак не хотела уходить, и Лиззи с радостью позволила ей остаться.

Телефон Лейна сообщил о пришедшем сообщении, когда Шанталь вышагивала по фойе, выкрикивая его имя, направляясь к парадной лестнице. Он не подал и виду, что находится в гостиной, позволяя ей подняться наверх, где она сможет убедить воочию, что его там нет и его спальня пуста.

Забавно, всего несколько часов до свершившегося факта, она была на тропе войны, а он усиленно занимался этой проблемой. Сейчас? Это проблема находилась на самом последнем месте в списке его приоритетов.

— Мне нужно повидаться с Эдвардом, — проговорил Лэйн, не удосужившись даже взглянуть от кого пришло сообщение.

Джин покачала головой.

— Я бы не стала. Он не очень хорошо себя чувствует, и ты можешь сделать ему еще хуже, поделившись такими новостями.

Она была права. Эдвард ненавидел их отца. А сама мысль, что он способен обокрасть фонды?

Джин поднялась на ноги и подошла к бару, чтобы снова наполнить стакан.

— Кроме того существует завтрашний день.

— Derby Branch? — он пожал плечами. — Это уже невозможно остановить, поскольку все оплачено — еда, алкоголь, аренда.

Он чувствовал стыд совершенно по другой причине, из-за разворачивающихся событий: сама мысль, что общество, а также мир может узнать, хотя бы получить намек на возникшую проблему его семьи, для него было совершенно неприемлемо.

Он услышал быстрые, раздраженные спускающиеся шаги по ковровой дорожке лестницы, его сестра приподняла вопросительно бровь.

— Похоже, тебе предстоит семейная сцена.

— Только если она найдет меня...

Шанталь появилась в дверях гостиной, ее обычное бледное и спокойное лицо, разругалось, словно она стояла у жаровни с барбекю.

— Как ты смеешь? — воскликнула она.

— Думаю, тебе пришло время паковать чемоданы, дорогая, — произнесла Джин с улыбкой, соответствующей рождественскому утру. — Я позову дворецкого? Мне кажется, мы могли бы оказать тебе такую любезность. Считай, что это наш прощальный подарок.

— Я не уеду из этого дома, — игнорируя Джин, произнесла Шанталь. — Ты меня понял, Лейн.

Он насыпал лед в бокал на палец.

— Джин, ты не дашь нам поговорить с глазу на глаз?

Довольно кивнув, его сестра направилась на выход, пройдя мимо Шанталь, она остановилась и оглянулась на брата.

— Проследи, чтобы дворецкий проверил ее чемоданы на предмет драгоценностей.

— Ты такая стерва, — зашипела на нее Шанталь.

— Да, я такая, — Джин пожала плечами, словно раздумывая, стоило ли говорить с этой женщиной. — И я также по праву унаследовала имя Брэдфордов и состояние. А ты нет. Прощай.

Как только Джин «выплюнула «прощай», Лейн подошел и встал между ними, чтобы они могли избежать сцены Алексис и Кристин «в пруду с кувшинками». Он прикрыл за Джин двери, хотя и не хотел оставаться наедине с женой. *(Дж. Уорд имеет ввиду эпизод из фильма «Династия», когда Алексис и Кристин свалились в пруд с кувшинками, продолжая драться.)*

— Я не уеду, — Шанталь повернулась к нему лицом. — Этого не произойдет.

И она бросила повестку на пол к его ногам, единственное, что он подумал, что у него нет на времени для ее истерик.

— Послушай, Шанталь, мы можем сделать по-хорошему или по-плохому... тебе решать. Но знай, если ты выберешь последнее, я вовлеку в процесс не только тебя, но и твою семью. Как ты полагаешь, что подумают твои родители баптисты, получив выписку из твоей медицинской карты? Я не думаю, что они одобряют твой выбор, не так ли?

— Ты не сделаешь этого!

— Не глупи, Шанталь. Есть определенные люди, которые задолжали моей семье, и они готовы будут оказать мне услугу, — он снова подошел к бару и налил себе еще Family Reserve. — Или может случайно твоя медицинская карта попадет в руки прессы, а может быть и в интернет? Люди поймут, почему я развожусь с тобой... и у тебя будет куча времени, чтобы найти себе другого мужа. В отличие от мужчин Севера, у мужчин Юга есть определенные стандарты для жен, и они не приветствуют аборты.

Воцарилась длинная тишина. А потом у нее появилась улыбка совершенно необъяснимая, такая уверенная и спокойная, и он задался вопросом — была ли она действительно такой уж дурочкой в течение этих двух лет.

— У тебя гораздо больше причин помалкивать об этом, чем у меня, — сказала она тихо.

— Я молчу, — он сделал глубокий глоток. — Ты это уже поняла. Я сделал все правильно, когда женщина, якобы забеременела. Кто знает, от меня ли?

Она указала на бумаги.

— Ты отзовешь бумаги о разводе и позволишь мне остаться здесь столько, сколько я захочу. И ты будешь сопровождать меня завтра на Дерби.

— В какой параллельной вселенной ты живешь?

Ее рука потянулась к нижней части живота.

— Я беременна.

Лейн начал смеяться.

— Мы уже проходили это раньше, милая. И знаем, чем это закончилось.

— Твоя сестра была неправа.

— Что ты собиралась украсть драгоценности? Возможно. Мы позаботимся об этом.

— Нет, что я не имею права находиться здесь, также, как и мой ребенок. По сути, мой ребенок имеет такое же право на наследство Брэдфордов, как ты и Джин.

Лейн открыл рот, чтобы что-то сказать... и медленно закрыл.

— О чем, черт побери, ты говоришь?

— Боюсь, твой отец не слишком хороший муж, как собственно и ты.

Раздался звон льда о край стакана, он опустил взгляд вниз, его рука так дрожала, что заставляла лед позвякивать о стенки хрустального стакана.

— Это правда, — произнесла Шанталь тихим, ровным голосом. — И я думаю, мы все знаем о деликатном положении твоей матери. Как она будет себя чувствовать, узнав, что муж не только неверен ей, но должен скоро родиться его ребенок? Думаешь, она не примет больше таблеток, от которых и так уже полностью зависит? Наверное, примет. Да, уверена, она захочет их принять.

— Сука, — выдохнул он.

Мысленно он представлял, как его руки сжимаются вокруг шеи этой женщины, сдавливая с такой силой, что она начнет задыхаться, а потом ее лицо станет красным и фиолетовым.

— С другой стороны, — прошептала Шанталь, — разве твоей маме не понравилось бы, что она скоро станет бабушкой во второй раз? Разве это не было бы поводом для праздника.

— Никто не поверит, что он от меня, — он услышал сам себя со стороны.

— О, поверят. Он будет внешностью похож на тебя... а я постоянно летала в Манхэттен, чтобы улучшить наши взаимоотношения. Все об этом здесь знают.

— Ты лжешь. Я никогда не видел тебя.

— Нью-Йорк большой город. И я уверена, что все в этой семье знают, что я виделась с тобой и наслаждалась твоим обществом. Я также обсуждала это с девочками в клубе, с их мужьями на вечеринках, говорила своей семье — все с любовью относятся к тебе и ко мне.

Он молчал, она сладко улыбнулась.

— Так что, ты же понимаешь, что теперь совершенно не нужны эти документы о разводе. Также, как тебе не стоит упоминать, что произошло между нами и нашим первым ребенке. Если ты что-нибудь сделаешь, я предам гласности все что знаю о вашей семье, поставив всех вас в неловкое положение в обществе, городе и во всем штате. Вот тогда мы и посмотрим, сколько времени у тебя займет сменить свой костюм на похоронный. Твоя мать все же не полностью изолирована от мира, у ее кровати сидит медсестра, которая каждое утро читает ей газету.

С самодовольным выражением, Шанталь развернулась и открыла двери в мраморное фойе, в очередной раз улыбнувшись улыбкой Моны Лизы.

Лейн трясся мелкой дрожью, мышцы призывали к действию, мстить до крови... но его ярость была направлена не на жену.

Ярость была направлена на его отца.

Рогоносец. Он считал, что это слишком старомодное слово для таких вещей.

Он — рогоносец, благодаря своему же отцу.

«Когда в аду закончится этот день?» — подумал он.

Лиззи сказала сама себе, что она не будет проверять свой телефон. Она достала его из сумочки и засунула в задний карман, входя в свой дом. Она не стала проверять по истечении пятнадцати минут, хотя ей показалось, что пришла смс-ка. И только спустя десять минут, она разблокировала экран, решив проверить не пропустила ли сообщение или звонки.

Ничего.

Лейн не позвонил, поинтересовавшись добралась ли она до дома. Не ответил на ее смску. Но ладно, будем надеяться, что у него на руках не будет мокрой рыдающей злючки.

Господи.

Она была на взводе, вышагивая по дому. Кухня была безупречно чистой, и стало обидно, потому что она могла бы убраться. Такая же была и спальня наверху (черт, даже ее кровать была убрана), и она развесила все вещи вчера вечером. Единственное, на чем зацепился ее взгляд было полотенце, которым она вытиралась сегодня утром после душа. Она повесила его высохнуть на штангу занавески, и, поскольку им можно было еще продолжать пользоваться, не прошло и двух дней, когда оно должно отправиться в корзину для грязного белья, она повесила его на крючок на стене.

Благодаря безоблачному дню, на втором этаже было жарко, и она открыла все окна. Ветерок принес запах луговых трав, растущих вокруг дома, и свежий воздух.

Почему он не мог проделать тот же самый трюк с ее головой? Воспоминания дня донимали ее, крутившись одно за другим: как она смеялась вместе с Лейном, когда пришла на работу, как она с Лейном смотрела в ноутбук, как они двое...

Лиззи вернулась на кухню и открыла дверь холодильника, в котором ничего особенного не было. Конечно, сейчас ей было не до еды.

У нее опять возникло желание снова проверить свой телефон, но она себя остановила. Если Шанталь решит устроить проблемы, то это может затянуться на целый день. Одна сцена чего стоит, когда ей передали документы на развод, свидетелем которой она стала...

Ее отвлек звук шагов на крыльце.

Нахмурившись, она закрыла холодильник и пошла в сторону гостиной, не удосуживаясь даже проверить, кто бы это мог быть. Было всего лишь два варианта: ее сосед слева, который жил в пяти милях дальше по дороге, держал коров, которые часто прорывались через его забор и забредали на поля Лиззи; или сосед справа, который жил в мили с четвертью от нее, и чьи собаки часто заходили к ней, охраняя свободно пасущихся коров.

Она начала говорить, открывая дверь.

— Привет, там...

Он не был ее соседом и не собирался извиняться за коров или собак.

На крыльце стоял Лейн, с еще больше растрепанными волосами, чем утром, торчащими в разные стороны, словно он пытался вытащить мысли из головы, пока теребил их. Он слишком устал, чтобы улыбнуться ей в ответ.

— Я решил у тебя самой спросить, хорошо ли ты добралась до дома?

— О, Господи, заходи.

Они обнялись, прижавшись друг к другу, она крепко обхватила его. От него пахло свежим ветерком, и над его плечом она заметила его криво припаркованный Porsche.

— С тобой все в порядке? — спросила она.

— Сейчас уже лучше. Кстати, я немного пьян.

— И ты приехал сюда? Это глупо и опасно.

— Знаю, поэтому и признался.

Она отступила на шаг назад, позволяя ему войти.

— Я собиралась поесть.

— У тебя хватит на двоих?

— Конечно, если тебя это протрезвит, — она покачала головой. — Никакого алкоголя за рулем. Ты думаешь, у тебя сейчас проблемы? Тогда добавь в свой список еще и статью «вождение в нетрезвом состоянии».

— Ты права, — он огляделся по сторонам, а затем подошел к фортепиано и провел пальцами по клавишам. — Боже, ничего не изменилось.

Она прочистила горло.

— Ну, я была очень занята на работе...

— Это хорошая вещь. Великолепная вещь.

Ностальгия отразилась у него на лице, пока он рассматривал ее старинные инструменты и одеяло, а ее простенький диванчик был самым лучшим, он даже не мог выразить словами.

— Поешь? — подсказала она ему.

— Да, пожалуй.

Они вошли на кухню, он сел за ее столик. И вдруг, словно никогда и не покидал это место.

«Будь поосторожней с этим», — сказала она сама себе.

— Что бы ты хотел..., — она шарила в шкафчике и в холодильнике. — ...ну, например, лазанью, которую я заморозила шесть месяцев назад, с гарниром из начо чипсов, а на десерт мятное мороженое, которое я вчера только открыла.

Лейн не отводил с нее глаз, они потемнели.

Хорошоооооооооооо. Очевидно, у него были другие планы по поводу десерта... и у нее внутри стало тепло, легче.

Она не стала прислушиваться к здравому смыслу. Избавление от жены была только верхушкой айсберга, и ей стоило об этом помнить.

— Мне кажется, это лучшее блюдо во всем мире.

Лиззи скрестила руки на груди и прислонилась к холодильнику.

— Я могу быть с тобой честной?

— Конечно.

— Я знаю, что Шанталь получила документы на развод. Я видела, не хотела, но так получилось, что я видела, как шериф вручил ей бумаги.

— Я же сказал тебе, что закончу это дело.

Она потерла лоб.

— За две минуты до этого, она пришла ко мне, планируя романтический частный ужин с тобой.

Он тихо выругался.

— Мне очень жаль. Но сейчас я скажу тебе тоже самое, что и говорил уже — у меня не будет с ней будущего.

Лиззи настойчиво и долго смотрела на него... он не двигался, даже ни разу не моргнул и не отвел глаза в сторону, при этом молчал. Он просто сидел за столом... пусть в конце концов за него говорят его действия.

«Черт побери, — подумала она. — Ей на самом деле, не стоит снова влюбляться в него».

Как только ночь опустилась на конюшни, Эдвард окунулся в свою повседневную рутину. Лед в стакан? Готово. Бухло? Вот оно... сегодня будет джин. Кресло? Вот.

Опустившись в кресло, он побарабанил пальцами по подлокотнику, не открывая пробку с бутылки.

— Давай, парень, — сказал он сам себе. — Смирись с этим.

Увы... нет. По каким-то причинам, дверь коттеджа манила его к себе больше, чем Бифитер, который ему стоило только открыть.

Хотя день оказался длинным, начиная с его поездки в Steeplehill Downs, чтобы проверить двух своих лошадей в Bouncin' Baby Boy, в результате звонка от ветеринара и тренера, у которых оказались проблемы с сухожилиями. Вернувшись, ему сообщили о состоянии его пяти беременных кобыл, а также он просмотрел записи и счета от Мое. По крайней мере, хоть на этом фронте были хорошие новости. Второй месяц подряд, его деятельность была не просто самокупаемой, а стала приносила прибыль. Если он сможет удержать этот уровень, он перестанет получать трансферы из трастового фонда матери, которая регулярно вливала деньги в его бизнес.

Он хотел стать полностью независимым от своей семьи.

На самом деле, первую вещь, которую он сделал, выйдя из реабилитационной больницы, отказался от своего трастового фонда. Он не хотел иметь ничего общего со средствами, даже отдаленно связанными с компанией «Брэдфорд Бурбон» и первым и вторым уровнем трастов, напрямую подотчетных «Главной управляющей трастовой компании». Он не знал про переводы матери в конюшни Red & Black в течение шести месяцев, пока приходил в себя и возвращал их к жизни. А если бы он не принял их на том этапе? Не было бы такого результата.

Прошло много времени, прежде чем кто-то, типа него, обладающий деловой хваткой, рискнул заняться бизнесом с лошадьми, и какими бы ни были у него сейчас увечья, его умение зарабатывать деньги осталось таким же.

Останется только один месяц, и он будет полностью свободен.

Господи, сегодня он чувствовал себя более измотанным, чем обычно... и эта постоянная боль. Может, усталость и боль идут в одной упряжке?

А он все сидел в кресле, не открывая бутылку.

Он поднялся на ноги, опираясь на трость и заглянул за штору, закрывающие его окна, как только он перебрался сюда. Снаружи была сплошная темень, только большие прожекторы над конюшнями создавали круги света среди этой черноты.

Чертыхаясь себе под нос, он захромал к входной двери и открыл ее. Постоял пару секунд и прихрамывая вышел в ночь.

Эдвард медленно двигался по траве, оправдывая себя, что собирается взглянуть на кобылу, у которого возникли проблемы. Да. Именно за этим он и вышел.

Он вышел не для того, чтобы проверить Шелби Лэндис. Неа. Он совершенно не беспокоился о том, что она не покидала ферму весь день, и это означало, что у нее, наверное, не было даже еды. Он также не собирался проверять, есть ли у нее горячая вода, поскольку после двенадцати часов таская тачку, на которой она перевозила мешки с зерном, размером с ее тележку, и сено, скорее всего у нее болят все мышцы и ей просто необходим хороший душ.

Он был абсолютно настроен положительно...

— Черт побери.

Даже не задумываясь он уже стоял у бокового входа в конюшню В... где находился офис, а также лестница, которая вела к ее квартирке.

Ну, учитывая, что он уже был здесь... он может просто поинтересоваться, как у нее дела. Конечно же, только из-за хорошего отношения к ее отцу.

Он непроизвольно провел рукой по волосам и повернул ручку...

Ладно, возможно, ему стоит подстричься, чтобы как-то лучше выглядеть в глазах своего персонала.

Тут же включился свет, работающий от датчиков движения, стоило ему войти в коридор, и балки старого сеновала нависали над ним, как горы, которые ему придется преодолеть, чтобы подняться наверх. И его пессимизм естественно был обоснован: ему потребовалась передышка на полпути. И еще одна, когда он достиг верха.

И тут он услышал смех.

Мужской и женский, доносившийся из квартиры Мое.

Нахмурившись, Эдвард покосился на дверь Шелби. Шаркая ногами, он приблизился и приложил ухо к двери. Тихо.

Он беспокоился также, как и Мое? Он слышал голоса, сильный южный и растягивающий слова, переливчатый, как скрипка или банджо в оркестре.

Эдвард на мгновение прикрыл глаза и навалился телом на закрытую дверь.

Затем взял себя в руки, выпрямился, потом стал спускаться вниз по лестнице, затем ступил на траву и похромал обратно в свой коттедж.

На этот раз он тут же, опустился в кресло, и открыл бухло, наполняя стакан.

Он выпивал уже второй, когда вдруг поймал себя на мысли, что сегодня пятница. Ночь пятницы.

Разве это не смешно.

Ему тоже предстояло свидание.

Саттон Смайт оглядывала толпу, наполнявшую до отказа художественную галерею музея Чарлмонт. Многих она узнавала, поскольку знала лично, но были и те, кого она часто видела в выпусках новостей на телевидении и на большом экране. Многие махали ей, как только ловили ее взгляд, и она достаточно тепло отвечала, поднимая в ответ руку.

Она надеялась, что никто к ней не подойдет.

Ей не хотелось отвечать на поцелуи в щеку, также как не хотелось отвечать на вопросы — не собирается ли она в ближайшее время выйти замуж, или же в навязывании их общества на целый вечер. Она не хотела слышать, который раз слова благодарности, за ее щедрое пожертвование в прошлом месяце — десять миллионов долларов на расширение музея. Она также не хотела ничего слышать о безвозмездном даре отца, в виде картины Рембрандта и яйца Фаберже, которые были подарены в честь безвременно ушедшей матушки.

Саттон хотелось побыть одной, чтобы отыскать в толпе одного единственного человека.

Чье единственное лицо, которое она хотела... ей необходимо было... увидеть.

Но Эдвард Болдвейн опять не пришел. И она знала об этом, стоя в тени последние полтора часа, пока гости прибывали на вечеринку, которую она устроила от имени своей семьи, она знала, что он не придет, поскольку отсылала ему приглашение сначала раз в неделю, потом ежедневно, вплоть до начала мероприятия.

Он не ответил ни на одно.

Даже ни слова: «Да, с удовольствием приму участие», или же: «Нет, приношу свои извинения».

Тогда чему ей стоит сейчас удивляться?

Она молча страдала. Единственная причина, по которой накануне она отправилась на вечеринку Уильяма Болдвейна, надежда увидеть Эдварда у него дома. После того, как он не отвечал на ее звонки днями, месяцами, годами, она думала, что, возможно сейчас, он мог бы присутствовать за отцовским столом, и они смогли бы поговорить.

Но нет, Эдварда там тоже не оказалось, или же...

— Мисс Смайт, мы готовы рассаживать гостей, с вами все в порядке? Закуска уже подана.

Саттон улыбнулась женщине с планшетом и наушником.

— Да, приглушите свет. Я скажу пару слов, как только они усядутся на места.

— Очень хорошо, мисс Смайт.

Саттон глубоко вдохнула и посмотрела на раздетое дорогое стадо, которое отправилось выполнять указания, отыскивая свои места, с тщательно спланированной рассадкой, за круглыми столами, накрытыми золотыми тарелками, с выгравированным сверху меню на льняной салфетке.

Еще до произошедшей трагедии, Эдвард всегда присутствовал на таких приемах, стреляя в нее саркастической улыбкой, поскольку кто-нибудь обязательно собирался просить у него деньги на свои нужды. Приглашая ее на танец в виде спасательного маневра, когда его окончательно загонял кто-нибудь в угол. Смотря на нее и подмигивая... поскольку он мог себе это позволить.

Они стали друзьями со дня праздника в честь Чарлмонта. Хотя и были конкурентами в бизнесе, он окончил Уортон, она получила степень магистра в университете Чикаго. Они

вели одинаковый общественный образ жизни, часто появлялись в бесконечном круговороте благотворительных ужинов, а когда умерла ее мать, они стали встречаться все чаще и чаще.

Но... они никогда не были любовниками.

Хотя она хотела бы ими быть. С тех пор, как познакомилась с ним. Но Эдвард не предпринимал никаких попыток, даже знакомил ее с другими мужчинами, со своими друзьями.

Ее сердце всегда принадлежало ему, но у нее не хватало отваги, как-то развить их отношения, и он, в то же время, казался таким серьезным, показывая, что они только друзья.

И... два года назад случилось несчастье. Господи, как только она услышала от него, что он собирается отправиться в деловую поездку в Южную Америку, у нее возникло предчувствие, словно предупреждение. Но она ничего ему не сказала. Оттягивая разговор и настаивая, чтобы он усилил свою охрану.

Поэтому в некотором роде, она чувствовала себя частично ответственной за то, что случилось. Возможно, если бы она...

Господи, она что серьезно? Он не может не поехать, какие бы причины не возникли, за исключением только нелетной погоды. Эдвард был настоящим, сильным конкурентом в ликероводочной промышленности, прямой наследник компании «Брэдфорд бурбон» не только по праву рождения, но и по своим невероятным качествам: трудолюбию и чутью.

После требования выкупа, его отец Уильям, старался изо всех сил освободить своего сына, ведя переговоры с похитителями и сотрудничая с посольством США. Все потерпел неудачу, пока, наконец, особая группа не была направлена в Южную Америку, чтобы спасти Эдварда.

Она не могла даже себе вообразить, что с ним делали.

И сегодня, только два года назад, именно в это день его похитили.

Это был ужасный позор для целой страны. Южная Америка — одно из красивейших мест в мире, с потрясающей едой, фантастическими пейзажами и удивительной историей... она и Эдвард всегда шутили, что хотели бы поселиться в этой стране в коттеджах, стоящими бок-о-бок. Похищение владельца бизнеса и требование выкупа, не стало одним из направлений для туристических агентств менее предпочтительным, хотя это было совсем далеко от того, когда вам говорят не бродить в три часа утра по Центральному парку, поскольку вы можете столкнуться с «плохими» элементами, в данном случае, как было сообщено, не было никаких оснований осуждать целый континент, так как особых закоренелых преступников очень мало.

К сожалению, Эдвард стал жертвой именно таких преступников.

По прошествии времени она хотела с ним встретиться и увидеть все собственными глазами. Она видела пару размытых, нечетких фотографий в прессе, и конечно, они ее совсем не успокоили. Он выглядел сильно похудевшим, сгорбившимся, смотрел исключительно вниз и старонился камер.

Для нее, он по-прежнему был прекрасным, как и всегда.

— Мисс Смайт, мы готовы?

Заставив оторваться от своих мыслей, Саттон обратила свой взор на тысячу рассаженных приглашенных, пощипывающих свои салаты и готовых заслушать ее речь...

Без особых на то причин, по ней вдруг прошла сильнейшая волна адреналина, пробил пот на груди, лбу и под мышками. Ее сердце забилося, словно в силках, выстукивая барабанную дробь, еще одна волна заставила ее прислониться к стене.

Что с ней...

— Мисс Смайт?

— Я не могу, — услышала она себя со стороны.

— Простите?

Она сжала карточку, с тщательно написанной речью, сунула ее в руку ассистентки.

— Кто-то должен...

— Что? Подождите, куда вы...

Она подняла вверх руки и попятилась.

— ...произнеси речь.

— Мисс Смайт, вы единственная, кто...

— Я позвоню тебе в понедельник, прости, я не могу этого сделать...

Саттон не знала, куда она направляется, пока ее высокие каблуки стучали по мраморному полу. На самом деле, она так и не поняла, пока сумасшедшая волна тепла не ударила ее, когда она покинула здание через пожарный выход и вышла с западной стороны комплекса, очутившись во влажном ночном воздухе.

Довольно далеко от стоянки, где поджидал ее шофер.

Прижавшись к стене музея, она сделала глубокий вдох, но чувство удушья не покидало.

Она не могла оставаться здесь на всю ночь. Ей хотелось бежать быстро и далеко, бежать, пока это ощущение, окружающего ее ужаса не испарится. Но это было настоящее безумие... да?

Боже, она потеряла свой рассудок. Наконец, давление стало отпускать ее.

Или, возможно, это было связано с Эдвардом Болдвейном.

Пришло время что-то предпринять, хотя это и казалось глупым.

Сняв шпильки, она пошла по траве, неся в руках туфли, пытаясь идти по освещенной территории. Дойдя наконец до стоянки, она огляделась, свернув за угол, потом еще раз... потом пришла в ужас от количества автомобилей и лимузинов, припаркованных на открытом пространстве.

Как ей отыскать ее собственный...

Каким-то чудом черный Мерседес С63 сам нашел ее, большой седан остановился прямо перед ней и бесшумно открылось окно со стороны пассажирского сидения.

— Мэм? — с тревогой сказал ее шофер. — Мэм, с вами все в порядке?

— Мне нужна машина, — Саттон обошла спереди, фары высветили ее блестящее серебристо-серое платье и бриллианты. — Мне нужна машина, мне необходимо...

— Мэм? — человек в униформе вышел из машины. — Я отвезу вас, куда скажете...

Она достала стодолларовую купюру из крошечного клатча.

— Вот. Пожалуйста, возьмите такси или позвоните кому-нибудь, чтобы вас отвезли, простите. Прости, но мне необходимо поехать...

Он удивленно посмотрел на банкноты, покачав головой.

— Мэм, я могу отвезти вас куда...

— Пожалуйста. Мне нужна машина.

Последовала короткая пауза.

— Хорошо. Вы знаете, как управлять этой...

— Я разберусь, — она положила деньги ему в ладонь и сжала в кулак.

— Возьмите. Со мной все будет хорошо.

— Я бы предпочел отвезти вас сам.

— Я ценю вашу заботу, но мне просто необходимо, — она села за руль и закрыла окно, оглянувшись, ища коробку переключения передач или...

Раздался стук в тонированное стекло, и она опустила его.

— Коробка переключения передач со стороны руля, — сказал шофер. — Там же направление вперед и назад. Нажимаете вот здесь и едете. И сигнал поворота... да, верно. Вам не нужны дворники, а фары уже включены. Удачи.

Он отступил назад, словно кто-то перед ним собирался запустить фейерверк или сбросить бомбу.

Саттон нажала на газ, и мощный седан рванул вперед, как будто у него был реактивный двигатель под капотом. Поглядывая в зеркало заднего вида, она быстро произвела в уме расчет, сколько лет прошло с тех пор, как она фактически сама сидела за рулем... и ответ был не ободряющим.

Но, как и все происходящее в ее жизни, она должна была выяснить все до конца... любой ценой.

— Не возражаешь, если я еще возьму кусочек?

Лиззи сказала ему «пожалуйста, возьми» и Лейн направился к холодильнику. Еда помогала очистить голову... или, возможно, это ее компания.

Скорее всего, так на него действовало ее присутствие рядом с ним.

— На самом деле хорошо, — сказал он, открыв банку с мороженым и отломав еще одну порцию.

Ее тихий смех заставил его остановиться и прикрыть глаза, чтобы звук мог погрузиться в него как можно глубже.

— Ты такой милый, — прошептала она.

— Правда?

Поставив тарелку в микроволновую печь, он включил таймер на шесть минут и стал наблюдать, как крутится замороженный блок.

— Итак, я собираюсь поговорить с Эдвардом, — услышал он свои слова.

— Когда последний раз ты виделся с ним?

Он откашлялся, почувствовав желание немного выпить.

— Это было...

На мгновение он растерялся, удивляясь самому себе, что не может у нее поинтересоваться, есть ли в доме выпивка.

— Вау.

— Что так долго?

— На самом деле, я думал о другом, — а именно о том, что вполне возможно, у него проблемы с алкоголем. — Ну, да ладно, после такого дня, кто бы не стал алкоголиком?

— Что?

Черт, неужели он сказал это вслух?

— Прости, у меня полный бардак в голове.

— Мне жаль, чем я могу тебе помочь?

— С собой.

— Поэтому спрашиваю, когда ты видел Эдварда в последний раз?

Лейн снова закрыл глаза. Но вместо того, чтобы подсчитать, когда он был хорошим братом для Эдварда, он вернулся к тому времени — к новогодней ночи, когда Эдвард взял их вину на себя.

Он и Максвелл молча стояли в зале, дрожа всем телом, пока их отец заставлял подниматься Эдварда наверх. Две пары шагов поднимались по парадной лестнице, Лейн кричал от этого во всю силу своих легких... но про себя.

Он был слишком труслив, чтобы выйти из тени и сказать, что Эдвард солгал, чтобы спасти его и его брата.

— Я должен пойти к нему, — сказал он после нескольких минут.

— Но что ты сделаешь? — прошептал Макс. — Ничто не в состоянии остановить нашего отца.

— Я смогу...

Хотя Макс был прав. Эдвард солгал, прикрывая их, и отец заставит его заплатить за проступок, которого он не совершал. Если Лейн сейчас скажет правду... отец просто выпорит и их тоже. По крайней мере, оставаясь здесь с Максвеллом, они избежали...

Нет, все равно это было неправильно. Непорядочно.

— Я пойду к нему, — Лейн схватил за руку брата, прежде чем Максвелл успел что-то сказать. — И ты пойдешь со мной.

Должно быть совесть тоже беспокоила Макса, потому что вместо того, чтобы спорить, чем он всегда и занимался, он молча поднимался с братом по парадной лестнице. Добравшись наверх, они осмотрелись — большой коридор был пуст, только виднелась причудливая лепнина, картины и букеты на антикварных столиках и бюро.

— Мы должны остановить его, — прошипел Лейн.

Один за другим, они быстро передвигались по ковровому покрытию... к двери отца.

Из комнаты слышались резкие и громкие звуки ремня, опускающегося на кожу, и хрюканье отца, вкладывающего в каждый удар свою силу.

Эдвард не произносил ни звука.

А с другой стороны двери тихо стояли двое. И единственное, о чем был способен думать Лейн, что он и Макс гораздо слабее Эдварда. Они бы уже давно рыдали.

Стремление сообщить правду и быть честными слабело с каждым ударом... проходящим по всем нервным окончаниям Лейна.

— Пойдем, — он пытался задушить стыд.

Макс даже не сопротивлялся. Он явно был настолько же труслив.

Их комната была дальше по коридору, и Лейн открыл дверь. Существовало множество спален, в которых они могли бы поселиться, но пару лет назад Максвелла начали мучить ночные кошмары, и они негласно стали соседями: Макс начал приходить среди ночи в спальню Лэйна и просыпаться в его кровати по утрам. В конце концов, мисс Авроре пришлось переселиться в спальню подальше.

Их спальня напоминала комнату Джека и Джилл (влюбленной парочки), на противоположной стороне недалеко находилась спальня Эдварда.

Макс сел на постель и уставился прямо перед собой.

— Нам не стоило идти туда. Это моя вина.

— Это наша вина, — он взглянул на Макса. — Ты останешься здесь. Я подожду и пойду к нему.

Он направился в туалет, закрыл дверь позади себя и помолился, Макс послушался его, оставшись сидеть на кровати. У него было плохое предчувствие по поводу того, в каком состоянии выйдет Эдвард от отца.

Ох, как же Лейн хотел открутить время назад и не позволить им идти в салон.

Опустив сиденье унитаза, он присел, слушая, как колотится его сердце. Несмотря на то, что он не слышал звук рассекающего воздух ремня, это было не столь важно, поскольку он итак предполагал, что происходило за дверью отца.

Он уставился на три зубные щетки, которые стояли в серебряном стакане, рядом с полотенцами для рук на столешнице. Красная была Эдварда, потому что он был старшим, и имел право выбора первым. Макс выбрал зеленую, потому что он считал, что она соответствует мужчинам, из того, что осталось. Лейну пришлось довольствоваться желтой, хотя он ненавидел этот цвет.

Никто не захотел голубой...

Раздался щелчок двери, нарушивший тишину. Лейн подождал, пока не услышал второй щелчок, затем поднялся и направился в комнату Эдварда.

В полумраке Эдвард передвигался в сторону ванной, согнувшись, одной руки держась за живот, а другой опираясь на все, что попадалось на его пути — бюро, стенка, письменный стол.

Лейн бросился к нему, обхватив его за талию.

— Больно, — застонал Эдвард. — Тошнит.

О Боже, у него текла по лицу кровь, перстень отца прорезал щеку, когда он его ударил.

— Я помогу тебе, — пробормотал Лейн. — Позабочусь о тебе.

Они медленно ступали, ноги Эдварда слушались с трудом. Одна часть его пижамы была заправлена под пояс штанов, когда он засунул ее обратно после порки, и Лейн мог только догадываться, что скрывалось под ней — рубцы, кровь, синяки.

Эдвард едва добрался до туалета, Лейн остался с ним рядом, пока его рвало. Когда все закончилось, он взял красную щетку из серебряного стакана и почистил зубы. Потом Лейн помог брату добраться до постели.

— Почему ты не плачешь? — спросил Лейн, как только его брат устроился на кровати, видно было, что у него болело все тело. — Просто поплачь. Он перестанет бить, как только ты заплачешь.

Так происходило всегда, когда он и Макс начинали плакать.

— Или спать, Лейн.

Эдвард говорил очень тихо.

— Прости, — прошептал Лейн.

— Все нормально. Или спать.

Ему тяжело было уходить от брата, но сегодня ночью он уже облажался, и посмотрите, что из этого вышло.

Вернувшись в спальню, он лег в постель и уставился в потолок.

— Он в порядке? — спросил Макс.

Почему-то тени в спальне казались такими страшными и угрожающими, словно монстры скрывались в углах.

— Лейн?

— Да, — солгал он. — Он в порядке.

— Лейн?

Он встряхнул головой и оглянулся через плечо.

— Что?

Лиззи указала на микроволновку.

— Готово.

Бип...

Бип...

Он усиленно моргал, пытаясь прийти в себя.

— Точно прости.

Вернувшись за стол, он поставил тарелку и сел на свое место... обнаружив, что потерял аппетит. Лиззи положила свою руку на его, он поднес ее к губам для поцелуя.

— О чем ты думаешь? — спросила Лиззи.

— Ты на самом деле хочешь узнать?

— Да.

У него было не так много, из чего можно было выбрать.

Пока она ожидала его ответа, он разглядывал ее лицо долгое время. А потом слегка улыбнулся.

— Сейчас... в этот самый момент... я думаю, есть ли у меня шанс побыть с тобой, Лиззи Кинг, и если есть, я хотел бы воспользоваться им.

Ее щеки размялись, она прикрыла их ладонями.

— О Боже...

Он тихо засмеялся.

— Ты хочешь, чтобы я сменил тему?

— Да, — сказала она, загораживая рот руками.

Он не обвинял ее.

— Хорошо, я очень рад, что приехал к тебе. Сейчас Истерли напоминает мне петлю, затягивающуюся вокруг моей шеи.

Лиззи потеряла глаза, а потом опустила руки.

— Знаешь, я до сих не могу поверить, что Розалинда умерла.

— Это ужасно, — он откинулся на стуле, соглашаясь сменить тему разговора. — Особенно, рискнуть пойти на это. Ты помнишь Митча Рэмси, шерифа? Он позвонил мне по дороге сюда. Патологоанатом сказал, что смерть наступила из-за бологолова.

— Цикута? (наркотик или яд из болиголова, называется цикута, Сократ выпил цикуту, прим. пер.)

— Ее лицо..., — он показал на свое. — Что за ужасная улыбка была у нее на лице? Видно это результат паралича лицевых мышц, такие случаи описаны при таком количестве яда. Скажу тебе прямо, в ближайшее время я вред ли забуду выражение ее лица.

— Неужели ее убили?

— Полиция так не думает. Нужна большая доза болиголова, чтобы такое случилось, скорее всего она сама это сделала. Плюс ее Nikes были из новой коллекции и на подошве обнаружена трава.

— Nikes? Она никогда не носила ничего, кроме туфель.

— Точно, но она была в этих кроссовках, которые купила видно, чтобы гулять. Митч сказал, что еще при римлянах люди использовали яды, а затем ходили пешком, чтобы заставить его быстрее действовать. И это опять же указывает на то, что она сама это совершила.

— Какой... ужас.

— Вопрос в том, зачем... и к сожалению, мы теперь знаем ответ на этот вопрос.

— Что ты собираешься делать?

Он некоторое время молчал, потом поднял на нее глаза.

— Для начала, думаю отвести тебя наверх.

Лиззи снова покраснела.

— И что ты собираешься делать со мной на втором этаже?

— Помочь тебя разложить вещи в шкафу.

Она начала смеяться.

— К сожалению, вынуждена тебя разочаровать, но я уже это сделала.

— Застелить твою кровать?

— Прости, тоже.

— Черт побери, твое трудолюбие. Заштопать твои носки? Неужели у тебя нет никаких пуговиц, которые нужно пришить?

— Ты говоришь так, словно умеешь обращаться с ниткой и иглой?

— Я быстро учусь. Так что... пойдешь со мной пришивать пуговицы?

— Боюсь, ничего подобного мне делать не нужно.

— Я мог бы помочь тебе с чем-то еще? — спросил он низким голосом. — Успокоить боль, или огонь унять своими губами.

Лиззи закрыла глаза, и покачалась на стуле.

— Боже...

— Постой, у меня идея. Давай-ка я отведу тебя на второй этаж, мы устроим беспорядок у тебя на постели... а потом сможем ее перестелить заново.

Когда она наконец взглянула на него, ее глаза светились возбуждением.

— Знаешь... это идеальный план.

— Мне нравится, когда мы оба на одной волне.

Они вместе встали, и прежде, чем она успела его остановить, он подхватил ее на руки.

— Что ты делаешь? — она слегка стукнула его в грудь, начиная смеяться. — Лейн!

— А на что это похоже? — он направился из кухни. — Я несу тебя наверх.

— Подожди. Постой, я слишком тяжелая.

— О, не говори глупостей.

— Нет, я на самом деле... я не отношусь к тем маленьким изящным женщинам.

— Точно. Ты настоящая женщина, — он поднимался по лестнице наверх. — Именно это и привлекает настоящих мужчин. Поверь мне.

Она положила голову ему на плечо, и он почувствовал, что она с нежностью смотрит на него, а он подумал, чем занималась Шанталь с его отцом. Или, по крайней мере, она так говорила.

Лиззи же никогда его не предавала. Не в мыслях, не в действиях.

Она не была такой беспринципной и жесткой, как его жена.

И это делало ее настоящей женщиной в его глазах, а не то, что она весела сто фунтов и была слишком общительной.

— Нет, ты не должна ничего говорить, — пробормотал он, поскрипывая старыми ступенями.

— Говорить что?

— Ничего не значащего. Знаю, ты хочешь видеть во мне только друга, и я уважаю твое мнение. Но тебе стоит понять один нюанс.

— Какой? — выдохнула она.

Он понизил голос.

— Я готов быть очень терпеливым, когда дело касается тебя. Я буду соблазнять тебя

столько, сколько потребуется времени, оставляя тебе твое собственное пространство, если для тебя это необходимо, или же следовать за тобой по пятам, словно солнечный лучик у тебя на плече, если ты мне позволишь, — он не отрываясь смотрел на нее. — Однажды уже я потерял свой шанс, Лиззи Кинг... теперь этого не повторится.

Эдвард сидел в кресле, плывя в алкогольном облаке, его тело слишком затекло, но на самом деле, мысленно он готов был принять гостью, представляя себя сильным и гибким. Он воображал себя, легко поднимающимся на ноги, без задней мысли передвигающимся в любом направлении, ему требуется лишь мимолетное желание и мышцы бедер, просто счастливы осуществить движения легко работая.

Он был еще недостаточно пьян, чтобы попробовать осуществить такое, однако...

Стук в дверь, заставил его вернуться в действительность.

Ну, хорошо, хорошо. Учитывая, что он еще не был готов попробовать осуществить свое воображаемое вертикальное движение, но, по крайней мере, прибытие кого-то представляло еще одну альтернативную реальность, в которой он несомненно мог принять участие.

И он не собирался этого отрицать.

С ворчанием, он попытался выпрямиться и привстать. Но этого у него особенно не получилось, и он почувствовал себя от этого плохо. Джентльмен всегда должен с уважением относиться к представительницам прекрасного пола, и ему плевать, что его гостья была проституткой... женщина заслуживает уважения.

— Войдите, — крикнул он, с трудом выговаривая слова. — Войди...

Дверь медленно открылась... и на крыльце прямо под фонарем... сердце Эдварда остановилось. А потом начало биться сильнее.

— Ему удалось, — выдохнул он. — Наконец-то, Бу удалось все сделать правильно.

Женщина моргнула.

— Прости? — низким голосом спросила она. — Что ты сказал?

«Голос тот же. Как им удалось подобрать такой же голос?»

— Заходите, — махнул он свободной рукой, в другой держа стакан. — Пожалуйста.

«И не надо бояться», — подумал он про себя.

В конце концов, в своем нынешнем состоянии, он сидел в темноте, тусклый свет освещал только бесчисленные трофеи на полках, оставляя его в тени. Это было сделано естественно специально. Ему не нравилось видеть себя... и у него не было никаких причин, показывать себя во всей красе шлюхе.

— Эдвард? — спросила она.

Находясь в пьяной дымке, он закрыл глаза, мысленно прихрамывая и очень осторожно ступая на очень зыбкую почву.

— Твой голос... такой красивый, как я и помню.

Последний раз он разговаривал с Саттон Смайт еще до своей поездки в Южную Америку, когда он вернулся, то был не в состоянии слушать ее голосовую почту.

Потом дошел до точки и выбросил свой телефон, со всеми контактами.

— О, Эдвард...

В голосе послышалась страдание, словно эта женщина заглядывала ему в душу, обнаружив его собственный клубок из мук и страданий, который он носил в себе с того момента, как ему сказали, что он будет жить.

И на самом деле ее голос был очень похож на голос Саттон. Самое смешно, что в плену, когда он три раза за восемь дней терял сознание, он вспоминал ее. Каждый раз, когда впадал в беспамятное состояние, последнее о ком думал — Саттон, чей образ он рисовал в своем

воображении, печалась и оплакивая. Ни о своей семье. Ни о своем любимом деле. Ни о доме, в котором вырос, ни о наследстве компании, ни о всех тех вещах, которые так и не сделал.

Он вспоминал только Саттон Смайт.

А в третий раз? Когда он был не в состоянии уже видеть, когда он не мог уже говорить, потому что брызгал слюной и кровью, когда пытки доводили до такого состояния, где его жизнь представлялась карой и он стал молиться, получить освобождение, умерев...

Саттон Смайт опять была единственная о ком он думал.

— Эдвард.

— Нет, — он поднял руку. — Ничего не говори.

У нее и так все очень хорошо получалось. Он не хотел, чтобы женщина совершила какой-нибудь промах, и все разрушила.

— Иди сюда, — прошептал он. — Я хочу дотронуться до тебя.

Открыв глаза, он следил, как она приближалась к нему. О, какое прекрасное серебряно-дымчатое платье до пола, довольно красивые драгоценности сверкали в тусклом свете. И у нее тоже был маленький клатч, такой же как у Саттон, которые она всегда брала с собой на официальные мероприятия, маленький прямоугольный, обтянутый шелком, подобранный к оттенку платья, она часто говорила: «близняшки» или же «как в пятидесятых».

— Эдвард?

Послышалось смятение и тоска в ее голосе, когда она произнесла его имя.

— Прошу тебя, — с мольбой произнес он. — Просто... молчи. Я хочу всего лишь прикоснуться к тебе. Пожалуйста.

Она подрагивала перед ним, и он словно попал в другую реальность, и решил позволить себе окунуться в свою фантазию, представив, что это настоящая Саттон, которая пришла к нему, и они могут, наконец, быть вместе.

Хоть он и был полностью разрушен.

От одного этого он готов был расплакаться. Но это чувство длилось не долго... потому что она споткнулась на пути и у нее расширились глаза.

Она увидела его лицо.

— Не смотри с таким ужасом, — произнес он. — Я знаю, что не такой, как раньше, поэтому и свет приглушен.

Эдвард вытянул и показал ей свои руки.

— Они не так... обезображены. И в отличие от многих частей моего тела, работают просто отлично. Позволь мне... прикоснуться к тебе. Я буду осторожен... но тебе придется встать на колени. Я не слишком хорошо стою на ногах теперь, и должен признаться выпил.

Теперь проститутка тряслась от головы до кончиков пальцев, опускаясь вниз, он подался вперед, предлагая ей руку, словно помогал выйти леди из автомобиля... девушке, которая была готова заниматься сексом с калекой и позволяла наслаждаться ее телом в обмен на тысячу долларов.

Когда он снова откинулся на спинку кресла, внезапная волна полной дезориентации прошла по нему, слишком много алкоголя уже было залито в его кровь. Как и все пьяницы, он знал, что это был временный сбой, который сам пройдет.

Особенно, если ему необходимо сосредоточиться, несмотря на свое нечеткое зрение, несмотря на полумрак, несмотря на то, что он слишком пьян... он был в полном восторге.

Она была такой красивой, слишком красивой, что он боялся ее коснуться.

— Взгляни на себя, — прошептал он, протягивая руку к ее щеке.

Ее глаза снова вспыхнули, или, по крайней мере, ему показалось, что они вспыхнули... возможно, померещилось, поскольку она быстро вдохнула. Ему трудно было понять и проследить, что на самом деле происходит... реальность ударила в него, выкручивая наизнанку, пока он не убедился окончательно, что проститутка на самом деле была очень похожа на Саттон, или же он вообразил ее такой, у нее были длинные темные волосы, выгнутые брови и идеальные губы, которые были достойны Грейс Келли.

Волосы у женщины были именно такими, как он и просил, и он провел рукой по темным волнам, опустившись ей на плечо.

— Ты так хорошо пахнешь. Именно так, как я и запомнил.

Он стал дотрагиваться дальше, его пальцы путешествовали по ее ключице, бриллиантовому колье, опустились к ее декольте. Она стала дышать жестче, усиленно, ее груди вздымались рядом с его ладонями.

— Мне нравится это платье, — прошептал он.

Платье соответствовало стилю Саттон: красиво очерчивая ее фигуру, сделанное из шифона цвета серого голубя.

Оставаясь сидеть, он подался вперед, пытаясь эффектно прислонить свою жалкую грудь к ее, загнув руку за спину, чтобы найти тщательно скрытые молнии. Потянул вниз замок, звук показался слишком громким в комнате.

Он мог поклясться, что она вздрогнула, как будто была шокирована. И это было, ох, так прекрасно. Именно так, и делала Саттон.

И да, ох, да, шлюха отдалась его исследованиям, она подняла руки и взяла его. Боже, ему совершенно не нравилась эта ее дрожь, но ему несомненно было трудно заниматься сексом.

По крайней мере, таким, каков он был сейчас.

— Как я желал бы сделать это раньше, — надтреснутым голосом произнес он. — Тогда стоило посмотреть на мое тело. Мне следовало... я должен был заняться с тобой сексом раньше, но я был слишком труслив. Самонадеянный трус... но правда заключалась в том, что я готов был все выдержать, кроме, если ты меня не захочешь.

— Эдвард...

Он остановил ее, опустив свои губы.

О, она была так хороша. Так хороша, как он и представлял, его язык проскользнул в ее рот, и она застонала, как будто мечтала об этом всю свою жизнь, заставив его забыть, кем он стал.

Платье упало с ее тела, словно это был фокус... словно надеялась получить чаевые, если сессия произойдет быстрее. И он воспользовался обнаженным телом, целуя ее кожу, опускаясь к ее великолепной груди, посасывая соски, ненасытно. Благослови сердце этой бедной женщины, которая сумела так хорошо подделать все, ее руки опустились в его волосы, как он и хотел, ближе притягивая его голову к себе, хотя это не могло быть на самом деле, поскольку проститутка не могла реально его желать.

Он старался не быть грубым, но Бог свидетель, он внезапно стал голодным и ненасытным.

— Сядь ко мне на колени, — простонал он. — Ты будешь заниматься сексом, сидя на мне сверху.

Это был единственный способ, при котором он мог заниматься сексом. Тем более, что он не хотел вводить их двоих в неприятное положение, когда она будет помогать ему подняться с пола после того, как все закончится.

— Ты уверен? — низким голосом произнесла она. — Эдвард...

— Я хочу тебя поиметь. Я слишком долго ждал. Я чуть не умер. Мне нужно.

Наступила пауза равная одному удару сердца. Затем она с завидным проворством поднялась с пола, перешагнув через платье... Господи, на ней были только стринги и больше ничего — ни чулок, ни подвязок. И не тратя зря времени, оттолкнула в сторону платье, пока он возился с ремнем, удерживающим его штаны от падения на выступающих тазобедренных костях.

Несмотря на то, как угасало его тело, член все еще был жесткий, длинный и толстый, как никогда... и он был странно благодарен ему, поскольку это был единственный орган, за который он не испытывал унижения.

Подтянувшись на руках, он еще больше подался вперед, и она села на него сверху, с завидным изяществом...

Его член глубоко проник в нее, крепко сжатый ее горячей киской, она расслабилась, заставив его сразу же кончить, но оргазм был не самым удивительным. По-видимому, его ощущения, каким-то чудом, проделали с ней тоже самое.

Она простонала его имя и достигла своего собственного освобождения.

Либо это произошло на самом деле, либо она зря здесь тратила время, имея свое истинное призвание стать актрисой, достойной Оскара.

Эдвард даже до конца не осознал, что делает — просто начал двигаться. Он был слаб и жалок, но она следовала его ритму, и первый оргазм затмил совместный еще больший по силе. Трепеща, двигаясь и напрягаясь, она удерживала его изо всех сил, ее волосы скользили по его лицу, ее грудь прижималась к нему, двигаясь в его такте, казалось такого он никогда не испытывал.

Этот секс был вечным.

Когда наконец все закончилось, после третьего его оргазма, он рухнул в кресле и выдохнул.

— Ты мне понадобишься снова.

— О, Эдвард...

— Скажи Бу... на следующей неделе. В то же время и в тот же день.

— Что?

Он шептал, развалившись в кресле.

— Деньги там. Только ты. Я хочу только тебя... опять.

Наверное звучало грубо, поскольку он выдохся больше за последние двадцать минут, нежели за двенадцать месяцев, он почувствовал слабость...и на самом деле, так и должно было быть, пусть проститутка заберет все свои вещи и уйдет.

Так он сможет сохранить свою фантазию.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Тысяча... у двери, — пробормотал он. — Возьми ее. Чаевые будут...

Эдвард хотел сказать: «Чаевые придут позже. Я попрошу кого-нибудь забросить их к Бу». Но он не в состоянии был больше трезво мыслить... проваливаясь в сон.

В очередной раз, вспоминая и думая лишь о Саттон Смайт.

Саттон вышла из коттеджа Эдварда. Она также держала туфли в руках, ступая босиком, но в отличие от травы, по которой она двигалась у музея, доски крыльца были шершавыми, а по дороге из булыжников вообще было больно ступать.

И она ощущала себя довольно-таки странно.

Дойдя до Мерседеса, она была полна противоречий, мысли все перемешались, создав полный бардак, а тело стало настолько непокладистым.

Он решил, что она была проституткой?

А иначе зачем он стал предлагать ей день и говорить о каком-то парне по имени Бу? И что значит следующая неделя?

Господи, они на самом деле занимались сексом...

Как такое случилось? Как она позволила...

Господи, его бедное лицо и тело.

Мысли просто вихрем вертелись у нее в голове, с какой-то центробежной силой, пытаюсь найти ответ, но сейчас Эдвард был совсем другим, нежели она его помнила. От его красивой внешности не осталось и следа, появились шрамы на щеках, переносице и на лбу, и практически невозможно было восстановить в памяти его совершенное лицо, каким оно было когда-то.

Она с самого начала отдавала себе отчет, что его не смогли полностью восстановить. Единственным ее источником информации были газеты и новости, поскольку он отказался видеть всех, пока находился в больнице и во время реабилитации... но своего рода «великого» исцеления не произошло по уважительным причинам. Но увидеть его лицо сейчас для нее стало шоком.

Перед похищением он был игроком в поло. Он был знаменательным. Бегун. Баскетболист, теннисист и игрок в сквош. Пловец. Эдвард был золотым мальчиком не только в бизнесе, но и в любом другом аспекте жизни, он смог преуспеть везде.

«Как я желал бы сделать это раньше. Тогда стоило посмотреть на мое тело».

Саттон пыталась открыть водительскую дверь автомобиля, но ее рука соскальзывала снова и снова, словно она ударилась о что-то и больше не могла ничего удержать. И когда она наконец смогла открыть машину, словно из нее выкачали всю энергию, она просто рухнула в водительское кресло.

«Я должен был заняться с тобой сексом раньше, но я был слишком труслив. Самонадеянный трус... но правда заключалась в том, что я готов был все выдержать, кроме, если ты меня не захочешь.»

О ком он говорил или о ком он думал, когда говорил это? Ее сердце разрывалось от одной только мысли, что он мог быть влюблен в кого-то еще.

Он был пьян. Она переживала и перед уходом проверила, билось ли его сердце и дышал ли он... поскольку, сама идея, что она могла убить его, так как они...

— Господи Боже мой!

Как такое случилось, что после стольких лет, они на самом деле занимались сексом? Но скорее потому что он был уверен, что она шлюха, которую он заказал?

И в заключении всего, они не предохранялись.

Фантастика. Если не учитывать, что она находится в какой-то глуши, все прошло замечательно... не смотря на то, что он был пьян... хотя у нее то была голова на плечах... и, даже не учитывая его физическое состояние, он был... секс был просто невероятным. Возможно, это произошло из-за того, что столько лет все сдерживалось внутри и было обоюдным, а возможно, потому что произошло всего лишь единственный раз, звезды сошлись.

Но сколько бы не было возможностей, он сдулся в конце, как и мужчины, с которыми она была прежде.

И она опасалась, что теперь не сможет посмотреть ни на кого другого, поскольку он оставил после себя выжженную землю.

Она нажала кнопку, запуская двигатель, автомобиль издал мурлыкающий звук, тут же зажглись фары. И она запаниковала, поскольку здесь в округе могли находиться и другие люди, а она не хотела, чтобы ее поймали. Ей тогда придется вступить в борьбу со сплетнями, которые совсем не способствовали ее стратегии преодоления трудностей, так что спасибо, конечно, но...

В этот самый момент другой автомобиль въехал на аллею и, вместо того, чтобы завернуть к конюшне или к хозяйственной постройке, он остановился рядом с ней.

Из автомобиля вышла женщина... высокая брюнетка, одетая в вечернее платье.

Она нахмурилась, увидев Мерседес.

И подошла ближе.

Саттон опустила окно, хотя следовало ли это делать? В это же время она стала нащупывать нужный рычаг или кнопку, что угодно, чтобы седан дал задний ход.

— Мне казалось, что мой график сегодня вечером? — спросила женщина довольно милым голосом.

— Я... Ах..., — начала заикаться Саттон, краснея. — Ах...

— Ты одна из новеньких Бу, про которых он говорил? Я Далила.

Саттон пожала руку.

— Как поживаете?

— Ах, ты такая шикарная! — женщина улыбнулась. — Я надеюсь, ты позаботилась о нем?

— Ах...

— Хорошо. Иногда такое случается, и у меня имеется еще два звонка, — она потянулась и сняла свой парик. — По крайней мере, я могу освободиться от этого. Он в порядке?

— Прости?

Женщина провела рукой по своим стриженным светлым волосам и кивнула в сторону коттеджа.

— Он? Мы все переживаем за него, бедолага. Бу не сообщает нам, кто он такой, но должно быть кто-то очень важный. Он всегда очень щедр и относится к нам очень хорошо. Ужасно жалко, что такое с ним случилось.

— Да. Это действительно печально.

— Ну, я поеду. Хочешь, я скажу Бу, что ты все сделала?

— Ах...

— Я займусь им на следующей неделе.

— Нет, — Саттон услышала свой возглас, как будто со стороны. — Он сказал только я... мужчина высказал, что хочет только меня.

— Ладно, нет проблем. Я передам его слова.

— Спасибо. Большое спасибо.

Возможно, это какой-то ужасный кошмар?

Саттон продолжила искать рычаг, проститутка воскликнула:

— Ты пытаешься дать задом?

— Ах, да, хотелось бы.

— Это вот здесь. Просто передвинь его назад. Передвигай до конца, а потом толкни вперед.

— Спасибо. Очень жестко передвигается ручка.

— У одного моего постоянного клиента именно такой автомобиль. Настоящая красота!

Будь аккуратна!

Саттон подала назад очень и очень осторожно, надеясь, что она не затронет женщину, стоящую так близко к ее машине, с темным париком в руке.

Выруливая к главной магистрали, она поймала себя на мысли, что скорее всего лежит дома в постели с гриппом и вот-вот должна проснуться...

На самом деле.

И она проснулась и задалась вопросом:

«Святое дерьмо, как же все это произошло?»

Рассвет в день Derby выдался ярким и ясным, хотя пока Лиззи ехала на работу, мог греметь гром и сверкать молнии, идти ливень с ураганным ветром, она все равно не переставала бы улыбаться всю дорогу до Чарлмонта.

Она несколько раз играла с Лейном в камень, ножницы, бумага, чтобы решить, кто уйдет первым, и несмотря на то, что он выиграл три раза подряд, они все же решили, что она должна уйти перед ним. Во-первых, у нее был сегодня тяжелый день и ей предстояло сделать множество дел, и второе, он никуда не спешил.

Каждый раз, когда она моргала, она все равно видела его лежащим на ее простынях с обнаженной грудью, хотя его нижняя обнаженная часть была прикрыта.

Она никогда не чувствовала себя такой выпавшейся, хотя фактически и не спала прошлой ночью.

Проезжая мимо главного входа Истерли, Лиззи покачала головой. Никогда не знаешь, куда тебя привет конец дороги.

Вот тебе и пожалуйста, только «друзья».

Въехав на дорогу для обслуживающего персонала, ей пришлось притормозить, присоединившись к длинной вечернице фур и легковых автомобилей. Она была рада увидеть, что некоторые машины были из компании, сдающей в аренду инвентарь, особенно в ходе последних событий, но заволновалась, как Лейн и его семья заплатят за оказанные дополнительные услуги, если учесть последние события.

Когда она, наконец, добралась до парковки, ей пришлось отправиться на самое дальнее место проскользнуть Yaris между другими машина. Сегодня должны были пребыть около ста официантов и официанток для обслуживания торжества, но она не видела ни одной их. Во сколько? Нижняя дорога будет вся забита пикапами, мотоциклами и всевозможными моделями седанов.

Вывод — она вольется в эту ужасную толпу движущихся средств на обратном пути, когда нанятый обслуживающий персонал ринется по домам. Никто не обращал на нее внимание, пока она шла по дорожке и уже одно это было неплохо. Она в уме составляла список самых важных дел, которые ей предстояло сделать, прежде чем откроются ворота и более шестисот самых важных персон города хлынут в Истерли на Derby.

И какой же первый номер в ее списке?

Грета.

Ей необходимо было каким-то образом урегулировать отношения с Гретой, они же должны выступать единой командой, если собирались выжить в ближайшие четыре часа.

Как только она увидела оранжерею, маячившую в дальнем конце сада, взяла в себя в руки, приняв решение. Скорее ее компаньонка была уже там, без сомнения проверяя еще раз все букеты, еще раз убеждаясь, что нет ни единого увядшего лепестка или цветка, прежде чем вазы выставят на столы на всеобщее обозрение.

Грета, наверное, находится здесь с 6:45.

Лиззи тоже должна была быть в это же время.

И была бы, если бы не была с Лейной-в-своей-кровати.

— Я взрослая женщина, — сказала она себе. — И я говорю с кем, я говорю когда, я говорю...

Подбадривая себя, она цитировала фильм «Красотка».

Проблема могла возникнуть, если Грета захочет ее спросить, почему она опоздала, тогда могло стать все действительно плохо. Она совершенно не умела лгать, тут же становясь красной, как помидор, и заикаясь начнет отвечать, глядя ей в лицо, прикрываясь своими словами как щитом:

«Я ПРОВЕЛА ВСЮ НОЧЬ, ЗАНИМАЯСЬ СЕКСОМ С ЛЕЙНОМ БОЛДВЕЙНОМ».

Или как будет по-немецки близко к этому.

Расправив плечи, Лиззи повыше приподняла свою сумку на плече и шагнула к двойным дверям.

Она вошла в благоухающий, теплый воздух оранжереи и решила уже произнести...

— Ты взрослая женщина, — произнесла Грета, оторвавшись от букета. — И я сожалею. Я не имела права... ты взрослая женщина и имеешь право сама принимать решения. Прости.

Лиззи выпустила глубокий вздох.

— Извини меня тоже.

Грета приподняла свои очки в черепаховой оправе повыше на нос.

— За что? Ты не сделала ничего плохого. Я... на десять лет старше тебя. И несмотря на то, что у меня больше морщин и тело мои поизносилось, я чувствую ответственность за тебя. Ты не спрашивала меня, вероятно, тебе не нужен был мой совет, но вот...

— Грета, ты не должна извиняться. Мы обе сейчас под действием стресса.

— И кроме того, я слышала, что он вчера вручил ей документы на развод.

— Слухами земля полнится, — Лили положила свою сумку. — Как ты узнала?

— Одна из горничных видела, как она бросила документы шерифа, — Грета покачала головой. — Как всегда, она в своем стиле.

— Я просила его не делать этого из-за меня.

— Ну, какими бы ни были его помыслы, он все-таки сделал это, — Грета возобновила работу над цветами. — Пообещай мне одну вещь. Будь поосторожнее с ним. Эта семья имеет определенную историю и рассматривает людей как одноразовую вещь, и время для забавы сейчас не очень хорошее.

Лиззи уперлась руками в бедра и уставилась на свои ботинки, которые надевала перед Лейном, устроив ему настоящее шоу, он громко ее поощрял.

«Достаточно», — подумала она, грудь сдавило от боли при воспоминаниях, что их секс опять возобновился, и был как всегда совершенным... ничего не изменилось в этом плане.

— Я не хочу, чтобы тебе снова причинили боль, как тогда, — без эмоций произнесла Грета. — Хорошо? Теперь давай приступим к работе...

— Он не такой как его семья. Он не похож на них.

Грета перестала поправлять цветы и посмотрела на сад. Через мгновение, она отрицательно покачала головой, сказав:

— Лиззи, семья у него в крови. Он не сможет ничего изменить.

Когда Лейн подъехал к Истерли, то припарковал свой Porsche подальше от всех, в тени вымощенного переулка, у задней стенки гаражей.

— Я дома, — сказал он в телефон. — Ты хочешь, чтобы я поднялся и объяснил тебе свой план?

Его сестре потребовалось время, чтобы ответить, он видел Джин перед собой на экране телефона, она отрицательно покачала головой и перекинула волосы через плечо.

— Нет, думаю, ты все уже сказал, — нараспев ответила она.

Он перевернул свою бейсболку с вышитыми спереди буквами UC козырьком на затылок и посмотрел на небо, которое было высоко над ним. Он оставил дом Лиззи, и рев ветра, когда он мчался домой по нисходящей дороге, создавал иллюзию свободы, которую он так искал.

Господи... Лиззи. Единственная причина, по которой он сегодня почти в середине дня находился в приличной форме (еще не пил), потому что провел с ней ночь. Он занимался с ней любовью несколько часов подряд... а потом она заснула, а он смотрел в потолок, просчитывая шаг за шагом свои действия.

— Ты поговоришь с ним сегодня? — напряженно спросила Джин.

Как и обычно под «ним» подразумевался Эдвард.

— Собираюсь, — Лейн заскрежетал зубами. — Но не сейчас. Я не скажу отцу ни слова пока не узнаю масштабы бедствия. Я не хочу разговаривать с ним прежде, чем смогу что-нибудь доказать? Он просто подчистит все, что уже урвал.

— И когда ты с ним поговоришь?

Лейн нахмурился.

— Джин, ты никому не слова. Ясно? Ни слова не говори никому... особенно отцу.

— Я ненавижу его.

— Прояви предусмотрительность, если ты хочешь, чтобы что-то продвинулось? Нужно, чтобы он сам «подвесил себя на суку». Если ты понимаешь, что я имею в виду? Ты вступила с ним в конфронтацию, и на самом деле, тем самым только помогаешь ему. Я позабочусь об этом, процесс идет. Джин? Ты меня слышишь?

Через мгновение послышался мягкий смешок.

— Ты говоришь, как Эдвард.

На долю секунды он ощутил невероятную гордость от ее слов, поскольку каждый из них всегда равнялся на Эдварда.

— Это самые прекрасные слова, которые ты мне когда-либо говорила, — пробормотал он хрипло.

— Я на самом деле именно это и имею в виду.

— Итак, Джин, сегодня тишина в эфире. Я дам тебе знать, как все продвигается.

— Хорошо... ладно.

— Хорошая девочка. Я люблю тебя и позабочусь о нас. Всех нас.

— Я тоже люблю тебя, Лейн.

Лейн отключился, по-прежнему наблюдая за облаками. В отдалении он слышал приглушенные голоса, повернув голову, он увидел в гараже большую группу официантов, сгрудившихся вокруг Реджинальда, который отдавал им последние указания.

«Джине лучше держать рот на замке», — подумал он.

Уильям Болдвейн итак будет не в себе от смерти Розалинды. Если Лейн или, не дай Бог, Джина проговорится. Он спрячет все концы, сотрет записи и уничтожит все детали.

Если вообще есть что прятать.

Лейн наклонил голову на бок, чтобы получше разглядеть Истерли. «Сколько из всего этого удастся сохранить?» — подумал он.

Господи. Он никогда не мог себе даже представить, что когда-нибудь вообще возникнет такая мысль.

Ну, одно стало очевидным — царствование Уильяма Болдвейна должно было вот-вот закончиться. То ли это была расплата за то, что этот человек все эти годы делал с

Эдвардом... или за то, что он без должного уважения относился к его матери... или реальность, что он был виноват, вероятнее всего Розалинда покончила с собой из-за него...

Забавно, но то, что произошло с его собственной женой его волновало меньше, он не стал бы за это мстить отцу.

Действительно ли Шанталь переспала с его отцом? И действительно ли она беременна? Невероятно.

Она заявила ему, что он должен сказать своему адвокату, что немного поторопился. Эта женщина способна вытащить из своей дерби-шляпы все, что угодно.

Постойте, Самуэль Ти сказал, что адюльтер можно использовать для уменьшения алиментов?

— Сэр? Мне нужно припарковать вашу машину?

Лейн взглянул на подошедшего в униформе парковщика. В отличие от пятидесяти машин внизу холма, только один парень мог оставлять свою машину здесь — тренер, единственной целью, которого было поднять престиж Университетской баскетбольной мужской команды Чарлмонта. Ох, ну и также конечно команда президентов и различных государственных деятелей, с охраной на внедорожниках.

Но припарковать седан тренера было главным и самым важным приоритетом.

— Нет, спасибо, — он снял бейсболку и примял волосы. — Я уеду...

— О, мистер Болдвейн. Я не знал, что это вы.

— Тебе и не нужно, — Лейн вышел из машины и протянул ему руку. — Спасибо, что помогаете нам сегодня.

Молодой парень устался на руку, которую ему предложили, он медленно двинулся к руке, боясь все испортить и при этом не выглядеть полным идиотом.

— Сэр, благодарю вас, сэр.

Лейн похлопал парковщика по плечу.

— Я оставлю ее здесь, ладно? Не знаю пока, когда собираюсь уехать.

— Да, сэр. Какая же она красива!

— Да, красивая.

Как только Лейн вошел в переднюю дверь Истерли, тут же натолкнулся на англичанина дворецкого, вышедшему ему навстречу с серьезным выражением на лице, словно он готов был встретить уважаемых гостей. Его выражение тут же изменилось, как только он увидел, кто вошел.

— Сэр, как дела?

— Достаточно хорошо. У меня есть к вам просьба.

— Чем я могу служить вам?

— Мне нужен костюм...

— Я взял на себя смелость заказать вам синий костюм в полоску, белую французскую рубашку, розовый галстук-бабочка, с таким же платком в кармане. Вчера поздно вечером все было доставлено, согласно всем вашим размерам, которые были указаны в файле Ричардсон. Если вам потребуется дополнительная корректировка пиджака или брюк, скажите мне и я пришлю горничную. Также прилагаются розовые носки и лоферы.

Кто бы мог подумать, что такая расторопность может быть более чем иллюзия.

— Большое спасибо, — хотя он не нуждался в костюме для Derby, но дворецкий думал иначе. — Я...

Стук молотка о массивную дверь заставил их обоих развернуться.

— Мне следует позаботиться об этом, сэр.

Лейн пожал плечами и направился к лестнице. Ему не стоило терять время, разбираться с тем, кто за дверью, ему нужно было пройти к себе в спальню и переодеться....

— Персонал, обслуживающий Branch, идет к черному входу, — надменно произнес дворецкий. — Вы должны...

— Я здесь, чтобы встретиться с Уильямом Болдвейном.

Лейн замер, услышав этот голос.

— Это совершенно невозможно. Мистер Болдвейн не принимает в частном порядке...

Лейн развернулся и отпрянул при виде худого, темноволосого мужчины в неряшливой одежде и дорогих кожаных сапогах.

— Мак?

— ...и он не может с...

Дворецкий резко замолчал, Лейн подошел к парню, с которым он вырос.

— Мак? С тобой все в порядке?

Ладно и так было видно, что «нет». Мастер-дистиллятор компании Брэдфордс был ужасно пьян, его обычно острые глаза затуманились и отчетливо виднелись темные круги под глазами, и на красивом-как-грех лице красовалась щетина.

— Ваш отец загубит эту компанию, — первое, что ляпнул Мак.

— Я займусь им, — ответил Лейн, отодвигая дворецкого и взяв дистиллятора под руку. — Пойдем со мной.

Он потащил пьяного Мака до парадной лестницы, а затем привел к себе в спальню. Усадил его на постель и отправился закрыть входную дверь...

Бух! Звук ударившегося тела об пол разнесся по всей комнате.

С проклятиями Лейн вернулся и поднял парня с ковра, усадив на кровать. Мак бормотал о целостности процесса изготовления бурбона, важности традиций, отсутствие пиетета, что управленцы собираются продавать неправильный продукт, и какими пидарасами они были...

— Они ничего не достигнут своими действиями, — закончил Мак.

— Пора вставать, — сказал Лейн, поставив своего давнего приятеля в вертикальное положение. — Давай, большой парень.

Мак был в доме бесчисленное множество раз, но никогда не был пьяным в стельку, как сейчас... ну, с тех пор, как они перешли во взрослую жизнь. Сложив все вместе — смерть и записи Розалинды, и высказывания дистиллятора, что Уильям разваливает компанию, Лейн подумал:

«Вот и еще один кусок головоломки», который пришел сам к нему.

В ванной комнате, отделанной мрамором, он включил душ на полную мощь и запихал Мака под холодные струи воды прямо в одежду.

Крик был достаточно громким, способный выбить стекла, но, по крайней мере, шок сделал свое дело.

Оставив его под водой, Лейн подошел к petit déjeuner на буфете, стоящем в углу, и стал делать кофе в кофеварке фирмы Keurig.

— Теперь ты очухаешься, Мак? — спросил он, протягивая ему кружку с гербом Брэдфордс. — Или мне стоит добавить немного льда?

Мак посмотрел сквозь мокрые волосы, спадающие на глаза.

— Мне следует врезать тебе.

Лейн открыл стеклянную дверь в душ.

— Сколько у меня там?

— Два, — Мужчина взял кружку мокрыми руками. — Но два от четырех с половиной.

— Итак, это сработает.

Мак сделал глоток кофе, развернул кружку и взялся за ручку.

— Кофе не плох.

— А ты бы почувствовал разницу, если бы это был растворимый?

— Скорее всего нет.

Лейн указал на свое плечо.

— Я буду ждать в комнате. Халат за дверью. Сделай одолжение, не выходи голым.

— Ты со мной не справишься.

— Точно.

Закрыв дверь ванной комнаты, Лейн направился к шкафу, достал новую одежду, поправил кровать. Чуть позже Мастер-дистиллятор вышел облаченный в халат.

Они оба играли в баскетбол на День города Чарлмонт, перед тем как уехали в университет. Парень имел атлетическую фигуру, ни грамма жира, долговязый, высокий, способный запросто играть в гольф, как профи, пробежать марафон лучше, чем идиоты на десять лет моложе его, и до сих пор мог спокойно защищать линию на бейсбольной площадке.

Ох, в его необычных, светло-карих глазах не было никакой глупости. В любовных романах глаза Мака называли бы «цвета виски» или как-нибудь еще... не было ничего необычного, чтобы заставило всех этих женщин запрыгнуть в постель к этому парню.

Нет, в них было что-то совсем другое, гораздо большее.

«И люди называют его дамским угодником?» — подумал Лейн про себя. Эдвин МакАллан был хуже.

— У тебя получилось? — Мак держал кружку. — Думаю, еще литр сделает свое дело.

— Обслужи себя сам. Там есть еще на одну порцию.

Парень взглянул на открытую дверь в маленькую кухню.

— Правильно, я создаю бурбон, следовательно, и в состоянии сделать кофе.

— На этой ноте, позвольте мне снова приступить к своим обязанностям хозяина. Хотя я и принуждаю себя к этому, но не хотелось бы, чтобы ты спалил весь дом этим утром, находясь под кайфом.

Потом они вдвоем сидели в широких креслах у окна, как пара старушек. Такие маленькие старые леди, которым необходимо было побриться.

— Расскажи мне, — попросил Лейн, уперев локти в колени. — Что происходит в компании?

Мак покачал головой.

— Плохие вещи. Я был пьян в течение двух дней.

— Как и в тот раз, когда ты не мог остановиться? Помнишь? Мы ездили на весенние каникулы вместе шесть раз, из которых только два раза на самом деле относились к школьным весенним каникулам.

Мак улыбнулся, но не расслабился.

— Послушай, я по-прежнему все-таки думаю о твоём отце...

— Ты можешь перестать о нём думать прямо сейчас. Думаешь, я не знаю, что он любит больше всего?

Наступила долгая пауза.

— Я не знал, чья рука санкционировала написать эту записку. Поэтому подумал, что остановка закупок была инициатива «костюмов», но я ошибался. Я поспрашивал среди людей, это распоряжение поступило от твоего отца. Я хочу сказать, что этот мужчина должен отдавать себе отчет, что он владеет и работает в миллиардном бизнесе. Почему его совершенно не волну...

— Ты должен рассказать мне все с самого начала, я понятия не имею, о чем ты говоришь?

— Он остановил меня. Он остановил производство.

Лейн всем телом подался вперед.

— Что?

— Позавчера на моем столе лежало письмо, в котором говорилось, что мне не разрешено закупать кукурузу. Нет кукурузы, нет сусла. Нет сусла, нет бурбона, — он пожал плечами и сделал еще один глоток кофе. — Я остановил машины. Впервые после переезда из Канады, во время запрета... я остановил их. Конечно, у меня имеются несколько полных складов, но я просто жду, ни черта не делая при этом. Мне необходимо поговорить с твоим отцом и выяснить, какого черта он задумал. Или Совет директоров что-то задумал? Они решили продать нас китайцам, и чтобы компания лучше выглядела на бумаге таким образом хотят сократить расходы? Но несмотря даже на эту бредовую идею, они не разрешают делать закупки в течение шести месяцев, в то время, когда на бурбон настоящий бум в стране?

Лейн молча слушал, подсчитывая в мозгу, чем это может обернуться.

— Я хотел бы, чтобы Эдвард был здесь, — сказал Мак, покачав головой. — Эдвард никогда бы не позволил такому случиться.

Лейн потер лицо, в голове начиналась ноющая боль. Забавно, но он подумал то же самое.

— Ну... его здесь нет.

— Именно поэтому, если ты не возражаешь, выдай мне сухую одежду, и я попробую найти твоего отца. Я пошлю к черту вашего английского бульдога внизу... и встречу с Уильямом Болдвейном...

— Мак.

— ...и потребую от него ответа, почему...

— Мак?! — Лейн смотрел мужчине прямо в глаза. — Я могу доверять тебе?

Дистиллятор нахмурился.

— Конечно же, можешь.

— Мне нужно попасть в систему компании через компьютер. Мне нужно получить доступ к финансовым документам, реквизитам и годовым отчетам. И главное, что мне необходимо, чтобы ты никому ничего не говорил.

— Ты хочешь... зачем?

— Ты можешь мне помочь?

Мак поставил чашку.

— Чем смогу, тем помогу, да. Однозначно.

— Я подожду тебя внизу в автомобиле, — Лейн поднялся во весь рост. — Я отвезу тебя. Достань костюм в полоску из шкафа...

— Лейн, какого черта здесь происходит?

— Есть вероятность, что это не относится к бизнес-стратегии.

Мак нахмурился, словно он слышал иностранные слова.

— Прости, не понял, что?

Лейн посмотрел в окно, откуда открывался сад и стоящий шатер. Он представил себе людей, которые придут через два часа и очень желающие окунуться в славу и богатство Великой Семьи Брэдфордов.

— Если ты хоть кому-нибудь проболтаешься...

— Ты серьезно? Предупреждаешь меня?

Лейн перевел взгляд на своего давнего друга.

— Может статься, что у нас нет денег.

Мак моргнул.

— Это невозможно.

Направляясь к двери, Лейн произнес через плечо:

— Посмотрим. Костюм в полоску, запомни.

Первым делом, когда Эдвард проснулся то, выругался. Голова болела. Тело ломило от боли он чувствовал тошноту и скованность в движениях. Мозг был...

.... удивительно чистым.

И это было совсем не плохо.

Собравшись с силами, чтобы подняться на ноги, он вспомнил образ той женщины, которая посетила его в ночи. Он еще окончательно не протрезвел — вернее оставался под градусом, если можно так выразиться — поэтому смог полностью погрузиться в ощущения, запах и вкус этой девушки. Сопутствующие факторы могли быть фальшивкой, но именно это и было запланировано и оплачено, но результат был...

«Потрясающий, — подумал он, — это слово лучше всего подходит».

Натянув штаны, он ухватился за трость, тяжело опираясь и покачиваясь. До ванной комнаты было около семнадцати шагов, и он...

Сделав первый шаг, он наступил на что-то, лежащее на полу.

— Какого...? — нахмурившись он наклонился, балансируя на трости, даже не споткнувшись о ковер на полу.

Это был клатч, который был аксессуаром к вечернему платью.

Один из тех маленьких, шелковых, с застежкой со стразами.

Женщина пришла с ним. Он смутно вспомнил, как еще подумал, что именно такой брала с собой Саттон, когда посещала приемы.

Эдвард осторожно наклонился и взял его в руки. Одному Богу известно, что могло в нем быть.

Шаркая ногами обратно в свое кресло, он схватил телефон с тумбочки и набрал номер Бу, взглянув тут же на часы. Семь тридцать. Сутенер только заканчивает ночную смену.

— Алло? — произнес грубый голос. — Эдвард?

— Леди забыла у меня кое-что прошлой ночью. Клатч.

— Уверен?

— Прости, что?

— Ну, видишь ли, я как раз собирался тебе позвонить. Моя девочка, которую я послал к тебе, сообщила, что как только она приехала другая женщина уже отъезжала от твоего дома.

Эдвард нахмурился, предполагая, что неправильно расслышал.

— Прости? — повторил он, единственное слово, которое пришло ему в голову.

— Девушка, которую я послал. Она пришла к тебе в десять часов вечера, но у тебя была уже другая женщина, и уходя, она сказала, что позаботиться о тебе. Она сказала, что придет на следующей неделе. Я не могу вычислить, кто из моих девчонок был у тебя? Можешь открыть ее сумочку и сказать, кто?

Эдвард тут же протрезвел, как будто кто-то приложил лед ему на голову.

— Конечно.

Держа телефон между ухом и плечом, он открыл замок клатча, помада в черном глянцево-м тюбике упала на пол, подпрыгнув. Еще он обнаружил три карточки — он пропустил кредитку Centurion Amex и карту медицинского страхования, остановившись на ID... достав водительские права.

Саттон Смайт.

С ее настоящим адресом проживания.

— Эдвард? Эй? Эдвард, с тобой все в порядке, дорогой?

Должно быть, он застонал в трубку или что-то сделал типа этого.

— Это не одна из твоих девочек.

— Нет?

— Нет. Она..., — любовь всей его жизни. Женщина его мечты. Единственный человек, с кем он поклялся не встречаться. — Моя давняя подруга обвела меня вокруг пальца.

— О, это на самом деле смешно, — Бу хмыкнул. — Ну, ты все еще хочешь кого-нибудь в следующую пятницу?

— Я перезвоню тебе, спасибо.

Эдвард закончил звонок и глянул через плечо на буфет у двери. Конечно же, тысяча долларов лежала по-прежнему там, где он ее и оставил.

— О... бл*дь, — прошептал он, закрывая глаза.

Повесив телефонную трубку, Джин (не после брата, а с другим мужчиной, который ей звонил после Лейна) сидела перед туалетным столиком, подперев голову руками долгое время. Единственные мысли, которые крутились у нее в голове — она так желала вернуться на два дня назад, когда висела на телефоне с этим идиотом из юридической фирмы Самуэла Ти, вешающего ей лапшу на уши, пока ей укладывали прическу и приносили ее бриллианты.

Если бы только она была фантомом, призраком, потому что за ее действиями, похоже, как в домино, стало рушиться все. И она хотела вернуться туда, на два дня назад...

И ее отец все еще пытавшийся выдать ее замуж за того, кто ей ненавистен, но у кого имеются деньги, и Розалинда еще не покончила бы с собой.

Но похоже ей все равно бы не удалось избежать существующей реальности, и это не принесло бы никаких изменений.

Пятьдесят три миллиона долларов большие деньги? С одной стороны, конечно, большие. Очень большие, намного больше, чем большинство людей видело за всю свою жизнь, даже несколько жизней, сто жизней. Но эти деньги висели на радаре ее семья, являясь прямым отклонением от курса. Их перемолят жернова?

А скорее ей светит Гранд Каньон?

Она не могла... не могла представить себе свою жизнь, работая с девяти до пяти. Не мог ее фантом понять лимитирование расходов. Экономии и отказы ее желаниям.

Именно это и произошло с одной ветвью клана Брэдфордов. Еще в конце восьмидесятых, до краха фондового рынка, тетя со стороны ее матери поддалась на шумиху, как потом выяснилось, плохих технологий, вложив акции Брэдфордов. Когда эти «инвестиции» прогорели, не оставив ничего, кроме черной дыры, она в конечном итоге потеряла все.

Это стало поучительной сказкой, которую шепотом рассказывали взрослые, когда дети не слушались.

Поднявшись на ноги, она скинула свой шелковый халат, который упал на пол, Джин перешагнула через него и направилась в гардеробную, вышагивая взад-вперед, она осматривала дизайнерскую одежду, стоимостью в сотни тысяч долларов, поблескивающую бриллиантами и свою маленькую прихоть — ароматические бархатные плечики, поддерживающие платья и блузки с бриллиантами, чтобы они не теряли форму.

Она выбрала красное платье. Красный — цвет крови, однозначно предназначен для боевых действий. Для защиты Орлов из Чарлмонта.

И в этот раз она надела полный комплект нижнего белья.

Она также проверила, выглядели ли ее волосы замечательно в виде «живых волн», которые колыхались при каждом ее движении, хотя ее настроение было катастрофическим.

Она напряженно стала ждать. Наконец, раздался громкий стук в дверь, она осталась сидеть за элегантным французским столиком в своей спальне.

— Войдите, — ответила она.

Появился Ричард Пфорд, его одеколон тут же заполнил комнату, и Джин успокоила себя тем, что по крайней мере пах он не плохо. В остальном смысле она осталась совершенно холодна к нему. Несмотря на то, что его бледно-голубой костюм был сшит из тончайшей ткани, галстук тоже был выполнен на заказ, и в руках он держал котелок, а в туфлях ручной работы он и вовсе напоминал Инхабот Крейна. (*«Сонная Лощина»* (англ. *Sleepy Hollow*) — готический фильм ужасов 1999 года режиссёра Тима Бёртона, вольная экранизация новеллы «Легенда о Сонной Лощине» Вашингтона Ирвинга. Герой фильма, нью-йоркский констебль Икабод Крейн, отправляется в деревню Сонная Лощина расследовать загадочную серию убийств, якобы совершенных мистическим Всадником без головы.)

Но для нее по сравнению с Семюэлем Ти, даже Джо Манганьелло выглядел так, будто ему стоило поработать над собой. (Джозеф Майкл Манганьелло (англ. *Joseph Michael Manganiello*, также известен как Джо Манганьелло (*Joe Manganiello*); род. 28 декабря 1976 года, Питтсбург, США) — американский актёр. Известен ролью Альсида Герво в американском драматическом телесериале «Настоящая кровь».)

— Позволь мне прояснить ситуацию, — сказала она, как только он закрыл дверь. — Я делаю это не ради своего отца. А для всех. И ожидаю, что ты предоставишь выгодные условия «Компании Брэдфорд» по продаже бурбона, как и договаривались раньше.

— В этом и состояло мое соглашение с твоим отцом.

— Сейчас ты заключаешь соглашение со мной, а не с ним, — она поправила волосы. — Мы будем жить здесь. Амелия привыкла здесь жить, и ее комната находится рядом.

— Без проблем.

— Я готова присутствовать в качестве твоей жены на всех общественных мероприятиях. Если же у тебя завяжется роман на стороне, я хотела бы, чтобы ты соблюдал осторожность и сохранил все в тайне...

— Я не собираюсь иметь никаких внебрачных связей, — его голос стал низким. — И ты тоже не будешь.

Джин пожала плечами. Учитывая, как разворачивались события, она не собиралась искать мужчину на стороне, испытывающего к ней какой-либо интерес, наверное, теперь уже в течение достаточно долгого времени.

— Ты слышишь меня, Джин? — Ричард навис над ней. — Тебе не понравятся мои действия, если я узнаю, что ты не уважаешь меня, как мужа.

Джин закатила глаза. Она в течение многих лет водила парней за нос, и ни один даже не заподозрил, что его обманывали, просто она не хотела, чтобы они узнали. Если бы у нее сейчас было бы другое настроение, она бы не стала отказываться от своих привычек, которые ей присущи.

— Джин.

— Да, да, хорошо. Где кольцо?

Ричард полез в карман, достав темно-синюю бархатную коробочку. Он поднял крышку, внутри в совершенной огранки вспыхивали и сверкали изумруды.

По крайней мере, об этом он не лгал. Кольцо действительно было огромным, если оценивать его по шкале Элизабет Тейлор.

— Я уже подготовил официальное заявление, — сказал он. — Мой помощник по связям с общественностью передаст его в прессу, как только я ему скажу. Свадьба будет как можно быстрее.

Она потянулась, чтобы взять кольцо, но он тут же закрыл коробочку.

— Есть еще кое-что, что я хотел бы уяснить.

— Что?

Он схватил ее за плечо.

— Думаю, ты знаешь. И не говори мне, что я должен ждать, когда священник провозгласит нас мужем и женой. Это я не считаю совсем приемлемым.

Джин вырвалась из его хватки.

— У меня совершенно нет желания спать с...

Ричард схватил ее за волосы и дернул к себе.

— Я не намерен покупать «Феррари», чтобы просто любоваться им в своем гараже.

— Убери от меня свои руки...

— Интимность — это священная часть брака, — его глаза опустились на ее губы. — И я готов насладиться ею...

— Отпусти меня!

Он потащил ее к постели.

— ...даже, если ты не хочешь.

— Ричард! — она била его по плечам и по груди. — Ричард, что ты делаешь... я не хочу...

Он зажал ей рот рукой, толкнув на кровать, улыбаясь хищным оскалом.

— Ты же знаешь, что я люблю насилие? Видишь, мы очень даже совместимы, ведь...

Дальше произошло то, что она даже не могла себе вообразить. Она пыталась бороться, но проигрывала ему в силе, он задрал ее платье и сорвал трусики, отбросив в сторону...

И вошел в нее со всей силой.

Джин почувствовала тошноту, но она не собиралась показывать свою слабость, тем самым показывая свое унижение. Она уставилась в потолок, позволяя ему грубо вбиваться в себя, чувствуя жжение и боль глубоко внутри, но она размышляла о платье, которое соответствовало цвету крови.

Она морщилась от боли, ухватившись руками за одеяло.

— Скажи мне, что ты любишь меня, — прорычал Ричард ей на ухо.

— Я не... буду...

Ричард приподнялся вверх и сжал ее горло, она начала задыхаться.

— Скажи мне.

— Я не буду! — с трудом выдохнула она.

Черная ярость отразилась в его прищуренных глазах, и он замахнулся правой рукой...

— Если ты ударишь меня, люди увидят и поползут слухи, — усмехнулась она. — Я не смогу замазать синяк, а я должна присутствовать на Branch. Иначе начнут судачить, почему меня нет.

Она увидела оскал его улыбки... но он опустил руку. И трахал ее с такой яростью, что ее голова ударялась о стену изголовья.

Когда он кончил, он поднялся и надел штаны.

— Я хочу, чтобы ты переоделась. Красный смотрится вульгарно.

— Я не... буду...

Одним быстрым движением он схватил юбку и разорвал ее на две половинки. Затем ткнул пальцем ей в лицо.

— Если ты еще раз оденешь красное, то мы поговорим по-другому. Если хочешь, можешь рискнуть.

Ричард направился к двери, вышел, не сильно хлопнув дверью.

Джин, как только он исчез, начала дрожать всем телом, ее была настоящая дрожь, особенно, когда она взглянула на свои раздвинутые ноги. Присев, она почувствовала поднимающийся комок к горлу.

Ее вырвало, причем не один раз.

Она окончательно опустошила свой желудок, сидя в разорванной юбке... ей удалось не много съесть за прошедшие двадцать четыре часа. Утерев рот тыльной стороной ладони, она почувствовала, как слезы начинают щипать глаза, но она силой воли заставила себя не плакать.

В голове у нее бесконечно звучал голос отца, говорившего — для семьи она совершенно бесполезна, и только муж в лице Ричарда Пфорда — единственное, что она способна сделать хорошего для семьи.

Она собиралась сделать это не для семьи.

Как обычно, она приняла это решение из-за своих корыстных интересов.

После долгого самоанализа, она пришла к единственному фундаментальному утверждению, касательно лично себя: выжить в любом другом мире она была не в состоянии. И на данный момент только Ричард мог предоставить ей тот образ жизни, к которому она привыкла... даже если ее семье, возможно, не удастся «выплыть».

Это будет ей многого стоить, по-видимому... но самоуважение к самой себе она потеряла уже много лет спустя.

Положить свое тело на алтарь в обмен на деньги?

Она согласна, она сделает все, чтобы выжить.

Оглядываясь назад, понимаешь, что этот день был самым лучшим и удачным днем, чтобы разыгрывать Крутых Парней в Старом Офисе Компании.

Лейн припарковался у двухсотлетнего-старого домика и складов для хранения бурбона, вокруг не было ни души. Не было управляющего и обслуживающего персонала. Не было никого, кто бы принимал поставки, и главное не было туристов.

— Твой кофе помог, — сказал Мак, выбираясь из машины.

— Хорошо.

— Ты хочешь узнать что-то особенное?

— То, что не заставит меня приложить пистолет к голове.

Они направились к отремонтированному деревянному дому, Лейн стоял в сторонке, пока Мак прикладывал магнитную карточку к ридеру, дверь открылась. Они вошли внутрь — интерьер светился от старого дерева, тщательно отремонтированного, свет с улицы проникал через стекла с воздушными пузырьками, которые вставили в конце 1800-х годов. Деревянные кресла, ожидали, чтобы на них сели, а раздвижной стол с большим количеством современной оргтехники, сообщал чем была занята помощница Мака.

— Как давно ты не был здесь? — спросил Мастер-дистиллятор, нажимая выключатель.

— На самом деле, день или два, — Мак удивленно оглянулся на него, Лейн пожал плечами. — Мне нужно было подумать, поэтому я пришел сюда и сидел среди бочек. Я использовал старый код.

— Ах. Да, я тоже так делаю.

— Не помогло.

— Для меня тоже это не срабатывает, только однажды, — Мак кивнул в глубину приемной. — Я все еще обитаю здесь.

Офис Мастера-дистиллятора занимал большую часть помещения, и на мгновение, как только Лейн шагнул в это пространство, он закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Мастер-дистиллятор «Компании Брэдфорд Бурбон» был почти мессией не только самой компании, но и всего штата Кентукки в целом, и его кабинет был священным местом — стены были покрыты от пола до потолка этикетками всей продукции, начиная с середины 1800-х годов вплоть до начала 2000-х годов.

— Господи, все также, — Лейн оглядывался по сторонам, рассматривая историю своей семьи. — Мой дедушка приводил меня сюда, когда этот склад стал туристическим объектом. Мне было пять или шесть лет, и он приводил сюда только меня. Думаю, он хотел, чтобы я проникся духом и занялся бурбоном, поскольку Эдвард был итак по своему рождению уже связан с компанией, а Макс не собирался этим заниматься.

— А чем ты занимался все это время? — Мак сел за свой рабочий стол и включил компьютер. — Последнее, что я слышал о тебе, ты жил в Нью-Йорке?

— Покер.

— Прости?

Лейн откашлялся, чувствуя себя неуверенно.

— Я, играю в покер. И сделал большие деньги, выигрывал гораздо больше, если бы я устроился на работу... если учесть, что моя специализация психология, и я не работал всю свою сознательную жизнь.

— Ты хорошо управляешься с картами?

— Очень, — он сменил тему, кивая на стены. — Где твои этикетки?

Компьютер издал длинный звук бииип, и Мак ввел пароль для входа в систему. — Нечего вешать.

— Да, ладно, давай.

— Мой отец создал тридцать пятый — Family Reserve, вон там, — он указал на дальний угол, над полом, — последняя.

Лейн схватил стул и покатил его по отполированному полу.

— Ты должен пополнить коллекцию своими.

— Угу, — Мак восседал на высоком кожаном кресле. — Так что же тебе нужно? Что мне следует искать для тебя?

Лейн подсел рядом к давнему другу и взглянул на сине-зеленое свечение экрана.

— Финансы. Мне нужны отчеты о прибылях и убытках, баланс счетов и трансферы.

Мак присвистнул себе под нос.

— Это выше моей компетенции. Корпораты получили все, что... постой-ка, отчет Совета директоров.

— Что это такое? — Господи, разве он не должен знать?

Мак стал перебирать папки на экране и нашел ту, о которой говорил, открыл файл и отправил его на печать.

— Это материалы, которые раздаются перед заседанием Совета директоров. Высшее руководство получает их... и я, конечно. Все вершится за закрытыми дверями Совета директоров, материалы прибывают за час до начала заседания, не официально и совершенно секретно. Но они смогут тебе дать общее представление о компании... или, по крайней мере, что они говорят о компании.

Пока принтер выплевывал страницу за страницей, Лейн наблюдая за появляющимися листками, нахмурившись спросил:

— Что именно там происходит?

— Там они обсуждают главные вопросов, а также проблем, когда не хотят, чтобы о них кто-нибудь узнал. Ни одна живая душа, понимаешь меня?

— Кто участвует в Совете директоров?

— Твой отец, — из принтера вылезли еще две страницы. — Главный юрист компании. Председатель совета директоров и заместитель председателя. Финансовый директор, Исполнительный директор. А еще специальные гости, все зависит от проблем. Меня пригласили однажды, когда они обсуждали изменение формулы Номера Пятнадцать. Я выступил, должно быть не плохо, потому что такой глупый вопрос с их стороны больше не поднимался. Я выступал достаточно долго, но меня услышали, а потом выпроводили.

— Нельзя узнать заранее повестку дня?

— Хотелось бы мне ее знать. Когда меня вызвали, присутствовало еще четверо других людей, которые были связаны с каким-то планом. Все это управляется офисом твоего отца, из твоего же дома.

Лейн начал собирать бумаги, которые были еще теплыми от принтера. Протокол предыдущего заседания. Присутствующие. Агрейт операции, которых он не понимал.

Ему нужен был переводчик.

Кому он мог доверять?

И более широкий доступ к информации.

Мак стал распечатывать материалы предыдущих трех заседаний Совета директоров. Скрепив каждый в отдельности, он убрал их в файлы.

— Мне нужно одолжить твою машину, — произнес Лейн, посмотрев на кучу бумаг.

— Довези меня до дома, и она твоя. По любому мне следует еще протрезветь, прежде чем сесть за руль.

— Я твой должник.

— Сохрани эту компанию, и мы будем квиты.

Мак протянул свою руку, Лейн пожал ее. Крепко.

— Чего бы это ни стоило. Неважно, даже если кому-то придется пострадать.

Мастер-дистиллятор закрыл глаза.

— Слава тебе, Господи.

Лиззи подумала: «Словно смотришь на экзотических животных в зоопарке».

Стоя у самого края шатра, она наблюдала за великолепными людьми, садящимися и поднимающимися из-за столов, которые она с Гретой сервировала. Разговоры были слишком громкие, в воздухе витал аромат густого парфюма, поблескивали драгоценности. Все женщины были в шляпах и туфлях, фактически без каблука. Мужчины — в светлых костюмах, на некоторых были галстуки и котелки.

Это были своего рода сказкой, в которой они хотели жить.

Однако, она знала настоящую правду. После стольких лет, проработав в Истерли, ей было хорошо известно, что богатые были также не застрахованы от трагедий.

Аура роскоши, в которой они находились, создавала для них некую иллюзию, позволяющую предположить другое.

Боже, хотя бы беря во внимание те таблицы, которые оставила после себя Розалинда.

— Достаточно одного взгляда, не так ли?

Лиззи посмотрела через плечо.

— Мисс Аврора... не могу поверить, что вы здесь. Вы никогда не покидаете кухню во время завтрака.

Усталые глаза женщины проšliсь по гостям, обратившись к официантам, разносившим мятный джулеп в чашах из стерлингового серебра на таких же серебряных подносах.

— Они выносят мои блюда.

— Конечно, выносят. Ваше меню очень изыскано.

— Как погляжу, бокалов для шампанского хватило.

Лиззи кивнула, рассматривая толпу.

— Компания, сдающая в аренду, доставила нам около сотни бокалов. Официанты — молодцы.

— Где твой партнер?

На долю секунды, Лиззи подумала, что ее спрашивают про Лейна, в которого она опять влюблялась... Она знала о нем только, что он уехал с Эдвином МакАллан, Мастером-дистиллятором около часа назад. Или может двух часов?

— Грета вон там, — она указала на противоположный угол. — Она следит за фужерами. Говорит, что находит использованные, выискивая их, как пасхальное яйцо, по-настоящему охотясь за ними. Или... по крайней мере, кажется, она сказала мне что-то подобное. В ее последней речи присутствовало очень много немецкого... обычно это не очень хороший знак.

Мисс Аврора покачала головой.

— Я спрашивала тебя не о ней. Мне было приятно наблюдать за тобой и Лейном у меня на кухне.

— Ах..., — Лиззи откашлялась. — Я не знаю, что и сказать.

— Он хороший мальчик, знаешь ли?

— Послушайте, мисс Аврора, между нами ничего такого нет, — если не учитывать восемь часов секса накануне вечером. — Он женат.

— В данный момент, да. Эта женщина — мусор.

«Не могу не согласиться», — подумала Лиззи.

— Ну...

— Лиззи, ты ему очень нужна.

Лиззи подняла ладони кверху, пытаясь остановить разговор.

— Мисс Аврора, он и я...

— Ты собираешься помочь ему? Много лежат на его плечи.

— Так вы знаете? Обо... всем?

— Ему нужен кто-то, кто честно выражает своим мысли, — лицо мисс Авроры стало мрачным. — Он хороший мужчина, но окажется в ситуации, в которой никогда не был и будет нуждаться в тебе.

— Что сказала вам Розалинда?

Прежде чем мисс Аврора смогла ответить, высокая, эффектная брюнетка двинулась к ним из толпы. Она остановилась, а не прошла мимо, протянув руку.

— Лиззи Кинг, меня зовут Саттон Смайт.

Лиззи сначала отшатнулась, но потом пожала ее руку.

— Я знаю, кто вы.

— Я хотела бы выразить вам, насколько невероятно красивы сады. Удивительно! Вы и госпожа фон Шилбер настоящие кудесники.

Женщина настолько открыто, без фальши, смотрела на нее... в ней не было ни грамма фальши, которая была так присуща Шанталь в общении с обслуживающим персоналом.

— Приятно слышать.

Саттон сделала глоток из чаши с мятным джулеп, и огромный рубин на правом безымянном пальце сверкнул.

— Я хотела бы, чтобы ты преобразила сад в моем поместье, но...уважаю границы. Я хотела выразить словами, насколько уважаю ваш талант.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Саттон улыбнулась и пошла прочь... или, по крайней мере, попыталась удалиться ото всех. Она ушла не далеко, поскольку вокруг нее все время толклись люди, женщины оценивали ее наряд, а мужчины оценивали ее нефинансовые активы.

— Знаешь, — пробормотала Лиззи, — она, на самом деле, хороший человек.

Когда ответа не последовало, Лиззи оглянулась. Мисс Аврора заходила в двери своей кухни, медленно и неуверенно, покачиваясь, словно у нее болели ноги, наверное, они на самом деле болели. Плюс, она находилась совсем недавно в реанимации, сколько дней назад?

Лиззи была рада, что шеф-повар вышла, чтобы лицезреть результат их коллективных усилий. Возможно в следующем году, они смогут ее заставить остаться подольше.

В середине пята, за столом сидела Шанталь с семьей другими женщинами, все вместе

они были похожи на ярких птиц, в дорогом оперении, оплаченное деньгами их мужчин. В двадцать лет, выпорхнув из родительского дома, сейчас уже они напоминали восковых фигур, перемешавшихся между собой.

На самом деле они проделывали огромную работу над собой: их профессия заключалась в продолжении рода, оставаясь привлекательными и великолепными для своих мужей.

Они напоминали кобыл, которые рождали чистокровок, и которым предстояло выступить в гонке сегодня через пару часов.

Лиззи вспомнила про свою ферму, купленную на свои деньги, поэтому никто не сможет отнять ее у нее... она заработала ее своим трудом.

Это было гораздо лучше, чем вечно приклоняться перед кем-то.

Она достала мобильный и проверила не было ли смс-ки от Лейна, успокаивая себя тем, что у них с ним все по-другому. Ей не нужны его деньги, не его положение, но она не собиралась ему звонить или писать первой.

Телефон молчал, у нее заныло в груди, она постаралась игнорировать его молчание, подальше засунув телефон в карман.

Между ней и Лейном все было по-другому.

Черт побери. С чего она решила, что они опять вместе?

Самюэль Ти прореживал линию кучи машин у подножия холма Истерли, пробираясь на своем Ягуаре через мерседесы, ауди, порше и лимузины, пока парковщик усиленно махал ему флажком, чтобы он остановился.

Неа. Он не собирался останавливаться и припираться с плебеем. И будь он проклят, если он отдаст свою девочку в руки шестнадцатилетнего подростка, который был обязан куда-нибудь ее приткнуть, как мелкую сошку, оставив в болоте на обочине.

Достигнув вершины холма, он кинул еще один взгляд на парковщика, пытающегося привлечь его внимание, маша флажком, и уставился на людей, идущих широким шагом от фургона, остановившегося перед домом. Он направился к гаражам, где и припарковался параллельно задней стенке Истерли, заглушив мотор... и тут же услышал возгласы вечеринки с противоположной стороны сада, звук шагов, переходящий в постоянный гул, как в симфонии, в преддверии к великому и грандиозному солу.

Через какое-то время он рискнул выйти из машины.

«Я люблю тебя, Самюэль Ти, с тех пор, как мы были подростками и до сих пор».

Или она сказала что-то в этом роде. Он не мог вспомнить точно ее слов, потому что, когда она их произносила, он был слишком занят, пытаясь не потерять рассудок.

Боже, что он пережил с этой женщиной. Все эти годы они подкалывали друг друга. И она была конечно же права. Он специально встречался с официантками и парикмахершами, чтобы позлить ее, естественно, они не нравились ей, и он, действительно, сравнивал каждую женщину с ней... и да, они все до нее не дотягивали.

Он спал всего лишь час, может два, этот разговор не давал ему покоя и все время крутился в голове.

В конце концов, единственная вещь, по прошествии столького времени поразила его больше всего. На протяжении многих лет он видел Джину в сто тысяч разных настроениях, но плакала она только однажды. Это было... около пятнадцати лет назад, когда он только поступил в Университет Вирджинии, а она была первокурсницей в Sweet Briar. Он приехал домой на каникулы перед Пасхой, в основном из-за родителей, и совсем немного из-за Джины. Естественно, они виделись друг с другом.

Это был их маленький мирок. Особенно, когда хотелось совместить свой путь с кем-то из Чарлмонта, Кентукки.

И дальше все было несколько странно. Джин не ходила ни на какие вечеринки, куда ходил он с ее братьями. Ему пришлось найти причину и играть с ними в баскетбол... но фактически играть с ними в баскетбол он мог в любое время за гаражами. Оставив Макса и Лейна, всего лишь вступив на корт, он обнаружил ее у бассейна, одетую в толстовку и шорты. Она выглядела ужасно... рассказав ему, что она взяла перерыв в университете Sweet Briar, вернувшись домой. Ей не нравилось в университете. Она хотела остаться дома.

Не удивительно. Своевольная девица, ее реально было трудно представить, добросовестно придерживающейся какого-либо расписания, изучающей важные предметы, над которыми следовало трудиться. Она гораздо лучше подходила для роли, для которой была рождена и воспитывалась: Леди Великого Дома.

Они продолжили спор. Они всегда заканчивали все спором.

И он в бешенстве умчался.

Он намеревался оставить ее одну, но, как обычно, не смог, и прежде чем выйти из сада, оглянулся.

Джин сидела на том же месте, обхватив голову руками, и плакала.

Он пошел назад, но она вскочила и ринулась в дом, плотно закрыв за собой французские двери.

После этого он не видел ее около года. Даже в забавном двадцатилетнем возрасте, он признался себе, что вместе им было трудно. Но несмотря на это он не мог справиться с возбуждением к ней. Он никогда не мог сопротивляться ей в сексуальном плане.

Самуэль Ти обдумывал ее слова, сказанные накануне... и ее слезы, стояли у него перед глазами.

«Что если... она не играла с ним?»

Сама мысль его просто ужаснула.

Может она не отошла от шока? Он готов был отказаться от боевых действий с ней. Насколько это возможно, но его гордость требовала ответов на некоторые вопросы — зачем она все это ему сказала, и на действительно ли она... он уговаривал себя, что не будет считать это своим поражением, даже если она не сложит свой меч, в тот момент, когда он перейдет к перемирию.

Правда? Он пытался обмануть сам себя, если предполагал, что на планете существует кто-нибудь еще столь же взбалмошный, избалованный, как эта заноза в заднице.

Она держала в своих ладонях его сердце с того первого дня, как он только положил на нее глаз.

Выбравшись из своего автомобиля, он провел по волосам, застегнул на все пуговицы розо— светло-голубую с желтым в клетку спортивный китель. Потом наклонился, взял шляпу дерби с сиденья и водрузил идеально ее на голову.

Он присоединился к вечеринке через ближайшие ворота, ведущие в сад.

— А вот и он!

— Самуэль Ти!

— Мятный джулеп для тебя!

Его дружки, джентльмены, которых он знал еще с детства, подходили к нему, хлопая по ладони, обсуждая предстоящие скачки, предлагая посетить вечеринку, которая будет позднее вечером и затянется до утра воскресенья. Он отшучивался, его глаза прочесывали толпу.

— Извините меня, — сказал он.

Он не стал дожидаться их ответа, выбираясь из шатра, обходя официантов с подносами и людей, которые приветствовали его, а несколько женщин стремились присоединиться к нему.

Наконец, он отыскал ее, стоявшую в одиночестве и смотревшую на реку.

Приблизившись, он осматривал изящные изгибы Джин в шелковом платье, задержавшись на ее открытых плечах. По непонятной ему причине, она повязала длинный шарф вокруг шеи, концы которого развевались на ветру, создавая крылья, опускаясь вниз к ее невероятным ногам.

Он ненавидел это ощущение, когда его сердце начинало с такой силой биться в груди. Он презирал себя за то, что ему даже пришлось незаметно вытереть вспотевшие ладони о шлицу пиджака. Молясь про себя, что он хоть раз смог правильно понять ее слова..., что она, единственный раз за все время была честна с ним, говоря от всего сердца... и они действительно готовы, наконец-то, к реальным отношениям друг с другом.

— Джин?

Она не обернулась, продолжая все также стоять и смотреть на реку, и он дотронулся до ее руки...

Она дернулась и быстро повернулась кругом, и ее мятный джулеп обрызгал его китель, оставив мокрую дорожку у него на животе.

Но его это совсем не волновало.

— Сильно нервничаешь? — протянул он, пытаясь восстановить свое самообладание.

— Прости, — она потянулась к нему с салфеткой с монограммой. — О, я испортила...

— Перестань. У меня есть запасной в багажнике.

Он всегда потел в машине, когда гнал по трассе, и черт побери, если ему придется провести оставшийся вечер в таком виде.

— Итак, готов к великому дню? — спросила она, когда он снял китель.

Он перекинул его через руку, обратив внимание, что она старается не встречаться с ним глазами.

— Ну? — подсказала она. — Мой брат выставляет лошадь на скачки. Может даже две? Жеребца осеменителя того непокорного ублюдка Нибеканзера.

Но она по-прежнему не смотрела ему в глаза.

Выдохнув, он пробормотал:

— Я терпеть не могу прыгать с парашютом.

Его слова заставили ее поднять взгляд, но только на мгновение.

— Что?

Потом ее голубые глаза вернулись к реке, он выругался.

— Послушай... Джин.

— Да?

«Она такая тихая», — подумал он. И маленькая по росту по сравнению с ним. Забавно, он никогда не замечал разницу в росте, когда они занимались сексом... почти на сто фунтов меньше и на шесть дюймов ниже, но ее рот был просто сексуальным как ад.

Он сделал глубокий вдох.

— Я все думал о том, что ты сказала вчера. Честно... ты права. Абсолютно правы. Во всем.

Он не знал, что ему от нее ожидать в ответ... но ее плечи как-то поникли. Она, казалось, окончательно побежденной.

— Я ничем не лучше, чем ты, — сказал он. — Но я хочу... ну... черт, Джин, я люблю...

— Стоп, — выпалила она. — Ничего не говори. Пожалуйста... не сейчас. Не...

— Доброе утро, Самуэль Ти, как поживаете?

Появление другого лица произвело эффект на него, словно он увидел летающий дом.

Ричард Пфорд обнял Джину за талию и продолжил в том же духе:

— Ты уже поделилась отличной новостью, дорогая?

Впервые в своей жизни Самуэль Ти почувствовал холодок ужаса, который, учитывая некоторые вещи, совершенные им за последние два десятилетия, кое-что да значил.

— И что бы это могло быть? — протяжно заставил он себя поинтересоваться. — Вы двое открыли прибыльный бизнес по продаже органов через Интернет?

Блестящие маленькие глазки Пфорда стали колючими.

— У тебя такое живое воображение. Уверен оно несомненно помогает твоим клиентам.

— С твоим чувством этики в бизнесе, я бы не стал бросать камни в стеклянный дом,

Пффорд, — Самюэль Ти посмотрел на Джин, чувствуя как грудь сковал холод. — Итак, ты что-то хотела мне сказать, не так ли?

Она не успела ответить, Пффорд взял ее за левую руку и выставил ее вперед.

— Мы собираемся пожениться. На самом деле, в понедельник.

Самуэль Ти моргнул один раз, но потом улыбнулся.

— Прекрасные новости. По-настоящему прекрасные... и, Ричард, позволь мне первым поздравить вас. Она трахается как дикий зверь, особенно когда ты берешь ее сзади,... но уверен, ты уже в курсе. Половина страны в курсе.

Ричард начал усиленно пыхтеть, Самюэль Ти наклонился и поцеловал Джину в щеку.

— Ты выиграла, — прошептал он ей на ухо.

Отвернувшись от счастливой пары, он направился к своим друзьям. Схватил два мятных джулеп у проходившего мимо официанта. Выпил их, словно это была простая вода.

— Что у тебя на лице? — кто-то спросил его.

— Прости?

— У тебя текут слезы?

Он провел рукой по глазу, чувствуя влагу и нахмурился.

— Забрызгал выпивкой.

Один из его друзей по братству начал смеяться.

— Какая-нибудь женщина, наконец, плеснула тебе в лицо выпивкой? Давно пора!

— Я получил по заслугам, все правильно, — сказал он, пребывая в оцепенении, и хватая третий джулеп. — Но не переживайте, господа. Я возвращаюсь в строй.

Друзья взревели, мужчины улюлюкали, кто-то тут же притянул к нему женщину. Она обняла его за шею и прижалась к нему, он глубоко поцеловал ее, она предлагала себя, а он был не против, несмотря на то, что кругом было полно народу.

— О, Самюэль Ти, — прошептала она ему в губы. — Я вечность ждала, чтобы ты меня поцеловал.

— Я тоже, дорогая. Я тоже.

Она не достаточно хорошо его знала, поэтому не услышала в его голосе безжизненных ноток. И его совершенно не волновал ее энтузиазм в данный момент.

Он должен был сохранить свое лицо любым способом перед другими... или же он не выживет больше ни одной чертовой минуты.

Джин преуспела в своей игре, нежели он. Ей все-таки удалось расбить его сердце на тысячу осколков, он должен был отдать ей должное.

Лейн проехал на пикапе Мака через каменные столбы с надписью Red & Black Stables въехав в аллею, которая, казалось, протянулась на сто миль, конюшни и здания были далеко впереди.

За ним поднималась пыль от дороги в утреннем солнечном свете.

Он видел ее, посматривая в зеркало заднего вида, проверяя не следили ли за ним.

Перед самым большим сараем была выложена по кругу дорожка из булыжников, и он припарковался в сторонке на траве. Он вышел из машины, и черт побери, оставил ключи в замке зажигания, поскольку не было причин от кого-то закрываться.

Глубоко вздохнув, он почувствовал, что вернулся в детство, когда приходил сюда во время летних каникул, убирать в стойлах навоз. Его дедушка с бабушкой верили, что воспитывать нужно трудом. Его родители меньше заботились об этом.

Направляясь к коттеджу сторожа, он с трудом мог поверить, что его брат на самом деле

жил в таком скромном жилище. Эдвард всегда отличался силой энергии, движущейся, что-то совершающей, завоеывая, достигая победы, будь то спорт, бизнесе или женщины.

А теперь... это совсем маленькое строение? И здесь жил он?

Лейн подошел к двери и постучал по сетке в дверном экране.

— Эдвард? Ты здесь, Эдвард?

Как будто он мог быть в другом месте?

Тук, тук, тук.

— Эдвард? Это я...

— Лейн? — раздался приглушенный голос изнутри.

Он откашлялся.

— Да, это я. Мне нужно поговорить с тобой.

— Подожди.

Дверь в конце концов открылась, Лейн увидел перед собой старика, а не своего брата: Эдвард так похудел, что джинсы на нем болтались, и как у старика выпирали берцовые кости, он немного горбился от постоянной боли, которая необратимо искривила его позвоночник в сторону.

— Эдвард...

В ответ он услышал мычание и взмах рукой, призывающий войти внутрь, когда он открыл экран из сетки.

— Прости, но я сяду обратно в кресло, — сказал Эдвард, возвращаясь к креслу, в котором о явно сидел до этого. — Стоять не могу.

Стон был наполнен мукой, когда он опустился в кресло.

Лейн закрыл дверь. Засунул руки в карманы брюк. Старался не смотреть на изуродованное лицо своего брата.

— Итак...

— Пожалуйста, не беспокойся, можешь сказать насколько хорошо я выгляжу.

— Я...

— Фактически, можешь просто кивнуть и уйти обратно. Не сомневаюсь, это мисс Аврора послала тебя сюда, чтобы ты мог подтвердить тот факт, что я все еще дышу.

— Она не очень хорошо себя чувствует.

Его слова привлекли внимание брата.

— Что с ней?

Лейн быстро все рассказал: про реанимацию, как она теперь выглядит, потом, про бранч, который она обслуживала.

Глаза Эдварда стали не такими напряженными.

— В этом вся она, все правильно. Она переживет всех нас.

— Думаю, она хотела бы увидеться с тобой.

— Я никогда не вернусь в тот дом.

— Она могла бы приехать сюда.

После долгого молчания, Эдвард качнулся назад.

— Ты на самом деле думаешь, что увидев меня, пойдет ей на пользу? — и прежде чем Лейн смог ответить, Эдвард продолжил:

— Кроме того, я не принимаю посетителей. Говоря о развлечениях, почему ты не наслаждаешься The Derby Brunch? Я получил приглашение, мне показалось это иронично. Я даже не удосужился ответить... ужасные манеры, но в моем новом воплощении, манеры и

все социальные шутки для меня стали анахронизмом, словно из другой жизни.

Лейн передвигался по комнате, разглядывая кубки.

— О чем ты думаешь? — спросил Эдвард. — Ты никогда не отличался молчанием.

— Я не знаю, как это сказать.

— Попробуй сначала. Используй существительное или же имя собственное, если оно только не «Эдвард». Уверяю тебя, я совершенно не заинтересован в проповеди, что мне следует привести свою жизнь в порядок.

Лейн повернулся и приблизил свое лицо к брату.

— Это касается отца.

Эдвард полуприкрыл глаза.

— А что с ним?

Образ Розалинды, сидящей в кресле и голос Шанталь сообщаящий Лейну, что она беременна и не собирается уезжать из дома, возник перед ним.

Губы Лейна, вытянулись в злостную улыбку.

— Я ненавижу его. Я ненавижу его, бл*дь, с такой силой. Он разрушил всех нас.

Прежде чем он начал рассказывать, Эдвард положил свою ладонь на колено и выпустил измученный вздох.

— Ты не должен так говорить. Я хочу узнать, как ты узнал это?

Лейн нахмурился.

— Постой, ты знаешь?

— Конечно, знаю. Я же был там.

«Нет, нет», — подумал он в шоке. Эдвард не мог участвовать в краже денег, делая такие долги... разворовывая. Этот мужчина был не только блестящим бизнесменом, но он был таким же честным, как бойскаут.

— Ты не мог... нет, — Лейн покачал головой. — Пожалуйста, скажи мне, что ты не...

— Не будь настолько наивным, Лейн.

— Розалинда умерла, Эдвард. Она вчера покончила с собой в своем кабинете.

Теперь была очередь Эдварда выглядеть удивленным.

— Что? Почему?

Лейн вскинул руки вверх.

— Ты думаешь, это не повлияло на нее?

Эдвард нахмурился.

— Что за черт ты несешь?

— Деньги, Эдвард. Господи Боже мой, не будет тупым...

— Почему тот факт, что отец не заплатил за меня выкуп должен повлиять на нее?

Лейн перестал дышать.

— Что ты сказал?

Эдвард потер глаза, у него болела голова, даже можно сказать ломило весь череп. Он дотянулся до бутылки с Бифитером, стоящей рядом и сделал большой глоток прямо из горла.

— Нам стоит поговорить.

— Он не заплатил за твое освобождение?

— Конечно, нет. Он же всегда ненавидел меня. Я бы даже не удивился, что похищение — это его рук дело.

Лейн молча моргал, стоя перед ним, уставясь во все глаза на брата, как в пробке в час пик.

— Но... он сообщил прессе... и нам... что вел переговоры с похитителями...

— И я слышал все, что он говорил на другом конце телефона. Все было несколько по-другому. И могу тебя заверить, предполагались... последствия... если он не выполнит их требования.

Лейн просто зарычал и воскликнул:

— Они могли убить тебя!

После очередного глотка, Эдвард расслабился в кресле и взглянул на него.

— Разве ты еще не понял, брат... они и убили меня. Теперь, что за черт ты несешь?

Джин чувствовала какое-то странное, ранее неизведанное состояние, будто она была под кайфом, пока передвигалась со своим новым женихом среди гостей, кивая знакомым, которые попадались ей на глаза.

Ощущение, словно она находилась в коконе из ваты, окутывающем все ее тело, напоминало будто она вдупель напилась или наглталась целой упаковки Ксанакса, она видела окружающих, как в замедленной съемке, сквозь пелену, и ее тело утратило все восприятие, замерло, словно заледенело.

Ричард рядом с ней, со стороны казался очень внимательным, сообщая всем о помолвке, на его лице отражалась гордость, как у человека, который только что приобрел новый дом в Вейле или яхту. Он, казалось, совершенно не замечал ее шока, с которым она пыталась совладать... или, скорее всего, его это совсем не заботило.

«Ты выиграла».

В голове у нее постоянно крутились слова Самюэля Ти, она сделала глубокий вдох.

«Время неумолимо бежит вперед, — подумала она. — А сейчас время было всем».

И деньги.

Самуэль Ти и его друзья были очень богатыми по любым меркам, но у них не было необходимых пятидесяти или шестидесяти миллионов, чтобы залатать дыру в балансе ее семьи. Только Ричард Пфорт IV имел такие деньги, и Джин собиралась воспользоваться своей новой ролью, в качестве жены это ублюдка и помочь своим близким.

Но ей придется подождать, пока у нее не будет кольца на...

Он крепко сжал ее локоть, и она обратила на него внимание.

Ричард наклонился к ней.

— Я сказал, пойдём сюда.

— Я хотела бы на минуточку пойти в дом.

— Нет, ты останешься со мной здесь.

Глядя ему прямо в лицо, она сказала:

— У меня пошла кровь между ног, и ты знаешь почему. Я с трудом могу игнорировать этот факт.

У него на лице отразился шок и отвращение, которое она уже ненавидела.

— Да, позаботься об этом.

Он произнес эти слова так, словно ее тело было машиной с вмятиной, которую следовало отремонтировать.

Проходя мимо людей, она слышала их слишком громкие разговоры о ее свадьбе и такой же слишком громкий смех, что был для нее причиной еще большего беспокойства... и в таком рассеянном состоянии она вошла в прохладный холл Истерли, с интерьером в спокойных тонах.

У нее пошла кровь, после секса с Ричардом. Но она уже позаботилась об этом, используя прокладки.

Нет, она вошла в дом по другой причине.

И она знала, куда ей следовало пойти.

В последний раз у нее был секс в этом доме (если не учитывать быстрый трах в саду вчера вечером, и того, что произошло в ее спальне только что) два года назад: она перестала

предаваться сексуальной возне в Истерли, как только Амелия стала постарше, чтобы ее дочь не узнала, что за шлюхой была ее мать.

Не стоило дорогой дочери быть свидетелем ее шалостей, об этом могли ей рассказать и другие, причем, рассказать многое о ее непутевой матери. По крайней мере, Джин всегда так думала, что если что, она сможет все отрицать.

Но... два года назад, в четверг вечером, после беспрецедентно скучного ужина, она кралась... в винный погреб.

И сейчас ступая по коридору для обслуживающего персонала, она прошла мимо офиса Розалинды... и мистера Харриса, вернее, дворецкого, и главного бухгалтера... открыла широкую дверь, ведущую вниз в подвал.

Она совсем не удивилась, когда заметила, что там горит свет.

Существовала единственная причина, по которой там мог гореть свет, так как бурбон, шампанское и Шардоне было доставлено уже на кухню для бранча, и конечно же совершенно не предполагалось пополнить запасы кухонные запасы из частной коллекции семьи, повода не было.

Она тихо спускалась вниз, зная все скрипучие деревянные ступеньки наперечет, которые выучила, еще будучи подростком, воруя бутылки из глубин огромного погреба. Достигнув нижней ступеньки лестницы, она скинула туфли и поставила их в сторонку. Неровный шероховатый бетон охлаждал подошвы ног, а в носу свербило от затхлости воздуха, она с трудом сдерживалась, чтобы не чихнуть.

Двигаясь вглубь подвала, построенного в сороковых годах со стенами под прямым углом, она бесшумно передвигалась, обхватив рефлекторно себя руками, здесь было прохладно.

Она по-прежнему ничего не чувствовала.

Винный погреб был отделен от большого подвального помещения пуленепробиваемыми стеклянными стенами, укрепленные полированными деревянными опорами и дверью, открывающаяся с помощью кода. Внутри, находилась комната, поблескивающая панелями красного дерева, с самодельными полками с тысячами бутылок бесценного вина, шампанского и ликера, защищенных от смены температуры, пожаров и воров.

В центре стоял стол для дегустации, окруженный красными стульями... и она была права, стол использовали, но не по назначению.

На нем происходила дегустация другого вида.

Жертвенный агнец Самюэля Ти растянута на глянцевой поверхности стола, ее светлые волосы свисали с края, ее обнаженное тело поблескивало в слабом свете медных светильников. Она была совершенно голая, платье персикового цвета небрежно брошено на стул, а голова Самюэля Ти была у нее между ног, сжимая руками ее бедра, пока он работал над ней.

Отступив в темный угол, Джин сначала наблюдала за ним, а потом перевела взгляд на женщину. Грубо он освободил свою эрекцию и вошел в нее.

Женщина громко закричала, ее хриплый голос слышался даже на другой стороне, через стекло.

В этот раз Джина не стала представлять себя на месте этой женщины.

Она много раз наблюдала за ним, когда он занимался сексом с кем-то другим... иногда он знал об этом, иногда нет... и, неизбежно, ее тело всегда откликалось, представляя, как будто это она под ним, над ним или зажата к стене.

Сейчас нет.

Ей было слишком больно.

Она понимала, что больше никогда не получит его.

Ты выиграла.

После стольких лет борьбы, она сдалась первой... но он не поверил ей. И когда, наконец, принял всерьез ее слова, события уже были против них.

Он не собирался больше играть с ней в эту игру. Она видела его решимость, когда он высмеял ее признание в любви за день до этого... и последний гвоздь в гроб их отношений был вбит сейчас в саду.

Это был конец.

Джин тихо продолжала стоять на своем месте, пока он не кончил и ей пришлось сморгнуть слезы, как только его голова откинулась назад, шея напряглась, а тело сильно дергалось еще четыре раза. Неудивительно, но на его лице не было никаких признаков удовольствия, освобождения, судя по всему, освобождение получило только его тело.

Он по-прежнему оставался таким же мрачным, как и она, и в его затуманенных глазах засела пустота.

Женщина продолжала биться в спазмах, которые выглядели уродливо, и видно не были уловкой: милая девушка хотела произвести на него неизгладимое впечатление, с выражением страсти на лице, надеясь, что это станет началом чего-то серьезного, но позу и играть порнозвезды трудно сохранить, когда Самюэль Ти находился внутри тебя.

Джин отошла на шаг назад, потом еще, пока не уперлась спиной к холодной, влажной стене.

Она знала, что закончив, он быстро уйдет отсюда.

И он действительно так и сделал.

Спустя пару секунд щелкнул замок, дверь открылась, и Джин вжалась в стену, опустив глаза и не дыша.

— Хорошо, — Самуэль Ти отметил своеобразным тоном. — Мне понравилось.

— Ты не сможешь надеть мне платье?

— Ты сама можешь надеть его, — он уже выходил из комнаты. — Давай, нам лучше убираться отсюда.

— Постой! Подожди меня!

Послышалось хихиканье. Потом раздался звук цокающих каблучков, когда женщина бежала за ним, стараясь его догнать.

— Ты не возьмешь меня за руку? — спросила женщина.

— Конечно, с удовольствием.

Затем раздался чмокающий поцелуй, и звуки шагов, раздающиеся эхом, стали отдаляться.

Через некоторое время Джин вышла из тени. В винном погребе горел свет, это было совершенно не похоже на Самуэля Ти. Большинство не знало, что он был рабом своих навязчивых привычек — все должно быть в порядке. Несмотря на то, что он вел жизнь плейбоя, он был помешан на контроле, все вещи должны находиться в определенном месте. Начиная от костюмов, которые он носил и хранил у себя в авто, от его юридической практики и фермы, от его спальни к кухне и ванной комнаты, он был мужчиной, контролирующим все, все должно находиться на своих местах.

Она знала правду и видела, как он заикливался на своих привычках, от которых время

от времени, ей удавалось его увести.

Она так желала разделить с ним близость не один раз, что готова была рискнуть жизнью своего единственного ребенка...

Она поежилась. Но не от холодного воздуха и сырости.

А от непреодолимого чувства, что она действительно уничтожила все хорошее, у нее перехватило дыхание. Она прислонилась к стеклянной стене винного погреба и сползла на бетонный пол... и заплакала.

Эдвард выслушал рассказ Лейна о финансах семьи, новость, что их мать признана недееспособной, и, наконец, подробности самоубийства Розалинды от болигола, он удивился сам себе... испытывая всего лишь праздное любопытство, но не более того.

Не потому, что ему было все равно.

Он всегда беспокоился о своих братьях и сестре, родственные связи не могли испариться, несмотря на то, что он пережил.

Но чередой плохих новостей, были сродни взрывам, происходящим там, где-то далеко, озаряющим и грохочущим опять же где-то вдалеке, которые конечно же привлекли его внимание, но не на столько, чтобы заставить покинуть это кресло... в буквальном и фигуральном смысле слова.

— Поэтому мне нужна твоя помощь, — заключил Лэйн.

Эдвард поднял бутылку ко рту. Но на этот раз, он не выпил... опустил ее вниз.

— В чем именно?

— Мне нужен доступ к реальным финансовым файлам... а не те которые приукрашены для Совета директоров и прессы.

— Я больше не работаю на компанию, Лэйн.

— Не говори мне, что ты не можешь зайти на сервера, если захочешь.

Лэйн был прав. Именно Эдвард настоял в свое время усовершенствовать компьютерные системы.

Наступила долгая пауза, потом Эдвард сделал еще один глоток джина.

— У вас еще полно денег. Твой трастовый фонд, Максвелла, Джин придется подождать всего лишь год или два...

— Пятьдесят три миллиона долларов из трастового фонда должны оказаться на месте через две недели, Эдвард.

Эдвард пожал плечами.

— Должно быть Монтеверди выдал необеспеченный ничем кредит, поэтому так волнуется. Не бойся, он не заявится к тебе домой.

— Монтеверди может обратиться в прессу.

— Нет, не может. Если он выдал беззалоговый кредит на такую сумму, воспользовавшись трастовым целевым фондом, то он сделал это за спиной Совета директоров и нарушая федеральные законы, по которым действует его трастовая компания. Если долг не погашен по графику, единственное, что ожидает Монтеверди, если он даже попробует публично заикнуться об этом — досрочный выход на пенсию, где он сможет много времени уделять своей семье, — Эдвард покачал головой. — Я понимаю твое желание узнать больше, но не уверен, что ты должен с этим разбираться. Долг не твой, поэтому не следует беспокоиться. Ты же живешь на Манхэттене. Почему у тебя вдруг появился такой внезапный интерес к тем людям, которые живут в Истерли?

— Они — наша семья, Эдвард.

— И что?

Лэйн нахмурился.

— Я понимаю, что ты не испытываешь сыновних чувств к Уильяму Болдвейну. После того, как он обращался с тобой все эти годы, но как ты можешь так говорить? Но... что

насчет дома? Земли... бизнеса? Матери?

— Компания «Брэдфорд бурбон» имеет миллиардную годовую прибыль. Даже если ты возьмешь в долг, не беря во внимание прибыль, к примеру, в личный долг пятьдесят или даже сто миллионов, это не будет катастрофой, учитывая, сколькими акциями владеет семья. Банки дадут кредит от шестидесяти до семидесяти процентов от стоимости инвестиционного портфеля... ты мог бы вернуть эту сумму сам, причем легко.

— А что если это не единственная сумма, которую взяли в долг? И не должен ли отец понести ответственность? И я снова тебя спрашиваю, а как же мама?

— Если бы я провалился в кроличью нору, желая провести суд над нашим отцом, я бы стал душевно больным. Последнее, что я слышал о матери, она не вылезала из постели, только лишь, чтобы принять ванну один раз в три года. Находится ли она в Истерли или в доме престарелых, разницы нет, — Лейн выругался, Эдвард снова покачал головой. — Мой тебе совет — последуй моему примеру и дистанцируйся от всего. Мне не куда больше уехать, на самом деле... но у тебя, по крайней мере, есть Нью-Йорк.

— Но...

— Не совершай ошибки, Лейн... они съедят тебя живьем, особенно если ты последуешь этой дорогой справедливости, которую выбрал, — он замолчал, почувствовав на краткий миг жуткий страх. — Ты не выиграешь, Лейн. Определенные... действия... проделывались в отношении людей в прошлом, пытающихся разрешить «неудобные» вопросы. Также пострадали некоторые члены семьи.

Эдвард точно знал об этом.

Лейн подошел к окну, смотря на занавески, словно окна были открыты.

— Так ты не поможешь мне?

— Я говорю тебе, что путь наименьшего сопротивления — это лучшее для твоего психического здоровья, — и «Физического тоже», — добавил он про себя. — Отпусти это, Лейн. Двигайся дальше, не оглядывайся. Ты не сможешь ничего изменить, поэтому прими как есть.

Повисла опять тишина, а потом Лейн посмотрел на своего брата.

— Я не могу, так поступить, Эдвард.

— Тогда считай, что скоро будут твои похороны...

— Моя жена беременна.

— Опять? Поздравляю.

— Я развожусь.

Эдвард вздернул бровь.

— Не типичный ответ будущего отца. Особенно учитывая, сколько алиментов тебе придется платить.

— Это не мой ребенок.

— Тогда все объясняет...

— Она сказала мне, что ребенок от моего отца.

Их глаза встретились, Эдвард замер.

— Прости, что?

— Ты слышал. Она сказала, что расскажет все маме. И что не уедет из Истерли, — возникла пауза. — Конечно, если бы не возникло проблем с деньгами, тогда бы мне не пришлось беспокоиться о бастраде отца, живущем в нашем семейном доме. Шанталь уехала бы в другое место и нашла бы себе другого богатого идиота, пытаюсь женить на себе.

Сильная боль отдалась в плече Эдварда, он взглянул на руку. Интересно. Он с такой силой сжал бутылку, что у него побелели костяшки, да и сама рука.

— Может она лжет? — услышал он свой голос.

— Если бы дело касалось кого-то другого, а не отца, я бы сказал, возможно. Не думаю, что она лжет.

Самуэль Ти вышел из винного погреба и зашагал к двери, полностью игнорируя женщину, поспевающую рядом с ним, он был пьян и ему необходимо было пережить сегодняшний день. Она довольно-таки энергично что-то говорила, но он совершенно не обращал внимание на ее слова, но если бы он прислушался то, наверное, впал бы в кому.

— ...а потом мы поедем в клуб! Все будут уже там, и мы сможем...

Он опять почувствовал усталость и изнеможение от борьбы, но не с ней. Скорее это было результатом — он сложил оружие после многолетней борьбы.

Ему было просто необходимо трахнуть кого-то там, на столе. Это был его своеобразный способ стереть воспоминания, которые горели у него в мозгу, когда он был внутри Джин именно здесь, на этом столе. И в других местах, где он тоже был с ней, на его ферме, в отелях международного уровня, в Вейле и в Мичигане. Он собирался тоже стереть их, перекрыв все эти воспоминания другими женщинами.

— День памяти? Мы могли бы поехать в имение моих родителей в долине Луары, знаешь, уйти...

Кудахтанье рядом с ним продолжалось, и Самюэль Ти вспомнил, почему он предпочитал трахаться с замужними женщинами. Они были и так уже заняты и поэтому не рассматривали его кандидатуру в качестве будущего мужа. Они ничего не ждали от этих отношений.

Он не мог достаточно быстро подняться к выходу по лестнице. Хотя был готов перешагивать через две-три ступеньки, но он не мог оставить болтушку, бегущую за ним, поскольку был достаточно хорошо воспитан, чтобы не подождать ее и не пропустить вперед.

— Спасибо, — сказала она, быстро поднимаясь впереди него.

Он готов был уже последовать за ней, когда что-то цветное мелькнуло на полу.

Туфли. Светлые, атласные Лабутены.

Он поднял голову и ощупал взглядом пространство, откуда они пришли.

— Самюэль Ти? — позвала она сверху. — Ты идешь?

Это были туфли Джин. Она была здесь. Она пришла сюда, чтобы понаблюдать за ним?

Конечно же, не для того, чтобы остановить их.

Первым его побуждением было улыбнуться и разыскать ее... но это было первое побуждение, скорее рефлекторное, поскольку они долго были привязаны друг к другу, интересно сколько?

Он моментально вспомнил ее кольцо на пальце, и напомнил себе, что сейчас все изменилось. И этот идиот, стоящий рядом с ней, сообщивший новость, которая вскоре разлетится по всей стране.

Забавно, он никогда особенно не переживал о мужчинах Джин. Скорее это напоминало игру око-за-око, потому что он спал с таким же количеством других женщин... скорее всего в у него имелся какой-то порок, заставляющей его желать ее еще больше, от одной только мысли, что она трахалась и сосала других мужчин... или, это было нечто другое... он не мог сказать.

Единственное, что он точно знал.

Ричард Пфорд теперь представлял для него предмет огромной ревности. На самом деле, Самюэлю Ти пришлось приложить максимум усилий, чтобы сохранить свое самообладание и не оставить дыру в черепе у этого напыщенного ублюдка.

— Самюэль Ти? Что-то не так?

Он посмотрел вверх. Свет из-за спины женщины, сделал ее не различимой, но тень, падающая вниз искажала, создавая кривой толстый образ, как у привидения.

Ему захотелось забрать туфли Джин, но он заставил себя этого не делать, ответил на вопрос женщины, поднимаясь вверх.

Встав с ней рядом, он откашлялся.

— Я встречусь с тобой позднее.

Ее улыбка сникла.

— Я думала, мы пойдем вместе к шатру.

Шатер?

Ах, да. Сегодня же день Derby.

— У меня кое-какие неотложные дела. Я встречусь с тобой позднее.

— Куда ты идешь сейчас?

Ее вопрос, вывел его из задумчивости, поскольку он направился в сторону кухни, а не в сторону вечеринки.

— Как я уже сказал бизнес.

— Очень важное дело, да?

— Я найду тебя, — ответил он удаляясь.

— Обещаешь?

Пройдя несколько шагов, он отчетливо ощущал, что она смотрит ему вслед, он готов был поклясться, что она молилась про себя Мэри Сью, покровительнице дебютанток, чтобы он вернулся к ней и сопровождал ее на вечеринку, она надеялась, что получила это право, благодаря траху в винном погребе.

Но Самюэль Ти не оглядываясь, покинул ее. И он совершенно не обращал никакого внимания на толпившихся поваров на кухне мисс Авроры.

Он ни на что не обращал внимания, пока не вышел на улицу.

Закрыв дверь в дом у себя за спиной, он вздохнул и прислонился к горячей от солнца белой панели. Еще один жаркий день не стал неожиданностью. В Чарлмонте ничего не могло потрясти так, когда дело касалось погоды.

Если вам не нравится погода, вам всего лишь стоит подождать пятнадцать минут.

Поскольку дождь со снегом в день Derby тоже не исключался.

Господи, он устал.

Нет... скорее он чувствовал себя постаревшим...

Гортанный рык мотора раздался слева, явно не от спортивного автомобиля, а от старого видавшего виды грузовика, катившегося по дороге.

Бедняга, кто бы он ни был. Парковщики, да и обслуживающий персонал не разрешали парковаться возле дома в такой день, как сегодня, тем более на такой машине. Кто бы не сидел за рулем, как говорится, мог получить пинок под зад.

Но его больше беспокоили собственные проблемы. Сунув руку в карман, он достал ключ-сигнализацию от машины, спустился по ступенькам и направился к месту, где спрятал свой Jag.

Это было не далеко.

Но в лобовом стекле старого грузовика, он увидел очень знакомое лицо.

— Лейн?

Когда грузовик остановился у заднего входа в бизнес-центр, он направился к нему.

— Лейн? — позвал он. — Ты решил таким образом показать Шанталь свою финансовую несостоятельность?

Водитель опустил окно и сделал быстрый знак, резанув пальцем по горлу.

Самуэль Ти огляделся по сторонам — никого не было вокруг. Персонал находился внутри или же работал в шатре в саду. Гости пока не собирались двигаться сюда, где опять же могли встретить людей только в униформе. Птицам на деревьях вообще было все равно на двух перекидывающимися репликами мужчин.

Он подошел к машине и наклонился.

— Тебе действительно не стоит так усердствовать по поводу своего развода...

Он замолчал, поскольку уставился на человека, сидящего рядом с его клиентом.

— Эдвард? — прохрипел он.

— Как приятно снова увидеть тебя, Самюэль, — мужчина даже не взглянул на него. Его глаза неподвижно смотрели на приборную панель перед собой. — Хорошо выглядишь, как всегда.

Его слова, заставили его внимательнее взглянуться в лицо... и тело говорившего.

Господи, брюки мешком висели вокруг бедер, ноги, словно зубочистки, куртка свисала с плеч, видно, что она была намного шире в плечах.

Эдвард откашлялся и потянулся за бейсболкой «Брэдфорд бурбон», низко опустив козырек на лицо, Самюэлю Ти стало стыдно.

— Рад видеть тебя, Эдвард, — ляпнул он.

— Ты нас не видел, — тихо сказал Лейн.

— Прости?

— Ты не видел его, — глаза Лейна горели. — И меня. Понимаешь, адвокат?

Самуэль Ти нахмурился.

— Что, черт возьми, происходит?

— Тебе не стоит знать.

Самуэль Ти посмотрел направо, потом налево, а потом на братьев. Как юрист, он разбирался со многими не вполне легальными делами, и в основном, как с юридической точки зрения их можно избежать и не попасться по истечению времени. Также со временем он уяснил одну вещь, что некоторую информацию не стоит знать.

— Понял, — сказал он, наклонив голову.

— Спасибо.

Прежде чем отойти, он выдавил улыбку на лице.

— Прими мои поздравления с новым пополнением в вашей семье.

Лейн дернулся и отпрянул.

— Прошу прощения?

— Уверен, что ты бы не выбрал Ричарда Пфорда в качестве зятя, но ничего не поделаешь, когда любовь витает в воздухе.

— Какого черта ты несешь?

Самюэль Ти закатил глаза, думая, что сейчас этой повадкой напоминает Джин.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь? Твоя сестра объявила о помолвке с Ричардом Пфордом. Наслаждайтесь Derby, господа. Возможно, я увижу вас двоих...

Но, они имели ввиду, что он их не видел.

— Да... если я кому-нибудь понадобится, — произнес он, — ты знаешь, где меня найти.

«Я готов быть где угодно, но там, где нет их сестры», — подумал он, направляясь к своему Jag.

Идеальное время для взлома системы.

Эдвард вышел из грузовика Мастера-дистиллятора, опустив бейсболку еще ниже... хотя ниже уже было некуда, он даже не мог моргнуть.

Господи... неужели он действительно приехал сюда?

Он на самом деле находился здесь... и он забыл, насколько огромным было Истерли. Несмотря на то, что они остановились у черного входа для слуг, особняк выглядел почти непостижимо большим, с белыми балконами и черными ставнями, поднимающимися вверх от зеленой травы, показывая финансовый рост семьи.

Ему хотелось блевануть.

Но услышав, как их отец поступил с женой Лейна. Он не стал этого делать.

Откуда-то издали, из сада, доносился приглушенный гул The Derby Brunch в самом разгаре, и он понял, что сейчас на самом деле идеальное время, чтобы незаметно войти и выйти из бизнес-центра с информацией, в которой так нуждался его брат. С таким количеством гостей в этом месте, однозначно, что их отец мог находиться не где угодно, а исключительно в шатре... он мог быть распутным, но он никогда не пренебрегал хорошими манерами. Кроме на The Derby Brunch присутствовали и все корпоративные сотрудники, поэтому с ними тоже не придется сталкиваться в офисе.

Тем, кому не повезло, могли работать в День независимости, День Благодарения, на Рождество и Пасху, но такое могло быть в Кентукки. На The Derby не работал никто.

Лейн подошел к нему и протянул ладонь.

— Я пойду один.

— Я не могу позволить тебе пойти одному.

— Я не могу себе позволить, чтобы тебя поймали. Тебе нельзя туда. Остайся здесь, — произнес Эдвард.

Он не стал дожидаться ответа, а продолжил свой путь, зная, что он старше, ему почти сорок, и его приказ заставит Лейна остаться на месте.

Подойдя к черному входу офиса отца, Эдвард ввел код доступа, который он сообщил стороннему подрядчику пять лет назад, в рамках обновления всей системы безопасности. Красный свет загорелся зеленым, замок щелкнул, он на миг закрыл глаза.

И открыл дверь.

У него был соблазн собраться с силами, прежде чем шагнуть внутрь, но он не имел такой роскоши, во-первых, у него было не много сил, да и времени. Дверь за ним закрылась, свет на панели доступа сменился на красный, и несколько секунд он привыкал к тусклому освещению, оглядывая интерьер.

Все по-прежнему. Все. Ворсистый темно-бордовый ковер с золотым кантом по краям, на стенах в рамках статьи о компании на шелковых обоях, и впереди были открытые стеклянные двери, ведущие к центральной зоне ожидания.

Странно... он предполагал, поскольку сам стал другим, что это место, в котором он провел так много часов, должно тоже измениться.

Сигнализация не сработала, пока он следовал в глубь помещения, значит, он использовал правильные коды. Он прошел мимо столовой, конференц-залов, которые выглядели, как гостиная в Истерли, и офисов, которые были такие роскошными, им могли

позавидовать лучшие юридические фирмы. Как обычно, шторы на окнах были опущены, чтобы обеспечить полную конфиденциальность, и столы были совершенно чистыми, все документы наглухо заперты в ящиках.

Зона ожидания представляла из себя круглое пространство, в центре ковер с семейным гербом. На видном месте в сторонке стоял американский флаг, флаг содружества Кентукки, и пара баннеров компании «Брэдфорд бурбон», стойка ресепшент для секретаря была королевской, как корона... а это помещение еще не относилось непосредственно к самой власти. Помимо всей этой показухи, здесь же находился застекленный кабинет, в котором пребывала личный секретарь... и наконец, рядом с стеклянным кабинетом «бульдога» была дверь, отмеченная семейным гербом с золотом.

Кабинет отца.

Эдвард взглянул на французские двери, открывающиеся в сад. Благодаря тяжелым портьерам и тройным стеклам, даже писка не было слышно шести или семи сотен человек, собравшихся в саду, также ни один гость случайно не мог забрести и шататься под окнами.

Эдвард двинулся вперед к стеклянному офису и ввел тот же самый код. Блокировка снялась, он рывком открыл дверь вошел внутрь, обошел стол и посмотрел на компьютер. Он не стал зажигать свет и не опустился на стул за столом, пока его ноги были способны поддерживать вес его тела какое-то время.

Компьютер работал, но нужно было ввести пароль, и он ввел свой пароль, словно из сумерок, который придумал сам для себя три года назад, усовершенствуя систему безопасности компании, расширяя сеть.

«В стиле Флинна», — так они тогда сказали. (*Эррол Лесли Томсон Флинн (англ. Errol Leslie Thomson Flynn; 20 июня 1909, Хобарт, Австралия — 14 октября 1959, Ванкувер, Канада) — голливудский актёр австралийского происхождения, кинозвезда и секс-символ 1930-х и 1940-х годов.*)

И что сейчас?

Пока они ехали в Истерли, он задавался вопросом, может его мозг вернется к работе, когда он войдет в компьютер. Он испытывал волнение, поскольку обезболивающие препараты, травмы, могли повредить его серое вещество, а также то, что он бесконечно пил, пил постоянно, когда подметал конюшню, и когда не работал, и сейчас у него была всего лишь одна единственная возможность, чтобы включить свои мозговые клетки и заставить анализировать.

Сначала его кругосветное плавание по файлам с секретными документами было медленным, достаточно скоро, он стал передвигаться все быстрее по информационным тайникам, выискивая, что имеет отношение к подставным счетам, которые допускалось отправлять по электронной почте «Брэдфорд бурбон», но на самом деле, из сети.

Еще одна тень из прошлого.

А что же хорошего в его действиях? Если кто-то решит отследить его вторжение в систему, они выйдут на имя личного секретаря... «бульдога» его отца, несмотря на то, что она сама ничего не знала об этом. Но в этом был свой смысл. Все в компании, увидев это женское имя дадут задний ход и ничего не скажут.

Он рыскал по финансам, исключительно обращая внимание на свежие данные, которые еще не успели «отмыть» бухгалтера, и хотя у него появилось искушение проанализировать увиденное, но на данный момент, ему было более важно, нарыть столько, сколько он мог...

В приемной вспыхнул свет.

Дернув головой, он замер.

Мать твою.

Телефон Лиззи ожил, наконец-то, первый гость решил покинуть вечеринку. И она совсем не обратила внимание на вибрацию, тем более, что два официантов подошли к ней от стола с двадцатилетними подростками, которые были явно несовершеннолетними и совершенно пьяными.

— Нет, — сказала она, вытащив телефон из заднего кармана и принимая звонок, не глядя на экран. — Их родители отсадили их самостоятельно. Если у этих идиотов возникли проблемы с отказом в обслуживании, скажите им, чтобы они обратились к своим родителям. — Она поднесла телефон к уху. — Да?

— Это я.

Лиззи закрыла глаза с облегчением.

— О, мой Бог, Лейн... подожди, мне нужно найти место, где потише.

— Я у противоположной стороны дома, где гаражи. Ты не могла бы прийти, хотя бы на минутку?

— Уже иду.

Закончив телефонный разговор, она поймала взгляд Греты из шатра, давая ей понять, что отойдет на минутку. Женщина кивнула, Лиззи удалялась от вечеринки, пробегая мимо столов с фуршетом, где повара нарезали на ломтики прекрасно обжаренные кусочки агусской говядины.

Парочка официантов привлекли ее внимание, но она не задержалась, понимая, что Грета поможет им.

Войдя в дом через кухню, она наклонила голову, пытаясь сделать вид, что у нее срочное дело и ей необходимо принести очередное блюдо, которое пыталась найти здесь. В дальнем конце была еще одна дверь, ведущая в холл, и выскользнув, она пронеслась мимо висевших курток и пиджаков, выйдя на улицу к гаражам.

Она осмотрелась вокруг, выискивая Porsche Лэйна...

— Сюда, — с боку произнес его голос.

Обернувшись, она отпрянула, увидев его, прислонившемся к грузовику, который выглядел примерно одно с ней возраста. Но потом она ускорила шаг по брусчатке.

— Теперь, ты едешь на этом, — сказала она, подходя к нему.

Он не шелохнулся, глаза Лейна просканировали ее сверху донизу, словно одно ее присутствие, успокаивало его.

— Я могу обнять тебя?

Она осмотрелась вокруг, особенно взглянув на окна.

— Наверное, лучше не надо.

— Да.

— Так... что ты здесь делаешь? С этим F-150?

— Одолжил у друга. Я пытаюсь держаться в тени. Как вечеринка?

— Твоя жена поглядывает на меня дурным взглядом.

— Бывшая жена, помнишь?

— Ты... ты пойдешь на бранч?

Он отрицательно покачал головой.

— Я занят.

Возникла неловкость, наступила пауза.

— С тобой все в порядке? — прошептала она. — Как Эдвард?

— Я могу остаться с тобой сегодня?

Лиззи перевела на него взгляд и обратно.

— Ты не пойдешь на вечеринку вечером?

— Нет.

— Ну, тогда... да, можешь, — она скрестила руки на груди, стараясь не казаться слишком счастливой, прилив счастья ей казался не совсем уместным, если учесть с чем ему приходилось сталкиваться.

— Я беспокоюсь о тебе.

— Я тоже, — он перевел взгляд на свой дом. — Позволь мне спросить тебя о кое-чем.

— О чем?

Он помолчал, потом заговорил:

— Если я решу уехать отсюда... ты не согласишься поехать со мной?

Лиззи подумала, что он шутит, имея ввиду Робинзона Крузо или путешествие на лайнерах Carnival Cruise Lines, Но в его глазах не было смеха и он не улыбался.

— Что все так плохо? — прошептала она.

— Хуже не куда.

Лиззи даже не удосужилась проверить, не наблюдают ли за ними. Она подошла к нему ближе и обняла... и его реакция последовала незамедлительно, он прижался всей мощью своего тела и обхватил крепко ее за талию.

— Ну? — сказал он ей в волосы. — Хотела бы вы уехать со мной?

Она подумала о своей работе, своей ферме, жизни... и о том, что три дня назад, они не общались почти два года.

— Лейн...

— Это значит нет?

Она отступила назад...

— Лейн, даже, если ты никогда сюда не вернешься, ты не освободишься от этого места, этих людей. Это твоя семья, твой фундамент.

— Я неплохо жил без них два года.

— И мисс Аврора вернула тебя.

— Могла и ты вернуть. К тебе я бы вернулся.

Лиззи покачала головой.

— Не строй планов. Слишком много меняется прямо сейчас, — она прочистила горло. — И на этой ноте, мне лучше вернуться назад. Люди понемногу расходятся, но там еще осталось четыреста человек.

— Я люблю тебя, Лиззи.

Она закрыла глаза, прикрыв руками лицо.

— Не говори так.

— Я только что узнал, что мой отец хотел, чтобы убили Эдварда.

— Что? — она уронила руки. — О чем ты говоришь?

— Он отказался заплатить выкуп, когда его похитили. Отказался. Он хотел, чтобы Эдвард умер там. И я реально верю, что он хотел, чтобы Эдвард умер.

Лиззи прикрыла рот рукой и закрыла глаза.

— Значит, ты встречался с ним.

— Да.

— Как... он?

Когда Лейн сделал к ней шаг, она удивилась еще больше от его слов:

— Знаешь, — произнес он, — я всегда удивлялся, как такое произошло, что Эдварда похитили? Теперь я знаю.

— Но зачем кому-то фабриковать похищение собственного сына?

— Потому что это эффективный способ убить бизнес конкурента и можно не беспокоиться, поскольку в тюрьму ты за это не попадешь. Всего лишь нанять убийц, которые отвезут его в джунгли, а потом отказаться заплатить оговоренную цену. Вот один уже в гробу, пожалуйста,... ой, а теперь самое время сыграть роль убитого горем отца, сына которого замучили, вызвав сочувствие в прессе. Сплошной выигрыш.

— Лэйн... о, мой Бог!

— Поэтому, когда я прошу тебя уехать со мной, это не просто какие-то романтические фантазии, — он медленно покачал головой. — Я не удивлюсь, если мой брат узнал что-то о моем отце... поэтому великий Уильям Болдвейн попытался от него избавиться.

«Господи, — подумала она, — если это правда, то у Брэдфордов действительно настоящая проблема, которая все делает намного хуже».

— А что будет делать Эдвард с тем, что он узнал? — спросила она.

— Он ничего не собирается делать, — Лейн прищурился. — Он помогает мне добыть то, что мне необходимо.

Лиззи с трудом сглотнула, проглотив ком в горле... и у нее перед глазами возникла картинка «случайной» жертву в виде Лейна.

— Ты пугаешь меня, — прошептала она.

Саттон зажмурилась, пока ее глаза привыкали к полумраку интерьера бизнес-центра Уильяма Болдвейна.

— Я удивлена, что вы так непринужденно себя ведете.

Уильям закрыл дверь и включил свет.

— Мы конкуренты, но это не значит, что мы не можем быть вместе.

Оглядевшись вокруг она поймала себя на мысли, что овальная приемная напоминала ей Овальный Кабинет, что было характерно для такого высокомерного мужчины. Только Болдвейн мог выставить национальные иконы в виде флагов в месте, где его ожидали посетители.

— Пройдем ко мне в кабинет? — произнес он с улыбкой мужчины, которые Cialis рекламировало по ТВ: в возрасте, седовласый, но по-прежнему сексуальный.

— С удовольствием.

— Документы у меня на столе.

— Прекрасно.

Они направились к стеклянному кабинету его личного секретаря, Саттон пожалела, что они здесь одни. Хотя, они оба хотели уединения для подписания бумаг.

Они вошли в кабинет Уильяма.

Господи, он представлял из себя копию Букингемского дворца, весь декорированный королевским пурпурным дамаском, золотые листья на зеркалах и столах, и кресло в виде трона, представляло из себя настоящее произведение искусства — чудо, мужчина, восседавший на нем, среди этого убранства, словно был в каких-то заоблачных высотах.

— Не возражаешь, если я закурю сигару? — спросил он.

— Нет, нисколько, — она оглянулась и заметила, что он оставил дверь открытой, отчего ее пребывание здесь становилось менее жутким, но вокруг не было ни души.

— Итак... где бумаги?

Он обошел свой огромный письменный стол, открыл из красного дерева коробку для сигар и достал одну, несомненно, кубинскую.

— Я хотел бы предложить тебе одну, но это не для леди.

— Хорошо, что мои деньги не носят юбку, верно? — он взглянул на нее, она мило улыбнулась. — Мы пришли сюда, чтобы подписать документы.

— Хочешь пойти со мной вечером на прием? Моя жена не здорова, — он отрезал конец сигары. — Ей придется остаться дома.

— Я пойду с моим отцом, но спасибо.

Глаза Уильяма прошли по ее телу.

— Почему ты не замужем, Саттон?

«Потому что я влюблена в вашего сына, — подумала она. — Но его это мало заботит».

— Я предана своей работе и мне не нужен муж, который бы ревновал меня к ней. Скорее это отголосок восьмидесятых, но правда состоит в том, что со мной тоже когда-нибудь такое случится.

— У нас так много общего, знаешь ли? — он взял тяжелую хрустальную зажигалку и прикурил. — Мы оба чувствуем громадную ответственность.

— Мой отец до сих пор руководит корпорацией «Ликеро-водочные заводы Саттон».

— Конечно, руководит, — Уильям наклонился к пламени и запыхтел. — Но это продлится не долго с его болезнью.

Саттон молчала. Семья еще не была готова объявить о ее повышении — председателя и генерального директора, но Болдвейн не ошибся. Отец страдал болезнью Паркинсона, которую три года пытались контролировать медикаментозно, но болезнь прогрессировала и очень скоро лекарства, способные замедлять симптомы, будет недостаточно. Самым печальным было то, что разум отца был острым как никогда. Он по-прежнему был полон физических сил, хотя и стал уставать, а работа руководителя такого предприятия, как «Ликеро-водочные заводы Саттон» была не для слабонервных, и то в удачный день.

— Без комментариев? — спросил Уильям.

Облако дыма поднялось над головой и запах табака, напоминающий грязные носки, достиг ее носа и заставил чихнуть.

— Благослови тебя Бог.

Она проигнорировала его банальность, потому что прекрасно знала, что этот ублюдок закурил, чтобы ее позлить. Он относился к тем людям, которые любили нажимать на слабые места других.

— Уильям, если имеются документы, я подпишу их прямо сейчас. Если нет, позвоните в мой офис, когда будете готовы.

Мужчина согнулся над столом и открыл узкий ящик в середине стола.

— Вот они.

Кинув папку на стол, которая проехала по пресс-папье, и удивительным образом остановилась, напротив фотографии в рамке Маленькой Вирджинии Элизабет, его жены, это было своеобразным знаком.

— Надеюсь, документы в порядке.

Саттон подняла папку. Просмотрев первую страницу, она пошла дальше... к третьей... и...

Она вскинула голову.

— Мне кажется, или ваша рука у меня на талии?

Голос Уильяма раздался у ее уха.

— Саттон, у нас с тобой столько общего.

Сделав пару шагов в сторону, она улыбнулась.

— Да, вы такого же возраста, как мой отец.

— Но гораздо в лучшей форме, поскольку это Я.

Это было правдой. На Уильяме костюм сидел намного лучше, чем на мужчинах намного моложе его.

— Ты подпишешь сейчас? — резко спросила она. — Или на следующей неделе с моими юристами?

Он так улыбался ей, что она подумала, что его возбудила.

— Конечно. Все, что ты захочешь.

Саттон сознательно села в кресло у стены, и не стала скрещивать ноги. Десять минут спустя, она подняла на него глаза.

— Я готова подписать.

— Видишь? Я внес изменения, которые ты потребовала, — он слегка откашлялся в кулак. — Ручку? Или ты предпочитаешь подписывать своей?

— Я позаботилась об этом, спасибо, — порывшись в сумочке, висевший на бедре, она

положила бумаги на столик и подписала рядом с подписью нотариуса. — И я заберу с собой копию, спасибо.

— Как хочешь.

Она встала на ноги и направилась к нему.

— Теперь твоя очередь.

Уильям достал Монблан из внутреннего кармана бледно-голубого пиджака, и подписал на другой странице, где тоже стояла подпись нотариуса.

— Там, — сказал он, махнув рукой на выход. — Ксерокс находится рядом с первым конференц-залом. Я не пользуюсь ксероксом.

«Конечно, не пользуешься, — подумала она. — Потому что это тоже самое, что готовка и уборка, это ты считаешь исключительно женской работой».

Она взяла документ с его стола и направилась к двери, почувствовав дрожь, пробежавшую вниз по позвоночнику. Но потом она поймала себя на мысли, что существует еще одна часть, подписания бумаг — перевод денежных средств, который только она могла санкционировать.

Поэтому ей не стоило ничего бояться.

По крайней мере, в данный конкретный момент.

Она проходила мимо рабочего стола личного секретаря, когда что-то привлекло ее внимание и заставило остановиться. Что-то на полу, вернее что-то торчало из-под стола...

Кусок ткани.

Нет, воротник и рукав куртки.

— Что-то не так? — спросил Уильям.

Саттон взглянула на него через плечо, ее сердце бешено колотилось.

— Я...

«Мы не одни», — в панике подумала она.

Со своего места, сидя под столом, Эдвард тут же понял, что Саттон каким-то образом его обнаружила.

Как только она замолчала, он выругался про себя.

— Что? — повышенным голосом спросил отец.

— Я..., — она прочистила горло, — чувствую какую-то слабость.

— У меня здесь есть бренди.

— Фруктовый сок. Мне необходимо... выпить хоть чуть-чуть фруктового сока. Охлажденного, если можно.

Возникла пауза.

— Все для леди. Хотя должен признаться, это совершенно не относится к моим обычным обязанностям.

— Я подожду здесь, пожалуй, даже присяду.

Пока отец уходил вглубь своего кабинета, Эдвард слышал удаляющийся кашель, который становился все тише. А потом он услышал голос Саттон, приглушенный, но твердый, как сталь.

— Мое спрятанное оружие направлено прямоком на вас, и я готова спустить курок. Покажите мне свое лицо, сейчас же.

«Ну конечно, сейчас упаду в обморок от страха», — подумал Эдвард. Но, по крайней мере, она подальше отсюда отправила отца.

Эдвард хмыкнул, выглядывая из своего укрытия.

Саттон ахнула и прикрыла рот рукой, в которой не было пистолета.

— Если бы я знал, что наши пути снова пересекутся, — спокойно сказал Эдвард, — я бы захватил с собой твой клатч.

— Что ты здесь делаешь? — прошептала она, убирая свой пистолет обратно в пастельно-розовый костюм для Дерби.

— А ты? Что ты подписала?

Она оглянулась через плечо.

— Он может вернуть в любой момент.

— Вопрос, конечно, в том, что ты собираешься делать с этим?

— Что с тобой..., — мгновенно огрызнулась она, кивая ему рукой. И как только он успел спрятаться назад, Саттон сказала:

— О, спасибо, Уильям. Это именно то, что мне нужно.

Поморщившись от судороги в больной ноге, Эдварду оставалось только молиться, чтобы она не выдала его. Он хотел встретившись с ней сказать что-нибудь другое, нежели напоминая, что они занимались сексом вчера ночью впервые... и то только потому, что он подумал, будто бы она проститутка, которую оплатил, так как ему была нужна женщина исключительно именно похожая на Саттон, иначе у него ничего не вставало.

— Апельсиновый лучше всего, — он услышал, как она пьет сок. — Ммм... хорошо.

Его отец снова закашлялся.

— Уже лучше?

— Намного. Не проводите меня к ксероксу? — попросила она. — Вдруг мне потребуется помощь.

— С удовольствием, — протянул Уильям.

— Знаете, — тихо произнесла Саттон, выводя его из кабинета, — вам все-таки не стоит столько курить. Эта штука убьет вас.

Эдвард закатил глаза.

— О, вот так, — пробормотала Саттон. — Здесь уже позвольте мне. Я сделаю копию и нам стоит вернуться на вечеринку.

— Так хочется насладиться лучшим бурбоном, чем производите вы?

Все погрузилось в темноту.

— Конечно, Уильям.

Пока пара вместе удалялась, Эдвард слышал лепет их разговора... и молился, для блага своего отца, чтобы этот мужчина держал свои руки подальше от его Саттон. Наблюдая это маленькое шоу из-под стола, ему потребовалось держать себя в руках, он довольно долгое время так не возбуждался, как сейчас.

Что за черт, какой, мать твою, договор они заключили?

Боже, он никогда не мог предположить, что может все так обернуться, но он надеялся, что Саттон не делает никаких инвестиций в компанию «Брэдфорд бурбон»... и не пытается купить компанию. С таким же успехом, она запросто могла бы выбросить деньги в черную дыру.

Прежде чем он обнаружил последние файлы, Эдвард уже догадывался, что делал его отец. Пока он еще не мог понять до конца зачем... но он точно знал, где искать и что именно.

Пару минут назад он услышал, как Саттон сказала:

— Ну, думаю, это принесет пользу нам обоим. Я переведу деньги через банк в

понедельник утром.

— Прекрасно, не хочешь запечатать наше соглашение поцелуем?

Эдвард зажал кулаком рот и вспомнил, что говорил его брат о Шанталь.

— Спасибо, нет, думаю, рукопожатия будет достаточно... собственно его тоже не требуется. Я пойду.

Дверь открылась и закрылась.

Послышались тяжелые шаги отца по направлению к Эдварду, и он пожалел, что у него нет с собой пистолета.

Однако, Лейн знал, где он находился. И если отец не выйдет отсюда живым, Лейн... догадается.

Шаги становились все ближе...

И ближе...

Отец прошел мимо его стола, под которым он прятался, и вошел в собственный кабинет, где включил свет и убрал подписанные бумаги в ящик. Затем он сделал несколько затяжек сигары, словно о чем-то усиленно размышлял.

Эдвард закатил глаза, отец зашелся очередным приступом кашля. Всю жизнь отец был астматиком. Как он мог, несмотря на вяло протекающую болезнь, курить всю свою сознательную жизнь, при таком состоянии здоровья, для Эдварда оставалось загадкой.

Отец достал носовой платок и прикрыл рот, потянулся к своему ингалятору, вытащил на секунду сигару изо рта, быстро прыснул лекарство, и опять зажал сигару губами, выключил свет, и...

... прошел мимо рабочего стола своего личного секретаря.

Эдвард не двигался, продолжая задерживать дыхание и ожидая, когда откроется и закроется одна из французских дверей.

Но дверь не открывалась.

Лиззи стояла перед ним, потрясенными глазами глядя на него, и Лейну захотелось вернуть все назад. Он хотел вернуться в то время, когда думал только о богатстве семьи и социальном положении... и не было вранья, аборта, прелюбодеяния и вот-вот-бывшей-жены..., которая встала между ними.

Ах, да, старые добрые времена.

Ушли.

— Прости, — прошептал он. На самом деле, все события, обрушившиеся на него, было чертовски многовато.

— Все хорошо?

— Не очень.

Они замолчали, и он понял, что отзвуки, доносившейся вечеринки, чертовски его раздражали, особенно как только стоило ему подумать о деньгах, которые «позаимствовал» его отец. Он понятия не имел, каковы расходы на бранч, но он способен был произвести в уме математические расчеты. Шесть или семь сотен гостей, выпивка, даже если куплена оптом, продукты из ресторана, имеющего три звезды Мишлена, не меньше. Плюс парковщики и официанты, чтобы обслужить весь город Чарлмонт, собравшийся здесь.

Четверть миллиона, как минимум. И это не включает бар и закуски на Derby. Столы в частных ложах в Steeplehill Downs. И матч, который его семья спонсировала в завершение празднеств.

Миллион долларов, стоило это событие, длившееся менее двадцати четырех часов.

— Послушай, тебе лучше уйти, — он не хотел, чтобы она увидела Эдварда. Лейн понял, что Эдвард не захочет, чтобы его видели. — Я приеду к тебе, даже если не могу остаться на всю ночь.

— Я хотела бы, чтобы ты приехал. Я беспокоюсь о тебе, много всего происходит.

«Ты даже не представляешь», — подумал он.

Он придвинулся, чтобы поцеловать ее, но она отскочила подальше, наверное, это было правильно. Пара садовников на гольф-карах ехали по тропинке от нижней части поместья, не нужно чтобы их видели вместе.

— Я приеду, как смогу, — сказал он, затем наклонился к ней. — Знай, что я поцеловал тебя прямо сейчас, хотя и у себя в голове.

Она покраснела.

— Я... увидимся. Вечером. Я оставлю дверь незапертой, если придешь поздно.

— Я люблю тебя.

Она отвернулась, и ему не понравилось выражение ее лица. Он не мог скрыть тот факт, что отчаянно желал, чтобы она сказала ему тоже самое, не из вежливости, а от сердца.

Ее сердце находилось рядом с ним...

В его мире, где все шаталось, Лиззи Кинг, казалась самой безопасной и устойчивой на его горизонте...

Звук открывающейся двери у него за спиной, заставил повернуть голову.

Это был не Эдвард.

Даже близко не Эдвард.

Не брат, а его отец, вышел с черного входа бизнес-центра, и Лейн замер.

Он тут же бросил взгляд на его руки, ожидая увидеть там кровь. Но, нет. На самом деле, одной рукой Уильям удерживал белый платок, прижимая ко рту, как бы незаметно прикрывая от кашля.

«Отец не оглядывается по сторонам, но и не напряжен, — подчеркнул он. — Пребывает в своих мыслях, да. Напряжен? Нет».

И этот ублюдок направился напрямик к задней части старого грузовика, совершенно не волнуясь о том, что он не соответствует его социальному статусу, словно такое транспортное средство F-150 было совершенно обычным делом здесь и останавливалось чуть ли не каждый день.

— Я знаю, что ты совершил.

Лейн не знал, что сказать, пока слова не вышли из его рта. Отец остановился и моментально развернулся.

Двери гаража бесшумно стали открываться, Уильям прищурился и тут же спрятал платок.

— Прошу прощения? — произнес он.

Лейн пересек расстояние между ними и приблизился к нему, понизив голос сказал:

— Ты слышал меня. Я точно знаю, что вы совершил.

Было жутко, поскольку лицо напротив выглядело так, как его собственное. Еще жутче, что в нем не произошло никаких перемен... на лице Уильяма не дрогнул ни один мускул.

— Тебе стоит выразиться более конкретно, сын.

Тон, с которым он произнес последнее слово, можно было заменить словами «не трать мое время» или же более просторечно «мудак».

Лейн сжал зубы. Он хотел высказать ему все, но учитывая, что его брат по-прежнему находился внутри бизнес-центра, ... и он, по крайней мере, надеялся, что Эдвард до сих пор жив... если он выдаст себя, то отец просто удвоит свои усилия и заметет все следы, это его и останавливало.

— Шанталь мне рассказала, — прошептал Лейн.

Уильям закатил глаза.

— О чем? Требуя сделать ремонт в ее спальне уже в третий раз? Или что она решила поехать в Нью-Йорк... опять? Она твоя жена. Если она хочет все эти вещи, то ей следует обсуждать их с тобой.

Лейн внимательно следил за выражением его лица.

— Теперь, если ты извинишь меня, Лейн, мне нужно...

— Ты не знаешь, о чем говоришь.

Его отец элегантно махнул рукой на роллс-ройс, выезжающий из гаража.

— Я буду поздно... и я не собираюсь играть в ролевые игры. Хорошего дня...

— Она беременна, — отец нахмурился, Лейн понял, что до него дошли его слова. — Шанталь беременна, и она сказала от тебя.

Он ждал, после своих слов, ждал любую подсказку, слабинку с его стороны, используя весь свой опыт в покере, чтобы прочитать мужчину перед собой.

И вдруг вот оно, у него чуть-чуть стал подергиваться нерв под левым глазом.

— Я развожусь с ней, — спокойно произнес Лейн. — Это значит, что ты можешь забрать ее себе, если хочешь. Но внебрачный ребенок не будет жить под одной крышей с моей матерью, понятно? Я не позволю тебе так оскорблять мать. Не позволю.

Уильям кашлянул пару раз и опять достал платок.

— Послушайся моего совета, сын. Женщины такие, как Шанталь, правдивы, насколько же насколько и верны. У меня никогда ничего не было с твоей женой. Боже сохрани.

— Не только лгут женщины, такие как она.

— Ах, да, двойной подтекст. Манера вести спокойный разговор, говоря гадости исподтишка.

«Черт с тобой», — подумал Лейн.

— Ладно, я в курсе твоего романа с Розалиндой, и уверен, что она покончила с собой из-за тебя. Учитывая, что ты отказался говорить с полицией на эту тему, могу предположить, что тебе есть, что скрывать. Дожидаешься своих адвокатов, чтобы они сказали тебе, что следует говорить, а что нет?

Ярость проявилась в виде красного пятна на шеи отца, поверх французского воротничка, сжимающегося в его кожу, рубашки с монограммой, пятно стало увеличиваться в размере.

— Тебе бы лучше пересмотреть свои взгляды, мальчик.

— И я знаю, что ты сделал с Эдвардом, — голос Лейна дрогнул. — Я знаю, что ты отказался платить выкуп, и даже склоняюсь к тому, что ты устроил это похищение. — Стараясь держаться подальше от финансовых вопросов, Лейн продолжил:

— Ты всегда ненавидел его. Не знаю за что, но ты всегда следил за ним. Могу только предположить, что тебе надоело вести игру, и ты решил закончить ее на своих условиях, раз и навсегда.

Забавно, но все эти годы, он часто представлял себе разговор с отцом, он проигрывал всевозможные сценарии, начиная от праведных речей и заканчивая криком и обвинениями.

Реальность была гораздо более спокойней, чем он мог себе представить, и наверное от этого более разрушительной.

Рядом с ними остановился роллс-ройс, и шофер в униформе вышел из машины.

— Сэр?

Уильям кашлянул в платочек, его золотой перстень сверкнул на солнце.

— Хорошего дня, сын. Надеюсь тебе нравятся твои фантазии. Это намного легче, чем бороться с реальностью... слабак.

Лейн схватил его за руку и дернул к себе.

— Ты настоящий ублюдок.

— Нет, — сказал Уильям со скучающим видом. — Я знаю своих родителей, это важная деталь для жизни. И это очень хороший депозит, ты не согласен?

Уильям вырвался из его хватки и направился к машине, шофер открыл перед ним дверь, и мужчина скользнул внутрь. Окно было опущено, открывая красивый профиль своего пассажира, который смотрел перед собой, словно ничего не произошло.

Но Лейн знал правду.

Его отец явно был не в курсе по поводу беременности Шанталь, и он почувствовал себя виноватым.

Вероятно, впервые в жизни.

Слава тебе, Господи.

Лейн сел в грузовик Мака, и стал себя успокаивать, я-ничего-не-выжидаю-и-ничего-не — жду.

При более нормальных обстоятельствах, он стал бы разглагольствовать о том, что его жена, и отец видно закончили свои отношения.

Но его это совсем не волновало.

Поглядывая на все еще закрытую дверь бизнес-центра, он молился о своем брате, чтобы с ним все было в порядке. И задавался вопросом, сколько он еще сможет ждать, прежде чем окончательно сломается.

Не понятно из-за чего, но у него в голове прозвучали слова Беатрикс Молли, когда вчера они были у офиса Розалинды.

«Всегда трое. Смерть всегда забирает троих».

Если это правда, то он молился за своего брат, чтобы он не был вторым номером... но он, черт побери, был уверен на все сто процентов, посылая молитвы вселенной, кто должен быть вторым номером.

Тело Эдварда кричало от боли, когда он наконец услышал приглушенный звук, открывшейся и хлопнувшей задней двери.

Скручиваясь от боли, он подождал еще десять минут, чтобы точно быть уверенным, что бизнес-центр пуст.

Когда воцарилась тишина, он осторожно передвинул ноги из-под стола, закусив нижнюю губу, попытался их выпрямить, передвигая руками, снять напряжение с затекших мышц. И у него получилось достаточно хорошо, он даже смог отпихнуть офисный стул со всей силы, слава Богу, что тот был на колесиках.

Но он это сделал.

Он попытался встать. Кряхтя и матерясь, он пытался снова и снова всеми мыслимыми способами вернуть себя в вертикальное положение, хватаясь за стол и подтягиваясь, подталкивая себя руками, упиравшись в пол и даже ползая, как ребенок.

Но ничего не получалось.

Его положение напоминало, словно он застрял на дне тридцатифутового колодца.

И в довершение всего, у него не было с собой мобильного телефона.

Далее последовали ругательства попеременно с матом, которые просто затуманили его мозг. Но вслед за сотрясанием воздуха, удивительно, к нему вернулась способность ясно мыслить. Вытянувшись насколько он был способен, ухватился за телефонный провод из стены к отверстию в нижней части стола.

Хороший план, за исключением того, что траектория была неправильной. Ему удалось дернуть провод, но телефон оказался вне досягаемости.

Ему необходимо было позвонить Лейну, потому что сам он был не в состоянии продвинуться к выходу. Если он в скором времени не появится перед братом, который едва сдерживал свое нетерпение, то брат сломает эту чертову дверь и войдет сюда.

Готовя себя к броску, Эдвард качнулся вперед, раз... два...

На счет три, он все-таки поднял свое тело вверх, видно в нем имелся запас сил, о котором он даже не подозревал.

Это было ужасно. Его кости буквально загремели под кожей, наезжая друг на друга с дикой болью и скрежеща, но ему все-таки удалось поймать шнур, вытягивая его из гнезда, за которым последовал телефон со стола, упавший с края и приземлившийся к нему на колени.

У него так дрожали руки, что ему пришлось набирать несколько раз номер, он не мог вспомнить точную последовательность цифр, и был близок к полной отключки о боли, когда наконец приложил трубку к уху.

Лейн ответил на первый же звонок, да благословит его Бог.

— Алло? — произнес он.

— Ты должен прийти сюда и забрать...

— Эдвард! Ты в порядке? Где...

— Заткнись и слушай, — он сказал брату код и заставил Лейна его повторить. — Я у стола рядом с офисом отца.

Он повесил трубку, хлопнув на сам аппарат, и закрыл глаза, прислонившись головой к ящикам стола. Это было действительно смешно, он то думал, что ежедневно подметая конюшни, он становится более выносливее и гибче. Видно не помогло. Опять же, его свернутое под столом тело в виде кренделя могло оказаться проблемой для них.

Он услышал, как второй раз открылась и закрылась задняя дверь, ему внезапно захотелось снова попробовать попытаться заставить-свои-ноги-пойти, просто пойти, чтобы он не настолько смущал Лейна, и в конце концов выбраться им вдвоем из этой ситуации. Но ноги не желали двигаться, несмотря на то, что его это встало на дыбы.

Пару секунд спустя, он сказал, прежде чем Лейн успел открыть рот:

— Я нашел, — грубо произнес он. — Я нашел то, что нам нужно.

Ему было необходимо хоть как-то, но спасти свою гордость.

Лейн опустил перед ним на колени.

— Эдвард, что случилось...

— Сжался надо мной. Подними меня в это кресло. Нам нужно убираться отсюда, иначе нас могут засечь. Куда отправился отец? Я знаю, что он вышел через задний ход.

— Он сел в свою машину и уехал. Он выехал на общую трассу.

— Слава Богу. Теперь подними меня.

Это было совсем карикатурно, когда Лейн подхватил его подмышки и протащил по королевскому пурпурному ковру. Наконец, водрузив в кресло, видно у него от этого упало артериальное давление и закружилась голова, но он потряс ею, уставясь на монитор.

— Отправляйся в его кабинет к столу, — приказал Лейн. — Верхний ящик в середине. Там папка с бумагами. Не трудись их читать, сделай нам ксерокопию. Он подписал их. — Лейн продолжал стоять рядом с ним, видно задаваясь вопросом, может стоит вызвать скорую помощь, чтобы вернуть брата в чувство, Эдвард резко рубанул рукой по воздуху. — Иди! И верни их на то место, где они и были. Вперед!

Лэйн наконец-то начал двигать своей задницей, Эдвард сосредоточился на экране компьютера. После просмотра последнего документа, он стал закрывать файлы.

Лейн буквально бегал туда-сюда, и быстро оказался рядом с ним с ксерокопиями.

— Вытащи меня отсюда, — хрипло сказал Эдвард. — Но верни телефонный аппарат сначала на место.

Это был верх бессилия, которое он показал своему младшему брату, навалившись на него всем телом и шаркая ногами, как старик, пытаясь покинуть офис отца.

Но Лейн пытался помочь ему идти с таким же энтузиазмом, как когда увидел его лежащим на ковре с фамильным гербом.

— Я выведу тебя отсюда, — сказал Лейн.

— Давай, ты сможешь.

Эдвард отодвинулся от плеча брата, как только его тело оторвалось от пола. Передвигаться было тяжело, боль зашкаливала и становилась невыносимой, отдаваясь в совершенно новых местах. Однако они двигались вперед.

— Что это были за бумаги? — спросил Эдвард, пока они быстро продвигались по коридору мимо конференц-залов.

— Ты желаешь выйти наружу?

— Да, но что было в документах?

Лейн всего лишь качал головой, продолжая двигаться к двери черного входа.

— Я должен вывести тебя отсюда.

— Я знаю...

Скрежеща зубами от боли, он не мог уже сдерживаться, хотя ему и хотелось. И ему ничего не оставалось, как ожидать, когда его ноги свыкнутся с его весом, впившись в предплечье Лейна, используя его устойчивое тело, чтобы стабилизироваться самому в вертикальном положении.

— Ты в порядке? — спросил Лейн. — Ты сможешь залезть в машину?

Как будто у него был выбор.

Эдвард кивнул и опустил козырек вниз на лицо.

— Проверь нет ли кого на улице сначала.

Лейн приоткрыл дверь и высунул голову.

— Хорошо, я возьму тебя за руку.

— Как по-рыцарски.

Черт с ним, но ноги Эдвард спешили к грузовику, словно бизнес-центр за спиной был в огне, и старый F-150 был единственным спасением: несмотря на боль, он лишь скрипел зубами и передвигал ноги, заставляя их идти.

Наконец, оказавшись на пассажирском сиденье, его желудок скрутило так, что ему пришлось прикрыть глаза и сделать пару вдохов.

Лейн прыгнул рядом на водительское сиденье и завел двигатель. Из-под капота послышалось урчание, раздался звук похожий на трение шестерни, и они...

Остались на месте, Эдвард покосился на брата.

— Что?

Как в замедленной съемке, Лейн посмотрел на него, Эдвард видел красивое лицо брата крупным планом.

— Что случилось? — спросил он. — Почему мы не двигаемся с места?

Сняв ремень безопасности, Лейн сказал:

— Вот, почитай пока. Я скоро вернусь.

Кипа бумаг опустилась на колени Эдварда, когда он рявкнул:

— Куда это ты собрался?

Лейн указал на бумаги:

— Читай.

Водительская дверь с грохотом закрылась, Эдвард хотел что-нибудь кинуть ему вслед. О чем, прости Господи, думает Лейн? Они только что проникли в офис отца...

Но он все же взглянул на бумаги, лежащие у него на коленях.

И увидел слова «Закладная» и «Средства».

— Что...? — пробормотал он, собирая страницы по порядку.

Закончив читать, он закрыл глаза, и его голова упала на подголовник. При добровольном и совместном согласии сторон «\$10,000,000 долларов США или десять миллионов долларов США» выдаются миссис Вирджинии Элизабет Брэдфорд Болдвейн.. Саттон Смит получает выплаты в шестьдесят тысяч долларов в месяц до тех пор, пока вся сумма не будет погашена.

Но, конечно, же существовало одно «но», пункт о несвоевременной выплате: если

ежемесячные проценты вовремя не выплачивались, Саттон может взыскать их за счет имущества Истерли.

Особняки, постройки и землю.

Не плохой договор риска, учитывая, что при последней оценке около четырех лет назад, все имущество стоило около сорока миллионов долларов.

Эдвард снова перелистал страницы и открыл страницу с подписями. Ранее было заверено нотариально, обычная практика для компании «Бредфорд бурбон» в плане конфиденциальности. И Уильям Болдвейн подписал на линии, где стояло имя Вирджинии Элизабет Бредфорд Болдвейн, с ее собственной подписью и двумя буквами: ДЛ. (доверенное лицо)

Доверенное лицо.

Поскольку фамилия его матери была единственной на полях, ей, в этом не возникало никаких сомнений, даже не было известно об этом соглашении, и она не увидит ни копейки из этих денег, все выглядело красиво и законно.

Вот, черт.

Когда дверь с его стороны открылась, он выругался и стрельнул взглядом на подошедшего.

Собираясь ему все рассказать, думая, что только Лейн может его побеспокоить.

Но Лейн стоял в сторонке под деревом магнолии.

«Мисс Аврора похудела», — оцепенело подумал Эдвард. Ее лицо оставалось таким же, но стало более осунувшемся, чем он помнил. Они оба изменились.

Он не мог поднять на нее глаза.

Просто не мог.

Он смотрел на ее руки, ее красивые руки, которые дрожали, когда она потянулась к его лицу.

Козырек бейсболки прикрывал его лицо, сердце гремело, как только она дотронулась до него. И он готовился что-то сказать, типа как ужасно он выглядит, и даже собирался сказать своеобразным тоном, чтобы дать ей понять, что конечно же ей не приятно смотреть на него, каким он стал.

Она даже сняла с него бейсболку.

Он ждал, готовя себя...

— Господь привел тебя домой, — хрипло сказала она, держа его лицо и целуя его в щеку. — Драгоценный мальчик, он вернул тебя к нам.

Эдвард не мог вздохнуть.

«Драгоценный мальчик...» — именно так она всегда называла его, когда он был маленьким. «Драгоценный мальчик». Лейн был ее любимцем, всегда, Макса она терпела, потому что должна была, но Эдварда мисс Аврора называла драгоценным.

Потому что она была старой школы, и он был первенцем, и это очень повлияло на нее.

— Я молилась за тебя, — прошептала она. — Я молилась, чтобы Господь вернул тебя к нам домой. И чудо свершилось, наконец-то.

Он хотел что-то ответить. Он хотел оттолкнуть ее, потому что для него это было слишком тяжело. Он хотел...

Но он даже не понял, как наклонился к ней, и она обняла его.

Прошло столько времени, все изменилось, он живет так, как даже не мог себе представить никогда, он пришел, чтобы... мисс Аврора обняла его за голову, чтобы ее сердце

стучало у его уха, и ее настолько знакомый, успокаивающий голос говорил с ним, и чтобы его брат наблюдал за ними издалека, и вот тогда он начал по-настоящему излечиваться: на мгновение, на долю секунды, на длину одного дыхания, его внутренний огонь загорелся. Загорелась искра, вспыхнула и потухла, потом опять, она, наконец, отступила немного назад.

Но внутренний огонь все же пытался разгореться. И вдруг все изменилось.

— Я каждую ночь молилась за тебя, — сказала она, поглаживая его плечо. — Я молилась и просила, чтобы ты был спасен.

— Я не верю в Бога, мисс Аврора.

— Ты не такой, как твои братья. Но я скажу тебе, он все равно тебя любит.

— Да, мэм.

Что еще он мог сказать?

— Хорошо, — она дотронулась до его головы, подбородка. — Я понимаю, что ты не хочешь на меня смотреть...

Он взял ее за руку.

— Нет, это не так.

— Не стоит оправдываться.

От одной мысли, будто она подумала, что он не желает на нее смотреть, потому что она какая-то второсортная женщина, он почувствовал себя так, словно ему выстрелили в грудь. — Я ни на кого не хочу смотреть. Я не такой, как когда-то был.

Она приподняла его лицо.

— Посмотри на меня, мальчик.

Ему пришлось заставить себя встретиться с ее темными глазами.

— Да, мэм.

— Ты совершенен в глазах Бога. Ты понял меня? И ты совершенен в моих глазах, и неважно, как ты выглядишь.

— Мисс Аврора... не только изменилось мое тело.

— Все в твоих руках, мальчик мой. Ты выбираешь, утонуть или плыть с опытом случившегося. Ты хочешь утонуть? Довольно глупо в данный момент, когда ты выбрался на сушу.

Если бы кто-нибудь другой говорил ему такие слова, он бы закатил глаза и никогда даже не вспоминал об этом разговоре. Но он знал ее прошлое. Он знал многое о ее жизни, больше, чем Лейн, он знал через что ей пришлось пройти, прежде чем она начала работать в Истерли.

Она выжила.

И она приглашала его присоединиться к клубу... выживших.

«Вот почему я не хотел видеться с ней», — подумал он. Он не хотел участвовать в этом противостоянии, принимать этот вызов, который она явно бросала ему.

— Что если я не смогу попасть в этот клуб, — спросил он треснувшим голосом.

— Ты попадешь, — она наклонилась и прошептала ему на ухо:

— У тебя есть ангел, который наблюдает за тобой.

— Я не верю в них.

— Это не важно.

Отодвинувшись от него, она долго смотрела ему в лицо, как бы впитывая всеми порами насколько он изменился, стал худее и старше.

— Ты в порядке? — резко спросил он, чтобы как-то прервать ее взгляд. — Я слышал, ты

попала в реани...

— Я в полном порядке. Не беспокойся обо мне.

— Прости.

— В чем ты извиняешься? — и прежде чем он успел ответить, она своим скрипучим голосом продолжила:

— Не извиняйся о том, что переживаешь за других. Я всегда буду с тобой, даже когда меня не будет.

Она не сказала «прощай», просто провела еще раз рукой по его лицу и отвернулась. И было даже забавно, наблюдать, как она подошла к Лейну, и они завели разговор под тяжелыми темно-зелеными листьями магнолии, и она опиралась на палочку, как оказалось.

«Только не по такой причине, как я», — подумал Эдвард.

Дождь, начался после пяти вечера, хотя его даже не обещали, Лиззи складывала последний столик в шатре, почувствовав изменения в воздухе и взглянула на плющ, обвивавший кирпичную стену сада. Конечно же, трилистники колыхались и танцевали, посверкивая серым цветом от неба.

— Только не дождь, — пробормотала она, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Знаете, о погоде здесь складывают легенды, — возразил ей один из официантов.

Да, конечно, она знала.

«Где Лейн?» — спросила она сама себя. Она не получила от него ни звонка, ни смс-ки, после того, как увидела его у грузовика, часов шесть назад.

К ней подошел мистер Харрис.

— Ты сообщишь им, что деньги прейдут позже?

— Ага, — ответила она. — За аренду всегда оплата поступает позже, и прежде чем вы спросите, за серебро и бокалы тоже.

Поскольку он продолжал стоять рядом с ней, она подумывала попросить его помочь, сложить стол и перенести его к готовым отгрузки вещам. Но было довольно очевидно, что он не собирался марать свои руки, как грузчик.

— Что случилось? — нахмурившись, спросила она.

— Снова прибыли полицейские. Они стараются быть незаметными в связи с нашим мероприятием, но они хотят, чтобы я рассказал им все сначала.

Лиззи понизила голос:

— Вы хотите, чтобы я позаботилась обо всем здесь?

— Боюсь, что они не позволят мне здесь все проконтролировать.

— Думаю, я смогу вам с этим помочь.

Дворецкий откашлялся. Слава тебе Господи, он совершил легкий поклон.

— Мы были бы весьма признательны. Спасибо, я постараюсь быстро освободиться.

Она кивнула и проследила за ним взглядом, затем вернулась к работе.

Складывая столы в шатре, она прошагала через помещение, напоминавшее пещеру, выйдя на открытый воздух, где капли дождя опустились ей на голову и плечи. Шатер стоял с противоположной стороны дома, и Грета появилась рядом, словно они были двумя устьями одной реки, люди выходили шеренгой из шатра, держа над головами подносы, и очень быстро передвигаясь в сторону дома.

Лиззи ждала вместе с остальными, медленно передвигаясь все дальше и дальше под козырек.

Самый большой из двух шатров будет демонтирован примерно через двадцать минут... и оставалось собрать только мусор с пола — мятые салфетки, упавшие вилки и бокалы.

Богатые ничем не отличались от любого другого стада животных, способных оставлять после себя мусор в завершение вечеринки, вдоволь наевшись.

— Последний стол, — сказала она, уходя снова под тент.

— Хорошо, — Грета указала на сложенные столы. — Его стоит положить туда, ja?

— Дааа, — Лиззи подняла стол и положила его на вершину кучи. — У мистера Харриса неотложные дела, поэтому я все собраю.

— У нас все готово, — Грета кивнула на двух молодых людей, стоящих рядом с шестью

ящиками в противоположном углу. — Вон там. Хорошо, что это все под тентом, ja?

— Мне нужно все проверить на кухне.

— Мы управились здесь за час.

— Точно по расписанию.

— Однозначно.

И Грета была права. Ровно в шесть часов вечера, они очистили большой шатер, дом и сады, снимая все, что было приготовлено для торжества, перетаскивая на задний двор с такой скоростью, словно нажимали клавиши Ctrl+Alt+Delete. Как обычно, они прикладывали колоссальные усилия: нанятой персонал уходил по одному, большинство из них направлялось в центр города, чтобы выпить с тоски от OMGs дня, но естественно не Лиззи или ее компаньенка. Дом. Общим им предстояло отправиться по домам, где она будет ждать Лейна, а Грета готовить ужин для мужа.

Они молча направились к парковке, перед тем как сесть в свои автомобили, обнялись.

— Следующее событие уже на подходе, — сказала Лиззи, убирая объятия.

— Следующее — нам стоит подготовиться к дню рождения Маленькой Вирджинии Элизабет.

«Или к приему по поводу свадьбы Джинны», — подумала Лиззи.

По крайней мере это не будет годовщина свадьбы Лейна.

— Увидимся завтра? — спросила она.

— В воскресенье? Нет, — рассмеялась Грета. — Никто не будет в состоянии пошевелиться — не мартини, ни мышь.

— Точно. Прости, голова ничего не соображает. Увидимся в понедельник.

— С тобой все в порядке, ты доедешь домой?

— Ага.

Махнув друг другу рукой, Лиззи села в Yaris, и присоединилась к ручейку легковых и грузовых автомобилей обслуживающего персонала, отъезжающих от Истерли.

Свернув налево на Ривер-Роуд, накрапывающий дождь превратился в ливень, и потоп заставил ее вспомнить о гонке, стремительной лавине машин, которую она пропустила. Потянувшись к радио, она крутила радиостанции, чтобы найти местную. К тому времени, когда она прослушала все новости, миновала сложную развязку и выехала на трассу, ведущую в штат Огайо.

Но она особо не слушала новости, наверное, потому что ее совершенно не интересовал спорт.

Нахмурившись, она легла грудью на руль.

— Бог ты мой...

Впереди горизонт чернел от огромных грозовых туч, вспышки молнии и раскаты грома бороздили низкое небо. Что может быть еще хуже? Вспышки молнии отсвечивали зеленым... и даже для ее неопытного, невооруженного глаза, по-видимому на горизонте закручивался вихрь.

Она оглянулась через плечо, стояла обычная погода, даже виднелся участок чистого голубого неба.

Засунув руку в сумочку, она достала телефон и набрала Истерли. Когда раздался голос с английским акцентом, она сказала:

— Погода меняется. Вам необходимо...

— Мисс Кинг? — произнес дворецкий.

— Послушайте, вам необходимо закрыть двери в домике бассейном и горшки...

— Но погода не меняется, как вы выразились. Метеорологи предупреждали, что сегодня вечером ожидается дождик.

Вспышка молнии озарила ее путь из облака впереди, она подумала, что, по крайней мере, через час она будет дома вместе со своим мужчиной.

— К черту канал погоды. Я говорю вам, то что вижу перед собой... надвигается очень сильная буря, которая ударит первой по Истерли, поскольку стоит на холе, а потом уже дойдет до центра города.

Вот черт, она не могла вспомнить, закрыла ли окна на ферме?

— Я не знал, что вы обладаете навыками метеоролога, — сухо ответил мистер Харрис.

«Вы мудак, сэр».

— Хорошо, тогда скорее всего вы сможете объяснить следующее: первое, почему сорван у бассейна навес. Второе, почему четыре кадки со стороны западной террасы упали и их следует пересадить. Третье, куда делась садовая мебель, поскольку, если вы не уберете ее в домик с бассейном, ее разметает по клумбам. И это подводит меня к вопросу номеру четыре, а именно, когда плющ, чайные розы и гортензии будут исправлены. Ох, и вы конечно сможете объяснить семье чек на семьдесят семь тысяч долларов для покупки новых растений.

Тик, так. Тик, так...

— Что это был за второй... вопрос? — произнес он.

«Ату, большой парень».

Лиззи быстро объясняла все действия, которые выучила в результате ее трудов с Гретой, работая с Гари МакАдамсом в течение многих лет, создавая надежную защиту от непогоды весной и осенью. Дело в том, что штормы такого уровня не подходили под категорию EF5, и не происходили непосредственно в поместье Истерли, создавая полнейший беспорядок. Некоторые из этих штормов были намного больше и сильнее, принося больше вреда, ветер дух в сторону поместья.

Это была единственная вещь, которой она быстро научилась, когда переехала в Чарлмонт...

Как по команде, она въехала в стремительные потоки дождя, бьющие по лобовому стеклу с такой силой, что звук был похож на танцовщиц-степистов, отрывающихся под гимн «Звездное Знамя».

Дворники не справлялись с потоком воды, она сняла ногу с педали газа, поскольку Yaris, имея низкую посадку была не способна плыть по трассе.

— Вы поняли? — спросила она. — Мне необходимо рулить, чтобы проехать.

— Да, да конечно... о, мой Бог, — прошептал мужчина на том конце провода.

— Ну теперь вы видите бурю? — «Повеселитесь», — подумала она. — Лучше не терять ни минуты.

— Да, я понял.

Лиззи повесила трубку и забросила телефон обратно в сумочку. Она горбилась за рулем, держась крепче... и стала молиться, чтобы ни один идиот на джипе не решил показать понты и не сбил ее с дороги.

Все быстро стало еще хуже.

И черт побери после такого напряженного дня, который она все же пережила, ей совершенно были не нужны проливные струи воды, которые делали видимость почти

нулевой, и гром с разрезающими небо молниями, но погода, казалось, являлась отражением Истерли, вернее того, что происходило в Истерли, словно произошедшая трагедия каким-то образом повлияла на самую погоду.

Хорошо, это аллегория.

Но все же.

Ей понадобится пятьсот лет, чтобы она смогла достичь развилки. А потом еще семь или восемь, чтобы добраться до дома. Между тем, буря превращалась в буран (с большой буквы «Б»): молнии потрескивали и шипели, будто бы целясь в ее машину, гремел гром, и посыпался круглый град, стучащий по лобовому стеклу с такой силой, словно летел из самого Fenway Park. У нее побелели костяшки пальцев, она стала откровенно злиться, беспокоиться о Лейне, и у нее все болело, наконец, когда она добралась до дома была вся на нервах...

«На все воля Всевышнего», — единственная мысль, крутившаяся у нее в голове.

Она как раз подъезжала к своему дому. А потом? Зигзагообразные молнии прорезали небо, ударив прямиком в макушку красивого дерева справа.

Полетели искры, как на четвертое июля.

И она закричала:

— Нет! — ударив по тормозам.

Шины и в обычную сухую погоду тормозили неравномерно. А на мокрой, грязной проселочной дороге? Yaris виляла словно пьяная свиноматка, с трудом останавливаясь.

Так она и узнала, что Лейн уже был у нее дома, въехав в зад его Porsche.

Лейн уже два часа сидел за ее кухонным столом, читая финансовые отчеты «Брэдфорд бурбон», пока за окном гремел ураган. Шум дождя и гром молний отдавался в доме, но он не отрывался от ее ноутбука, даже когда старые стекла дребезжали и балки крыши скрипели от ветра.

Огромные объемы данных были подавляющими.

И он начинал впадать в панику, поскольку понимал только часть.

Было чертовски наивно с его стороны думать, что он мог разобраться в делах своего отца, благодаря своему рвению. Просматривая различные разрозненные файлы, у него явно не хватало знаний в бухгалтерии, чтобы окончательно разобраться в них.

Слава Богу, Эдварда готовили именно к этому, помимо руководства семейным бизнесом, и именно Эдвард мог разобрать теневую бухгалтерию, кишущую записями, паролями и электронными письмами. Без этого он не мог бы загрузить информацию на ноутбук Лиззи, не вызывая тревоги в офисе.

Возможно, они рано или поздно обнаружат утечку информации.

Он не мог сказать, сколько пройдет времени, прежде чем отец поймет, что произошла такая утечка.

Он откинулся на спинку стула и потер глаза, за окном началась вторая волна бури. Или из-за того, что его глаза устала все время пялиться в экран, или из-за того, что адреналин гудел, заставляя его мозговые клетки работать быстрее, он вдруг отчетливо понял, что дом Лиззи находился в осаде.

Поднявшись, он закрыл все открытые окна. Он носился из комнаты в комнату, молния озаряла небо, а гром, потрескивая сотрясал дом, формируя и отбрасывая резкие тени на пол, мебель и пианино. Небо почти стало черным, как в полночь, и острые молнии ударяли в землю, у него было такое впечатление, что он находится в зоне военных действий.

Он даже не задумывался, насколько это может отразиться на Истерли, бушующая весна на востоке, возможно соединились горячие и холодные фронты, простершиеся на мили и мили вдоль плоскогорья и земель.

Вернувшись на первый этаж, он выглянул на крыльцо и выругался. Плетеные кресла-качалки, столик сбило в кучу, находясь словно в анимированном нервном возбуждении, двигаясь от порывов неумолимого ветра.

Он с трудом открыл дверь при сильном порыве ветра, навалившись всем весом, поворачивая дверную ручку, и ему пришлось с усилием ее тащить на себя, потом она закрылась, как только он вышел на крыльцо. Схватив все стулья и столики, все что он мог взять за один раз, он передвинул их за угол крыльца, чтобы самая ужасная буря не смогла добраться до них.

Он вернулся за креслом, когда заметил фары машины, поворачивающей с главной дороги. Это однозначно была Лиззи, и он был очень рад, что она оказалась дома. Он хотел отправить смс-ку... он готов был отправить все что угодно — дымовые сигналы или почтового голубя, но он был заперт проливным дождем.

Дальше все произошло чуть ли не со скоростью звука: появилась вспышка молнии прямо над домом, потом раздался треск и словно взорвались провода электропроводки.

Дерево, самое огромное рядом с домом, с треском стало медленно падать, расколов его на двое.

Лиззи как раз остановилась под этим деревом.

Скрежет металла заставил его сердце остановиться.

— Лиззи! — закричал он, перепрыгивая через ступеньки крыльца.

Дождь стучал ему по лицу, ветер, как стая собак, срывал с него одежду, но он бежал вперед с трудом различая дорогу.

«Смерть забирает троих».

— Нет! — закричал он в бурю. — Нееееет!

Yaris была подмята тяжестью дерева, крыша прогнулась, также как и капот... и вся его жизнь, промелькнула у него в голове, пока он пытался затормозить босыми ногами. Ветки с ярко-зелеными, весенними листьями были повсюду, через них он ничего не мог разглядеть, дождь и ветер накрывали его, но опять сверкнула молния и раздался гром, словно ничего не случилось.

— Лиззи!

Он нырнул в мокрую кашу из листьев, желая пробиться, преодолеть ее. Даже несмотря жуткий ветер, он ощутил запах бензина и масла, и услышал шипение двигателя, видно который тоже пробило.

«Может, из-за такого ливня, ничего не воспламениться?» — подумал он

Лейн решил сменить тактику, поднимая вверх ветки одну за другой, пока не дошел до передней части автомобиля. Он ощутил что-то скользкое и мокрое под своей рукой и постучал по нему, ему хотелось, чтобы она знала, что он рядом.

— Лиззи, я вытащу тебя!

С бешеной скоростью он стал продираться сквозь листья и ветки, пока не почувствовал переднее ветровое стекло, которое осталось целым, но с яростью, сжав кулак, он пробил его, и просунул руку в открывшееся отверстие.

Лиззи лежала боком, голова на пассажирском сиденье, руки безвольно мотались, как будто она пыталась себя выправить в кресле. Обе подушки выстрелили, и в воздухе, несмотря

на шторм, витал запах талька.

— Лиззи!

По крайней мере, она могла двигаться.

Черт. Он никак не мог открыть ни одну дверь, но он собирался вытащить ее.

Он продвинулся рукой вглубь салона и коснулся ее рукой.

— Лиззи?

Ее веки задрожали, на лбу виднелась кровь.

— Лейн...?

— Господи, ты жива. Я должен вытащить тебя отсюда. Где у тебя болит? Шея? Спина?

— Прости меня... твоя машина...

Он закрыл глаза на секунду, и произнес про себя молитву, затем тут же перешел к действию.

— Я вытащу тебя.

Пробираясь вглубь машины, ему удалось каким-то образом добраться до ремня безопасности и отстегнуть его, взяв ее за плечи...

И он замер.

— Лиззи? Послушай меня, ты уверена, что у тебя ничего не болит? Ты можешь подвигать руками и ногами? — когда она не ответила, он почувствовал волну нового страха. — Лиззи? Лиззи!

Находясь в Чарлмонте, Эдвард даже не вспомнил о выставленных лошадях на Derby. У него и мысли не возникло там присутствовать.

В данный момент, он примерял к себе новую роль — сталкера.

Садясь за руль припаркованного у конюшен Red&Black грузовика, через пассажирское стекло он взглянул на огромные конюшни, построенный в начале 1900-х годов, представляющие из себя множество строений штата Джорджия, по своим размерам намного больше, чем Истерли..., которому пришел конец. Саттоны были выскочками на протяжении почти столетия, посягавшие на чужие права, однажды им всего лишь улыбнулась фортуна, и они наконец настигли Брэдфордов, построив свой дом, как трофей этой победы. С какими-то всего лишь двадцатью или тридцатью спальнями, и обслуживающим персоналом в домиках, сгрудившихся под огромной «крышей», главный дом был почти город сам в себе... и второсортный город, надо сказать, также как и второсортный вид на реку и сад.

Но, их дом был больше, чем Истерли, по размеру.

Корпорация «Ликеро-водочные заводы Саттон» были больше на треть, чем «Брэдфорд бурбон».

Эдвард отрицательно покачал головой и взглянул на дрянные часы, которые надел. Если Саттон осталась верна своему обычному графику, то много времени это не займет.

По крайней мере, охрана в униформе с немецкой овчаркой не бросалась с лаем на него, и никто не спрашивал и не говорил, чтобы он убирался отсюда. Родовое поместье Саттон Смайтов охранялось также усиленно, как и Истерли, но у него было два козыря. Первый — логотип на его грузовике: «P&V» товарный знак был своего рода королевским мандатом, и если бы даже он был серийным убийцей, припарковавшийся в центре суда, скорее всего полиция бы отпустила его домой и оставила бы в покое. Второй — сейчас было время его любимого Derby. Несомненно, до сих пор скачки, ставки и кубки, были в цене.

Скоро. Она скоро приедет домой.

После того, как Лейн привез его обратно на ферму, он принял кое-какие лекарства. Затем еще раз перечитал бумаги под залог имущества... и ему понадобилось всего лишь десять минут, прежде чем он взял клатч, забытой Саттон, и прихрамывая направился к одному из грузовиков.

Мое и Шелби, а также другие работники конюшни были на скачках с тренерами лошадей. Пока он ехал к ней, раздумывая, что позорно тратить свою жизнь в покое на ферме, но видно для него это было необходимо, чтобы превратиться назад в человека.

Начался дождь, сначала упало несколько крупных капель, потом перешел в ливень.

Он снова посмотрел на часы.

Тринадцать минут. Он мог поспорить, что она будет дома через тридцать минут: в то время как большинство из двухсот тысяч человек в Стипл-Хилл-Даунс будут наслаждаться своей долгой дорогой домой, сначала под дождем добравшись до своих машин, а потом засев в крупнейшую пробку, пытаясь попасть на шоссе, такие люди как Брэдфорды и Смайты ехали туда и обратно в сопровождении полицейского эскорта, который намного сокращал их обратный путь.

Он оказался прав.

Через двенадцать минут и несколько секунд, один из черных Mulsannes семьи Саттон

подъехал к дому, водитель выскочил с переднего сиденья, раскрыв зонт, направляясь к задней двери. Второй охранник проделал тоже самое с другой стороны.

Сначала появился отец Саттон, опираясь на руку своего шофера, прошел в дом.

Саттон появилась с другой стороны, медленно выбираясь из машины, ее глаза остановились на его грузовике. После разговора с водителем, она забрала у него зонтик и направилась к нему, не обращая внимания на туфли на высоком каблуке, скользящим по лужам с водой.

Эдвард опустил окно, как только она приблизилась, пытаясь игнорировать запах ее духов.

— Садись, — сказал он, не желая на нее смотреть.

— Эдвард.

— Я хотел бы обсудить, что ты подписала с моим отцом в моем собственном доме? Или может уже в твоём доме?

Она выругалась словами, совсем не соответствующими для леди, а затем начала залезать в грузовик. С ворчанием он попытался дотянуться до ручки двери, как подобает джентльмену, и открыть для нее, но она опередила его, кроме того, его тело не могло тянуться так далеко.

Как только она опустилась на сидение, и увидела свой клатч, застыла.

Он включил зажигание и двинулся с места, пробормотав:

— Мне подумалось, что ты захочешь получить свое водительское удостоверение.

— Я должна быть на приеме через сорок пять минут, — сказала она, когда он начал спускаться с пригорка.

— Тебе же не нравится ходить на приемы.

— У меня свидание.

— Поздравляю, — у него тут же возникла мысль, похитить ее и удерживаться у себя всю оставшуюся жизнь, как показывают в фильмах, и его мысли двигались дальше, пока у нее не появится Стокгольмский синдром, и она не влюбится в своего похитителя. — Кто он?

— Не твое дело.

Эдвард повернул налево и поехал вперед.

— Значит, ты лжешь.

— Можешь посмотреть завтра газеты, — ответила она скучающим тоном. — Там ты все прочтешь.

— Я больше не получаю Charlemont Courier Journal.

— Послушай, Эдвард...

— Какого черта ты делаешь? Заключаешь договор под залог моего дома?

Хотя он не смотрел на нее, он почувствовал ее ледяной взгляд.

— Первое, твой отец сам предложил мне это. И второе, если ты продолжишь разговаривать в том же духе, я откажу в праве выкупа заложенного имущества, просто из принципа.

Эдвард выстрелил взглядом в ее сторону.

— Как ты могла так поступить? Неужели ты настолько алчная?

— Процентная ставка более чем справедлива. А ты предпочел бы, чтобы он обратился в банк, где дом могут потом выставить на публичную продажу? Я все сделаю честно, если выплаты будут поступать в срок, как в договоре.

Он ткнул пальцем в документы, лежащие между ними.

— Я хочу, чтобы ты вышла из этого.

— Ты не участник данного договора, Эдвард. И, по-видимому, твоему отцу нужны деньги, иначе бы он не обратился ко мне.

— Это мой дом и дом моей матери!

— Знаешь, если бы я была на твоём месте, я бы наоборот поблагодарила меня. Не знаю, что происходит под крышей твоего дома, но десять миллионов — это ничто для такой могущественной и великой семьи, как Брэдфорд!

Эдвард повернул руль налево и рванул в один из общественных парков, которые располагались на берегу реки Огайо. Пересекая безлюдную парковку, он остановился, напротив лодочной станции и свернул в парк. Шторм бушевал всюду, и всполохи молний подливали масло в огонь, зарождающегося гнева у него внутри.

Развернувшись в кресле, он проглотил стон боли.

— Он не нуждается в деньгах, Саттон.

Конечно, это была ложь, однако он не собирался объяснять проблемы, существующие в семье: хотя и был расстроен тем, что в этом участвовала Саттон, хотя и был уверен, что может доверять ей, но существовали и другие, причастные к этому договору — юристы и банкиры. По крайней мере, она могла бы опровергнуть их разговор, если это всплывет.

— Тогда почему он подписал этот документ? — спросила она. — Почему твой отец, если это для него не так важно, вырывает меня с деловой встречи, положив готовые документы на стол.

Пока она задавала вопросы, у него перед глазами стоял ее образ той ночью, когда она оседлала его и была такой нежной с его изувеченным телом.

Потом у него тут же возник образ — отец, обнявший ее в офисе.

«Это ублюдок мог переспать с любой женщиной?» — задавался он вопросом, у него возрастала ненависть к Уильяму Болдвейну.

Эдвард сосредоточился на ее губы, думая о жене своего брата.

— Он никогда не целовал тебя?

— Прости?

— Мой отец. Он никогда не целовал тебя?

Саттон покачала головой в недоумении.

— Давай лучше придерживаться темы о закладной на Истерли, да?

— Ответь мне на чертовый вопрос.

Она вскинула руки.

— Ты видел меня у него в кабинете. О чем ты думаешь?

«Он пытался», — подумал Эдвард, испытывая всплеск ярости.

— Послушай, — сказала Саттон. — Я не знаю, что происходит у вас в семье, и зачем он составил этот договор. Могу сказать одно — для меня это хорошая сделка... мне казалось, она как-то поможет вам. Конечно глупость с моей стороны, я подумывала сохранить договор в тайне, я подумала, что это пойдет вам на пользу.

Через мгновение он пробормотал:

— Ну, ты ошиблась. Поэтому я и хочу, чтобы ты разорвала этот договор.

— У твоего отца имеется копия договора, — сухо заметила она. — Почему бы тебе не поговорить с ним?

— Он заключил с тобой эту сделку, потому что ненавидит меня. Он сделал это потому, что черт побери отлично знает, что я бы не обратился будь ты самым последним человеком

на всей земле, чтобы моя семья не была обязана вам.

По крайней мере, это не было ложью, она ахнула от его слов.

Господи, даже просто от одного ее присутствия он чувствовал себя, хотя бы наполовину мужчиной рядом с ней...

От слов Эдварда у нее екнуло сердце, и Саттон дернулась на своем сидении, она не успела скрыть свою реакцию на его слова.

Гордость подталкивала ее к продолжению дискуссии, но его слова, наполненные гневом, бесперебойно прокручивались у нее в голове, и она молча какое-то время смотрела на беспокойную, бурлящую мутную реку.

Дворники не справлялись с потоками воды, но периодически им удавалось смахнуть всю воду с лобового стекла, давая возможность ей хотя бы на мгновение увидеть противоположный берег. И это напоминало в какой-то степени комикс, когда ты по жизни двигаешься вперед и совершаешь какие-то действия, не видя полной картины (ландшафта), погрязнув в повседневных мелочах, с которыми нужно разбираться... и вдруг в какой-то момент все кристаллизуется, становясь на свои места, как на ландшафте, если ты смотришь на него сверху, и видишь себя далеко не там, где представляла — «Ах, вот значит, где я».

Саттон прочистила горло, и заговорила, сначала медленно, по потом быстрее, ее голос звучал тихо и хрипло:

— Знаешь, я, наверное, никогда не смогу понять, почему ты такого плохого мнения обо мне. Для меня это полная... загадка.

Эдвард попытался ответить, но она продолжала говорить, не обращая внимания на его попытки.

— Тебе стоит узнать, что я влюбилась в тебя еще давным-давно.

Он тут же замолчал.

— Тебе стоит это знать. Как ты можешь так думать обо мне? Я следила за тобой много лет... из-за этого ты так ненавидишь меня? — она взглянула на него и не могла разглядеть его глаза под козырьком бейсболки... который, наверное, был неплохой вещью, чтобы скрыть его лицо. — Ты презираешь меня за это? Мне всегда казалось, что ты воспринимаешь меня, как свой «хвостик», думая, что воспользоваться моими чувства в какой-то момент, если бы для тебя это было полезно... но все выглядит намного хуже? Я презираю себя за эту слабость, — она кивнула на бумаги. — Я имею в виду, эти документы являются прекрасным примером насколько я безнадозна. Я никогда не совершила такую сделку ни с кем другим, да еще и тайно. Но думаю это моя проблема, а не твоя, не так ли?

Она снова уставилась на лобовое стекло.

— Знаю, ты не любишь вспоминать, что случилось в Южной Америке, но... все пока ты был там, я не могла спасть, и потом еще несколько месяцев мне снились кошмары. Ты вернулся в Чарлмонт и не захотел со мной встречаться. Я успокаивала себя тем, что ты никого не хотел видеть, но на самом деле это не правда.

— Саттон...

— Нет, — резко остановила она его. — Я не позволю тебе вернуться к разговору по поводу договора о залоге. Это совсем другая глупость, которую я совершила, потому что она касалась тебя.

— Ты совершила ошибку, Саттон.

— Я? Не уверена. Как насчет того, чтобы покончить с этим прямо сейчас... отвали от меня, Эдвард. Теперь отвези меня назад домой прежде чем я вызову полицию.

Она думала, что он начнет с ней спорить, но через секунду он нажал на педаль газа и направил машину в обратном направлении.

Когда он выехал на трассу, она взглянула на его мрачный профиль.

— Тебе лучше молиться, чтобы твой отец вовремя совершал выплаты. Если он этого не сделает, то я без колебаний выкину твою семью на улицу... надеюсь ты понимаешь, люди в городе говорят, что ты просто выжил из ума.

Это были последние слова, сказанные на обратном пути к ее дому.

Он прокатился еще пару метров к ее особняку, прежде чем остановиться, она забрала свой клатч и открыла дверь, хотя он еще не остановился, а затем выпрыгнула из машины.

Ей показалось, что он назвал ее по имени, а может ей это только показалось, когда она вышла из грузовика.

Это не важно.

Она побежала к входной двери под дождем, когда дворецкий своевременно открыл ее.

— Хозяйка! — воскликнул он. — С вами все в порядке?

Она даже не стала раскрывать зонтик, кинув быстрый взгляд в старинное зеркало у двери, в котором увидела себя уставшей и измотанной, также собственно и чувствовала.

— На самом деле, я не очень хорошо себя чувствую, — произнесла она чистосердечно. — Пожалуйста, предупредите Брэндона Милнера, что я заболела и пойду в постель. Я должна была пойти с ним на прием сегодня вечером.

Дворецкий поклонился.

— Позвать доктора Оалби?

— Нет, не стоит. Я просто устала.

— Я принесу поднос с чаем.

Она почувствовала поднимающуюся тошноту.

— Как мило, спасибо.

Дворецкий направился в крыло особняка, где располагалась кухня, она же подошла к раздвигающимся дверям лифта. К счастью, лифт стоял на первом этаже, и она быстро поднялась на свой этаж. Ей совершенно не хотелось встречаться не с отцом, не с братом.

Выйдя из кабины лифта, она сняла туфли и утопая в мягком ковре прошла по длинному коридору, тихо проскользнув в свою спальню и закрыв за собой дверь.

Несмотря на то, что она прикрыла глаза, все равно продолжала слышать голос Эдварда, звучавший у нее в голове:

«Он сделал это потому, что черт побери отлично знает, что я бы не обратился будь ты самым последним человеком на всей земле, чтобы моя семья не была обязана вам».

Невероятно.

Это казалось смешным. Несмотря на деньги, которые были у ее семьи, учитывая позицию семьи в общественной жизни и авторитет, уважение и лесть... она сейчас чувствовала себя сломленным ребенком.

Если учесть, что весь разговор с Эдвардом Болдвейном, состоял в замкнутом пространстве.

В течение десяти минут.

«Нет, — одернула она себя. — Это совершенно нездоровая одержимость к этому мужчине, которую стоит прекратить немедленно».

В самых потаенных уголках своего сознания, она иногда задавалась вопросом, так ли он одержим борьбой за нее в свете вековой конкуренции их семей, удерживающих его, чтобы

сделать шаг. Но видно это было неправдой, результат ее романтических фантазий, которые зарождались из ее чувств.

Единственные прекрасные слова, которые он сказал ей за все время, когда думал, что она проститутка, которую оплатил.

Теперь же реальность четко обозначилась: своими словами он словно повесил билборд с ее изображением, как говорится, на главной площади. Дав ей четко представление, что думал о ней, без возможности неправильно истолковать его слова.

Она могла быть жалкой, но она никогда не была глупой.

Послышался звук удар.

Лиззи завалилась на бок в салоне Yaris, заполненным осколками, ей показалось, будто ее ударили по голове.

Удар был с такой силой, словно Росомаха с Роки, и может быть Арнольд ударили все вместе, как в былые времена.

И в результате она не ощущала ничего, не Лейна, разбившего стекло, не того, что в лицо ей ударяли капли дождя и листвья, не громкий раскат грома...

— Лиззи!

Звук ее имени вывел ее из паутины забвения, и она открыла глаза, пытаясь понять, почему голос таким похожим на Лейна.

— Лейн? — произнесла она, с трудом моргая.

«Почему он заглядывал через дырку в лобовом стекле? Может это сон?»

— ...болит? — спросил он. — Мне нужно знать, где у тебя болит, прежде чем я начну вытаскивать из машины.

— Прости меня... твоя машина...

— Лиззи, ты должна сказать мне, где тебе больно!

Когда этот парень чего-то боялся или сильно пережимал к нему возвращался его южный акцент, который сейчас звучал слишком отчетливо. Она нахмурилась. «Больно? Почему ей должно быть...»

И она действительно ощутила боль, как только увидела поваленные ветки дерева на свою машину.

«Хорошо, — мелькнуло у нее в голове, — должно быть это дурной сон, и она сможет разобраться с этим: нужно проверить руки, ноги и глубоко вдохнуть, подвигать головой... все в порядке».

— Я в порядке, — пробормотала она. — Что случилось?

— Я хочу вытащить тебя через лобовое стекло, помоги мне, если сможешь, хорошо?

— Конечно. Я...

Вау. Ох!

Но она была полна решимости помочь ему вытянуть себя из этой машины. Когда он стал вытягивать ее, а молния сверкала так, словно произошло замыкание в розетке, она оттолкнулась ногами, Лейн схватил ее и потянул наружу, вытаскивая все больше и больше.

Дождь хлестал ее по лицу, волосам, моментально намочив одежду. Ветки царапали кожу. Ветер трепал волосы и заставлял зажмуриться.

Но Лейн вытащил ее.

Она оказалась в его объятиях, припав к его груди, чувствуя, как дрожит все его тело.

— О, Боже, — хрипло произнес он. — О, слава Богу, ты жива...

Лиззи схватилась за него, до конца не понимая, почему она стоит на ветках дерева, под которым припарковала свой автомобиль...

Молнии прочерчивали небо и ударяли близко в землю, у нее от раскатов заложило уши.

— Мы должны укрыться в доме, — гаркнул Лейн. — Давай двигаться.

Спотыкаясь и падая на землю, ее голова вернулась к происходившей реальности... когда она увидела эту реальность, ее почти парализовало.

Половина ее прекрасного дерева возле дома упало на ее машину.

Лиззи не врезалась в его Porsche.

Раздавшийся скрежет шел от ее маленького седана, когда на него упало всем своим весом огромное дерево.

— Лейн... мой автомобиль...

Единственное, что она смогла произнести, когда он поднял ее на руки и побежал к дому. Как только они очутились на крыльце, она заставила его опустить себя на пол. Подняв свою руку к губам и разглядывая теперь уже с крыльца свою машину, она...

Кровь, рука была в крови...

Она почувствовала внезапную дурноту, и качнулась в сторону, оглядывая себя.

— Лэйн... я ранена?

— Внутрь, быстро, — потребовал он, подталкивая ее к двери.

Как только он запихнул ее в дом и с силой захлопнул, закрыл входную дверь, ее сердце застучало сильнее, как только она окинула взглядом своего спасителя и увидела, что он тоже был весь в крови, мокрый и грязный.

Но какое это имело значение?

Они оба кинулись навстречу друг другу, крепко обнявшись, прижимаясь, что вода струйками потекла на пол с их одежды, отстранились на секунду, а потом опять обнялись еще крепче, делясь теплом тел.

— Я думал, что потерял тебя, — сказал он ей в ухо. — О, Боже, я думал...

— Ты спас меня, ты вытащил меня...

Они одновременно сумбурно заговорили, и он целовал ее, а она целовала его в ответ.

Лиззи немного отодвинулась.

— Ты истекаешь кровью, это твоя кровь.

— Просто царапины.

— Боже, посмотри на свои руки...руки!

У него все руки были в царапинах и порезах, и не только руки, но также шея и лицо, там тоже виднелись порезы и царапины, а также ушибы.

— Это не важно, — ответил он. — Я беспокоился о тебе, а остальное не важно.

— Тебя нужно показать врачу.

— О, прошу тебя. Дерево упало на тебя, а не на меня, помнишь?

И тут выключился свет.

Лиззи замерла на мгновение... а затем начала хохотать, да так сильно, что у нее даже слезы полились из глаз. Эмоции зашкаливали в течение всего дня, и она больше не могла их сдерживать, Лейн тоже смеялся вместе с ней, держа друг друга в объятиях и не отпуская, чувствуя, как его тело заходится смехом, все проблемы с семьей отступили на задний план, снимая усталость от бранча... и случая с деревом.

— Душ? — спросила она.

— Я думал, ты никогда не предложишь.

Обычно, она бы переживала и подтирала мокрые пятна в своей гостиной и на деревянной лестнице, но не сейчас, вспоминая дерево, свалившееся на ее машину, поменяло ее приоритеты.

— Клянусь тебе, я решила, что въехала в зад твоего автомобиля, — сказала она, пока они поднимались на второй этаж.

— Это не важно, главное, что ты в порядке.

«Ах, какое счастье, что он Брэдфорд», — подумала она.

— Ты говоришь так, словно у тебя есть еще одно Porsche.

— Даже если у меня его нет, это совершенно не важно, главное, что ты жива и здорова.

Обнимая друг друга, они прошли в дверь спальни и направились в ванную комнату, она включила душ, он стал помогать ей раздеться, расстегивая молнию, снимая липнущую холодную мокрую одежду.

Мурашки щекотали ее руки и бедра, но видно они появились больше от страсти в его глазах, чем от холодного воздуха. Потом Лейн разделся сам, побросав тут же свою мокрую одежду.

— Скорее под душ, — со стоном произнесла она, когда он уткнулся носом в ее шею, прокладывая дорожку из поцелуев к ее губам.

Он выругался, стоило им ступить под горячие струи воды, смывающие кровь, она почувствовала облегчение, потому что увидела, что у него на руках были порезы, никаких ужасных ран...

И эта была последняя мысль, которая посетила ее, как только его сильные руки стали путешествовать по ее нежной груди, а рот опустился на ее губы, и страсть ожила между ними.

«Я люблю тебя», — подумала она.

«Я влюбляюсь в тебя снова и снова, Лейн».

Они занимались любовью дважды в душе и еще раз в постели, потом спустились вниз и ели замороженную лазанью и мороженое с персиками, довольные и сытые вернулись наверх и упали в кровать... и все проблемы, прошедшего дня, вернулись к нему снова.

К счастью, Лиззи спала и было темно, не было электричества, и он не мог продолжить свои изыскания за ноутбуком.

Уставившись в потолок, он анализировал, перемалывая все события, и то, что ему удалось прочесть и узнать, пока не начался рассвет. Кинув быстрый взгляд на будильник, он с удивлением обнаружил, что уже прошла ночь.

Выскальзывая из-под простыни, он поднялся и отправился в ванную. Его одежда представляла из себя грязную грудку, он подобрал ее с пола и положил в корзину. Единственное, что ему удалось вчера спасти — его боксеры.

Лучшее, чем ехать домой, сверкая голой задницей в воскресенье.

Он наклонился к Лиззи.

— Я должен идти.

Она проснулась, рывком сев, он успокоил ее, вернув опять в горизонтальное положение.

— У меня свидание с красивой женщиной, которое я не могу пропустить, — сказал он.

Лиззи сонно улыбнулась, ласково, и ему захотелось вот так вечно сидеть и смотреть на нее.

— Передай ей от меня привет.

— Передам, — он поцеловал ее в губы. — Я привезу нам обед.

— Замороженный?

— Нет, горячий, черт побери.

Улыбкой, которой она его одарила, заставила его кровь бежать быстрее, но он ничего не мог с этим поделать, у него не было времени.

— Я лю..., — Лейн остановил себя, зная, что ей не понравится такого рода до свидания. — Увидимся в пять часов вечера.

— Я буду здесь.

Он поцеловал ее еще раз, а затем направился к двери.

— Подожди, а как же твоя одежда? — окликнула она.

— Они не смогут арестовать меня, гениталии прикрыты.

Ее смех сопровождал его, пока он спускался вниз и выходил из дома. Но один взгляд на дерево, лежащее на крыше ее машины, заставило его сердце пропустить удар.

Он глубоко вздохнул, остановив свой порыв схватить телефон и позвонить Гари МакАдамсу, чтобы тот приехал и отбуксовал на свалку ее машину. Но он остановил себя. Лиззи была не той женщиной, которая оценит его решение. У нее явно имеется свое собственное представление, как справиться с проблемой и собственный план для ее Yaris.

Зная ее, она попытается привести Yaris в Божеский вид.

Покачав головой, он подошел к своей машине. Porsche мог бы стоять под этим деревом, если бы оно упало на несколько футов вперед. Смахнув листья с капота, он опустил на водительское сидение и завел двигатель, и медленно тронулся с места, объезжая упавшее дерево и колеи от шин, заполненные водой. Как только он выехал на асфальт, он вжал педаль газа, наверстывая упущенное время, направляясь в Чарлмонт, переезжая через реку, и взбираясь вверх холма Истерли.

Он проехал уже полпути вверх по холму, когда ему пришлось замедлиться, поскольку навстречу мчался другой автомобиль.

Черный Mercedes S550 седан.

За рулем, которого в огромных темных очках с черной вуалью, словно она была в трауре, сидела его бывшая жена.

Шанталь даже не взглянула в его сторону, хотя прекрасно знала, черт побери, мимо чьей машины только что проехала.

Прекрасно. Удача явно сопутствовала ему, она наконец-то решила покинуть Истерли, и их адвокаты могли разрешить вопрос пребывания ее в поместье. Только Господь знал о скольком ему предстояло позаботиться.

Припарковавшись, он вошел через главный вход и остановился, как вкопанный, как только увидел в фойе чемодан.

Но чемодан явно не принадлежал Шанталь, поскольку она предпочитала Louis Vuitton. Это же был Gucci с инициалами РЕП.

Ричард Игнатиус Пфорд.

«Один мудака уезжает, — подумал он. — Другой приезжает».

О чем, черт побери, думает Джин?

Ой, постойте-ка. Он знал ответ. Для женщины, фактически не имеющей образования и профессии, его сестра обладала одним неоспоримым талантом: заботой о себе.

Она настолько испугалась из-за денег, что решила принять сторону отца, вцепившись зубами в богатую «кровь» в городе, и теперь чтобы не случилось с семьей, ее стиль жизни не изменится. Лейн мог только надеется, что ей не придется заплатить за свое решение, слишком уж высокую цену. Ричард Пфорд имел в некотором роде «пакостные» сексуальные потребности.

Однако, его это не касалось, он не собирался наблюдать за их сексуальными шалостями. Как бы это не опечалило, еще с малолетства он научился предоставлять Джине свободу действий, совершенно не заботясь о ее решениях, просто, чтобы справиться с сестрой другой стратегии просто не существовало.

Вбежав вверх по лестнице, он зашел в свою комнату, принял душ, побрился и надел костюм в крепированную полоску. Со второй попытки ему удалось правильно завязать галстук.

Он ненавидел это делать.

Он спустился вниз по лестнице для персонала, прошел через кухню и подошел к двери мисс Авроры. Как и раньше, остановившись перед дверью, он перво-наперво проверил все ли в порядке с одеждой и волосами, правильно ли застегнут пиджак, а потом только постучал.

Он успокоился, но у него тут же возник страх, как только она не ответила на первый его стук. Он опять постучал костяшками пальцев о дерево, и подождал... а потом проделал это снова и подождал еще немного...

У него в голове уже возникла картинка, как он сломал дверь в кабинет Розалинды и обнаружил там труп...

Дверь распахнулась, и мисс Аврора нахмурившись посмотрела на него.

— Ты опоздал.

Лейн готов был от ее слов выпрыгнуть из кожи, но быстро взял себя в руки.

— Мне очень жаль, мэ. Простите.

Мисс Аврора хмыкнула и поправила свою ярко-синюю шляпу, которую она надевала исключительно в церковь. Ее наряд — перчатки, обувь и сумочка, формы как теннисная ракетка, поблескивал цветами, как весеннее небо. Губы покрашены вишнево-красной помадой, в ушах — жемчужные серьги, которое он ей подарил три года назад, а также на пальце красовалось кольцо с жемчугом, которое он подарил ей год назад.

Он предложил ей руку, как только она закрыла дверь.

Вместе они вышли через главный вход, предназначенный только для семьи, пройдя мимо мистера Харриса, который прекрасно понимал, что они воспользовались не той дверью.

Лейн довел мисс Аврору до пассажирского сиденья Porsche, усадив ее в машину, обойдя вокруг, опустился за руль и запустил двигатель.

— Мы опаздываем, — сухо сказала она.

— Мы приедем вовремя. Просто наблюдай за мной.

— Я ни разу не нарушила правил.

Он посмотрел на нее, улыбаясь во весь рот.

— Тогда закрой глаза, мисс Аврора.

Она хлопнула его по руке и посмотрела на него.

— Я могу тебя и отшлепать, поскольку ты еще не слишком уж взрослый.

— Знаю, тогда тебе придется занять место в первом ряду.

— Тулейн Болдвейн, не смей нарушать закон.

— Да, мэ.

С хитрой ухмылкой, он нажал на газ и рванул вниз, на середине пути он быстро взглянул в ее сторону. Мисс Аврора улыбалась.

И в это мгновение, ему показалось, что в мире все встало на свои места.

Баптистская Церковь Чарлмонта была расположена в Вест-Энд, и яркий белый цвет вагонеток выделялся среди домов для малообеспеченных людей, которые расположились в этом месте, если говорить о ее первозданности. Рядом с церковью была вычищенная стоянка, с цветущими горшками перед двойными входными дверями, и с баскетбольной площадкой на заднем дворе, место было словно отполированным, видно, что о нем заботились, напоминая открытку из 1950-х годов.

В двадцать минут десятого, воскресным утром оно было забито народом.

Лейну пришлось, подъезжая останавливаться постоянно, потому что ото всюду слышались приветствия, поэтому он медленно продвигался вперед. Опустив стекла на боковых окнах, он крепко пожимал руки, называя по именам приветствующих, и соглашался участвовать в товарищеских матчах. Наконец припарковавшись, он вышел из машины и помог мисс Авроре ступить на тротуар, направляясь в сторону церкви.

Кругом сновали дети, одетые в красивые пышные платья и яркие разноцветные костюмчики, такие яркие, как карандаши в коробке, но вели они себя гораздо лучше, нежели некоторые взрослые, которые пришли со стороны Истерли. Почти каждый, завидев Лейна, старался поздороваться с ним и с мисс Авророй, и он вдруг поймал себя на мысли, что скучал по этому процессу рукопожатий.

Смешно, он не посещал церковь, но всякий раз, когда находился дома, он всегда появлялся здесь с мисс Авророй.

Внутри собрались, наверное, тысячи людей, ряды скамеек были заполнены верующими, которые одновременно говорили, обнимались и смеялись. Для фанатов, группы, которые выступали в июне, было еще слишком рано приходить сюда. Перед ними была группа с электрогитарами, барабанами и бас-гитарами, а рядом с ними возвышающаяся сцена, на которой должен был петь госпел хор. А за ними? Невероятные трубы органа, которые могли взорвать двери и окна, снести крышу, отправить верующих прямоком на небеса.

«Хорошо бы Макс быть здесь», — подумал Лейн. Его брат пел в хоре в течение многих лет, пока не окончил университет.

Но эта традиция, казалось, была потеряна навсегда.

Передние две скамьи были пустыми, специально предназначенные для них, для семьи из семи человек, которая могла спокойно разместиться на них.

— Премного благодарен, — произнес Лейн, пожимая руку мужчине. — Эй, разве ты не брат Томаса Блейка?

— Да, — ответил мужчина. — Я Стэн, старший. А ты парень мисс Авроры.

— Да, сэр.

— Где ты был? Мы давно тебя не видели здесь?

Мисс Аврора наклонилась к нему, Лейн откашлялся.

— Я был на севере.

— Прими мои соболезнования, — сказал Стэн. — Но хорошо, что сейчас ты с нами.

— А вон там мои племянники, — мисс Аврора указала через проход. — Шейн играет в Indiana Colts. Принимающим. А Квентин, позади него — центральный игрок Miami Heat.

Лейн поднял руку, как только двое парней встретились глазами с мисс Авророй.

— Я помню их, когда они еще играли в колледже. Квентин был одним из лучших

центровых игроков Орлов, и я присутствовал на игре, когда Шейн помог нам выиграть Кубок.

— Они хорошие ребята.

— Как вся твоя семья.

Зазвучал орган, группа начала играть, из притвора, в кроваво-красных мантиях ворвался хор на сцену — пятьдесят мужчин и женщин, поющих гимн. За ними шествовал преподобный Найс с Библией, прижатой к груди. Высокий, выдающийся мужчина, открыто смотрящий в глаза свой пастве, приветствуя почти каждого. Как только он увидел Лейна, то протянул ему руку для рукопожатия.

— Рад, что ты вернулся, сынок.

Видно пришло время вернуться в свои родные места, Лэйн ощутил странное чувство, после рукопожатия. Растерянный, он взял за руку мисс Аврору.

У него перед глазами стояла картинка падающего ночью дерева. Лиззи, взглянув на его машину. Жуткий страх, который он почувствовал, пробираясь через ветки в шторм и постоянно крича ее имя.

Как только группа заиграла его любимую песню, он поднял глаза к кресту над алтарем, покачивая в такт головой.

«Конечно, такое могло случиться только один раз», — подумал он.

У него было такое чувство, словно сама церковь приветствовала его возвращение домой.

Поднявшись во весь рост вместе с мисс Авророй, он начал притоптывать с толпой, двигаясь на шаг вперед и назад.

Он даже стал подпевать вместе со всеми:

— Я хочу, чтобы вы знали, что Бог оберегает меня...

Служба закончилась через полтора часа, и наступил час неформального общения, куда на этаж ниже спускались члены паствы, чтобы выпить пунш, съесть печенье и поговорить.

— Пойдем вниз, — сказал Лейн.

Мисс Аврора покачала головой.

— Я должна вернуться, у меня полно работы.

Он нахмурился.

— Но мы всегда...

Он замолчал. Он поймал себя на мысли, что у нее нет особых причин торопиться в Истерли. Поэтому единственным объяснением могло быть, что она чувствовала себя не очень хорошо и возможно ему придется звонить 911.

— Не смотри на меня такими глазами, мальчик, — пробормотала она. — не нужно мне вызывать скорую помощь, я не собираюсь умирать в своей церкви. Бог не сделал бы такое.

— Обопрись на мою руку.

Они беззаботно двигались против толпы, он действительно прикрывал и огораживал ее от всех, пробираясь к выходу. Но на полпути, им пришлось остановиться для разговора с Квентином и Шеун... еще семнадцать членами семьи мисс Авроры. Обычно ему всегда нравилось с ним разговаривать... но не сегодня. Он не хотел показаться грубым, но он чувствовал всем своим телом, что мисс Аврора все сильнее опирается на его руку.

Наконец выбравшись из церкви, он сказал:

— Жди меня здесь, я подгоню машину. И не вздумай спорить, просто стой здесь.

Он надеялся, что она начнет сопротивляться, но когда она не произнесла ни слова, Лейн рванул с места, бегом направляясь к дальней стоянке.

Подъехав на Porsche, он почти ожидал увидеть ее упавшей в обморок.

Неа. Она разговаривала со стройной женщиной с царственной осанкой, с лицом, как у Нефертити, в скромном черном костюме, в очках, прикрывающих ее острый взгляд.

«Ох... ничего себе, — подумал он. — Вот вам и хорошо забытое старое».

Лейн вышел из машины.

— Танеша?

— Лейн, как ты? — Танеша Найс была старшей дочерью священника. — Рада тебя видеть.

Они обнялись, и он кивнул.

— Я тоже рад. Ты стала врачом?

— Да, учусь в аспирантуре в Чикагском университете.

— Какая специализация?

— Онкология.

— Она делает работу Господа, — сказала мисс Аврора.

— Как поживает Макс? — спросила Танеша.

Лейн откашлялся.

— Черт меня побери, если бы я знал. Я не общался с ним с тех пор, как он отправился на запад. Ты его знаешь, всегда непредсказуем.

— Да, он такой.

Наступил неловкий момент.

— Ну, я хотел бы отвезти мисс Аврору домой, — сказал он. — Приятно было с тобой повидаться.

— Мне тоже.

Две женщины продолжили приглушенный разговор, потом мисс Аврора подала ему руку, и он помог ей спуститься по ступенькам к машине.

— О чем вы говорили? — спросил он, как только они сели в машину.

— Договаривались о репетиции хора на следующей неделе.

— Ты не поешь в хоре, — он оглянулся на нее, но она молчала. — Мисс Аврора? Ты должна мне ответить.

— Да.

О, Боже.

— Что?

Она взяла его за руку и взглянула на него.

— Я хочу, чтобы ты запомнил, что сказала тебе раньше.

— Что ты сказала?

— У меня есть Бог, — она крепко сжала ему руку. — И ты, и благодаря этому я богата не по средствам.

Она держала его за руку всю дорогу, пока они ехали к Истерли, и он понял... он уже знал... что она пытается его подготовить к своему уходу. Он понял это, когда решил привести ее к Эдварду вчера, когда его брат случайно оказался в доме.

Если бы был хотя бы один способ вернуть Макса.

— Я не хочу, чтобы ты умирала, — сухо произнес Лейн. — Это слишком много для меня.

Мисс Аврора молчала, пока они не подъехали к холму Истерли.

— Кстати об уходе, — сказала она, — я слышала, что Шанталь уехала.

— Да, я заканчиваю с ней развод.

— Хорошо. Может, ты и Лиззи, наконец, соединитесь вместе. Она создана для тебя.

— Знаешь, мисс Аврора, я согласен. Мне осталось только убедить ее.

— Я помогу.

— Я с благодарностью приму твою помощь, — он оглянулся. — Она, кстати, просила тебя передать привет.

Мисс Аврора улыбнулась.

— Она просила сегодня утром, когда ты оставил ее?

Лейн зашипел и покраснел, стал такого же цвета, как Мерседес, который он ей купил.

Мисс Аврора по-доброму рассмеялась.

— Ты хулиган, Лейн.

— Знаю, мэм. Вот почему тебе следует здесь задержаться, чтобы держать меня в узде. Я говорил же тебе.

Он не остановился перед главным входом, а объехал особняк, остановившись перед входом для обслуживающего персонала, который находился ближе к ее комнате. Остановившись, он заглушил двигатель... но не вышел.

Смотря ей в глаза, он прошептал:

— Я серьезно. Мне необходимо, чтобы ты помогла мне во всем разобраться здесь — на земле... в этом доме и в моей жизни.

Господи, три дня назад она буквально чуть ли не накричала на него, сказав, что никуда не собирается, а теперь явно что-то изменилось, что-то пошло не так.

Прежде чем она успела ответить, дверь гаража бесшумно поднялась, и шофер вывел Phantom, пятьсот тысяч долларов проехали мимо них, направляясь к фасаду дома.

— Он сам дьявол, — сказал Лейн. — Мой отец...

Мисс Аврора подняла ладони.

— Аминь.

— Черт, куда он собрался так рано утром?

— Явно не в церковь.

— Может, он последует за Шанталь?

Как только у него вырвались эти слова, он чертыхнулся.

— Что ты имеешь в виду?

Лейн отрицательно покачал головой и вышел из машины.

— Давай зайдем в дом.

Но не тут-то было. Он подошел и открыл ей дверцу, она продолжала сидеть, сложив руки на сумочке, лежащей на коленях.

— Ответь мне.

— Мисс Аврора...

— Что он тебе сделал?

— Не мне.

— Если речь идет о возвращении твоей ужасной жены, то дело как раз касается тебя.

Лейн боролся с желанием, чтобы не начать биться головой о капот Porsche.

— На самом деле это не важно...

— Я знаю, что она избавилась от твоего ребенка.

И как только он посмотрел в ее темные глаза, снова выругался.

— Мисс Аврора. Не стоит, оставь его. И так много всего, о чем стоит беспокоиться.

Она вскинула вопросительно брови.

Лейн опустил перед ней на корточки. Боже, он так любил это лицо, каждую складочку и морщинку, каждый изгиб бровей. И ему нравилось, что она всегда держалась как леди, но при этом была с сильным характером, как у мужчины.

Она и Лиззи были так похожи.

— Некоторых вещей лучше не знать, мэм.

— А есть такие, которые не следует держать в себе.

По какой-то причине, он опустил глаза, как если бы он совершил ужасный поступок и был перед ней виноват, ему действительно было стыдно.

— Она беременна, мисс Аврора, не от меня.

— А от кого? — спросила она.

Он не ответил, она просто внимательно смотрела ему в глаза, это доходило до смешного, но похоже она все поняла и совершенно не была удивлена.

— Ты уверен? — спросила она вполголоса.

— Так она говорит. И когда я столкнулся с ним, у него все было написано на лице.

Мисс Аврора посмотрела прямо перед собой, сильно нахмурившись, и он больше не мог видеть ее глаза.

— Бог его накажет за это.

— Я бы на твоём месте не стал бы на это надеяться, — он поднялся и предложил ей руку. — Становится жарко, давай пройдем в дом.

Мисс Аврора снова посмотрела ему в глаза.

— Я люблю тебя.

Это был ее способ извиниться за то, что вытворял их отец. Не только за ужасную беременность Шанталь, но за десятилетия, которые были до всего этого, когда они были еще детьми.

— Знаешь, — сказал он, — я никогда толком и не благодарил тебя. За все те годы я никогда не... ты спланировала нас, охраняла, особенно меня. Ты всегда была рядом. Ты всегда направляла и поддерживала нас и меня, особенно меня.

— Бог предоставил мне эту священную работу, как только пересеклись наши жизни.

— Я люблю тебя, мама, — хрипло произнес он. — Навеки.

Звук от бензопилы, пока Лиззи пилила дерево, был настолько оглушающим, что она даже не услышала, как подъехала машина. Как только она выключила бензопилу, и двигатель стал глохнуть со своеобразным урчанием, сексуальный мужской голос, сообщил ей, что она уже не одна:

— Ты самая сексуальная женщина, которую я знаю.

Обернувшись вокруг, она обнаружила Лейна, прислонившегося к Porsche и скрестившего руки на груди, с похотливым выражением на лице.

И со своей высоты, а она стояла на покореженной крыше Yaris, она подняла бензопилу над головой и несколько раз запустила двигатель.

— Слышишь мой рев.

— Слышу, как он меня умоляет.

Она засмеялась и спрыгнула на землю.

— Я проделала хорошую работу, ты не находишь..?

Лейн прервал ее, опустив свой рот на ее губы, поцелуй становился все горячее, он все ближе прижимался к ней, заставляя ее выгнуться назад. Наконец, немного отстранившись, они оба тяжело дышали.

— Ну... привет, — сказал он.

— Ты, случайно, не скучал по мне?

— Каждую минуту, — согласился он. — Боже, я люблю те... мне нравится, как ты управляешься с этой бензопилой.

Она не могла не заметить его промах, и у нее перехватило дыхание, она сама была наполнена до краев словами «Я люблю тебя», словно кувшин, готовый излиться на него.

Лейн, однако, скрыл возникшую неловкость, сказав:

— Я на самом деле принес обед. Заказал в клубе. У меня есть для тебя салат, который тебе понравился, а также гречка с вырезкой, я подумал, что тебе стоит восстанавливать свое здоровье.

— Зачем? — протянула она, положив свою бензопилу на землю.

— Ну, ты же знаешь, — он нахмурился. — У тебя ничего не болит после вчерашнего?

Лиззи отрицательно покачала головой.

— Нет.

— Жалко.

— Прости?

Он наклонился к ней и лизнул ее губы.

— Я подумал, что мог бы поцеловать те места, чтобы им стало лучше.

— Ты можешь сделать это и так.

Он развернул ее кругом и оторвался от своей машины, она почувствовала, как ее сердце затрепыхалось, и черт возьми, поняла, что готова заняться с ним любовью, несмотря на то, что ее машина, по-прежнему была завалена деревом, во дворе после урагана был полный беспорядок, везде валялись поломанные ветки, но рядом с ней был Лейн, который заказывая еду вспомнил, что ей понравился салат Кобб, и черт возьми, он целовался лучше всех на этой планете.

Завтра, она продолжит очищать свою машину. Завтра, она уберется во дворе и уделит

внимание...

Лейн остановился.

— Скажи мне, как ты относишься к сексу на свежем воздухе?

Она кивнула на трех коров, стоявших у ее крыльца.

— Думаю, что наша аудитория увеличится, когда мой сосед обнаружит пропажу своих милых коров.

— Тогда мы направимся напрямиком в дом, иначе я сойду сума.

— Не могу встать между тобой и твоей психической нестабильностью.

Он взял с собой сумку, и они направились к дому.

— У меня имеются новости, — сказал он, закрывая входную дверь.

— Какие?

— Шанталь уехала сегодня утром.

Лиззи остановилась и посмотрела на него. Он был одет в свою повседневную одежду — шорты-бермуды и рубашку «Изод» (с фирменным значком на груди в виде маленького аллигатора, прим. пер), мокасины Gucci, очки Ray Bans, часы Cartier, словно он вышел из Instagram с картинок «Красивые и богатые». Даже его волосы были зачесаны назад, словно он только что из душа и еще не успел высохнуть.

Ее сердце затрепыхалось от страха, потому что, глядя на него, он был именно тем мужчиной, за которого стоило бороться, и не стоило доверять, особенно такой женщине, как Шанталь...

Словно прочитав ее мысли, Лейн снял солнцезащитные очки, открыв глаза. Они смотрели на нее ясно, нежно... спокойно.

Честно.

— Правда? — прошептала она.

— Да, правда, — он встал напротив нее. — Лиззи, все делается. Все, что связано с ней кончено. И прежде чем ты что-нибудь скажешь, это не только из-за тебя. Мне следовало давно разорвать этот брак. Моя ошибка.

Подняв на него глаза, она пробормотала:

— Прости, Лейн. Прости, что сомневалась в тебе, просто...

— Шшш, — он накрыл ее рот губами. — Я не собираюсь жить прошлым, это пустая трата времени. Меня волнует наше настоящее.

Обвив руками его шею, она прижалась к нему.

— Таааааак... я не могу быть тебе только другом, я не могу.

— Для меня это просто превосходно.

— Это был поистине самый лучший обед, который у меня когда-либо был.

Лейн бросил взгляд на диван, Лиззи откинулась на подушки и положила руку себе на живот. Ее глаза начали закрываться, а он вспомнил ее, стоящую на крыше Yaris с бензопилой, словно ангел мщения, разрезая дерево и тем самым выбивая дурь из ветвей, убивших ее машину.

Хотя час назад они занимались сексом, перед тем как пообедать, Лейн почувствовал опять возбуждение, член стал просыпаться к жизни.

— Это похоже на мираж, — пробормотал он.

— Мне очень понравилась вырезка... правда.

— Я имею ввиду быть рядом, здесь с тобой.

Ее голубые глаза медленно прошли по нему.

— У меня такое же чувство, — он засмеялся от души и громко, она остановила его, положив ладонью ему на грудь. — Нет, ты не испортишь блюдо десертом.

Отложив салфетку в сторону, он добрался до нее, захватив в свои объятия.

— У меня имеются другие варианты десерта, знаешь ли.

Пройдясь руками по ее бедрам, он ощутил приступ желания, она прикусила его нижнюю губу, словно была готова для чего-то большего

— Ты хочешь мне что-то продемонстрировать? — спросил он, уткнувшись носом ей в шею.

Ее руки гладили его по спине.

— Да, хочу.

— Ммм...

Раздавшийся звонок мобильного с кофейного столика, заставил его подпрыгнуть и схватить телефон.

— Только не мисс Аврора. Пожалуйста, только ничего с мисс Авророй...

— О, мой Бог... Лейн, она...

Но как только он увидел код города 917, он громко выдохнул.

— Слава Богу, — взглянул на Лиззи. — Мне нужно с ним поговорить, это мой друг из Нью-Йорка.

— Хорошо.

Он поднял телефон к уху, сказав:

— Джефф.

— Ты видно скучаешь по мне, — произнес его давний компаньон по покеру. — Я понял это, получив твое голосовое сообщение.

— Ничего подобного.

— Ну, я не служба доставки FedEx, где ты можешь заказывать булочки с корицей и глазурью утром, днем и ночью...

— Мне нужно знать, сколько дней у тебя отпуск.

Возникла тишина.

— В ближайшее время не предвидится мирового турнира по покеру. Зачем ты спрашиваешь меня об отпуске?

— Мне нужна твоя помощь, — рассеянно, он прислонился к подушкам, посадив Лиззи себе на колени. Она переделалась в шорты после совместного душа, и ему нравилось водить рукой вверх-вниз по ее гладким, натренированным икрам. — У меня возникла реальная проблема.

Джефф бросил как бы между прочим:

— Какого рода проблемы?

— Мне нужен человек, который бы разобрался в финансовой отчетности и смог бы мне сказать, не занимается ли мой отец хищениями из семейного бизнеса. Примерно более пятидесяти миллионов долларов.

Джефф негромко присвистнул.

— Это большие деньги, мой друг.

— Мой брат сумел обеспечить мне доступ к... Господи, там больше пятисот страниц таблиц и финансовой информации, но я понятия не имею, где искать и как. Я хочу, чтобы ты приехал ко мне и объяснил все, и желательно не затягивать... иначе отец может узнать и избавиться от всего, что может хоть как-то его уличить.

— Послушай, Лейн, ты же знаешь, я люблю тебя, как своего родного брата, которого у меня никогда не было, но ты говоришь о судебной бухгалтерской экспертизе. Есть специально обученные люди, которые специализируются в этом... вопросе. Давай я найду тебе кого-то, кому можно было бы довериться.

— Это исключено, Джефф. Я не могу никому довериться... поскольку дело касается моей семьи, помни об этом.

— Мы можем замазать все названия и имена на документах. Я могу тебе помочь с этим... так, что этот человек ничего не поймет...

— Я хочу, чтобы это был ты.

— О, черт возьми, Лейн.

Поскольку Лейн прекрасно знал этого парня уже много лет, то понял — лучшее, что он может сделать на данный момент — заткнуться, и просто выслушивать ворчание Джеффа, который пытался ему дотошно объяснить почему это невозможно. Этого парня склонить на что-либо было фактически нереально, особенно если ты открывал рот и пытался ему что-то доказать, он должен был сам принять решение.

Поэтому Лейн молча слушал, но зная его все эти годы, он был уверен, что друг позаботится о его проблеме.

Бинго.

— Я все же настаиваю, чтобы кто-то проверил за мной мою работу, — пробормотал Джефф. — И черт с тобой... это не обсуждается. Я не собираюсь нести ответственность только лишь потому, что у тебя имеются какие-то фантазии, что я хорош с цифрами.

— Но ты на самом деле очень хорош с цифрами.

— К черту, тебя Болдвейн.

— Я не могу послать за тобой самолет, это привлекло бы слишком много внимания.

— Все нормально. У меня есть родственники на восточном побережье. Я займусь этим завтра утром... и нет, предвзято твой вопрос, я не могу прилететь раньше. Мне нужно дать кое-какие указания на работе.

— Я твой должник.

— Конечно, должник. И ты можешь начинать погашать свой долг с завтрашнего вечера. Я хочу бесплатную выпивку и девиц, если я буду этим заниматься.

— Я позабочусь обо всем. Я даже встречу тебя в аэропорту, напиши мне время прибытия.

Джефф пробормотал ругательства и повесил трубку, не попрощавшись.

Лейн отключился и выдохнул.

— Слава Богу.

— Кто это был?

— Думаю его можно назвать моим лучшим другом. Когда я был на севере, он был рядом. Джефф Штерн, блестящий финансист. Если кто-то и сможет отследить утечку денег, то только он. А потом..., — Лейн протер глаза. — Боже, наверное, мне придется обратиться в полицию? Разве можно такое представить? Но я бы без зазрения совести обратился в полицию.

— Если твой отец нарушил закон?

Внезапное изображение Уильяма Болдвейна в оранжевом комбинезоне заставило его почувствовать сильное облегчение за то, что он так относился к его матери.

— Я не собираюсь вставать на пути властей. Меня больше всего беспокоит, что он

воспользовался, как доверенное лицо матери, и сливает деньги с ее счета, но у меня нет доступа к этим записям... они относятся к трастовому фонду.

— Если полиция или ФБР займутся этим делом, они же смогут это выяснить.

Лейн кивнул, вспомнив, как выносили тело Розалинды из Истерли.

— Если Розалинда из-за его действий совершила самоубийство, то ее кровь на руках моего отца. Он должен понести ответственность.

— Знаешь, обычно я стараюсь верить, что всегда есть светлая сторона, и все будет хорошо, но..., — она взяла его за руку, — чтобы ни случилось, я буду с тобой, хорошо?

Посмотрев ей в глаза, он ответил:

— Мне больше ничего и не нужно. Независимо от того, к чему все приведет... главное, что у меня есть ты...

Телефон опять зазвонил, и он хмыкнув, поднимал его к уху.

— Он видно передумал. Нет, Джефф, ты не можешь отказаться от нашего...

— У тебя включен телевизор?

Лейн выпрямился.

— Самюэль Ти?

— Ты смотришь новости?

— Нет. А что происходит?

— Мне необходимо, чтобы ты приехал ко мне сию минуту. Полиция ищет тебя, и как только они не обнаружили тебя в Истерли, Митч позвонил мне.

— О чем, черт побери, ты говоришь? — у него тут же промелькнула мысль: «Вот дерьмо!» — Послушай, я понимаю, что я с Эдвардом проник в бизнес-центр под надуманным предлогом, но, черт возьми, это все-таки наша собственность. А что касается документов, мы...

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь, и мне плевать. Шанталь первым делом сегодня утром обратилась к врачу, поскольку была избита, когда уехала из дома. Она сообщила властям, что это ты ее избил, когда узнал, что она беременна, поскольку уже подал документы на развод. Они собираются арестовать тебя за домашнее насилие первой степени, и у них может быть достаточно веских аргументов обвинить тебя в попытке убийства.

— Что! — Лейн вскочил на ноги. — Она совсем рехнулась!

— Нет, она не рехнулась, поскольку находится в отделении хирургии, а не для психов. В данный момент, они занимаются ее челюстью.

— Я не прикасался к Шанталь! И я могу доказать это! Я даже не был дома прошлой ночью...

— Ты должен приехать ко мне. Поскольку я лицо, не заинтересованное в этом ночном обмане, и нет ни одной фотографии, где ты... мы вызволим тебя...

— Это полный бред, — выплюнул Лейн. — Я не собираюсь играть с ней в эту игру...

— Это не игра. И если ты не покажешься властям, будешь считаться беглецом.

Лейн посмотрел на Лиззи. Она сидела на диване, с тревогой глядя на него, готовясь к плохим новостям.

Он тут же вспомнил, как Шанталь проехала мимо него на своем Mercedes, покидая Истерли, в темных очках и в черной вуали.

Единственное, что он подумал, что она вдруг на 180 градусов изменила свое решение, сыграв роль Уходящей Девушки, но решила оставить за собой шлейф. Он не ожидал, что эта женщина может до такой степени иметь патологическую страсть к поместью, но возможно,

он недооценил ее фанатизм.

— Ладно, — сказал он. — Я буду у тебя через двадцать минут.

Вешая трубку, он услышал свои собственные слова, доносившиеся из далека:

— Мне нужно уехать.

— Лейн, что происходит?

Еда их восхитительного ужина по-прежнему оставалась на столе, подушки на диване до сих пор имели вмятины от их тел, когда он гладил ее ноги.

Но состояние радости и умиротворения, которое было несколько минут назад, испарилось.

— Я позабочусь об этом, — сказал он ей. — Я разберусь и все закончится. Она врет. В очередной раз врет.

— Я могу как-то помочь тебе?

— Останься здесь... и не включай радио. Я позвоню тебе, как только смогу, и все объясню. Он шагнул назад к Лиззи и взял ее лицо в руки.

— Я люблю тебя. Мне нужно, чтобы ты верила мне и помнила об этом. А я позабочусь об остальном, клянусь жизнью своей матери.

— Ты пугаешь меня.

— Все будет хорошо. Я обещаю.

С этими слова он вышел за дверь.

Мотор Porsche взревел в надвигающихся сумраках, Лиззи продолжала сидеть на том же месте, думая, что удивляться собственно нечему. Шанталь Болдвейн была алчной и коварной, и это было видно сразу же, как только она появилась в поместье. Эта женщина не собиралась лишаться своего социального статуса, соответствующего семье Брэдфордов, и образа жизни, без боя.

Возможно, это первый удар.

Поднявшись, она собрала тарелки, с мыслью: «Вау, вечер пошел совсем не так, как они ожидали».

Но, возможно, ему удастся вернуться, поскольку Лейн оставил у нее свою сумку.

«Черт тебя побери, Шанталь».

Вернувшись на кухню, она положила грязную посуду в раковину, налила сверху жидкости для мытья посуды и включила горячую воду.

Ее сотовый зазвонил рядом на столешнице, она встряхнула мокрые руки.

— Слава Богу, — произнесла она в трубку, подбегая. — Лейн? Лейн, ты можешь сказать мне, что...

— Лиззи? Ты дома?

— Грета? — потом раздалось жужжание и треск на противоположном конце провода, казалось, что женщина вела машину. — Грэта? Я почти не слышу тебя.

— ... домой?

— Да, я дома. С тобой все в порядке?

— ...по пути, — опять послышался треск и жужжание, словно телефон закашлялся, — ... через десять минут.

— Ладно, но я не закончила очищать свою машину от веток. Уже почти темно, и, честно говоря, я не в настроении...

— ...твой телефон.

— Что?

И вдруг послышался совершенно четкий акцент Грэты, которая отчетливо произнесла:

— Тебе необходимо отключить телефон.

— Зачем? Я не буду, Лейн может позвонить. — Послушай, я не в настроении для разговоров, и...

Раздался громкий писк, и связь полностью прервалась.

— Господи.

Положив телефон в карман, она вернулась к раковине, домывать посуду и столовое серебро, потом все вытерла и убрала в ящики.

Она направилась в гостиную, опустилась на диван, нервно листая свежий выпуск Garden & Gun, когда по окнам прошли огни от фар подъехавшей машины и раздался шорох шин по брусчатке.

Вскочив на ноги, она поправила свою рубашку и дважды проверила волосы, не спугались ли. Она так и не привела себя в порядок, после того, как выпрыгнула из постели с Лейном.

Тем более, что сексом они занимались на ковре в гостиной... на лестнице и стоя под душем.

Открыв дверь, она замерла...

Ее компаньонка выходила из Мерседеса универсал, Лиззи увидела пепельно-белое лицо Греты и поникшие плечи. И Грета утирала слезы под очками из черепаховой оправы.

— О, мой Бог, — произнесла Лиззи. — Что-то случилось с твоими детьми?

Женщина не ответила, вошла на крыльцо и также молча прошла в дом. Лиззи последовала за ней, закрыв входную дверь.

— Грета?

Женщина кругами ходила по гостиной. Потом, наконец, она остановилась.

— Ты была с ним прошлой ночью?

— Прости?

— С Лейном. Скажи... ты была с ним всю ночь?

— Что ты имеешь в виду?

— Шанталь обвиняет Лейна, что он сильно избил ее, что ее положили в больницу.

— ЧТО?

У нее тут же пронеслось в голове: Шанталь. Больница. Полиция. Пресса. Лейн.

Грета молча смотрела на нее, Лиззи попятилась и упала в кресло, взмахнув рукой.

— Я...

— Этот мужчина способен на многое, — произнесла Грета, — но я никогда не видела, чтобы он поднял руку на женщину.

— Конечно, нет. Боже мой, нет. Совершенно точно, нет.

— Он был здесь прошлой ночью?

— Да. Я вернулась домой в бурю, а он уже был здесь. И он не уходил от меня до самого утра, а потом повез мисс Аврору в церковь. — Она вскочила на ноги. — Я должна помочь ему! Я должна сказать полиции, что он был со мной...

— Имеется еще кое-что.

— Ты не могла бы меня отвезти? Я с трудом соображаю, мне кажется я не совсем смогу...

— Лиззи.

При звуке ее имени, она остановилась, холодный страх сжал ее грудь.

— Что...?

Теперь на глазах Греты навернулись слезы.

— Прости.

— Что! Говори, прежде чем у меня разорвется голова...

— Шанталь беременна. И она сказала полиции... от Лейна.

Лиззи зажмурилась, словно для нее все остановилось: мысли, сердце, легкие... даже время и все законы физики.

— Она говорит, что как только сообщила ему об этом, он избил ее. Она говорит, что он был в ярости.

Волна ужасного отвращения, согнула ее пополам, ударив в живот. Она не могла попасть точно в такую же ситуацию. Она не могла снова оказаться в этой ужасной ситуации с Лейном и Шанталь.

«Я уже проходила это, — подумала она. — Я уже пережила этот кошмар».

Боже, нет. Пожалуйста, нет, не опять.

— Когда..., — Лиззи откашлялась. — Когда она обратилась в полицию?

— Этим утром. Около девяти или десяти часов.

«Если уж тебя так избили, ты же не будешь дожиться десяти часов утра, чтобы тебе оказали первую медицинскую помощь», — подумала Лиззи.

Если же она была беременна, и сообщила ему об этом, когда он вернулся в Истерли... он мог...

Согнувшись пополам, Лиззи ринулась по коридору, и едва успела добежать до ванной комнаты, как ее вырвало, недавно съеденной вырезкой.

Когда Лейн наконец-то добрался до фермы Самюэля Ти, он был в ярости, скрежеща зубами, готов был что-нибудь разрушить.

Со всей силы нажав на тормоз, он остановился перед особняком и не выключая двигателя, ринулся ко входу.

Самюэль Ти открыл дверь еще до того, как он успел выйти из автомобиля.

— Я позвонил Митчу. Он будет здесь через сорок пять минут. Они готовы забрать тебя, но мы пройдем через черный вход, там не будет никого с камерами, так что все будет в порядке.

Лейн прошмыгнул мимо парня.

— Это мать твою ложь! Она видно совсем спятила и собирается..., — он замолчал, хмуро поглядывая на своего старого друга. — Что? Почему ты на меня так смотришь?

Самюэль Ти взял руку Лейна.

— Откуда у тебя эти царапины на руках? На руках, шеи и лице?

Лейн оглядел себя.

— Господи, Сэм, с прошлой ночи. Я поехал к Лиззи и на ее машину упало дерево, — его друг молча смотрел на него, он отрезал:

— Она даст показания в суде, если это потребует. Я вытащил ее из этой проклятой Yaris. Мне казалось, что она умерла.

— Ты опять с ней встречаешься?

— Да.

— И ты думаешь, что она захочет помочь тебе, узнав, что у Шанталь от тебя ребенок? Опять? Разве пару лет назад вы уже не были точно в такой ситуации?

Лейн почувствовал, как кровь отливает у него из головы и подкашиваются ноги.

— Это не мой ребенок, Сэм. Я говорил тебе, когда подписывал бумаги на развод... я не был с Шанталь с тех самых пор, как уехал отсюда.

— Она говорит полиции совершенно другое. Она сказала, что неоднократно летала на Манхэттен в этом году, чтобы улучшить ваши отношения.

— Это не мой ребенок, — он понизил голос, хотя вокруг никого не было. — Моего отца.

Теперь настала очередь Самюэля Ти таращиться на него во все глаза.

— Твоего... отца.

— Ты слышал, что я сказал.

— Ты уверен?

— Да, я говорил с ними обоими.

Самюэль Ти кашлянул в кулак.

— Знаешь, ваша семья — это нечто.

— Люди так и говорят о нас, — Лэйн скрестил руки на груди. — Я готов пройти тест на детекторе лжи. Я готов поклясться на Библии... мать твою, пусть проверят у нее под ногтями. Они не найдут от меня ничего — не на ней, не в ней. Я не дотрагивался до нее,

Сэм.

— Она говорит, что есть свидетель.

— Ха! Мечтать не вредно. Черт, она, должно быть совершила это сама...

— Горничная по имени Тиффани.

Лейн отпрянул.

— Горничная? Тифф... подожди-ка, ты имеешь в виду ту, которая с «ф» и двойным «и» в конце?

Он вспомнил, как стоял с полотенцем на бедрах в дверях своего номер и эту горничную, явно проявляющую к нему интерес.

Самуэль Ти пожал плечами.

— Не знаю, как правильно. Я получил эту информацию от Митча. Но горничная сказала, что слышала, как ты и Шанталь ругались, и ты угрожал, цитирую: «убить ее».

— Я никогда такого не говорил!

— Она говорит, что вы были в коридоре на втором этаже, и горничная появилась в самый разгар вашего спора.

— Она врет..., — Лейн замолчал и покачал головой, кое-что вспоминая. — Подожди, нет. Я говорил это совершенно в другом контексте, я сказал это, потому что Шанталь не уважает мисс Аврору. Я был сильно зол на нее. На самом деле я не имел ввиду буквально.

Самуэль Ти посмотрел на его порезы на руках.

— Я буду перед тобой честен. Кажется, у тебя имеется на все ответы, но...

— Потому что это правда! Я не делал такого дерьма!

— Послушай, я не хочу с тобой спорить...

— Самюэль Ти, — ровным голосом произнес он. — Ты видел меня когда-нибудь дерущимся, особенно с женщиной?

Самюэль Ти долго молча смотрел на него, потом поднял ладони, как бы успокаивая.

— Нет, не видел... и я верю тебе, правда. Но даже все, что ты мне рассказал, как на духу, подводит к двум проблемам — юридической и прессы. С юридической стороны, наверное, даже проще, если Лиззи даст показания, и на теле Шанталь не будет обнаружено твоих следов. Но СМИ? С этим будет справиться намного сложнее. Эта новость — бомба Лейн... особенно если твой отец сделал ребенка твоей жене. Черт возьми, это новость общенационального масштаба, и тебе ли не знать, что пресса никогда не представит историю в выгодном свете. И подобный скандал отразится на акциях компании, а также на продажи самой продукции и на самой семье. Я не говорю, что это правильно, но такова реальность. Ты владеешь компанией «Брэдфорд бурбон». Твоя семья — собственник «Брэдфорд бурбон». Я смог устранить попадание твоей сестры в тюрьму, и не слова не просочилось в прессу, но это... я не смогу устранить. Эта новость идет уже по местным новостям.

Лейн ходил кругами по гостиной, затем остановился и взглянул на своего приятеля.

— Если речь зашла о моей семье, у тебя имеется бурбон?

— Всегда. И я покупаю только лучший, а это Брэдфорд.

Лейн подумал о Маке, который остановил производство, а потом о своем отце... о том, что совершил этот человек.

— Посмотрим, сколько еще это будет продолжаться, — пробормотал Лейн.

Прошло шесть часов, Лейн сидел в комнате для допросов в окружной тюрьме, пытаясь уже в шестой раз дозвониться до Лиззи, он решил, что она каким-то образом узнала о всей ситуации. Может кто-то ей позвонил? Или она услышала новость по радио на худой конец? У нее не было телевизора.

Черт возьми, может кто-то выставил неоновую вывеску в центре города Чарлмонт, и она увидела ее по пути к себе в Индиану.

— Мы почти закончили, — сказал Самюэль Ти, возвращаясь к нему в эту ужасную серую комнату. — Хорошая новость заключается в том, что с тебя снято часть обвинений, но ты все равно под следствием, пока не закончится дело. По крайней мере, сейчас ты можешь поехать домой, но сначала тебя сфотографируют, в качестве подозреваемого.

Лейн отложил телефон и потер красные глаза. Пятнадцать минут назад они вернули ему его телефон и бумажник, и первое, что он сделал, попытался дозвониться до Лизи.

Учитывая в какой спешки, он покинул ее дом, был уверен, что если бы она хотела с ним связаться, то обязательно бы ответила на звонок.

Очевидно, она не желала слушать его объяснений.

— Сколько еще? — спросил он, потирая ноющую шею. — Сейчас я могу уйти?

— Практически, да. Они просто брали пробы на анализы, которые, к счастью, проводил мой дружбан, — Самуэль Ти сел. — Знаю это неполиткорректно, но слава Богу, что на свете имеются старые друзья, поэтому в этом городе все будет в порядке, или бы ты сейчас пялился в прутья решетки.

— Ты волшебник, — заторможено произнес Лейн.

— Поспособствовало то, что в истории Шанталь было несколько пробелов. По-видимому, это была ее собственная идея. Кто, черт возьми, принимает ванну сразу после избиения и тщательно моет губкой под сломанными наманикюренными ногтями? Это нонсенс. И потом такой маленький факт, что она позвонила в газету и на два телеканала, внимание! находясь в отделении интенсивной терапии и реанимации, лежа на кровати.

— Говорил же тебе, — он опять проверил свой телефон на случай, если Лиззи перезванивала, а он каким-то образом не услышал. — Она собирается разрушить мне жизнь.

— Нет, я намерен этому воспрепятствовать.

Лейн попытался позвонить Лиззи в седьмой раз, потом молча положил телефон на стол.

— Как она выглядела? Шанталь, когда попала в больницу.

— Ты уверен, что хочешь увидеть ее фото?

— Да, мне нужно знать, насколько все плохо.

Самюэль Ти снова встал.

— Я посмотрю, что смогу сделать.

Дверь комнаты для допросов открылась и захлопнулась, Лейн крутил в руках свой телефон, подумывая отправить смс-ку, но сомневался, что она ее прочтет.

Невероятно. Он буквально не мог поверить, что все повторялось... две женщины, та же проблема... и какой результат?

Ему было страшно до ужаса, поскольку он знал ответ на этот вопрос — Лиззи уже однажды порвала с ним. Очевидно, таким же образом она собиралась поступить и сейчас.

Самуэль Ти вернулся через десять минут с конвертом.

— Вот.

Лейн взял конверт и открыл его. Выпали четыре глянцевых фотографии, и он нахмурился, глядя на них.

Синяки под глазами, на скулах. Следы на шее.

— Ужасно, — сипло сказал он. — Господи...

Он не испытывал к ней любовь, даже был вынужден жениться на Шанталь, но он никому не пожелал бы находиться в таком состоянии, особенно женщине. «И нет, — подумал он, — это явно сделала не она сама. Кто-то ее бил... многократно и жестоко».

— Может она заплатила кому-нибудь? — вслух произнес он.

Вторая и третья фотографии были сделаны крупным планом. Четвертая была...

Лейн вернулся к третьей. Наклонившись поближе, он стал изучать ее более подробно, и заметил порез под глазом.

Он отбросил снимки на стол и откинулся назад, закрывая глаза.

— Что? — спросил Самюэль Ти.

Прошло несколько минут, прежде чем он смог говорить. Он развернул фотографию и указал на кровоточащий разрез под глазом у Шанталь.

— Мой отец сделал это с ней.

— Откуда ты знаешь?

С ужасом, но совершенно четко, Лейн вспомнил ту страшную новогоднюю ночь, когда он был еще ребенком, и старший брат подвергся избиению за них.

— Когда он ударил Эдварда, его перстень оставит такой же след. Мой отец ударил ее тыльной стороной ладони... и перстень рассек кожу.

Самуэль Ти тихо выругался.

— Ты серьезно?

— Серьезнее некуда.

— Подожди, я приведу назад следователя. Думаю, он захочет это услышать.

Лиззи поехала на работу на рассвете, по дороге она вспоминала, как всего лишь несколько дней назад, она точно также ехала в Истерли, когда ее обогнала скорая помощь, спешащая в особняк.

Тогда и сегодня она испытывала такое же чувство тревоги. И больше всего боялась встретиться с Лейном.

Она не включала радио, ей не хотелось слушать скандальную новость от местной радиостанции — что один из самых известных мужчин Чарлмонта избил свою беременную жену, и ту доставили в больницу. Дальнейшие подробности не изменят саму ситуацию в целом, поэтому она чувствовала себя ужасно.

Проехав мимо главного входа в особняк, она двигалась вниз по дороге для сотрудников, проезжая мимо полей и теплиц, напрямиком к стоянке. Никого не было вокруг, даже Гари МакАдамса, она приехала очень рано.

Она так и хотела.

На автопилоте Лиззи выключила двигатель и потянулась за своей сумочкой.

— Вот черт.

Она ушла из дома, забыв солнцезащитные очки и шляпу.

Ну и ладно, она не поедет за этим назад.

И, наверное, было неплохо, что она не взяла с собой телефон. Лейн не переставая названивал ее. Даже в четыре часа утра, он все равно продолжал звонить.

Дорога до черного входа Истерли заняла больше времени, чем обычно, она оправдывалась перед собой, что чувствовала себя не очень хорошо — вымотанной. Грета покинула ее около часа ночи, она же сидела у окна и наблюдала рассвет на своем дворе, заваленным ветками после бури.

Хорошенькая метафора для ее жизни.

Войдя на кухню, она обнаружила там мисс Аврору, готовящую завтрак у большой плиты.

— Доброе утро, — произнесла она, надеялась, что ее голос звучал спокойно. — Вы не видели, мистера Харриса?

Мисс Аврора помешивала шпателем яйца на сковороде.

— Наверное, он у себя в комнате. У меня нет заказов от семьи на завтрак, поэтому я готовлю его для тебя и себя, и всех, кто еще присоединится. Завтрак будет в комнате отдыха в десять.

— Мне очень жаль. Я...

— Увидимся там.

Лиззи сделала глубокий вдох.

— Я постараюсь прийти.

— Ты придешь, — мисс Аврора кинула взгляд через плечо, ее черные глаза поблескивали. — В противном случае, мне придется тебя разыскать и поговорить о том, что не стоит верить всему, что ты слышишь и видишь по телевизору.

Лиззи не отрывая от нее взгляда, толкнула дверь на выход из кухни и направилась к мистеру Харрису. Прежде чем постучать, она бросила взгляд на офис Розалинды. Дверь была опечатана лентой и посередине стояла сургучная печать.

«Еще одно место преступления в доме», — подумала она. — Интересно, как выглядит спальня Шанталь?»

Дворецкий открыв дверь, отскочил.

— Мисс Кинг?

Лиззи вздрогнула.

— Ой, извините. Мне нужно с вами поговорить.

Мистер Харрис нахмурился, но видно что-то заставило его изменить свое надменное выражение лица.

— Проходите.

Как и следовало ожидать его комната была выполнена в английском стиле — книги в кожаных переплетах, антикварные стулья и темно-красные цвета, как гранат, выдавали в нем приверженца Востока. Помимо гостиной, здесь имелась также кухня, чем-то напоминающая кухню мисс Авроры, но в три четверти меньше, с противоположной стороны дверь была закрыта, и Лиззи догадалась, что это скорее всего спальня и ванная комната.

Здесь приятно пахло — лимоном и чистотой, а не затхлым воздухом, как в других помещениях.

— Я принесла заявление об уходе, — резко сказала она. — Две недели. Я должна была сообщить об этом Розалинде, но...

Мистер Харрис мгновение молча смотрел на нее, а затем сел за резной стол, на котором лежали какие-то документы, но компьютера не было.

— Это неожиданно.

— В моем контракте написано, что я обязана предупредить вас за две недели.

— Могу я поинтересоваться, почему?

— Просто решила сменить обстановку. Я подумывала об этом уже некоторое время.

— Вы? — он сцепил руки. — Это никак не связано с тем, что произошло вчера ночью?

— Мне очень жаль, что в семье возникли такие проблемы.

Мистер Харрис вздернул брови.

— Неужели я ничего не могу сделать, чтобы убедить вас остаться?

— Я приняла решение, но спасибо.

Она оставила его, вернувшись в коридор и закрыв за собой дверь. Постояла пару минут, смахнув слезы, подняла голову, молясь, что бы не потекли из носа сопли.

Она не могла представить себе, что ей придется оставить Истерли по такой причине. Но пути назад уже не было. Она приняла решение, написав заявление об уходе, еще когда у нее в доме была Грета, и они съели полтора литра шоколадного мороженого, между ее первой и второй истерикой.

На самом деле она не верила, что Лейн мог избить Шанталь, она вообще не верила, что Лейн способен на что-то подобное, это было на него совершенно не похоже. Но было уже не важно.

И совершенно было не важно была ли его жена беременна или чей это ребенок.

Истина заключалась в том, что проведя десять лет с семьей Брэдфордов, Лиззи пришла к выводу, что она коренным образом отличается от них, не тем, что у Брэдфордов было больше денег, чем она могла увидеть за несколько жизней. А тем, что откуда она родом, там выходили замуж и рожали детей, участвовали в программе 401 статьи (статья отчислений в пенсионный фонд), проводили вместе всей семьей отпуск один раз в году, путешествуют в Дисней или Сендалс. Они платили налоги, справляли годовщины свадеб и дни рождения, устраивая совместные ужины, и они не изменяли своим женам и мужьям.

Они жили достойно, скромно, и не разыгрывали безумные драмы, как у Брэдфордов.

И еще дело касалось ее влечения к Лейну (черт, может оно тоже было связано с всеобщим помешательством, перекинувшимся на нее), теперь у нее не было сил и не средств, чтобы быть рядом с ним в любом качестве. Она слишком сильно и слишком быстро влюбилась... как и в тот раз, и это не принесло в ее жизнь ничего, кроме множества бессонных ночей... и глубокой депрессии.

В жизни каждого могут встать серьезные вопросы, которых не в состоянии избежать. Рак, несчастные случаи или другие трагедии, здесь ты сам не можешь уменьшить свои шансы от полученной травмы, главное выжить, эта самая важная для всех живых существ на земле.

Но есть и других проблемы, которые представляют для тебя серьезную опасность, ты вправе разрешать сам — сделав шаг в сторону, если ты здравомыслящий взрослый человек и хочешь вернуть свое нормальное существование, и позаботиться о себе, как-то защитить... и полюбить себя, в конце концов.

Но когда дело касалось Лейна Болдвейна, она не могла довериться самой себе, поэтому решила урегулировать эту проблему, вернуть своего помешательства и потери контроля... отсутствием с ним близости.

А именно, она решила уволиться.

Словно наркоман, она собиралась прекратить все и сразу, одним махом и даже не собиралась обсуждать с ним это. Как героиновый наркоман, желающий войти в глубокий транс, осмыслено вводя себе шприц. Несомненно, Лейн попытается вернуть все назад и

объясниться, но несмотря на их отношения в последние дни, факт оставался фактом — ее сердце опять было разбито, и ее решение уволиться не подлежало обсуждению.

Сейчас... она собиралась улучшить свою жизнь, вернув ее в нормальное состояние.

Направляясь к теплицам, она отправилась месту, где стояла рассада. Но прежде чем взять с собой необходимый инвентарь и секатор, она остановилась и достала свой телефон.

Дальше она произвела операцию, которая заняла всего лишь секунду.

И, наверное, это было глупо.

Но она перевела семнадцать тысяч четыреста восемьдесят шесть долларов и семьдесят девять центов из своих сбережений... на счет ипотеки.

Выплатив до конца весь долг за ферму.

Да, скорее всего это был не самый умный ход, учитывая, что она собирается ее продать. Но гордость потребовала, чтобы она совершила эту операцию. Гордость и чувство удовлетворения, что она выплатила все, полностью выкупив это место.

Она всегда хотела иметь свой собственный мир — дом, который бы она обустроила и купила без чьей-либо помощи.

Тот факт, что теперь она не должна никому не единого цента, был полной противоположностью того, что она на самом деле чувствовала.

Являясь неопровержимым доказательством, что она совершенно не следила за ходом своих мыслей.

Лейн вернулся в Истерли, как только его освободили.

За минусом времени, потраченного на поездку на ферму Самуэла Ти, чтобы забрать свой Porsche.

Он ехал по дороге для обслуживающего персонала, проезжая мимо полей и теплиц, по двум причинам. Первая, у главных ворот толпилась пресса, и вторая, он хотел удостовериться, что Лиззи была на работе.

И она действительно была в Истерли. Ее бордовый фермерский грузовичок был припаркован на стоянке вместе с другими.

— Черт возьми, — выдохнул он.

Подъехав к гаражам, он припарковал свой автомобиль под магнолией и направился к черному входу в бизнес-центр. Ввел код, который ему продиктовал Эдвард, рывком открыл дверь и уверенной походной вошел внутрь, мимо стойки регистрации, офисов, конференц-залов и обеденной зоны.

Мужчины и женщины в костюмах с тревогой посматривали на него, но он игнорировал их.

Он не остановился даже перед стеклянным кабинетом личного ассистента своего отца.

— Я иду к нему.

— Мистер Болдвейн, Вы не можете...

— Черт возьми, я могу.

— Мистер Болдвейн, его...

Лейн распахнул дверь и... замер на месте.

Отца за столом не было, он окинул взглядом комнату.

— Мистер Болдвейн, мы не знаем, где он.

Лейн бросил взгляд через плечо.

— Что?

— Ваш отец... он должен был сегодня утром улететь, но так и не появился в аэропорту.

Пилот прождал его целый час.

— Вы звонили ему домой?

— И на сотовый тоже, — женщина прикрыла рот ладонью. — Он никогда не делал такого раньше. Его нет в особняке.

— Черт.

И что теперь?

Лейн развернулся и направился прочь, ассистентка прокричала ему вслед:

— Пожалуйста, передайте ему, чтобы он мне позвонил.

Выйдя на улицу в лучи утреннего солнца, он ускорил шаг, переходя на бег, ворвавшись на кухню особняка. Он пронесся мимо плит из нержавеющей стали и столешниц, стукнул по двери, ведущей в коридор обслуживающего персонала. Он перепрыгивал через две ступеньки, чуть не врезался в горничную, пылесосившую на втором этаже.

Вперед по коридору, мимо своей комнаты... и Шанталь, к люксу его отца.

Лейн остановился перед дверью, и подумал, что тогда он реально был не готов увидеть труп Розалинды, а сейчас также не готов ко второй части — увидеть труп его собственного отца, и это совершенно не касалось того, что он не хотел видеть мертвое тело одного из своих родителей.

Нет, было гораздо все сложнее, если этого мужчину стоит уложить в гроб, Лейн собирался, черт побери, быть именно тем, кто положит голову этого ублюдка на вышитую подушку.

Лейн открыл дверь.

— Отец, — рявкнул он. — Ты здесь?

Быстро прошагав в комнату, он прислушался, закрыл дверь, если он здесь и живой: он собирался вдарить этому сукиному сыну, небеса помогут ему в этом.

Шанталь могла быть шлюхой и лгуньей, но она женщина, и никто не смеет ее бить, не важно какие при этом имеются обстоятельства.

— Здесь? — спросил он, открывая дверь в ванную комнату.

Когда он не обнаружил его в душевой кабине, развернулся и отправился в гардеробную.

Там тоже его не было.

Нет, постойте-ка.

Чемодан отца с монограммой, которым он пользовался в поездках, был открыт и частично собран. Но... собран как-то неряшливо. Внутри одежда была вся мятая и такое впечатление, что собирал его человек, который понятия не имеет, как это делать.

Лейн порылся в содержимом чемодана и не обнаружил там ничего заслуживающего внимания.

Но он заметил, что любимые часы отца Audemars Piguet Royal Oak, пропали из коробочки, а также не было его бумажника.

Вернувшись в спальню, он осмотрел мебель, книги, стол, но он не мог сказать, пропало ли здесь что-нибудь или переставлено, поскольку эту комнату он посещал всего лишь несколько раз... и двадцать лет тому назад.

— Что ты задумал, отец? — спросил он в пустой комнате.

Следуя инстинкту, он быстро вышел, закрыв за собой дверь и спустился вниз по лестнице для персонала на первый этаж. Ему понадобилось меньше минуты, чтобы выйти к гаражам, он оказался внутри и пересчитывал машины. Phantom был на месте, но пропали два Mercedeses. На одном уехала Шанталь.

Отец видно уехал на другом.
Вопрос... куда и когда.

— Вы не должны больше этого делать. Давайте, просыпайтесь.

Эдвард схватился за руку, которая тянула его.

— Ост... меня 'ного.

— Не за что не оставлю. Здесь холодно, и вы замерзнете.

Эдвард медленно открыл глаза. Солнечный свет струился из старинного окна с выступом в конце конюшни, кружась над сеном и опилками, лаская профиль кошки. Кобыла заржала через проход, притоптывая в стойле, в отдалении он уловил низкий рокот одного из тракторов.

Святое дерьмо, как же у него болела голова, но это было ничто по сравнению с его задницей. Забавно, как эта часть тела могла быть полностью онемевшей и так болеть.

— Вам придется встать, черт возьми...

Продолжающаяся болтовня заставила его выругаться и попытаться сфокусировать свой взгляд на говорившем.

Точно, так и есть. Шелби стало две: его новый работник стояла над ним, словно учитель, неодобрительно кивая головой, уперев руки в бедра, в джинсах и сапогах, как бы раздумывая стоит ли ей как футболисту вдарить по мячу, т. е. его голове.

— Мне казалось, ты не чертыхаешься, — пробормотал он.

— Я не ругаюсь.

— Ну, ты же случайно сказала плохое слово.

Она зажмурилась.

— Вы встанете, или я вымету вас отсюда с остальным мусором своей метлой.

— Разве ты не знаешь, что «черт побери» — это слово-отмычка? Как марихуана. Следующее будет «мать твою», бомба, которую ты будешь кидать налево и направо.

— Хорошо. Оставайтесь здесь. И не говорите, что я не предлагала свою помощь.

Она развернулась, чтобы уйти, и он крикнул:

— А как прошло твоё свидание прошлой ночью?

Она вернулась обратно.

— Что вы имеете в виду?

— С Мое.

Он изо всех сил пытался заставить себя подняться с холодного бетонного пола конюшни. Когда ему чуть-чуть удалось справиться с этой задачей, она приподняла брови.

— Знаете, я пожалуй, спокойно оставлю вас здесь.

Над его головой, заржал Наб, словно засмеялся.

— Я и не прошу тебя о помощи, — проскрипел Эдвард.

Внезапно, его рука соскользнула и тело со всего маха шлепнулось на бетон, да так сильно, что он клацнул зубами.

— Вы убьете себя, — пробормотала она, обратно направляясь к нему.

Шелби аккуратно подняла его, а могла бы попытаться поднять и санными вилами, но ему стоило отдать ей должное. И хотя она по росту доставала только ему до груди, она была достаточно сильной, потому что повела его на выход по проходу, по лужайке в его коттедж.

Как только они вошли, он кивнул на свое кресло.

— Туда...

— У вас переохлаждение, так что нет.

Он понял, что она завела его в ванную комнату, усадив на сидение туалета.

— Здесь я справлюсь сам, — сказал он, наклоняясь в сторону стены. — Спасибо.

Он закрыл глаза, она тут же хлопнула его по щеке.

— Просыпайтесь.

Он тут же открыл глаза и потер щеку.

— Что ты делаешь?

— Я сделаю это снова, — она сунула зубную щетку ему в рот. — Вот, почистите зубы.

Было трудно говорить, когда у тебя во рту щетка, поэтому он стал делать, что ему сказали, чистя слева, справа, спереди, снизу. Затем он наклонился и выплюнул в раковину.

— Не так уж и холодно, — сказал он.

— Откуда вы знаете? Вы же пьяны в стельку.

На самом деле, он не был пьян и возможно это и была проблема. Впервые за сколько времени, он не пил ничего со вчерашнего вечера...

— Что ты делаешь? — спросил он, когда она начала расстегивать его рубашку.

— Раздеваю вас.

— Правда?

Пока она расстегивала ему пуговицы, он окинул взглядом ее тело, которое было трудно разглядеть под объемным пуловером, и он решил проверить, положив руки ей на талию.

Она остановилась и отступила на шаг.

— Меня это не интересует.

— Тогда почему ты раздеваешь меня?

— Потому что у вас губы синие.

— Включи душ, — он указал на кран. — Я дотянусь отсюда.

— Вы утоните.

— Ну и что с того? Ты же не захочешь увидеть, что под одеждой?

— Я подожду вас за дверью, в кресле.

— И это не заставляет меня биться от радостного предвкушения, — пробормотал он себе под нос.

Она с хлопком закрыла дверь, а он даже не шелохнулся. Просто прислонился к стене и смотрел на поднимающийся пар от воды.

— Я не слышу, чтобы вы купались, — прокричала она через дверь.

— Еще недостаточно много воды, чтобы купаться.

Тук. Тук. Тук.

— Поторопитесь, мистер Болдвейн.

— Так называют моего отца. Он мудака. Меня зовут Эдвард.

— Заткнитесь и залезайте в воду.

Даже сквозь туман оцепенения, он почувствовал вспышку какого-то чувства к ней. «Наверное, благодарности», — предположил он.

Но кого это волновало...

Бум, бум, бум!

— Ты выломаешь дверь, — закричал он, перекрикивая шум воды. — Думаю, ты не хочешь видеть меня голым.

— В воду, сейчас же, — отрезала она. — И я не испугаюсь войти, ванна — лучше, чем быть мертвым.

— Дело вкуса, моя дорогая.

И все же он решил последовать ее указаниям, по какой-то для себя совершенно безумной причине.

Ухватившись руками за раковину, он стал приподнимать свое тело на ноги. Одежда оказалась настоящей занозой в заднице, но он все же снял ее... и опустил в воду. Странно, но теплая вода возымела на него обратный эффект. Он стал не согреваться, а еще больше дрожать от холода, причем так сильно, что на поверхности воды образовалась рябь.

Обхватив себя руками, зубы стучали друг от друга от холода, а сердце билось видно через раз.

— Вы в порядке? — спросила она через дверь.

Он не ответил, и Шелби громко позвала:

— Эдвард?

Дверь распахнулась, и она бросилась в ванную, готовая спасти и вытащить его из двадцати четырех дюймов воды. Это было ужасно... она смотрела на него сверху вниз, и единственное, что он смог себе позволить, уставиться на воду, надеясь, что она скрывает его тонкие ноги, вялый член, белую кожу с красными рубцами.

Он был уверен, что она ахнула.

Он сказал, улыбаясь и полнимая глаза на нее:

— Симпатичный, не так ли? Хочешь верь, хочешь нет, но я полностью функционален. Ну, Виагра помогает, конечно. Будьте так добра, пожалуйста, принеси мне немного выпить, думаю, у меня детоксикация, поэтому я дрожу, как осиновый лист.

— Ты..., — она прочистила горло. — Вам н-н-н-нужен врач?

— Нет, просто немного Jim Beam или Jack Daniel.

Она продолжала смотреть на него, он указал ей на открытую дверь позади нее.

— Я серьезно, мне нужна выпивка. Если ты хочешь меня спасти, принеси. Сейчас же.

Шелби Лэндис молча вышла из ванной и закрыла дверь, готовая принести Эдварду то, что он просил.

У нее был достаточно жизненный опыт с алкоголиком, и хотя она не одобряла, но приносила своему отцу выпивку тысячи раз, и, как правило, утром тоже.

Ну, если положить руку на сердце, это же был ее план, заставить его принять ванну? Однако, она не могла двигаться, думать... и даже дышать.

Она не была готова увидеть мужчину, со склоненной темной головой, как будто он стыдился своего слишком тощего, искалеченного тела, его мужской гордости и шрамов на его плоти. Когда-то он обладал огромной силой, ее отец рассказывал ей истории о его господстве в бизнесе и в обществе. Черт, она слышала о Брэдфордах, когда была еще совсем маленькой. Ее отец отказывался пить что-либо, кроме Номера 15, и так поступали большинство людей, занимавшиеся лошадьми, которых она знала.

Обхватив лицо ладонями, она прошептала:

— Что ты делаешь со мной, отец?

Зачем он отправил ее сюда?

Зачем...

— Шелби? — раздался требовательный голос изнутри ванной комнаты.

Боже, он был похож на ее отца: Эдвард с таким же отчаянием звал ее... именно так ее папаша звал ее, когда ему было совсем плохо и необходимо было выпить.

Закрыв глаза, она выругалась, потом почувствовала себя виноватой.

— Прости меня, Господи. Не знаю, что говорю.

Глядя перед собой, она отыскивала непечатую бутылку на одной из полок с серебряными кубками, но сама мысль, что она собственноручно отнесет ему этот яд, заставляла ее страдать. Тогда он придет сюда сам, и скорее всего, ударится или упадет по пути. Разве она может ему указывать? Плюс, она знала, чем все закончится. Пугающая ее до чертиков его трясучка не остановится, пока зверь внутри него не насытится спиртным, которое ему просто необходимо.

— Иду, — прокричала она. — Что вы хотите выпить?

— Не важно.

Не раздумывая она схватила бутылку, на этикетки увидела надпись «Джин» и направилась к закрытой двери ванной комнаты. В этот раз она даже не постучала, а просто вошла.

— Вот, — она открыла бутылку. — Пейте прямо из горла.

Его руки так тряслись, что он никак не мог справиться и поднести бутылку к губам, не расплескав.

— Давайте я вам помогу, — пробормотала она.

Он пришел в замешательство, но видно тяга была сильнее, и поднял открытый рот, словно новорожденный жеребенок, который тянулся к своей матери.

Он сделал два или три глубоких глотка, а потом еще.

— Уже становится тепло.

Поставив бутылку джина на бортик ванны, чтобы он мог дотянуться до нее сам, она взяла большое полотенце и опустила его в воду позади него. Как только оно намокло, она положила ему на спину. Затем она начала намыливать мочалку, даже не спросив его, капнув шампуня на его мокрые волосы.

Так и не спрашивая, она поднесла бутылку к его губам, и он опять открыл послушно рот, сделав пару глотков.

Намыливая его мылом и шампунем, напомнило ей заботу о животном, которого она спасла. Он периодически дергался, не доверяя ее движениям.

Изможденный.

— Вам нужно поесть, — сказала она надтреснутым голосом.

«Нет ничего такого во мне, Господи. Я не могу проходить через это снова».

Ей не удалось спасти отморозка алкоголика своего отца. А потерять двух мужчин за одну жизнь, ей казалось перебор, она не хотела повторять все сначала, по второму кругу.

— Я приготовлю вам завтрак, Эдвард.

— Ты не обязана.

— Да, — хрипло ответила она. — Я знаю.

— Мы снова возвращаемся к тому же?

От звука мужского голоса, Лиззи замерла над горшком, пересаживая *Hedera helix* в новый. Закрыв глаза, она выдохнула и одернула себя, приказав рукам не трястись и ничего не ронять.

Она предполагала, что Лейн разыщет ее, это заняло у него, надо сказать, немного времени.

— Ну? — сказал он. — Мы вернулись к тому же, когда ты слышишь то, что тебе не нравится ирываешь со мной все отношения? Если все идет по тому же сценарию, а у меня не возникает сомнений, черт побери, что именно так оно и есть, мне остается только сесть на самолет до Нью-Йорка и прекратить все попытки. Ведь так намного эффективнее, не придет огромный счет за оставленные голосовые сообщения.

Она заставляла свои руки двигаться, уложив корневую систему в ямку, которую она первоначально выкопала в горшке, и стала подсыпать свежую землю, чтобы растение устойчиво стояло.

— Есть кое-что, чего бы я не хотела слышать, — сказала она. — Да, можно и так выразиться. Когда узнаешь, что твоя жена беременна... опять... эту новость я бы предпочла не слышать. Особенно, когда узнала обо всем, только, что выбравшись из постели с тобой. А потом была радостная новость, что ты арестован за то, что она попала в больницу.

Он молчал, и она взглянула на него. Он возвышался посередине теплицы, у рабочего стола Греты, которой Лиззи сказала, что нужно побыть одной.

— Ты на самом деле думаешь, что я на такое способен? — спросил он тихо.

— Не мне решать подобные вещи, — она сосредоточилась на том, что делали ее руки, и совершенно ненавидела слова, которые произносил ее рот. — Но одну вещь, я тебе все же скажу, что ключ к разгадке будущего поведения является поведение в прошлом. И я не могу... я не могу оставаться с тобой при таком раскладе. Правда это или нет, меня это уже не касается.

Утромбовав землю, она потянулась за лейкой и полила посаженный новый плющ. Через три месяца он будет готов к высадке в открытый грунт или на грядки, или у основания стены, или в горшки на террасе. Им повезло, что в поместье можно было высаживать рассаду в нескольких местах, благодаря хорошо спроектированному ландшафту, а главное, что они могли сами пополнять запасы новыми саженцами от произрастающих деревьев.

Вытирая руки об передник, она повернулась к нему лицом.

— Я увольняюсь. Я уже предупредила о своем уходе, поэтому тебе не придется беспокоиться о возвращении в Нью-Йорк.

Она спокойно встретила его взгляд, открыто глядя ему в лицо.

Самое удивительное, как можно поменяться самой, стоит принять окончательное решение.

— Ты действительно думаешь, что я мог ударить женщину? — повторил он свой вопрос.

«Конечно, нет», — подумала она про себя. Но она продолжала молчать, потому что хотела, чтобы он оставил ее в покое, и ее инсинуации явно ранит его мужское самолюбие, и как бы это не было печально, будет работать ей на пользу.

— Лиззи, ответь на мой вопрос.

— Это не мое дело, и меня оно не касается.

Молчание затянулось, но потом он кивнул.

— Хорошо. Вопрос снят.

Он развернулся и направился к двери, она была удивлена, поскольку ожидала от него долгих объяснений и уговоров, которым собиралась противостоять. Типа: «Я люблю тебя, Лиззи. Я действительно люблю тебя».

— Желаю тебе всего хорошо, Лиззи, — сказал он. — Береги себя.

И все...

За ним тихо закрылась дверь. И на долю секунды она почувствовала совершенно абсурдный порыв, кинуться за ним и закричать ему в лицо, что он мудака, соблазнитель и распутник, что он оказался именно тем, кого она больше всего боялась встретить, что он использует женщин, врет, обманывает, а также садист с манерами элиты, который не знал...

Лиззи насильно заставила себя отойти от этого края пропасти.

Если таким образом, он мог с ней попрощаться, то получается была она в его жизни или не была, для него, как оказалось, не имело ни малейшего значения.

«Хорошо, что я теперь знаю», — с горечью подумала она. — Все хорошо».

«Вот так дела», — подумал Лейн, садясь за руль своего 911. Видно, пришло время, когда, как бы не хотелось тебе побороться за что-то, это стоило просто отпустить.

И при этом совершенно не чувствовать себя неудачником.

Конечно, ты не сможешь почувствовать себя на коне от того, что так все закончилось.

И, конечно, не сможешь избавиться от всего этого дерьма в результате потери, которая настигла тебя.

Но пришло вовремя остановиться и не тратить попусту силы, добиваясь того, что больше всего хочется, тогда сможешь использовать эти силы, чтобы свыкнуться с этой потерей.

Это единственный урок, который он выучил благодаря своему отцу. Нравилось ли ему иметь перед глазами такого мужчину, на которого он мог равняться, гордиться и чувствовать себя уважаемым? Черт побери, конечно да. Даже несмотря на то, что пока они подрастали, один лишь звук мокасин о мраморные полы и запах сигарного дыма, заставлял его бежать в укрытие? Хм. Мог ли он воспользоваться некоторыми советами отца, особенно в такой момент?

Мог. Они на самом деле могли ему пригодиться.

Все сложилось совсем не так, как он предполагал, однако ему стоило с этим свыкнуться или же сойти с ума, и он не собирался оправдываться, поскольку ничего не мог изменить или улучшить.

Если Лиззи Кинг на самом деле верила (если предположить хоть маленькую возможность), что он мог ударить женщину? Что он мог лгать ей в лицо по поводу Шанталь? Что ребенок от него? Тогда однозначно, у них нет никакого будущего. И совершенно неважно, чтобы он ей сказал и какими бы словами пытался все объяснить... получается, что она совершенно его не знала, но более того, не доверяла ему.

И к какому дерьму он опять пришел? Тот факт, что Шанталь обвела его, в очередной раз, вокруг пальца, разлучив с женщиной, которую он любил?

Полный отстой.

Ооооо-оооооох-ааааа.

Может ему стоит попросить у Санта Клауса другого отца, а у Зубной Феи новую

бывшую жену?

Да, что угодно.

Оставляя за собой пыль по дороге из Истерли, он выехал на шоссе, и увеличил скорость в два раза по пути к Международному аэропорту Чарлмонта, на самом деле он не спешил, потому что не опаздывал, но черт побери все это. Автомобиль справлялся с его состоянием, лавируя по трассе на большой скорости, и при этом он был совершенно трезв.

Вход для VIP-зоны был первым в здании аэропорта, окруженный огромными сооружениями по бокам, и Лейн свернул в узкий переулочек, который вел к отдельному терминалу. Остановившись прямо перед двойными дверями, он вылез, оставив двигатель включенным.

Джефф Штерн прохаживался по роскошному вестибюлю, и хотя прошло всего лишь несколько дней, с того момента, как Лейн играл с ним в покер и раздражался на бимбо, потом все-таки решил ответить на телефонный звонок, ему казалось, что прошла вечность.

Неудивительно, что его давний друг и сосед по квартире был одет, как он привык одеваться на Уолл-Стрит, в очках, в темном костюме, в белоснежной белой рубашке. На нем даже красовался красный галстук.

— Ты мог бы одеть шорты, — сказал Лейн, обмениваясь с ним рукопожатием.

— Я прямиком из офиса, идиот.

Именно этот акцент, когда-то чуждый, а теперь настолько знакомый, ему было необходимо услышать сейчас.

— Боже, ты выглядишь, как черт, — сказал Джефф, когда подвезли его багаж на тележке. — Семейная жизнь явно не идет тебе на пользу.

— Моя, однозначно нет. Скажи мне, твой самолет все еще здесь?

— На заправке. А почему...? — Лейн взглянул в сторону взлетно-посадочной полосы, его друг выругался. — Нет. Нет и еще раз нет. Только не говори мне, что ты вытянул меня сюда на юг от Мейсон-Диксон, чтобы посеять панику и захотеть вернуться на Манхэттен. Имей совесть, Лейн!

На мгновение Лейн замер как бы над пропастью, не зная стоит ли остаться или ступить вниз: остаться и все-таки докопаться до сути дел, связанных с его отцом, или же оставить все как есть, он был измотан и порядком устал от всего этого дерьма.

Но он подумал, что у него с Лиззи было что-то общее, в конце концов.

Они оба хотели уехать отсюда.

— Лейн?

— Пойдем, — сказал он, слегка дотрагиваясь до козырька своей бейсболки и подхватывая старые кожаные чемоданы своего друга. — Когда в последний раз ты был в Истерли?

— На Дерби, миллион лет назад.

— Ничего не изменилось.

Выйдя на улицу, он поднял капот Porsche, уложил багаж, потом они сели в машину, и на большой скорости он выехал с территории аэропорта, вылетев на шоссе.

— Итак, я наконец встречаюсь с твоей женщиной, Болдвейн?

— Скорее всего, нет. Она увольняется.

— Хорошо, что все быстро утихомирилось. Мне очень жаль.

— Не притворяйся, что ты не видел новости?

— Они шли по всем каналам. Мне кажется, что тебя должна поблагодарить пресса, ты

просто воскресил многие издания. Поздравляю.

Лейн выругался и стал смотреть на дорогу.

— Уверяю тебя, я не думал о награде.

— Постой-ка, увольняется? Значит, она работает на твою семью? Это похоже на фильм «Сабрина», старик?

— Лиззи главный ландшафтный дизайнер и садовод в поместье. Вернее, была.

— Она не простой садовник, да? В этом есть определенный смысл. Ты ненавидишь глупых женщин, не так ли?

Лейн взглянул на него.

— Без обид, но мы можем поговорить о чем-нибудь другом? Например, о том, как моя семья может потерять все деньги? Мне необходимо воспрянуть духом.

Джефф покачал головой.

— Ты, мой друг, взвалил себе на плечи груз просто адской жизни.

— Ты не хочешь поменяться со мной местами? Поскольку именно в данный конкретный момент я ищу выход из всего этого дерьма.

Вечером Лиззи вернулась домой и не увидела дерева, поваленного на ее машину. Выбираясь из фермерского грузовичка, она огляделась по сторонам. Yaris стояла на том же месте, где на нее упало расщепленное дерево, с помятой крышей, искореженная, маленькая, с выбитым лобовым стеклом, из которого торчали ветки, словно в видеоигре. Но самого дерева не было, кругом земля была усыпана душистыми опилками.

«Не смей, Лейн», — подумала она.

«Не смей, черт побери, заботиться обо мне и появляться в моей жизни».

Она подняла взгляд на дерево и увидела, что место, где дерево расколосось пополам, аккуратно запечатано, оно заживет и великолепный клен сможет справиться с причиненным ущербом.

— Черт тебя побери.

По крайней мере, он не трогал машину. Если бы он забрал машину, то ей бы пришлось ему позвонить и выяснить ее местонахождение, чтобы ее вернуть.

Ей следовало за столько времени узнать его получше, прежде чем окончательно решить, что между ними все кончено.

Направляясь к крыльцу, она ругалась на него всю дорогу...

Лиззи замерла, подняв ногу на первую ступеньку. На ее двери к деревянной раме была приклеена записка.

Отлично. Теперь то, что. «Теперь, когда хладнокровие преобладает, бла, бла, бла».

Он явно не в своем уме.

И она поступает совершенно правильно увольняясь. Пока эти отношения ее окончательно не убили, пришлось принять решение и уйти от него самой, уйти от Истерли, от этого странного отрезка ее жизни, который можно описать, только как дурной сон.

Заставив себя подняться, она сорвала бумагу с двери. Она хотела, не читая выбросить ее, но не смогла. Открыв записку, прочла:

«Приветик, соседка. Коров выгнал с твоего двора. Разрушенные грядки привел в порядок. Не люблю цветы, поэтому позаботился о твоём упавшем дереве. Жена испекла пирог. Лежит у тебя на столешнице.

Буелла-н-Росс»

Выдохнув, она почувствовала жуткую усталость и не пошла в дом, а присела на качели. Ногами оттолкнувшись от земли, она слушала сверчков и скрип стальных цепей, вкрученных в перекладину над головой. Она ощущала мягкий, теплый ветерок, ласкающий лицо, смотрела, как угасал солнечный день, становясь все более оранжево-красным, создавая длинные тени на земле.

Ей нужно украсить крыльцо горшками с цветами...

Нет, на самом деле не нужно.

По крайней мере, у нее был хороший вечер — пирог от Буеллы, который был запредельно вкусным, может с персиками или... голубикой.

Лиззи поднялась, вытирая глаза и посмотрела на свои руки, на которых искрились слезы.

Было ужасно тяжело спасти себя, оставив все позади, словно она отсекала от себя больную конечность.

«Было так хорошо здесь», — подумала она.

А потом Лейн вернулся и все испортил.

— Все, что Эдвард смог нарыть, — произнес Лейн, прохаживаясь по люксу, в котором он разместил Джеффа.

Это был лучший люкс с видом на сад и реку, а также здесь был огромный письменный стол, достаточно большой, напоминая чуть ли не кухонный стол мисс Авроры. На самом деле, миллион лет назад, люкс был личными покоями его деда, после его смерти все осталось прежним и регулярно производилась уборка.

Комментарий Джеффа, когда он вошел был стереотипно сухим, что-то типа, что командование Гражданской войны явно велось не из космоса.

Предсказуемо, правда, парень имел доступ к финансовым данным, но квалифицированный умник тут иссяк, перейдя сразу же к делу.

— Сейчас время обеда, — Лейн посмотрел на часы. — Мы одеваемся для обеда. Ну, все, кроме меня, так что твой костюм как раз сгодится.

— Принеси мне что-нибудь сюда, — пробормотал Джефф, срывая с себя галстук, все время поглядывая на экран компьютера. — И мне понадобятся блокноты и ручки.

— Ты не хочешь понаблюдать за мной и отцом, как мы будем смотреть друг на друга, поедая суфле? — Да, потому что Лейн с нетерпением ожидал встречи с отцом. — Ты также мог бы познакомиться со сказочным женихом моей сестры. Парень настолько очаровательный, как язва.

Джефф не ответил, Лейн подошел и заглянул ему через плечо.

— Скажи мне, что ты понимаешь все эти цифры.

— Пока нет, но пойму.

«Нужный мужчина для этой работы», — подумал Лейн, выходя за дверь.

В коридоре он остановился и посмотрел на дверь матери. Возможно, Эдвард был прав. Может, если все «пуф!», лопнет, как мыльный пузырь, его мать даже и не заметит: все эти лекарства защищают и удерживают в безопасности в ее собственном бреде, он понял это, когда первый раз пришел ее навестить.

На этой ноте он решил выпить бурбона.

Направляясь к парадной лестнице, он подумал, что, пожалуй, пропустит ужин. Он испытывал желание по-прежнему хорошенько вдарить своему отцу, но с Джеффом, он все же надеялся гораздо лучше сбить его с ног.

А потом он собирался последовать примеру Лиззи — послать все, куда подальше.

Здесь в поместье, всего было через чур, слишком уж византийские нравы, слишком уж все аморально.

Возможно, он вернется в Нью-Йорк. Или пришло время забросить сети по шире, может стоит рвануть куда-нибудь за границу?

Лейн остановился на полпути, спускаясь по парадной лестнице.

Митч Рэмси и два офицера стояли в фойе, держа в руках головные уборы, с лицами как из учебника по уголовному правосудию: без выражений.

«Дерьмо», — подумал Лейн, закрыв глаза.

Видно, Самюэль Ти не в состоянии хорошо работать со своими дружбанами.

— Я возьму свой бумажник, — произнес Лейн. — И позвоню своему адвокату...

Митч посмотрел на него вверх, мистер Харрис появился из шумной гостиной.

— О, мистер Болдвейн, — произнес дворецкий. — Эти господа, дожидаются вас.

— Я понял. Я захвачу мой...

Митч произнес:

— Мы можем поговорить где-нибудь наедине?

Лейн нахмурился.

— Я требую присутствия адвоката.

Митч отрицательно покачал головой, Лейн взглянул на других офицеров, но они старались не встречаться с ним глазами.

Лейн спустился вниз и указал рукой в сторону гостиной.

Вчетвером они направились в шикарную комнату, мистер Харрис закрыл двойные двери, ведущие в фойе, все продолжали молчать, пока он с другой стороны комнаты не закрыл еще одни двери.

Лэйн скрестил руки на груди.

— Что случилось, Митч. Ты пришел за третьим? Джина, потом я... а теперь может мой отец...

— С глубоким прискорбием сообщаю вам, что...

Холодная рука страха сковала все его тело.

— Не Эдвард, Господи, пожалуйста, только не Эдвард...

— ...тело было найдено в реке около двух часов назад. У нас есть основания полагать, что это твой отец.

Выдох, Лейн с трудом выдохнул еще раз.

— Что...? — он откашлялся. — Где его нашли?

— По ту сторону водопада. Нужно, чтобы ты опознал тело. Ближайшие родственники предпочтительнее, но я никогда не смогу сообщить об этом его жене.

Лейн подошел к тележке с баром и налил себе Family Reserve. Поставив бокал обратно, он кивнул Митчу и двум офицерам.

— Дайте мне минутку. Я скоро вернусь.

Митч остановил его за плечо, когда он проходил мимо.

— Мне очень жаль, Лейн.

Лейн нахмурился.

— Знаешь, я не могу сказать тоже самое.

Лейн никому ничего не сказал, куда он направился и зачем.

Он зашел к себе в люкс за мобильным и бумажником, и осторожно спустился вниз, держась подальше от гостиной, где обедали и тихо беседовали домочадцы.

Он решил никому ничего не говорить, пока сам не убедится окончательно.

Он залез во внедорожник Митча, и сам закрыл за собой дверь, уставившись в лобовое стекло.

Когда тот опустил на водительское сидение, Лейн спросил:

— Еще кто-нибудь знает?

— Мы старались держать все в тайне. Тело прибило к лодочной станции примерно в четверти мили от водопада. Пара, обнаружившая его, хорошие люди, можно сказать из деревни. Они настолько были потрясены, что не хотели никакого внимания средств массовой информации и особенно журналистов, которые будут топтаться на их земле. Хотя мы не сможем скрывать это вечно.

Время, пока они ехали в морг стало несколько странным, оно двигалось со скоростью улитки и все кругом было слишком ярко, слишком отчетливо, слишком громко. Но как только он оказался внутри, все стало еще намного хуже, внутри этого ужасного здания, такое впечатление, что его мозг находился под воздействием психоделиков, наблюдая сюрреалистический мультик с Джерри Гарсия. (Дже́рри Гарси́я (англ. Jerry Garcia, полное имя — Джером Джон Гарсия; 1 августа 1942 — 9 августа 1995) — американский музыкант, гитарист, вокалист группы «Grateful Dead», основоположник психоделического рока на западном побережье США.)

Единственное, что он мог делать — следовать за Митчем, как хвостик, куда парень туда и он, и очень быстро Лейн оказался один в комнате ожидания, напоминающей размерами кладовку.

Центр стены перед ним закрывали занавески, которые отодвинулись, открывая пространство за большим стеклянным окном, рядом была дверь.

— Нет, — сказал Лейн Митчу. — Я хочу видеть его лицо.

Наступил неловкий момент.

— Послушай, Лейн, тело находится в плохом состоянии. Он попал под водопад, и возможно, под баржу. Будет легче...

— Не важно, — Лейн прищурился на шерифа. — Я хочу увидеть его лицо.

Митч выругался.

— Дай мне минуту, — сказал он.

Шериф скрылся за дверью, Лейн был рад, что он не стал настаивать, потому что в этой ситуации он не хотел признаваться, что ему необходимо лично убедиться, что его отец на самом деле мертв.

Это было глупо.

Как эти полицейские могут проводить столько времени, копаясь в этом дерьме?

Митч вернулся и придержал дверь.

— Заходи.

Ступив на кафельный пол, Лейн будет помнить всю оставшуюся жизнь, этот момент. И Господи, это очень напоминало кино: в центре комнаты из нержавеющей стали находился

стол на роликах с мешком для трупов.

У него мелькнула мысль, что мешок точно такой же, в который поместили тело Розалинды.

Обойдя с одной стороны стол, с другой — стояла женщина в белом халате и перчатках, готовая открыть мешок.

— Если вы готовы, сэр?

— Да. Пожалуйста.

Она потянула вниз молнию на два фута, и широко раскрыла.

Лейн наклонился и отшатнулся от запаха воды и гнили.

Он не ожидал, что у отца будут открыты глаза.

— Это он, — приглушенно произнес Лейн.

— Сожалею о вашей утрате, — ответила тут же коронер, закрывая молнию.

Она закрыла его лицо, Лейн подумал, что они оставят его с телом отца наедине, он продолжал стоять, уставясь на мешок.

Перед ним проплывали различные картины, как отец постоянно все время покашливал, какие-то были из далекого прошлого, какие-то — последние события.

«Не будет больше с ним будущего, — подумал он. — Ничего больше не будет с ним».

Господи, из всех способов, которые он мог себе вообразить, окончательно завершив с ним общение, в них не присутствовало... не этой тишины, не этого холодного медицинского кабинета с Митчем Рэмси, стоящим сбоку, и его патологоанатом напротив, такого себе представить Лейн просто не мог... никогда.

— Что теперь? — услышал он свой вопрос.

Митч прочистил горло.

— Неофициально, и даже не спрашивай меня об этом, мы уверены, что это самоубийство. Учитывая все предыдущие события... ну, ты знаешь.

— Да, однозначно, — даже если учесть, что полиции неизвестно о огромном долге.

«Словно гребаный трус, — мелькнуло у Лейна мысль об отце. — Сначала заварить эту кашу, а потом струсить и броситься с моста».

Мудак.

— Я хотел бы получить твое согласие на вскрытие, — сказал Митч. — Просто, чтобы исключить нечестную игру. Но ты же понимаешь, это простая формальность.

— Конечно, — Лейн посмотрел на шерифа, наделенного соответствующими правами власти. — Послушай, мне нужно время, прежде чем об этом узнает пресса. Я должен сообщить матери, братьям и сестре. Честно, не знаю, как связаться с Максвеллом, но я не хотел бы, чтобы он услышал об этом в шестичасовых новостях. Или еще хуже, через канал TMZ.

— Правоохранительные органы позаботятся о вас и вашей семье.

— Я позвоню тебе, как смогу.

— Это всем нам облегчит жизнь.

Его сопровождали в кабинет для подписания различных бумаг. Как только он отдал ручку следователю, подумал: «Вот черт, теперь придется устраивать похороны».

Если честно, последнее, о чем он мог думать — проводить своего отца, отдав ему последние почести.

— Я не хочу есть.

Сидя в своем коттедже Эдвард полностью осознавал, что говорил, как четырехлетний ребенок, отказываясь от ужина..., но ему было все равно.

Тот факт, что запахи из маленькой кухни вызывали у него слюноотделения, не относились к делу.

У Шелби видно слух был избирательным.

— Садитесь к столу.

Она поставила перед ним тарелку рядом с его бутылкой... что он пил сейчас? О, текилу. Ну, текила явно не пойдет вместе с говядиной с подливкой.

— Ешьте, — приказала она таким тоном, словно, если он не будет есть, то она все равно перетрет содержимое тарелки и через трубочку скормит ему.

— Знаешь, ты можешь уже идти, если хочешь, — пробормотал он.

Боже сохрани, эта девчонка находилась уже целый день в его коттедже, убирая, стирая, моя его и готовя ему еду. Он пару раз заметил ей, что нанял исключительно, чтобы заботиться о лошадях, а не о хозяине, но все тоже самое... слух у нее был очень выборочным.

«Черт побери, это вкусно», — подумал он, беря в рот похлебку.

— Я хочу договориться, чтобы вы посетили своего врача.

Звук от двигателя автомобиля стал для него приятным отвлечением. Особенно, если учесть, что он пытался вспомнить какой сегодня день... и очень надеялся, что сегодня пятница, ему понравилась идея пятницы, вскоре он сможет насладиться обществом проститутки. Черт побери, она могла бы посмотреть на это грандиозное шоу...

На долю секунды он вспомнил ощущения, когда Саттон оседлала его, двигаясь вверх-вниз и призывно смотря ему в глаза.

Резкая боль, стрельнувшая в груди, заставила его есть быстрее, чтобы избавиться от этого ощущения.

В дверь громко постучали.

— Ты не мог бы сделать одолжение? — произнесла Шелби. — Открыть, и если это женщина, пригласи ее. Если это непрошенный гость, скажи, чтобы убрался из твоего дома... можешь даже воспользоваться словом «к черту», мы же оба знаем, что оно есть у тебя в словарном запасе, а?

Она кинула на него такой взгляд, что если бы он не сидел, то явно бы сбила с ног.

Но не дожидаясь его ответа, она сама направилась к двери.

Открыв, воскликнула:

— Ой, мой Бог.

— Кто это? — пробормотал Эдвард. — Твоя фея-крестная?

Это явно была не фея-крестная, а Лейн.

Его брат вошел в коттедж, Эдвард отрицательно покачал головой.

— С чем бы ты не пришел, тебе стоит пойти в другое место, я же сказал тебе, я больше не буду помогать...

— Можем мы поговорить с глазу на глаз?

И это явно был не вопрос.

Эдвард закатил глаза.

— Совершенно неважно, что ты скажешь.

— Это касается семьи.

— Меня это не касается, — Лейн не сдвинулся с места, Эдвард выругался. — Что бы ни случилось, ты можешь говорить при ней.

Он надеялся, что присутствие Шелби, ускорит решение вопроса.

Лейн взглянул на девушку, потом перевел взгляд на Эдварда.

— Отец мертв.

Шелби ахнула, Эдвард медленно опустил ложку на тарелку. Затем хриплым голосом произнес:

— Шелби, пожалуйста, извини меня и моего брата, ты не оставишь нас на минутку? Спасибо.

Забавно, что он вспомнил о манерах, которыми обладал до своего похищения.

Шелби торопливо вышла за дверь, Эдвард вытер рот бумажной салфеткой.

— Когда?

— Прошлой ночью, так думает полиция. Скорее всего он бросился с моста. Тело всплыло с противоположной стороны водопада.

Эдвард откинулся на спинку стула, он хотел что-то сказать.

И он действительно что-то сказал, но не мог вспомнить свои слова.

Лейн по-видимому чувствовал то же самое, потому что его младший брат тяжело опустился на единственный в комнате еще один стул.

— Я до тебя сообщил маме. Не кажется, она даже не поняла... о чем я ей говорю. По моему, она уже не в этом мире, по крайней мере, она никак не отреагировала. Я сообщил об этом Джине. Ее реакция была такой же, как у тебя.

— Полиция уверена в этом, — спросил Эдвард, — я имею ввиду, что это он.

Почему-то это для всех оказалось жизненно важным. Хотя разве можно совершить такую ошибку с человеком такого масштаба?

— Я сам его опознал, вернее его тело.

Эдвард закрыл глаза. И на совсем короткий миг, первенство опять озарило его.

— Это не ты должен был делать, а я.

— Все в порядке. У меня..., — Лейн сделал глубокий вдох, — кажется, не было вообще никакой реакции. Уверен, ты наслышан о вчерашних новостях?

Эдвард посмотрел на своего брата.

— А что было вчера?

Лейн жестко рассмеялся.

— Иногда отсутствие кабельного телевидения — спасение, разве нет? По любому это уже не имеет значения. На самом деле это уже не важно.

Долго они молча сидели в тишине, и позже Эдвард подумал, что он все ждал со своей стороны какой-то эмоции — может печали, или черт побери, радости.

Но ничего такого не было, всего лишь какое-то оцепенением всего тела и все.

— Мне нужно разыскать Макса, — сказал Лейн. — Полиция пока будет держать все в тайне, как только мы не будем готовы сообщить это общественности, но эта передышка не может длиться вечно.

— Я не знаю, где он, — пробормотал Эдвард.

— Я постараюсь его разыскать по номеру телефона двухлетней давности. Я послал ему письмо на электронную почту на его последний известный мне адрес. Но думаю, что он

находится очень далеко от сети.

Опять воцарилась тишина.

— Джин в порядке? — спросил Эдвард.

Лейн отрицательно покачал головой, затем поднял на него взгляд.

— А любой из нас в порядке?

«Грустно, — подумал Эдвард, — но ответ однозначно «нет».

На следующее утро Лиззи, поднимаясь по лестнице для персонала, с букетом цветов, старалась себя подбодрить.

Хорошо, конечно, было прятаться в теплицах, но и ладно. Ей оставалось всего лишь проработать тринадцать дней в Истерли, и больше она уже не пересекалась в Лейном, после того раза. Пока здесь работала, она все время делала букеты для спален, придерживаясь своего собственного расписания, когда стоило их заменить, и в оставшееся две недели она также хорошо собиралась делать свою работу, черт побери, как и всегда.

Поднявшись на второй этаж и расправив плечи, она направилась в самый лучший номер. Мистер Харрис сообщил ей, что в нем поселился неожиданный гость, а также он сообщил, что в комнате Шанталь уже не стоит устанавливать новые цветы.

Ей было, конечно же, приятно узнать об этом.

«Спасибо, вам мистер Харрис».

По крайней мере в ее списке существовал хотя бы один человек, от которого ей не приходилось скрываться.

Жаль, что первый в списке, до сих пор обитал под крышей Истерли.

— Тринадцать дней, — бубнила она себе под нос. — Всего лишь тринадцать дней.

Она пару раз стукнула в широкую дверь и стала дожидаться ответа, через пару секунд мужской голос сказал:

— Войдите.

Толкнув широкие двери, она увидела мужчину за столом, принадлежащему деду Лейна, сгорбившегося над ноутбуком. Рядом принтер выплевывал страницы с таблицами, а на полу под столом валялись скомканные шарики из желтой бумаги, фактически усеяв весь пол.

Он даже не взглянул на нее.

— Я принесла цветы, — сказала она, входя.

— Угу.

Рядом с ним на подоконнике стоял поднос с пустыми тарелками. Поставив вазу на антикварное бюро, она поинтересовалась:

— Могу я забрать поднос?

— Что? — пробормотал он, хоть и смотрел по-прежнему сосредоточено на экран.

— Поднос?

— Конечно, спасибо.

«Должно быть он специально сюда приехал, чтобы изучить эти файлы, — подумала она, — оставшиеся от Розалинды».

«Это меня не касается», — тут же одернула она себя.

Обогнув стол, она увидела два открытых дорогих чемодана, в которых явно рылись, но было похоже, что мужчина, как только сел за этот стол, так и не сменил одежду, его рубашка помялась, также как и брюки.

Это тоже ее особо не касалось.

Подхватив поднос, она...

— О мой Бог!

Она даже не посмотрела на него, подумав, что он обнаружил, что-то на экране, что и вызвало его восклицание, потом почувствовала на себе его взгляд.

— Что? — спросила она.

— Вы Лиззи. Верно?

Она оглянулась кругом. Ей показалось, что кто-то стоит у нее за спиной и указывает ему на нее.

— Ах, да.

— Лиззи Лейна. Садовник.

— Нет, — ответила она. — Нет, не его.

Мужчина поднял руки над головой, и потянулся всем телом, и она заметила, что он был очень красив, с темными волосами и то ли карими или же темно-синими глазами.

Его акцент выдавал в нем жителя Нью-Йорка.

— Ух ты, — пробормотал он. — Я думал, что он вас выдумал.

— Извините меня, но мне следует вернуться к работе.

— Теперь я понимаю, почему он не с кем не встречался в течение двух лет.

«Не спрашивай, — сказала себе Лиззи. — Не...»

— Простите? — услышала она свой голос.

Вот черт.

— Два года. Я имею в виду, мы вместе учились в университете, поэтому я своими глазами видел, как он заработал свою репутацию. Но два года, он не встречался ни с одной женщиной. Я даже стал подумывать, что он гей. Мало того, я спросил его об этом, — мужчина поднял ладони. — В этом нет ничего страшного.

«Разве это не реплика из «Сайнфелд»? — подумала она. (*«Сайнфелд» (англ. Seinfeld) — американский телесериал в жанре комедии положений, транслировавшийся по NBC с 5 июля 1989 года по 14 мая 1998 года. В 2002 году журнал «TV Guide» поместил сериал «Сайнфелд» на первую строчку в своём списке 50 лучших телешоу всех времён. В 2008 году журнал «Entertainment Weekly» поместил сериал «Сайнфелд» на третье место в списке 100 лучших телешоу за последние 25 лет, после «Клан Сопрано» и «Симпсоны».*)

— Я, ах...

— По крайней мере, теперь я понимаю почему, — мужчина улыбнулся и совершенно серьезно произнес:

— Но он сказал, что вы увольняетесь? Это не мое дело, но почему? Он хороший человек. Не идеальный, но хороший. Не рекомендую никому играть против него в покер, только если имеются лишние деньги, которые хотят проиграть.

Лиззи нахмурилась.

— Я, ах...

— Я даже, кстати не знал, что он женат. Он никогда не говорил мне о своей жене, и я не знаком с ней... все время речь заходила о вас. Ну, вернемся к работе.

Парень даже не подозревал, что своими словами бросил бомбу в середину комнаты.

Сердце Лиззи застучало в два раза быстрее, и она спросила:

— Простите, но вы сказали... не знали, что он был женат?

Мужчина взглянул на нее.

— Да, он никогда не приводил женщин. Ни разу за два года, он просто спал один на моем диване. Я узнал о том, что он женат, лишь пару дней назад, когда он позвонил мне.

— Но должно быть вы встречались с ней, когда она навещала его, верно?

— Навещала его!?! Дорогая, его никогда и никто не навещал... я знаю, потому что он фактически не выходил из квартиры. Мы играли в покер всю ночь, я шел на работу,

возвращался, а он спал на моем диване в точно таком же положении, как я его оставил. Он ни с кем не встречался, и никому не звонил. И за два года никто к нему не приезжал, и он никуда не выезжал. Он сидел в квартире и пил. И, если честно, я уже подумывал, что следующим его обитанием станет палата в больнице в отделении диализа.

— О.

Мужчина приподнял бровь, как бы спрашивая, желает ли она еще что-нибудь узнать.

— Спасибо, — сказала она.

— Спасибо за цветы. Мне никогда раньше женщина не приносила цветы.

И он вернулся к работе, хмуро посматривая на экран.

Лиззи в полном оцепенении вышла из комнаты, напомнив себе, чтобы не пнуть дверь ногой.

Постояв немного в коридоре, она посмотрела на комнату мистера Болдвейна.

Никаких посетителей, никаких телефонных звонков. Два года в Нью-Йорке на диване своего давнего друга.

И Шанталь вдруг забеременела.

Якобы от Лейна.

Лиззи пошла вперед даже не осознавая, что она делает. Но прежде чем поняла, она уже поставила поднос с пустыми тарелками на ковер перед номером и на цыпочках прошла вперед. У двери мистера Болдвейна, она приложила ухо к деревянной панели и прислушалась.

Было тихо, но она все равно постучала.

Ответа не последовало, и она проскользнула внутрь, также тихо закрыв за собой дверь.

В комнате в воздухе весело что-то ужасающее. Но по сути, она вторглась сюда совершенно незаконно, поскольку у нее не было уважительной причины здесь находиться.

По крайней мере, уважительной причины, связанной с ее работой.

Оглянувшись вокруг и прислушавшись, нет ли кого в ванной комнате или в других местах, она напрямик направилась к огромной кровати.

Опустившись на колени, она растянулась на полу, залезая под кровать.

Клочок шелка по-прежнему лежал там.

Лиззи протянула руку...

Тук, тук, тук.

— Полотенца, мистер Болдвейн.

С силой рванув под кровать, Лиззи, спрятала ноги, опустив сверху покрывало донизу, как тут же вошла горничная.

Лиззи слышала, как женщина передвигалась по комнате, направляясь в ванную.

«Пожалуйста, только не нужно пылесосить и убираться, — подумала Лиззи, лежа в темноте под кроватью. — Повесьте эти полотенца и уходите».

«Повесьте полотенца», — повторяла она про себя, как молитву.

Господи, ее сердце так сильно колотилось, удивительно, как горничная не услышала его стук.

Спустя несколько минут случилось чудо, и шаги проследовали к двери, которая закрылась.

Лиззи выдохнула и закрыла глаза. Ладно, видно следующей ее профессией будет домушник, после того, как она уволится из Истерли.

Схватив нижнее белье, она засунула его под резинку брюк, прикрыв сверху рубашкой.

Затем выползла из-под кровати, поднялась на ноги и отряхнулась.

Подойдя к двери, она услышала... как пылесос заработал в коридоре.

Внизу в комнате мисс Авроры, Лейн изо всех сил пытался побороть яйца с беконом.

— Ты не обязан устраивать прощание, — сказала она, сев рядом с ним.

— Не думал, что я когда-нибудь услышу от тебя такие слова.

— С сегодняшнего дня правила изменились.

Он откинулся на спинку кресла и окинул взглядом ее маленькую кухню. Грязная посуда была вымыта и засунута в сушку. Губка лежала в специальной миске. Кухонное полотенце аккуратно висело на ручке духовки.

— Думаешь преподобный Найс проведет панихиду? — спросил он. — В баптистской церкви Чарлмонта?

Мисс Аврора резко вскинула голову.

— Ты серьезно?

— Это моя церковь, а также Эдварда, Джинны и Макса, — он посмотрел на нее. — Именно ты водила нас туда, чтобы приобщить к пастве.

— Думаю для него это будет честью.

— Хорошо. Я позвоню ему.

Они замолчали, Лейн уставился прямо перед собой, на самом деле, ничего не видя и не слыша. Его голова была совершенно чиста от мыслей. Он был каким-то оцепеневшим, продолжая реагировать на окружающий мир, в котором фактически не жил в данный момент.

— Я не дам тебе свое благословение.

Он вздрогнул и перевел на нее взгляд.

— Прости?

— Я не дам тебе своего благословения, если ты захочешь уехать.

Лейн нахмурился и открыл рот, потом решил ничего не говорить.

Смешно, он не произнес этого вслух, но она знала его гораздо лучше, чем кто-либо.

— У нас не сложилось с Лиззи... опять. Отец мертв. Эдвард скрывается у себя в конюшнях. Мать... ну, ты и сама знаешь. Джина собирается выйти замуж за этого идиота и, скорее всего, забрать Амелию с собой. Эпоха закончилась, мисс Аврора. И честно могу тебе сказать, сможем ли мы вообще остаться на этой земле в будущем, в Истерли..., — он махнул рукой, имея ввиду поместье и всех людей, а также все здания. — Истерли это уже часть прошлого, и ты же знаешь, я не могу здесь жить. Оно отравлено. Здесь все отравлено — наша семья, дом, образ жизни.

Мисс Аврора отрицательно покачала головой.

— Ты смотришь совсем не с того ракурса.

— Я вижу все очень четко.

Мисс Аврора наклонилась вперед на своем стуле и протянула руки.

— Пришло... твое время, Лейн. Бог сделал все это, чтобы ты выполнил свой священный долг — сохранил эту семью. Ты единственный, кто сможет это сделать. Теперь все встало на свои места, это твоя судьба — снова связать поколения. Такое происходит через каждые несколько столетий, чтобы поколения почувствовали свои истоки. Именно это творится и сейчас. Это твое время.

Лейн посмотрел на свои руки, темная рука соединялась с его белыми пальцами.

— Все это должен был сделать Эдвард, ты же знаешь?

— Нет, тогда бы он не был бы таким, как сейчас, — голос мисс Авроры набирал силу. — Я воспитывала тебя быть лучшим, а не быть трусом, Лейн. Я воспитывала тебя для самого лучшего, а не бросить все и убежать. Если ты хочешь отдать мне дань уважения, особенно, когда я уйду, ты возглавишь эту семью и выведешь ее вперед... причем объединив. Я проделала свою священную работу с тобой, и ты мой самый любимый сын, проделаешь это со своей семьей.

Лейн закрыл глаза и почувствовал, как внезапная тяжесть разлилась по всему телу, словно стены и крыша Истерли опустилась на его плечи.

— Ты сделаешь это ради меня, Лейн? Потому что, если ты откажешься, то все, что я вложила в тебя, не стоит и выеденного яйца. Если ты откажешься, то я потерпела полную неудачу, прививая тебя все лучшее.

Внутри он кричал.

Мысленно он представлял себя, сидящим уже в самолете, который вылетал хоть куда-нибудь, не важно куда, но главное подальше от Чарлмонта.

— Бог не дает нам больше, чем мы можем вынести, — тихо сказала она.

«А что если Бог совсем нас не знает, что мы можем, а что нет, — подумал Лейн про себя. — Или еще хуже... что, если у Бога совершенно неправильный план?»

— Я не знаю, мисс Аврора.

— Хорошо, я поняла, но ты не должен подвести меня, сын. Ты не должен.

Истинное определение бесконечности решила Лиззи, когда ты застряла где-то, где явно не должна находиться.

Трусики, который к ней не имел никакого отношения, спустились вниз, застряв в ее чертовых трусах.

Как только затихли голоса в коридоре, она выждала еще пять или десять минут, прежде чем продолжила свой путь, высунув голову.

«Время ланча, — подумала она. — Слава Богу».

Быстро передвигаясь по коридору, она закрыла за собой дверь и замерла, прислушавшись.

Она собиралась пойти в номер Шанталь, мимо комнаты Джинны.

Она постучала, не получив ответа. Но рядом была комната другой женщины, не так ли?

Войдя внутрь, она закрыла дверь.

— О, Боже, — пробормотала она, пытаясь усиленно вздохнуть, от чего крылья носа раздувались.

Запах модных духов был настолько сильным, что у нее потекли слезы, но ее так просто не возьмешь. Рванув в гардероб Шанталь, она уставилась на шкафы, занимающие достаточно большое пространство, они запросто могли конкурировать с отделом в Nordstrom или Saks. Или же с одним из мест любого члена семьи.

Боже, неужели она действительно собиралась такое совершить?

Скорее всего идея сама по себе была уже глупой, решила она, начиная просматривать нижнее белье, приподнимая шелк и атласные кружева. Потом пошли костюмы, куртки, платья, еще платья, а она все искала и искала.

— Где ты хранишь свое белье, Шанталь...?

Конечно, в ящичках.

По середине комнаты стоял комод, весь усеянный всевозможными ящичками, она начала наобум их открывать.

«Допустим, это действительно глупо», — подумала она. Неужели она действительно собирается найти верх от этого...

Она рылась уже в третьем ящике снизу, с левой стороны, когда обнаружила то, что искала.

Вторую часть комплекта.

В ящичке, лежали комплекты, аккуратно переложенные бумагой друг под другом, она нашла трусики, которые однозначно были частью... фиолетовой ночнушки, валявшейся под кроватью Уильяма Болдвейна.

Но чтобы окончательно убедиться, что она не ошиблась, Лиззи положила две вещи рядышком на густой белый ковер. Тот же размер, та же марка — Ла Перла — все то же самое, за исключением цвета.

Лиззи села на задницу и пару минут внимательно разглядывала собранный комплект.

И вдруг она увидела пятно на ковре.

В дальнем конце комнаты, у окна, выходящего в сад, стояло изысканное трюмо, служившее для макияжа при естественном освещении.

И у одной из ножек растекалось по ковру ужасное желтое пятно.

Такие пятна, как правило встречаются, если у вас в доме присутствуют собаки.

Но в Истерли не было собак.

Передвигаясь на коленях, она юркнула под стол и провела ладонью по пятну на ковре.

Оно высохло, поднеся пальцы к носу... да, она почувствовала запах духов.

Нахмурившись, Лиззи поднялась с колен.

— Господи, — прошептала она.

Зеркало трюмо треснуло по центру с трещинами, расходившимися во все стороны, как паутина.

В центре виднелась кровь.

«Пора убираться отсюда», — подумала она про себя.

Вернувшись к белью, которое она разложила на ковре, она вернула фиолетовый верх, откуда взяла, и быстро протерла все ручки персиковым шелком, пытаясь стереть свои отпечатки пальцев с ящика.

Она не собиралась давать повод полиции, обнаружить ее пребывание здесь, словно она что-то вынюхивала, так сказать...

Лиззи замерла от звука мужского голоса... который слышался из комнаты Джин, располагавшейся по соседству.

Беседу вели двое, причем громко.

Приблизившись к стене, она приложила ухо рядом с картиной французского художника, изображавшего какую-то женщину в стиле ню.

— Меня не волнует, — раздался голос Джини совершенно отчетливо. — Пойдем в мэрию.

— Твой отец умер.

Лиззи отшатнулась, прикрыв рукой рот:

— Что?

Ричард Пффорд продолжил:

— Мы подождем и поженимся после похорон.

— Я не горюю о нем.

— Конечно, ты не горюешь. Для этого нужно сердце, а мы оба знаем, что у тебя этот орган отсутствует.

Лиззи отступила, потом еще сделала пару шагов назад, уперевшись спиной в комод.

Она еще пару раз вытерла поверхность и пошла к двери. Ее сердце так громко стучало, что она даже не могла отчетливо слышать окружающие звуки, но ей было все равно. Если ее поймут, что они с ней сделают?

Она могла всегда сказать, что проверяла в порядке ли цветы в комнате.

Но в коридоре никого не было.

Фактически ничего перед собой не замечая, она на автомате направилась к лестнице для персонала, у нее путались мысли, врезаясь друг в друга, разлетаясь на осколки.

Но ей все-таки удалось прийти к одному неизбежному выводу — она совершила ужасную ошибку, за которую ее простить было практически невозможно.

Спустившись на первый этаж, она остановилась, как вкопанная. И через пару секунд поняла, что стоит напротив офиса Розалинды, да, другого места она выбрать не могла.

Уильям Болдвейн тоже был мертв.

«Как? — задалась она вопросом. — Что с ним случилось?»

Мысли со скоростью света проносились у нее в голове, она вспомнила Лейна в

оранжерее, с напряженным выражением лица и без жизненным голосом. Потом, слова его друга, что к нему за два года никто не приходил и никто не звонил, несмотря на то, что Шанталь объявила о беременности.

И треснувшее зеркало наверху, словно от взрыва бомбы и нижнее белье под кроватью Уильяма Болдвейна.

И потом она четко вспомнила Шанталь у бассейна в то утро, когда она настояла, чтобы Лиззи принесла ей лимонад.

Она была одета в шелковый пеньюар, тогда она не обратила на это внимание, но сейчас все встало на свои места...

Она уже тогда знала, что беременна и не хотела показывать этого. И именно поэтому она попросила без алкоголя.

Шанталь спала с Уильямом Болдвейном. Обманывая своего мужа с его отцом, отчего и забеременела.

«Должно быть, она сообщила об этом Уильяму после Дерби», — подумала Лиззи.

И мужчина потерял контроль — ударил ее в гардеробной.

А потом сказал убираться из дома или что-то в этом духе.

Покачав головой, Лиззи приложила ладони к пылающим щекам, старясь медленно дышать.

Единственная мысль, засевшая у нее в голове, как она осудила Лейна, но тогда она очень боялась, что ей опять придется испытать эту ужасную боль...

... теперь же существовала очень, очень большая вероятность, что на самом деле, он не имел к этому не малейшего отношения.

Всплеснув руками, она даже не знала какими словами все сможет объяснить. Как только она приняла решение, взглянула на часы. Если она поспешит...

Переходя на бег, она пронеслась через кухню, мисс Аврора оторвалась от плиты.

— Куда ты несешься? — спросила женщина. — На пожар?

Лиззи остановилась у двери, ведущей к гаражам.

— Я должна съездить в Индиану, если ты увидишь Лейна, скажи ему, что я вернусь. Я вернусь!

«Здесь довольно мило», — подумал Лейн, усевшись в саду на скамейку.

Глядя на увитые плющом стены и ухоженные клумбы, на сверкающий голубой водой бассейн и французские двери бизнес-центра, он представил себе всю ответственность, которую взвалил себя на плечи, чтобы сохранить всю эту «природную» красоту.

У него тут же возникла Лиззи перед глазами, но он отогнал мысли о ней.

Не стоит беспокоиться еще и об этом.

Наклонив голову, он потер глаза. Самуэль Ти звонил ему и оставил сообщение по поводу ситуации с Шанталь, и он должен был ему перезвонить. Митч также оставил сообщение, скорее всего, о предварительных результатах вскрытия. А Джефф разобрался в финансовой отчетности.

Шли приготовления к похоронам.

Но у него не было сил, справляться со всем этим.

«Черт побери, мисс Аврора, — подумал он. — Отпусти меня, позволь мне уехать подальше от этого дерьма».

Он очень любил эту женщину, и знал, что задолжал ей намного больше. И все же, несмотря на то, что он считал ее своей матерью, которая все время его направляла и поддерживала, он не хотел оставаться здесь и продолжать бороться.

Подняв глаза на невероятный ландшафт Истерли, простирающийся насколько хватало глаз, он взглянул на особняк, как бы оценивая всю недвижимость. Несмотря на залоговый договор Саттон Смайта, при продаже всего этого имущества, они могли бы погасить большую часть долга Трастового фонда.

Черт, его отец умер, может ему стоит поехать к Саттон и попросить не переводить деньги, разорвав договор?

«Эдвард, — подумал он. Он пошлет Эдварда, — пусть он это сделает».

А может и не стоит. Пусть все идет, как идет.

Возможно, вместо того, чтобы лететь на сломанном самолете, в котором они все находились, лучше позволить совершить крушение, врезавшись, черт побери, в склон горы?

Пусть он будет трусом в глазах своей мамы, но по крайней мере, все закончится быстрее, чем пытаться дергать за рычаги, пытаясь приземлиться на какую-нибудь взлетно-посадочную полосу внизу...

— Лейн?

Он закрыл глаза. Отлично, у него уже начались галлюцинации.

Он еще раз услышал голос Лиззи:

— Лейн?

Осматриваясь по сторонам, сидя на каменной скамейке, он увидел ее... она стояла в паре шагов от него.

В свете заходящего солнца, она была прекрасна, какой и всегда была. Естественно, красивой, с ее яркими голубыми глазами и выгоревшими прядями волос на солнце, и в униформе Истерли, которая совсем была не сексуальной, но на ней выглядела сексуально.

— Лейн, я могу с тобой поговорить?

Он откашлялся, тут же выпрямившись.

— Да, конечно. Что ты хочешь? Рекомендации, я попрошу дворецкого...

— Мне жаль, — ее голос дрогнул, она глубоко вздохнула. — Прости.

Она...

— О, ты о моем отце, — он пожал плечами. — Ты где-то что-то слышала. Да, он умер. Похороны через неделю. Спасибо.

— Я говорю не об этом. Хотя, мне жаль, что ты потерял отца. Знаю, у тебя с ним были не очень хорошие отношения, но все равно тяжело.

— Ну, я явно преуспел в не очень хороших отношениях. У меня получается как-то создавать, все отношения не очень хорошими.

Даже для его собственных ушей, голос звучал обманчиво, он никогда так не говорил, да и не хотел такое говорить.

«Эдвард, — подумал он оцепенело. — Я точно стал говорить, как Эдвард».

Лиззи подошла к нему, и он удивился, когда она опустилась перед ним на колени. И она...

— Почему ты плачешь? — спросил он. — С тобой все в порядке...

— Боже, как ты можешь спрашивать? После того, что я сделала...

— О чем ты говоришь...

Они как обычно беседовали друг с другом, хотя он до конца не понимал, что она хотела ему сказать, поэтому замолчал в надежде, что она объяснит.

— Я была неправа, — выдохнула она на одном дыхании. — Прости, что я не доверяла тебе по поводу Шанталь. Я боялась, что опять испытаю боль и сделала ошибочные выводы, и о Боже, я знаю, что у твоего отца были с ней отношения. И похоже именно он ее избил, и она от него забеременела. Прости меня.

У нее текли слезы по щекам, Лейн дернулся и моргнул, на большее он был не способен.

Господи, его мозг не в состоянии был обработать еще и эту информацию. Он никак не мог понять, о чем она говорит...

Вдруг Лиззи из-за спины вытащила сложенные бумаги.

— К сожалению, здесь не так много, — сказала она. — Я слишком сильно обидела тебя, и решила сделать... что-то конкретное, чтобы доказать, что я на самом деле с тобой и люблю тебя, и я... на самом деле на твоей стороне.

Она протянула ему листки.

— Мне лучше не объяснять, а отдать это тебе.

Лейн отрицательно покачал головой.

— Лиззи, я не понимаю, о чем...

— Возьми их, — тихо сказала она.

Он протянул руку и забрал бумаги, он не мог сформулировать мысль, почему не должен их брать. Быстро пролистав кипу бумаг, он дошел чуть ли не до последней страницы и увидел цифры...

И карту местности на следующем листе.

— Это документы на мою ферму, — прошептала она. — Знаю, что по сравнению с тем, что имеешь ты, это совсем не много. Но это все, что у меня есть.

— Я не понимаю, — произнес он.

— Тебе пришлось столкнуться с денежными проблемами, конечно, моя ферма не поможет погасить весь долг. Но она стоит немало, и на эти деньги ты сможешь нанять хороших адвокатов, которые помогут тебе во всем разобраться, — она кивнула на документы. — Я вчера выплатила всю ипотеку, теперь ничего не должна. И до сегодняшнего

дня я все равно хотела ее продать, поэтому она твоя, и эта землю сейчас в цене.

У него перехватило дыхание, сердце остановилось.

Душа распалась на две половинки.

— Я люблю тебя, Лейн. Прости, что сомневалась и не доверяла тебе. Я чувствую...

Господи, ты даже не можешь себе представить, насколько плохо я себя чувствую. Позволь мне заглядить перед тобой свою вину таким способом. Или... можешь бросить в меня этими бумагами, если хочешь. Я не буду винить тебя. Но я должна была сделать для тебя что-то стоящее — предложив... все, что у меня есть и все, что я могу...

Лейн потянулся к ней.

Она прислонилась к его груди.

Он полностью потерял голову, заключив ее в свои объятия, и все проблемы и скрывающаяся боль дала трещину, словно прорвалась плотина, разразившись рыданиями.

Лиззи прижалась к нему и крепко сжала его сотрясающееся тело в своих руках, своим любящим сердцем долго удерживая его в своих объятиях.

— Все будет хорошо, — бесконечно повторяла она. — Обещаю тебе... все как-то разрешится и все будет хорошо.

Он, наконец, отстранился от нее, желание тут же возобладало в нем, благодаря чему он убедился, что по-прежнему был мужчиной. Но казалось, что Лиззи совершенно не волновала проявленная им слабость.

Он вытер ее лицо от слез и поцеловал.

— Я люблю тебя, Лиззи, — он покачал головой. — Но я не знаю есть ли у меня Бог.

— Что?

Лейн прерывисто вздохнул.

— Так мисс Аврора всегда говорит мне.

— А что она говорит?

Он снова поцеловал свою женщину.

— У меня есть Бог, говорит она, и ты... и это делает меня богатым не по средствам.

Он опять прижался к ней, но при этом посмотрел на Истерли.

«Черта с два я теперь на раздолбанном самолете собираюсь врезаться в горы», — подумал он.

В данный момент... он почувствовал, что стал главой семьи, как и говорила его мисс Аврора.

И будь он проклят, если, черт побери, что-то пойдет не так, потому что сейчас пришло его время.

Больше книг на сайте - Knigolub.net